

ФЕДЕРАЛЬНЫЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ ЦЕНТР
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
ИНСТИТУТ ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

НАУЧНЫЙ СОВЕТ «ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ И МИГРАЦИОННЫЕ
ПРОБЛЕМЫ РОССИИ»
ПРИ ОТДЕЛЕНИИ ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК РАН

III ВСЕРОССИЙСКИЙ
ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ ФОРУМ
С МЕЖДУНАРОДНЫМ УЧАСТИЕМ

ДЕКАБРЬ

3-4

2021 г.

Федеральный научно-исследовательский социологический центр
Российской академии наук
Институт демографических исследований

Научный совет «Демографические и миграционные проблемы России»
при Отделении общественных наук РАН

**III ВСЕРОССИЙСКИЙ ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ ФОРУМ
С МЕЖДУНАРОДНЫМ УЧАСТИЕМ**

Материалы форума
(Москва, 3–4 декабря 2021 г.)

Москва
2021

УДК 314(063)
ББК 60.7я431
Т66

Утверждено к печати Ученым советом ФНИСЦ РАН

Рецензенты:

чл.-кор. РАН *В. Н. Иванов*
д-р полит. наук *Г. И. Климантова*

Редакционная коллегия:

д-р социол. наук *Т. К. Ростовская (отв. ред.)*,
Е. М. Моисеева (отв. секр.),
чл.-кор. РАН *С. В. Рязанцев*,
д-р экон. наук *А. Е. Иванова*

Т66

III Всероссийский демографический форум с международным участием: материалы форума (Москва, 3–4 декабря 2021 г.) / Отв. ред. Т. К. Ростовская ; ФНИСЦ РАН. – М. : ФНИСЦ РАН, 2021. – 291 с. URL: <https://www.fnisc.ru/publ.html?id=10027>.
ISBN: 978-5-89697-373-7
DOI: 10.19181/forum.978-5-89697-373-7.2021

Сборник материалов III Всероссийского демографического форума с международным участием включает тезисы докладов и выступлений по широкому спектру вопросов, связанных с новыми подходами и тенденциями в части реализации национальной цели «сбережение народа России и развитие человеческого потенциала», указанной в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, утвержденной Указом Президента РФ в июле 2021 года. Достижение указанной национальной цели основано на реализации ряда задач, среди которых повышение рождаемости, формирование мотивации к многодетности, самосохранительного поведения российского населения.

Сборник представляет интерес для специалистов в сфере семейно-демографической и миграционной политики, научно-образовательного сообщества, исследователей в области охраны здоровья и самосохранительного поведения.

УДК 314(063)
ББК 60.7я431

ISBN 978-5-89697-373-7

© Авторы, текст 2021
© ФНИСЦ РАН, 2021

СОДЕРЖАНИЕ

СЕКЦИЯ I СЕМЬЯ И РОЖДАЕМОСТЬ

Араловец Н. А. Частные домохозяйства в России по переписям населения 2002 г. и 2010 г.: тип, величина, дети	7
Атаева М. А. Определение влияния экономических факторов на репродуктивные планы населения	11
Безрукова О. Н., Самойлова В. А. Ответственное отцовство как фактор снижения отказов от новорожденных	15
Бородина Т. Л., Литвиненко Т. В. Региональные особенности рождаемости сельского населения России	19
Вавилова А. С. Роль корпоративной демографической политики в поддержке семьи и развитии человеческого потенциала	26
Васильева Е. Н., Абашкина Е. В. Социально-экономические факторы, влияющие на рождаемость в Волгоградской области	30
Вдовина М. В. Исследование семей методом социологического опроса: возможности повышения эффективности	35
Грошева Л. И., Грошев И. Л. Специфика отражения семьи в славянских и тюркских системах ценностей	40
Еламанова А. С., Ростовская Т. К., Авсыдыкова К. А. Институт семьи и причины появления одинокого материнства	44
Злотников А. Г. Проблемы реализации государственной программы демографической безопасности Республики Беларусь	49
Кулькова И. А. Влияние психологической готовности к рождению детей на репродуктивное поведение женщин	54
Кучмаева О. В., Золотарева О. А. Концептуальные основы российской модели семейной политики	58
Микрюков Н. Ю., Мирязов Т. Р., Смирнов О. О. Региональная проекция рождаемости в России: дифференциация, динамика, факторы	62
Нешатаев А. В., Багирова А. П. Репродуктивные ориентации населения депрессивной территории: факторы и прогнозы	67
Резер Т. М., Григоренко Я. А. Институт семьи как социальная ценность государства	72
Ростовская Т. К. Семейно-демографическая политика в страновом разрезе	76
Секички-Павленко О. О. Влияние возрастной структуры на динамику рождаемости: на примере Республики Дагестан и Свердловской области	81
Сивоплясова С. Ю. Государственная демографическая политика России в условиях кризиса института брака	85

Сигарева Е. П. Особенности второго этапа депопуляции и меры по его преодолению	88
Скрябина Я. А. Реализация репродуктивных планов и мотивы рождения детей (по материалам социологического исследования)	94
Солодников В. В. Свадьба как фактор успешности брака молодых супругов: опыт измерения	100
Судьин С. А., Егорова Н. Ю., Курамиев А. В. Перспективы роста рождаемости: анализ демографической ситуации Нижегородского региона	105
Уваров С. Н. Наращение кризиса семьи в конце 1980-х – начале 1990-х гг. (на материалах Удмуртии)	110
Черешова С. В. Самоидентификация субъектов родительского труда в современной России: точка отсчета	113
Шевченко И. О. Тенденции и противоречия в развитии института отцовства в современной России	117
Шубат О. М., Багирова А. П. Российские дедушки и потенциал активизации их прародительской роли	121

СЕКЦИЯ II

ЗДОРОВЬЕ И САМОСОХРАНИТЕЛЬНОЕ ПОВЕДЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ

Ажигулова А. И. Санитарно-просветительская работа органов здравоохранения среди населения Южного Урала в 1920–1930-е гг.	126
Астратова Г. В. К вопросу о эйджизме и гендерной дискриминации женщин третьего возраста	130
Богданов И. Я., Розанов В. А. Демографические и социально-экономические аспекты превенции суицидов в России в современных условиях	135
Вангородская С. А. Специфика детерминации самосохранительного поведения в обществе риска	139
Волкова О. А. Потенциал неправительственных организаций в медико-социальной помощи населению стран – членов ЕАЭС	143
Гололобова Т. В., Суранова Т. Г., Филатова М. Н., Орлова С. Ю. Результаты социологического опроса об отношении населения к профилактике COVID-19	147
Дмитриева Ю. В. Продолжительность жизни в рамках изучения феномена долгожительства	151
Доброхлеб В. Г. Демографическое старение России в период второго этапа депопуляции	156
Дорофеев М. Л. Актуальные проблемы регулирования социально-экономического неравенства домохозяйств и пути их решения	159
Землянова Е. В. Анализ помесечной динамики смертности в Москве и Санкт-Петербурге в период пандемии COVID-19	162

Лисицин В. И. Региональные тенденции динамики причин насильственной смертности (на примере Новгородской области)	168
Лопалева В. А. Факторная составляющая продолжительности жизни в регионах	174
Медведева Е. И., Крошилин С. В. Социальное самочувствие молодежи в условиях пандемии	180
Семенова В. Г., Иванова А. Е., Сабгайда Т. П., Зубко А. В., Евдокушкина Г. Н. Первые последствия пандемии COVID-19 в мегаполисе: рост алкоголизма и наркомании как результат социального стресса	184
Тихонова Г. И., Горчакова Т. Ю. Смертность мужского населения в странах ЕС и России	189
Цыбикова Э. Б., Гадирова М. Э. Заболеваемость туберкулезом среди трудовых мигрантов в России	193
Mehdi Afzali, Ali Shakeri The age structure of Iran: Is Iran aging?	196

СЕКЦИЯ III МИГРАЦИЯ И МИГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ

Безвербный В. А., Фомин М. В., Мирязов Т. Р. Трансформация системы расселения в Дальневосточном и Сибирском федеральном округе: сценарии развития	201
Брагин А. Д. Образ современной России в глазах молодежи: результаты социологического исследования	209
Вартанова М. Л. Рынок труда в странах Евразийского экономического союза в период макроэкономической неопределенности	212
Исповедников Д. Ю. Российский опыт целевого набора иностранных рабочих в статистике 2020–2021 гг.	218
Козлова О. А. Факторы адаптации населения к социально-экономическим переменам	226
Колесникова Ю. С. Демографические и миграционные проблемы Ханты-Мансийского автономного округа – Югры	230
Красинец Е. С., Шевцова Т. В. О последствиях пандемии COVID-19 для трудовой миграции в Россию	231
Куконков П. И. Демографическая ситуация и миграционные потоки в Нижегородской области	238
Лакомова А. А. Специфика социальной адаптации молодых трудовых мигрантов (на примере Нижегородской области)	243
Леденева В. Ю. Как уехать «на материк»: миграционные процессы в городах Российского Севера на примере г. Норильска	247
Лукьянец А. С., Гарибова Ф. М. Социально-экономические и демографические последствия глобального изменения климата для Дальнего Востока России	251

Мотрич Е. Л.	
Миграция и ее роль в демографическом развитии Дальневосточного региона	256
Осадчая Г. И.	
Кыргызская молодежь в Московской агломерации: адаптационный потенциал	260
Ракачев В. Н., Ракачева Я. В.	
Миграционный обмен между Арменией и Россией: структура и направленность миграционных потоков	264
Рыбаковский Л. Л., Кожевникова Н. И.	
Стратегия демографического развития современной России и ее внешнеполитическая обусловленность	268
Рыбина Ю. В.	
Методологические подходы к оценке миграционной привлекательности регионов РФ в послепандемийном пространстве	272
Садовская Е. Ю.	
Может ли миграция из Узбекистана стать ресурсом пополнения населения и рабочей силы в России?	277
Ходячих С. С.	
Международная миграция из стран СНГ как фактор социально-демографического развития современной России	285
Rakhmonov A. Kh.	
The policy of the Russian Federation to attract migrant children to education as a contribution to the future of Russia	289

СЕКЦИЯ I
СЕМЬЯ И РОЖДАЕМОСТЬ

УДК 314

DOI: 10.19181/forum.978-5-89697-373-7.2021.1

**ЧАСТНЫЕ ДОМОХОЗЯЙСТВА В РОССИИ ПО ПЕРЕПИСЯМ
НАСЕЛЕНИЯ 2002 Г. И 2010 Г.: ТИП, ВЕЛИЧИНА, ДЕТИ**

Араловец Н. А., доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН, Москва, Россия, e-mail: aralovetz@yandex.ru.

***Аннотация.** В статье на основе данных переписей населения 2002 г. и 2010 г. рассматриваются частные домохозяйства с двумя и более супружескими парами. Показывается доминирование в городах и сельских местностях России частных домохозяйств с одной супружеской парой с детьми и без детей. Изучаются особенности демографических параметров частных домохозяйств. Отмечается дальнейшая их нуклеаризация.*

***Ключевые слова:** переписи населения, частные домохозяйства, тип, величина, число детей.*

**PRIVATE HOUSEHOLDS IN RUSSIA FROM 2002
AND
2010 CENSUSES: TYPE, SIZE, CHILDREN**

Aralovets N. A., Doctor of Historical Sciences, Leading Researcher, Institute of Russian History RAS, Moscow, Russia, e-mail: aralovetz@yandex.ru.

***Abstract.** The article considers private households with two or more married couples based on the data of the population censuses of 2002 and 2010. The article shows the dominance of private households with one married couple with and without children in cities and rural areas of Russia. The features of the demographic parameters of private households are studied. Their further nuclealization is noted.*

***Keywords:** population censuses, private households, type, size, number of children.*

Сложная демографическая ситуация в России повлияла на демографические параметры частных домохозяйств, состоящих из двух и более человек. Это явление было зафиксировано в данных переписей населения 2002 г. и 2010 г.

В городах Российской Федерации наиболее распространенным типом частных домохозяйств были домохозяйства, состоявшие из *одной супружеской пары с детьми или без детей*. В общем числе частных домохозяйств их было в 2002 г. – 52,7%, в 2010 г. – 50,8%. Семейные ячейки, входящие в данные частные домохозяйства, были простыми (нуклеарными) и полными. Из данных переписей населения видно численное сокращение частных домохозяйств с одной супружеской парой с детьми или без детей таких семей [1, с. 24; 2, с. 25 (подсчеты автора)]. Для сравнения отметим, что в 1970 г. этот тип семьи составлял 63,9%, в 1979 г. – 65,8% [4, с. 238, 252–255; 5, с. 8–9, 216–219, 272–275].

В сельских местностях частные домохозяйства с одной супружеской парой с детьми или без детей были распространены больше, чем в городах: в 2002 г. – 61,1% (от общей

численности всех сельских домохозяйств), в 2010 г. – 56,0%. Вместе с тем за переписной период их число, как и в городах, понижалось.

Переписи населения зафиксировали неполные частные домохозяйства, состоящие из *матери (отца) с детьми*, в основном вдов и вдовцов, разведенных женщин и мужчин, а также женщин, родивших ребенка вне брака. Такие частные домохозяйства получили распространения в городах больше, чем в сельских местностях, несмотря на их численное повышение. В городах и сельских местностях численно преобладали частные домохозяйства, состоящие из *матери с детьми*: в городах в 2002 г. – 14,6%, в 2010 г. – 14,4%; в сельских местностях – 11,1% и 11,7%. Частные домохозяйства, состоящие из *отца с детьми* соответственно – 1,7% и 1,8%; 1,2% и 1,5%. В то же время переписи населения отразили их численное повышение.

Частные домохозяйства, состоящие из *одной супружеской пары, с детьми и без детей и одного из родителей супругов* были малочисленны. Это явление было характерно и для городов, и для сельских местностей. Данный тип частного домохозяйства составлял: в городах в 2002 г. – 4,8%, в 2010 г. – 4,5%; в сельских местностях – 5,4% и 5,1%. Важно отметить сокращение их числа в межпереписной период.

Заметно меньше число частных домохозяйств с *одной супружеской парой, с детьми и без детей и матери (отца) с детьми*: в городах их было в 2002 г. – 2,8%, в 2010 г. – 2,9%; в сельских местностях – 2,7% и 3,6%. Однако в 2010 г. в сельских местностях их число увеличилось. Эти частные домохозяйства можно считать переходными от сложных к простым.

В городах и сельских местностях число сложных частных домохозяйств, состоящих из двух и особенно из трех супружеских пар в целом было небольшое. Кроме того, за межпереписной период в городах частные домохозяйства, состоящие из *двух супружеских пар, родственников (или без них) и не родственников (или без них)* численно не изменились: 2002 г. – 0,3%, 2010 г. – 0,3%. Однако в сельских местностях отмечалось их численное увеличение соответственно – 3,7% и 4,1%. Частные домохозяйства, состоящие из *трех супружеских пар, родственников (или без них) и не родственников (или без них)* в городах составляли в 2002 г. – 0,1%, в 2010 г. – 0,1%; в сельских местностях – 0,2% и 0,3%.

Сложные неполные частные домохозяйства не имели распространения. В то же время домохозяйства, состоящие из *матери (отца) с детьми и одного из родителей матери (отца)*, за межпереписной период увеличились в городах с 3,1% в 2002 г. по 3,3% в 2010 г., в сельских местностях – с 1,9% по 2,2%. Частные домохозяйства, состоящие из *матери (отца) с детьми, одного из родителей матери (отца) (или без него), прочих родственников (или без них) и не родственников (или без них)*, сократились в городах с 3,8% по 2,5%, в сельских местностях – с 2,8% по 2,2% [1, с. 24–31; 2, с. 25–32 (подсчеты автора)].

Таким образом, за межпереписной период в городах и сельских местностях России широко были распространены частные домохозяйства, состоящие из одной супружеской пары с детьми и без детей. Эти типы частных домохозяйств численно сократились. Остальные типы частных домохозяйств были малочисленными.

Распространение в городах и сельских местностях простых частных домохозяйств обусловило их небольшую величину. К тому же в России величина частных домохозяйств сокращалась. Это явление отразилось в данных переписей населения, проведенных в России в 1959–2010 гг. Сокращение средней величины частных домохозяйств составляло (чел.): 1959 г. – 3,6; 1970 – 3,5; 1979 г. – 3,2; 1989 г. – 3,2; 2002 г. – 3,2; 2010 г. – 3,1 [3, с.; 5, с. 54–166; 6, с. 6–10; 2, с. 24–31; 2, с. 25–32 (подсчеты автора)].

В городах величина частных домохозяйств традиционно была меньше, чем в сельских местностях. В среднем величина частных домохозяйств составляла в 2002 г. в городах – 3,1 чел., в сельских местностях – 3,4 чел.; в 2010 г. – 3,1 чел. и 3,3 чел. В России в целом соответственно в 2002 г. – 3,2, в 2010 г. – 3,1 [1, с. 20, 24, 28; 2, с. 21, 25, 29].

Однако в отдельных регионах величина частных домохозяйств была выше общероссийских. Так, в Республике Ингушетия величина частных домохозяйств в среднем

составляла в 2002 г. – 7,2 чел., в 2010 г. – 6,0 чел. В Чеченской Республике соответственно – 5,6 чел. и 4,8 чел. [1, с. 93, 102; 2, с. 15, 16].

Величина частных домохозяйств самым непосредственным образом была связана с их типом. Низкую величину имели городские частные домохозяйства с *одной супружеской парой с детьми или без детей*: в 2002 г. в городах – 3,0 чел., в сельских местностях – 3,1 чел.; в 2010 г. – 2,9 и 3,0. Важно отметить, что в период между переписями населения величина этого типа домохозяйств сократилась.

Наиболее низкая величина была у неполных частных домохозяйств. Домохозяйства, состоящие из *матери с детьми*, имели в среднем величину в 2002 г. в городах 2,3 чел., в сельских местностях – 2,4 чел.; в 2010 г. – 2,2 чел., 2,4 чел. Домохозяйства, состоящие из *отца с детьми*, соответственно – 2,2 чел. и 2,4 чел.; 2,2 чел. и 2,3 чел.

Величина частных домохозяйств с *одной супружеской парой, с детьми и без детей и одного из родителей супругов* и особенно с *одной супружеской парой, с детьми и без детей и матери (отца) с детьми* была выше, чем домохозяйств с одной супружеской парой с детьми и без них, а также неполных частных домохозяйств, состоящих из двух и более чел. Вместе с тем данные переписей населения 2002 г. и 2010 г. показали незначительное снижение величины домохозяйств с *одной супружеской парой, с детьми и без детей и одного из родителей супругов*: в городах с 4,1 чел. в 2002 г. по 4,0 чел. в 2010 г.; в сельских местностях – с 4,3 чел. по 4,2 чел. За межпереписной период величина домохозяйств с *одной супружеской парой, с детьми и без детей и матери (отца) с детьми* в городах оставалась стабильной (4,6 чел.), в сельских местностях – сократилась с 5,1 чел. по 4,9 чел.

Сложные частные домохозяйства с двумя и более супружескими парами характеризовались увеличением величины по сравнению с простыми и особенно неполными частными домохозяйствами. Однако величина домохозяйств, состоящих из *двух супружеских пар, родственников (или без них) и не родственников (или без них)*, немного понизилась в городах с 5,6 чел. в 2002 г. по 5,5 чел. в 2010 г.; в сельских местностях осталась стабильной (6,1 чел.)

Величина частных домохозяйств, прежде всего, сельских, состоящих из *трех супружеских пар, родственников (или без них) и не родственников (или без них)*, значительно отличалась от остальных типов частных домохозяйств. Их величина составляла в 2002 г. в городах 9,0 чел., в сельских местностях – 10,3 чел.; в 2010 г. 8,7 чел. и 9,9 чел. В то же время из приведенных данных видно сокращение величины этого типа частных домохозяйств.

Сложные неполные частные домохозяйства были небольшими. Величина частных домохозяйств, состоящих из *матери (отца) с детьми и одного из родителей матери (отца)*, в городах оставалась стабильной (3,2 чел.), в сельских местностях – немного сократилась с 3,4 чел. в 2002 г. по 3,3 чел. в 2010 г.

За межпереписной период величина частных домохозяйств, состоящих из *матери (отца) с детьми, одного из родителей матери (отца) (или без него), прочих родственников (или без них) и не родственников (или без них)*, сократилась, особенно в сельских местностях. Из данных переписей населения видно, что их величина в городах сократилась с 3,9 чел. в 2002 г. по 3,7 чел. в 2010 г.; в сельских местностях – с 4,2 чел. по в 2002 г. по 3,8 чел. в 2010 г. [1, с. 24–38; 2, с. 25–32].

Таким образом, в период между переписями населения в городах и в сельских местностях величина частных домохозяйств оставалась в целом низкой. Наиболее высокая величина была в сложных частных домохозяйствах с двумя и более супружескими парами. Отмечалось поравнение величины частных домохозяйств.

Данные переписей населения зафиксировали наличие детей в возрастах моложе 18 лет в большинстве частных домохозяйств. Однако высокие показатели смертности, отрицательный естественный прирост населения оказали влияние на снижении числа детей в частных домохозяйствах. В городах и сельских местностях частных домохозяйств с детьми моложе 18 лет в 2002 г. было 51,7% (от общего числа всех типов домохозяйств), в 2010 г. – 44,1%. Это явление в городах проявлялось заметнее, чем в сельских местностях. В городах

частные домохозяйства с детьми в возрастах моложе 18 лет составляли в 2002 г. – 51,1% (от общего числа всех типов домохозяйств), в 2010 г. – 43,6%; в сельских местностях соответственно – 53,7% и 46,8%.

В городах и сельских местностях России преобладали частные домохозяйства с одним ребенком: в 2002 г. их было 65,2% (от общего числа домохозяйств моложе 18 лет), в 2010 г. – 65,5%. В городских частных домохозяйствах было зафиксировано доминирование домохозяйств с одним ребенком. В 2002 г. в городах частных домохозяйств с одним ребенком было 70,0% (от общего числа домохозяйств с детьми в возрастах моложе 18 лет), с двумя детьми – 25,8%, с тремя и более детьми – 4,2%. В 2010 г. отмечалось снижение числа домохозяйств с одним ребенком, тремя и более детьми и стабильное с двумя детьми: домохозяйства с одним ребенком составляли 69,4%, с двумя детьми – 25,8%, с тремя и более детьми – 4,8%. В сельских местностях в отличие от города за переписной период численно увеличились домохозяйства с одним ребенком, сократились с двумя детьми, остались неизменными с тремя и более детьми соответственно – 52,2%, 34,7%, 13,1%; 54,5% 32,4%, 13,1%.

Однако в Ингушетии и Чечне численно преобладали домохозяйства с тремя и более детьми. В Ингушетии такие домохозяйства составляли в 2002 г. 65,0%, в 2010 г. – 53,8%; в Чечне соответственно – 51,4% и 46,8%. Наряду с этим видно сокращение числа таких домохозяйств. За межпереписной период в этих республиках отмечалось численное увеличение домохозяйств с одним ребенком: в Ингушетии – с 15,5% в 2002 г. по 22,0% в 2010 г.; в Чечне – с 21,1% по 25,8%.

Средняя величина частных домохозяйств с детьми моложе 18 лет была выше величины всех домохозяйств. В городах и сельских местностях России такие домохозяйства имели в 2002 г. 3,8 чел., в 2010 г. – 3,8 чел.; в Ингушетии – 7,6 чел. и 6,7 чел.; в Чечне – 6,1 чел. и 5,7 чел. Тем не менее их величина сокращалась [1, с. 20, 24, 28, 93, 102; 2, с. 21, 25, 29, 161, 173 (подсчеты автора)].

Таким образом, за межпереписной период величина частных домохозяйств, состоящих из двух и более человек, сокращалась. Нуклеаризация этих домохозяйств осуществлялась за счет численного сокращения супружеских пар и поколений, а также детей.

Итак, данные переписей населения 2002 г. и 2010 г. видно, что в городах и сельских местностях России доминировали частные домохозяйства с одной супружеской парой с детьми и без детей. Однако в условиях преобладания уровня смертности над рождаемостью этот тип частных домохозяйств численно сокращался. Остальные типы частных домохозяйств были малочисленными. В городах и сельских местностях России отмечалось поравнение величины частных домохозяйств. Средняя величина этих домохозяйств в целом была низкой. К тому же из данных проведенных переписей населения видно ее сокращение. Величина частных домохозяйств, состоящих двух и более человек, также сокращалась. Все это свидетельствовало о дальнейшей нуклеаризации домохозяйств.

Список литературы и источников

1. Итоги Всероссийской переписи населения 2002 года. – М.: ИИЦ «Статистика России», 2005. – Т. 6. 456 с.
2. Итоги Всероссийской переписи населения 2010 года. – М.: Статистика России, 2013. – Т. 6. 546 с.
3. Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 года: РСФСР. – М.: Госстадиздат, 1963. – 456 с.
4. Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 года. – М.: Статистика, 1974. – Т. 7. 455 с.
5. Итоги Всесоюзной переписи населения 1979 года. – [М.]: Б. и., 1990. – Т. 6. Ч. 2. 166 с.
6. Семья в СССР: по данным Всесоюзной переписи населения 1989 г. – М.: Финансы и статистика, 1990. – 15 с.

**ОПРЕДЕЛЕНИЕ ВЛИЯНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ФАКТОРОВ
НА РЕПРОДУКТИВНЫЕ ПЛАНЫ НАСЕЛЕНИЯ**

Атаева М. А., Заместитель руководителя Практики политического анализа и консультирования Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ), Москва, Россия, e-mail: ataeva_m@wciom.com.

Аннотация. В статье уделяется внимание специфике восприятия россиянами демографической обстановки в целом, анализируется роль личной экономической ситуации как фактора, определяющего репродуктивные установки, в том числе – отказ от родительства.

Ключевые слова: демографическая ситуация, жизненные обстоятельства, рождаемость, уровень жизни, отказ от родительства.

**DETERMINING THE INFLUENCE OF ECONOMIC FACTORS
ON REPRODUCTIVE PLANS OF THE POPULATION**

Ataeva M. A., Deputy Head for Political Analysis and Consulting Practice, Russia Public Opinion Research Center (VCIOM), Moscow, Russia, e-mail: ataeva_m@wciom.com.

Abstract. The article focuses on the specifics of Russians' perception of the demographic situation in general, analyzes the role of the personal economic situation as a factor determining reproductive attitudes, including rejection of parenthood.

Keywords: demographic situation, life circumstances, fertility, standard of living, rejection of parenthood.

Большинство россиян (52%) оценивают демографическую ситуацию, сложившуюся в нашей стране в настоящее время как скорее неблагоприятную. При этом более критичны в оценках мужчины – 59%, среди женщин показатель ниже и составляет 46%. Иного мнения придерживается треть опрошенных – 35% охарактеризовали демографическую обстановку как благоприятную (среди мужчин и женщин показатели 29 и 40% соответственно).

Следует отметить возрастную специфику восприятия демографической ситуации – с повышением возраста респондента оценки ухудшаются. Если среди молодых людей 18-24-х лет всего 40% воспринимают ее как неблагоприятную, то уже среди 45-54-летних этот показатель достигает 59% (см. табл. 1).

Таблица 1.

«Как бы Вы оценили демографическую ситуацию, сложившуюся в стране в настоящее время?» (в % от опрошенных)

	Пол		Возрастные группы					
	Мужской	Женский	18–24	25–34	35–44	45–54	55–64	Старше 65 лет
Скорее благоприятная	29	40	46	40	38	30	32	31
Скорее неблагоприятная	59	46	40	47	50	59	55	55
Затрудняюсь ответить	12	14	14	13	12	11	13	14

При рассмотрении оценок опрошенных женщин, данный тренд сохраняется: среди девушек 18–24 лет только 19% считают ситуацию неблагоприятной, среди 45–54-летних – 53%.

Неблагополучие современной демографической ситуации в стране опрошенные россияне в большей степени обуславливают *снижением уровня рождаемости в связи с низким уровнем жизни большинства населения* (57% среди тех, кто назвал ситуацию неблагоприятной, респонденты могли выбрать до двух вариантов ответа на вопрос), в качестве второго фактора выделяется *снижение значимости ценности семьи* (21%). Фактор пандемии не стал доминирующим при оценке демографической обстановки – лишь 13% опрошенных отметили, что люди боятся заразиться сами и опасаются возможных последствий заражения для своих детей¹ (табл. 2).

Таблица 2.

«С чем Вы связываете неблагоприятие современной демографической ситуации в стране в первую очередь?» (в % от тех, кто считает демографическую ситуацию неблагоприятной, не более двух ответов)

Снижение уровня рождаемости в связи с низким уровнем жизни большинства населения	57
Снижение значимости ценностей семьи, особенно среди молодежи	21
Это – естественный демографический процесс, связанный с неблагоприятной демографической ситуацией в предыдущие годы	13
Ситуация с коронавирусом, люди боятся заразиться, боятся возможных последствий заражения для детей	13
Результат государственной социальной политики 90-х годов	13
Более широкое распространение «западной» модели семьи, которая характеризуется низким уровнем рождаемости	13
Становится все больше россиян, которые не могут иметь детей по состоянию здоровья	10
Затрудняюсь ответить	6

На приоритетное влияние экономического фактора при планировании репродуктивного поведения указывают результаты и другого опроса. Так среди ключевых причин сознательного отказа некоторых людей от родительства россияне выделили (открытый вопрос, до 5-ти ответов, сумма ответов может превышать 100%):

1. Низкий уровень жизни – 39% ответов (в том числе: тяжелое материальное положение – 26%, бедность, отсутствие уверенности в завтрашнем дне – 5%, тяжелая жизненная ситуация – 3%, отсутствие жилья/жилищные проблемы – 2%, отсутствие работы – 2%, платное образование/отсутствие помощи от государства – 1%);
2. Эгоистические мотивы – 35% ответов (в том числе: желание жить для себя – 14%, нежелание брать на себя ответственность – 13%, нежелание обременять себя – 6% и т. д.);
3. Иные жизненные приоритеты – 13% ответов (в том числе: личный выбор/право – 6%, важнее карьера/самореализация – 5%, другие цели – 2%);
4. Психологическая/моральная неготовность – 11% ответов в целом. Сюда же можно отнести ряд фобий, к которым относятся риск рождения «особенного ребенка», страх развития патологий и боязнь акушерской агрессии [1];

¹ Инициативный всероссийский опрос «ВЦИОМ-Спутник» проведен 29 сентября 2021 года. В опросе приняли участие россияне в возрасте от 18 лет. Выборка 1600 респондентов. Метод опроса — телефонное интервью по стратифицированной двухосновной случайной выборке стационарных и мобильных номеров.

5. Проблемы со здоровьем – 9%.

Несмотря на то, что в целом россияне легитимируют отказ от родительства, отношение к нему как проявлению девиации и даже маргинальности сохраняется: 10% россиян считают таких людей «психологически нездоровыми и глупыми», 3% объясняют их выбор плохим воспитанием, 1% называют «животными».

Стоит отметить, что среди группы молодежи 18–24-х лет чаще в качестве причин выбора бездетности звучали заявления о приоритете личного выбора и желании самореализации в противовес родительству, а также о нежелании брать на себя ответственность (26 и 23% соответственно, максимальные показатели среди всех возрастных групп). Доминантный фактор отказа от детей для группы 25–34-х лет – непростая финансовая ситуация (50%, наибольший показатель среди остальных возрастных групп)².

Однако, несмотря на заявленную значимость личной экономической ситуации, россияне не лояльно относятся к абортам в случае, если семья имеет низкий доход и не может себе позволить иметь больше детей: лишь 28% опрошенных не увидели в этом ничего предосудительного, 64% отрицательно отнеслись бы к данному решению (в той или иной степени)³ (табл. 3).

Таблица 3.

«Как Вы думаете, всегда ли предосудительно, если женщина делает аборт в случае, если семья имеет очень низкий доход и не может себе позволить иметь больше детей?» (в % от опрошенных, один ответ)

	Все	Пол		Возрастные группы				
		Муж.	Жен.	18-24 года	25-34 года	35-44 года	45-59 лет	Старше 60 лет
Это всегда предосудительно	17	24	12	15	20	19	17	15
Это почти всегда предосудительно	9	9	9	14	13	11	6	4
Это предосудительно только в некоторых случаях	38	34	41	38	43	36	35	37
В этом нет ничего предосудительного	28	23	31	27	20	25	30	35
Затрудняюсь ответить	8	10	7	6	4	9	12	9

Таким образом, мы можем сделать вывод о том, что экономический фактор является приоритетным скорее при планировании детей, оценке будущего родителей, «демографической стратегии». В случае же наступления беременности начинают доминировать другие установки, в первую очередь – эмоционального характера. Так при ответе на вопрос «Что значит для вас рождение ребенка?» (респондент мог выбрать до двух вариантов ответа), большинство опрошенных (68%) сказали о счастье и радости, 28% о гордости. Лишь 2% оценили его как дополнительное материальное бремя.[3]

Установки целевой группы – женщин в возрасте до 50-ти лет. Особое внимание стоит обратить на группу женщин в возрасте до 50 лет (возрастной порог условно принят как конец детородного периода). Их оценки демографической ситуации амбивалентны: 47% оценивают

² Инициативный всероссийский опрос «ВЦИОМ-Спутник» проведен 2 сентября 2021 года. В опросе приняли участие россияне в возрасте от 18 лет. Выборка 1600 респондентов. Метод опроса — телефонное интервью по стратифицированной двухосновной случайной выборке стационарных и мобильных номеров.

³ Инициативный всероссийский опрос «ВЦИОМ-Спутник» проведен 13 февраля 2018 года. В опросе приняли участие россияне в возрасте от 18 лет. Выборка 1600 респондентов. Метод опроса — телефонное интервью по стратифицированной двухосновной случайной выборке стационарных и мобильных номеров.

ее как благополучную, 42% – как неблагополучную. При этом если первые позиции рейтинга причин неблагополучия ситуации относительно близки к общему распределению (57% заявляют о снижении рождаемости из-за низкого уровня жизни, 26% – о снижении значимости ценности семьи), то представительницы группы обращают большее внимание на *фактор здоровья, состояния организма*.

Так на третьем месте в рейтинге причин – *увеличение количества россиян, которые не могут иметь детей по состоянию здоровья (25%)*, на четвертом – *опасение последствий заражения коронавирусом для себя и ребенка (18%)*.

Среди группы почти каждая пятая (18%) заявила о том, что не имеет и не планирует в ближайшее время заводить детей. Однако мы не можем расценивать это как осознанный выбор бездетности. По данным опроса, большинство из них хотели бы иметь детей (см. таблицу 4), но реальные жизненные обстоятельства вносят коррективы в реализуемую репродуктивную стратегию (табл. 4).

Таблица 4.

Декларируемое желание и готовность иметь детей (в % опрошенных среди женщин до 50 лет, заявивших, что не имеют и не планируют в ближайшее время иметь детей)

Сколько всего детей Вы бы хотели иметь в идеальных условиях, без учета нынешних условий жизни?		Скажите, пожалуйста, с учетом Ваших реальных жизненных обстоятельств Вы планируете иметь детей в будущем или нет? Если да, то сколько детей Вы планируете в будущем?	
Одного	25	Одного	21
Двух	40	Двух	24
Трех	13	Трех	10
Четырех и более	7	Четырех и более	1
Не хотела бы иметь детей	12	Не планирую иметь детей в будущем	42
Затрудняюсь ответить	3	Затрудняюсь ответить	2

Иллюстрируют их жизненные обстоятельства следующие оценки личной экономической ситуации: у 77% из них выросли расходы с начала прошлого года; 59% приходилось экономить на продуктах питания, товарах первой необходимости за последний месяц; 52% относят себя к группе «низких потребительских возможностей» (17% не хватает денег на покупку одежды, 35% не могут позволить себе покупку телевизора, холодильника, мебели).

Несмотря на значительное влияние ограничивающего «финансового фактора», сдержанные оценки личной экономической ситуации, среди рассматриваемой группы женщин моложе 50-ти лет зафиксирована доля тех, кто в ближайшее время планирует иметь детей, даже с учетом жизненных обстоятельств: 18% хотели бы иметь еще одного ребенка (кроме детей, что есть сейчас), 12% – еще двух, 4% – трех и более [1].

Список литературы и источников

1. Российская семья: как сохранить традиции и обрести новые смыслы? Аналитический доклад. – М.: ВЦИОМ, 2021. – 50 с. [Электронный ресурс] // URL: https://wciom.ru/fileadmin/user_upload/210910_Demografija_doklad.pdf (дата обращения: 30.09.2021).

ОТВЕТСТВЕННОЕ ОТЦОВСТВО КАК ФАКТОР СНИЖЕНИЯ ОТКАЗОВ ОТ НОВОРОЖДЕННЫХ

Безрукова О. Н., кандидат социологических наук, доцент, и. о. заведующего кафедрой социологии молодежи и молодежной политики Факультета социологии Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербург, Россия, e-mail: o.bezrukova@spbu.ru.

Самойлова В. А., кандидат психологических наук, старший научный сотрудник, доцент кафедры теории и практики социальной работы Факультета социологии Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербург, Россия, e-mail: v.samojlova@spbu.ru.

***Аннотация.** Анализируется отношение к отказам от новорожденных детей. Сделан вывод о том, что к отказу приводит комплекс социально-экономических, психологических, объективных и субъективных причин. Показано, что ответственное и вовлеченное отцовство вносит важный вклад в снижение отказов от новорожденных, благополучие детей, демографическую безопасность страны.*

***Ключевые слова:** ответственное отцовство, материнство, беременные женщины, отказ от новорожденного ребенка.*

RESPONSIBLE PARENTING AS A FACTOR IN REDUCING NEONATAL ABANDONMENT

Bezrukova O. N., Candidate of Sociological Sciences, Docent, Acting Head Department for Sociology of Youth and Youth Policy, Faculty of Sociology, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia, e-mail: o.bezrukova@spbu.ru.

Samoilova V. A., Candidate of Sociological Sciences, Senior Researcher, Associate Professor, Department of Theory and Practice of Social Work, Faculty of Sociology, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia, e-mail: v.samojlova@spbu.ru.

***Abstract:** The article summarizes the attitude regarding abandonment of newborn children. We have concluded that a complex of social and economic, psychological, as well as objective and subjective reasons lead to newborn abandonment. We make a conclusion that a responsible and involved fatherhood is an important contribution decrease in newborn infant abandonment, increase in the quality of life and in to the demographic safety of the country.*

***Keywords:** responsible fatherhood, motherhood, pregnant women, newborn infant abandonment.*

Снижение рождаемости, отказы от новорожденных, высокий уровень социального сиротства свидетельствуют о недостаточности принимаемых мер и необходимости системного ответа государства и общества в контексте семейно-демографической политики на кризисные проявления родительства на всех его этапах [1; 2; 3; 4; 5; 6 и др.]. Помимо внимания к мерам поддержки матерей и беременных женщин, необходимо усилить внимание к роли отца в принятии репродуктивных решений, повышению его ответственности как «равного» родителя в этих эмоционально и нравственно нагруженных вопросах.

Проблематика ответственного отцовства активно развивается за рубежом с 1990-х гг. прошлого века, в России число отцовских исследований также постоянно растет [7; 8; 9; 10; 11; 12 и др.] Понятие «ответственное отцовство» впервые стало употребляться американским Министерством здравоохранения и социальных служб для оценки поведения отцов на основе набора социальных норм в контексте нравственной оценки как правильного и неправильного

или «безответственного» [13]. Потребности общества в развитии социальной политики в отношении детей, основанной на ценностях равноправного родительства и снижении доли отсутствующих отцов («неплательщиков»), эмоционально не вовлеченных в воспитание своих детей, сосредоточило внимание общества на проблеме нехватки отцов и культуре отцовства [14; 15 и др.]

В западном научном дискурсе феномен ответственного отцовства представлен в культурных дебатах о том, какую роль должны играть отцы в повседневной жизни своих детей помимо традиционной роли кормильца, в чем заключаются культура отцовства и конкретные практики поведения, находится ли отцовство в своеобразном кризисе, какие факторы влияют на становление отца нового типа [13; 16; 17 и др.] Исследователи Д. Ливайн и Э. Питт сделали важный шаг в описании переменных ответственного отцовства. По их мнению, «ответственное» отцовство связано, прежде всего, с «продолжительностью эмоционального и физического ухода за ребенком» [18], а его составляющие могут относиться как к отцам, живущим вместе с детьми, так и проживающим отдельно. Авторы утверждают, что этика ответственного отцовства относится не только к отцам, но и к матерям, профессионалам, работающим с семьями, а также к учреждениям, выполняющим социальную поддержку семей. Человек, который ведет себя ответственно по отношению к своему ребенку, характеризуется следующими действиями:

- решается стать отцом только тогда, когда готов эмоционально и материально поддерживать своего ребенка;
- устанавливает юридическую законность отцовства, как только у него рождается ребенок;
- активно разделяет с матерью ребенка всю эмоциональную физическую работу о ребенке во время беременности и после нее;
- разделяет с матерью ребенка все финансовые затраты на содержание ребенка, начиная с беременности и после нее [18].

Исследования ответственного отцовства классифицированы по темам, выделенным Д. Ливайном и Э. Питтом, с учетом совместного или раздельного проживания отца и ребенка. Во-первых, изучение вопросов юридического установления отцовства и причин, по которым мужчины не хотят официально признавать своих детей, во-вторых, исследование роли отца в воспитании ребенка, проживающего или не проживающего вместе с ребенком; в-третьих, анализ состояния и структуры финансового обеспечения детей отцами, живущим отдельно от детей; в-четвертых, определение уровня участия отцов в жизни детей, живущих вместе с ребенком.

Российскими исследователями проблематики отцовства также накоплен значительный теоретический и эмпирический материал, однако, вопросы участия отца в принятии репродуктивных решений пока не становились предметом глубокого научного анализа. Нами эти вопросы изучались в рамках широкого исследования о причинах отказов от новорожденных детей [6]. По данным исследования сделан вывод о многофакторной обусловленности причин отказов от новорожденных, оставлении их в опасности, инфантициде.¹ Так более половины опрошенных считают основной причиной отказов от детей

¹ Эмпирическая основа статьи – данные исследования, проведенного в 2017–2018 гг.: 1) опрос жителей поселений разного типа 8 федеральных округов РФ. Объем выборочной совокупности 2000 человек. Критерии выборки: пол, возраст, тип населенного пункта, федеральный округ. Доля мужчин – 46,7%, женщин – 53,3%. Предел погрешности выборки 2%. 2) 15 фокус-групп в пяти регионах РФ: где используется технология «бэби-боксы» (Краснодарский и Пермский край), в отказавшихся (Владимирская область, Санкт-Петербург), с преимущественно мусульманским населением (Башкирия). Целевые группы: специалисты государственных социальных учреждений (женских консультаций, родильных домов, организаций для детей сирот и оставшихся без попечения родителей; отделений центров социальной помощи семье и детям, работающих с беременными в кризисной ситуации); специалисты некоммерческих организаций, работающих с беременными и семьями в кризисной ситуации); сотрудниками отделов по опеке и попечительству; представителями СМИ; родителями, имеющими новорожденных и детей раннего возраста, приемных детей (N=142); 3) 27 экспертных интервью в тех же регионах (представители органов власти, руководители учреждений в сфере родовспоможения, материнства

тяжелое материальное положение (55,9%), около половины отметили алкоголизм, наркоманию (49,1%), по трети опрошенных назвали личные качества женщины (неприспособленность к жизни, инфантильность, моральные качества), наличие психических отклонений. Примерно каждый пятый считает в качестве ведущей причины – *отсутствие социальной поддержки – со стороны отца ребенка* (23,5%), родственников, друзей (19,3%), государственной поддержки, пособий по уходу за ребенком (16,1%). При этом женщины по сравнению с мужчинами отмечают отсутствие мужской поддержки чаще (25,0% против 21,7%), также в отношении поддержки со стороны отца ребенка наиболее чувствительными оказались самые молодые респонденты от 18 до 24 лет (29,4% против 19,5% у 36–40-летних) [6, с. 50].

В обсуждениях на фокус-группах тема отцов также звучала, при этом участники говорили о дефиците их ответственности и о несправедливости ситуации, когда мать в одиночку несет груз моральной ответственности и бремя заботы о ребенке. На наш взгляд, преодоление стереотипа о доминирующей ответственности матери, и учет мнения отца при принятии жизненно важных для ребенка решений, возможно изменило бы ситуацию с отказами от детей в лучшую сторону. Полученные в исследовании данные подтверждают общий вывод о том, что ответственное и вовлеченное отцовство – важный вклад в улучшение супружеских и детско-родительских отношений, повышение качества жизни семей, благополучие детей, в конечном итоге – в демографическую безопасность страны.

Список литературы и источников

1. Психология материнства: Учеб. пособие. - М.: Изд-во Ин-та психотерапии, 2002. 238 с. ISBN: 5-89939-064-6.
2. *Исупова О. Г.* Отказ от новорожденного и репродуктивные права женщины // Социологические исследования. 2002. № 11. С. 92–99.
3. *Пучкина Ю. А.* Профилактика ранних отказов от детей в контексте проблем социального сиротства // Вестник Томского государственного университета. 2009. № 1 (5). С. 43–52.
4. *Беляева М. А.* Девиантное родительство в контексте репродуктивной культуры современной семьи // Социология и жизнь. 2012. № 3. С. 207–212.
5. *Костенко М. А.* Социальные детерминанты отказов от новорожденных: опыт эмпирического исследования // Мир науки, культуры и образования. 2014. № 3 (46). С. 313–315.
6. *Безрукова О. Н., Самойлова В. А., Шишкина Е. В., Яшина М. Н.* «Никто не поможет...»: отказы от новорожденных детей и бэби-боксы // Социологические исследования. 2021. № 5. С. 47–57. DOI: <https://doi.org/10.31857/S013216250014214-8>.
7. *Беляева М. А.* Девиантное родительство в контексте репродуктивной культуры современной семьи // Социология и жизнь. 2012. № 3. С. 207–212.
8. *Безрукова О. Н., Самойлова В. А.* «Она не мать совсем...»: образы бывших жен в дискурсе разведенных молодых отцов // Социологические исследования. 2020. № 12. С. 116–127. DOI: <https://doi.org/10.31857/S013216250013020-5>.
9. *Груздева М. А., Калачикова О. Н.* Типология моделей современного отцовства (на примере Вологодской области и Республики Татарстан) // Социальная политика и социология. Т. 19. 2020. № 3 (136). С. 50–57. DOI: <https://doi.org/10.17922/2071-3665-2020-19-3-50-57>.
10. *Егорова Н. Ю., Рябинская Е. С.* Представления студенческой молодежи о роли отца в современной семье // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2019. № 2 (54). С. 99–105.

и детства). Продолжительность фокус-групп – 2-2,5 часа, интервью – 1-1,5 часа. Исследование проведено на базе Ресурсного центра СПбГУ «Центр социологических и Интернет-исследований».

11. *Ильдарханова Ч. И., Барсуков В. Н.* Состояние и трансформация института отцовства: обзор зарубежных исследований // Гуманитарий Юга России. Т. 8 (40). 2019. № 6. С. 211–225.
12. *Шевченко И. О.* Социальное конструирование отцовства: трансформация социальных практик в современной России: автореферат дис. ... доктора социологических наук: 22.00.04; [место защиты: Российский государственный гуманитарный университет]. – Москва, 2021. – 38 с.
13. *Doherty W., Kouneski E., Erickson M.* Responsible Fathering: An Overview and Conceptual Framework. *Journal of Marriage and Family*. 1998. Vol. 60. No. 2. P. 277–292. DOI: <https://doi.org/10.2307/353848>.
14. *La Rossa R.* The Modernization of Fatherhood: A Social and Political History. Chicago: University of Chicago Press, 1997. 295 p.
15. *Andreasson J., Johansson T.* Becoming a Half-Time Parent: Fatherhood After Divorce. *Journal of Family Studies*. 2019. Vol. 25. No. 1. P.2–17. DOI: <https://doi.org/10.1080/13229400.2016.1195277>.
16. *Coltrane S.* Fathering: Paradoxes, Contradictions, and Dilemmas // *Handbook of Contemporary Families: Considering the Past, Contemplating the Future* / ed. by M. Coleman, L. H. Ganong. New York: Sage Publications, 2004. DOI: <http://dx.doi.org/10.4135/9781412976022.n13>.
17. *Plantin L., Olukoya A. A., Ny P.* Positive Health Outcomes of Fathers' Involvement in Pregnancy and Childbirth Paternal Support: A Scope Study Literature Review. *Fathering*. 2011. Vol. 9. No. 1. P. 87–102. DOI: <https://doi.org/10.3149/fth.0901.87>.
18. *Levine J. A., Pitt E. W.* New expectations: Community strategies for responsible fatherhood. New York: Families and Work Institute. 1995. 232 p.

Благодарности и финансирование:

Статья подготовлена при поддержке гранта РФФИ № 19-011-00543.

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ РОЖДАЕМОСТИ СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ РОССИИ

Бородина Т. Л., кандидат географических наук, старший научный сотрудник Института географии РАН, Москва, Россия, e-mail: borodina@igras.ru.

Литвиненко Т. В., кандидат географических наук, старший научный сотрудник Института географии РАН, Москва, Россия, e-mail: litvinenko@igras.ru.

***Аннотация.** В работе проведен пространственный анализ распределения показателя суммарного коэффициента рождаемости городского и сельского населения в регионах России. Выявлены особенности показателей рождаемости сельского населения по сравнению с городским. Отмечено, что для регионов с этническим компонентом необходимо учитывать особенности расселения отдельных национальностей. Разрабатываемые государством меры поддержки семей с детьми и повышения рождаемости должны учитывать специфику демографической ситуации в регионах.*

***Ключевые слова:** рождаемость, городское население, сельское население, регионы России, этнический состав, демографическая политика.*

REGIONAL FEATURES OF FERTILITY OF THE RUSSIAN RURAL POPULATION

Borodina T. L., Candidate of Geographical Sciences, Senior Researcher, Institute of Geography RAS, Moscow, Russia, e-mail: borodina@igras.ru.

Litvinenko T. V., Candidate of Geographical Sciences, Senior Researcher, Institute of Geography RAS, Moscow, Russia, e-mail: litvinenko@igras.ru.

***Abstract.** The work carried out a spatial analysis of the distribution of the indicator of the total fertility rate of the urban and rural population in the regions of Russia. The features of the birth rate indicators of the rural population in comparison with the urban population are revealed. It is noted that for regions with an ethnic component, it is necessary to take into account the peculiarities of the settlement pattern of certain ethnic groups. The measures developed by the state to support families with children and increase the birth rate should take into account the specifics of the demographic situation in the regions.*

***Keywords:** fertility, urban population, rural population, regions of Russia, ethnic structure, demographic policy.*

Решение демографические проблем, в том числе рост численности населения и увеличение рождаемости, обозначено в последние годы в России в качестве важнейших целей национальной политики. В частности, в Указе Президента Российской Федерации от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» [1] указано, что целями государственной политики в сфере сбережения народа России и развития человеческого потенциала являются устойчивый естественный рост численности и повышение качества жизни населения. Для достижения этой цели необходимо повышение рождаемости, формирование мотивации к многодетности. Целевыми показателями проекта «Демография», принятого в 2018 г., являются увеличение к 2024 г. суммарного коэффициента рождаемости до значения 1,7 и увеличение ожидаемой продолжительности здоровой жизни до 67 лет [2].

Суммарный коэффициент рождаемости составлял в среднем по России в 1990 г. 1,89; к 1999 г. упал до уровня 1,16. Для расширенного воспроизводства населения этот показатель должен превышать значение 2,2. До начала 1990-х гг. в целом в России снижение уровня

рождаемости происходило при доминирующей модели двухдетной семьи. С 2000 г. СКР начал расти до 2015 г., достигнув величины 1,78. Это максимальное значение, которого удалось достичь с начала 2000-х гг. Далее СКР опять начал неуклонно уменьшаться, в 2020 г. до 1,50 (рис. 1).

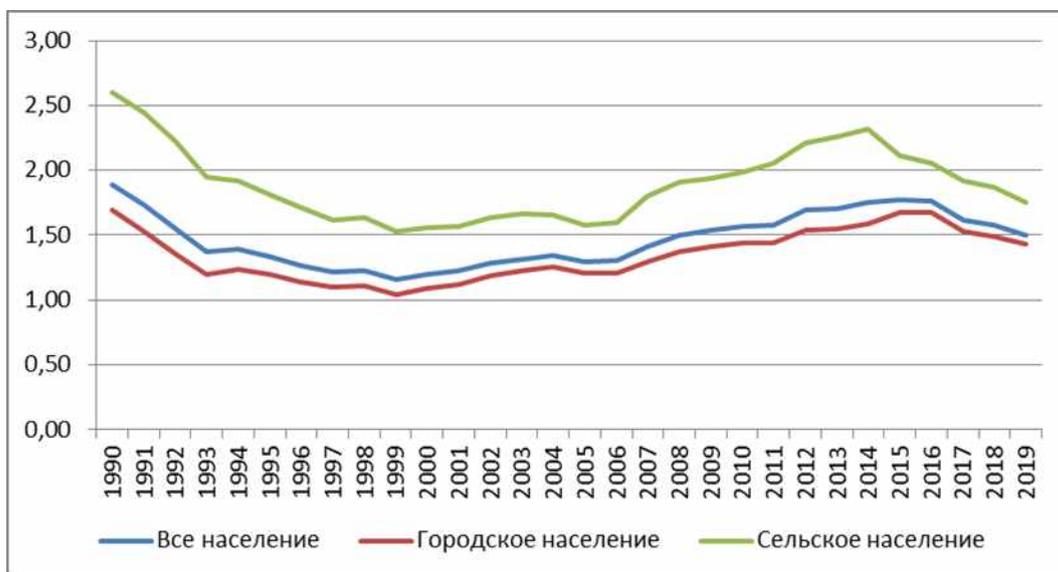

Рис. 1. Динамика суммарного коэффициента рождаемости в России в 1990 – 2019 гг.
 Источник: [3]

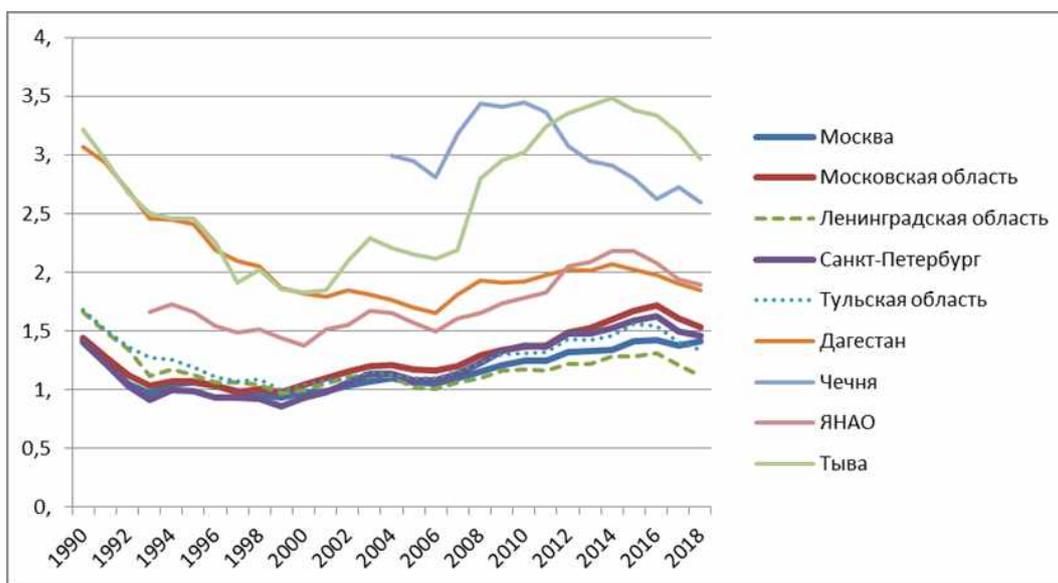

Рис. 2. Динамика суммарного показателя рождаемости в некоторых регионах России в 1990 – 2018 гг.
 Источник: [3]

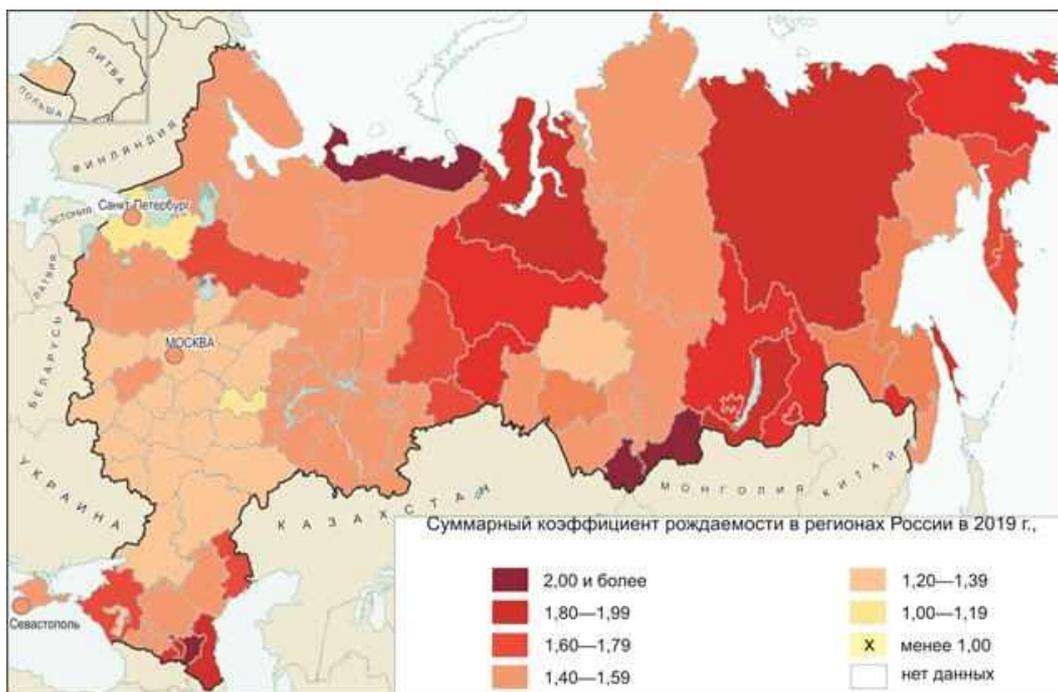

Рис. 3. Суммарный коэффициент рождаемости в регионах России в 2019 г.
 Источник: [3]

Минимальные значения СКР наблюдаются в наиболее урбанизированных регионах Центра и Северо-Запада (рис. 2, рис. 3). Тренд динамики регионов-аутсайдеров по этому показателю практически совпадает с общероссийским трендом (рис. 1, рис. 2). Регионами-лидерами по показателю суммарной рождаемости являются Чеченская Республика и Тыва. Интересно сравнение трендов Дагестана и Тывы. Они практически совпадают в период до начала 2000-х гг., но затем показатель суммарного коэффициента рождаемости в Дагестане остается с некоторыми колебаниями практически на стабильном уровне, что говорит о тенденции демографического перехода, а уровень суммарной рождаемости в Тыве растет до 2014г., достигая величины 3,43; сократившись далее до величины 2,72 в 2018 г. Максимальные уровни суммарной рождаемости в Чеченской Республике были в 2008 и в 2010 гг. (3,45), далее начали сокращаться.

Обычно суммарный коэффициент рождаемости у сельских жительниц выше, чем у горожанок. Чаще всего это свидетельствует о более традиционном репродуктивном поведении сельских жительниц. Эта особенность наблюдается в большинстве российских регионов (рис. 4, рис. 5, рис. 6). В 2019 г. в 33 российских регионах СКР у сельских жительниц превышает значение 2,0; в то время как регионов с показателем СКР выше 2,0 у городского населения в 2019 г. только два – Чеченская Республика (максимальное значение СКР для городского населения в 2019 г. – 3,19) и Республика Тыва (2,45). Всего в 20 регионах у городского населения СКР превышает значение 1,5, т. е. в остальных 65 регионах уровень показателя СКР ниже среднероссийского. Есть и исключения. В 10 субъектах (Владимирская, Калужская, Московская, Смоленская, Калининградская, Ленинградская, Нижегородская области, Калмыкия, Краснодарский край, г. Севастополь) у сельских жительниц показатель СКР ниже, чем у горожанок.

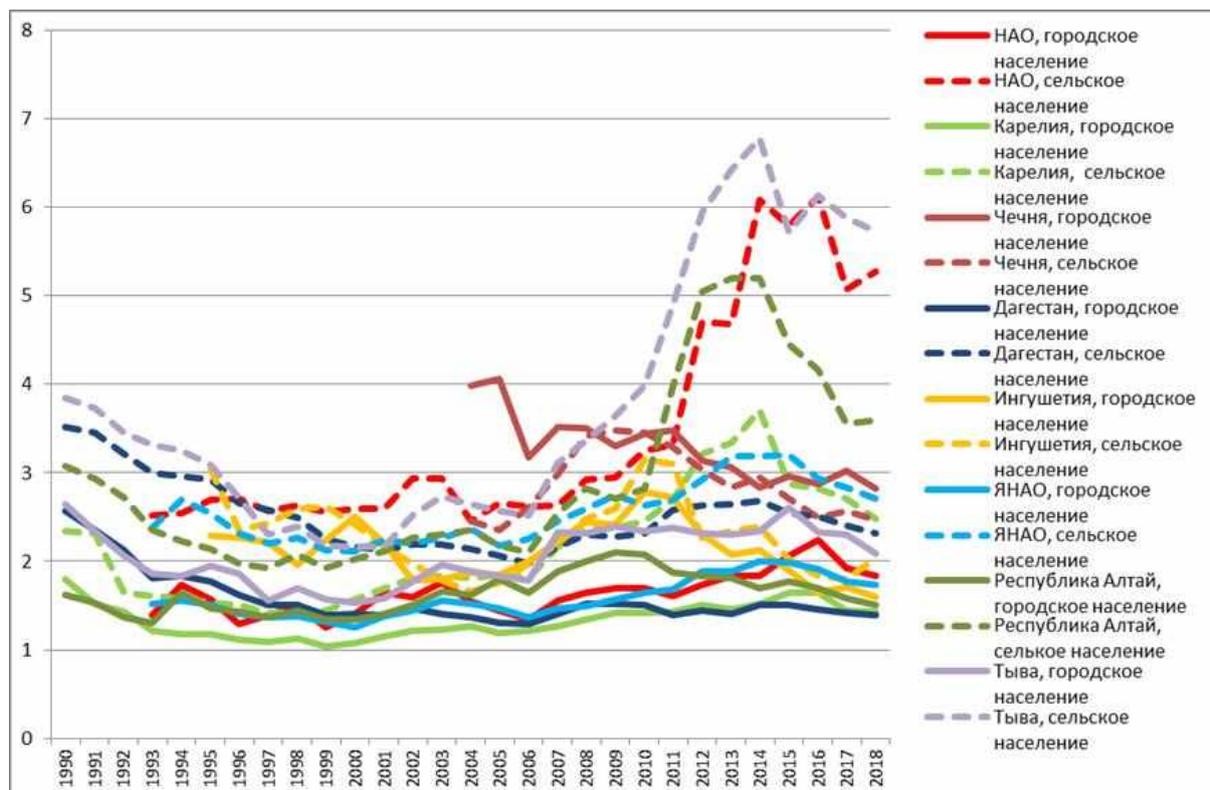

Рис. 4. Динамика суммарного коэффициента рождаемости городского и сельского населения в некоторых регионах России в 1990 – 2018 гг.

Источник: [3]

Для сельского населения распределение значения показателя СКР по регионам гораздо более контрастно, чем для городских поселений. В 2019 г. в сельской местности разрыв между максимальным значением СКР (Чукотский АО – 5,56) и минимальным (Ленинградская область – 0,85) составил 6,5 раз, в то время как для городских поселений этот разрыв составлял всего около 3 раз (максимально – Чечня – 3,19, минимально – Томская область – 1,09). Внутри одного региона максимальная разница между показателями СКР у городских и сельских жительниц наблюдается в Чукотском АО (город – 1,16, село – 5,56; разница в 4,8 раза) и Ненецком АО (3 раза).

В национальных территориальных образованиях в качестве факторов, влияющих на разницу в значении суммарного коэффициента рождаемости городского и сельского населения, можно выделить [4].

- 1) соотношение основных этносов, проживающих в регионе;
- 2) различия в репродуктивном поведении у разных национальностей;
- 3) особенности расселения различных национальностей;
- 4) уровень социально-экономического развития.

В разных регионах эти факторы складываются по-разному (рис. 4). В Карелии доля титульной нации (карелов) составляет около 7% от общей численности населения (по данным Всероссийской переписи населения 2010 г.), причем репродуктивное поведение здесь не имеет национального оттенка, и на первый план выходит уровень жизни и доходов населения. Можно предположить, что рост рождаемости у сельских жительниц Карелии в какой-то степени был ответом на осуществление программы «Материнский капитал», стартовавшей в 2008 г. Ненецкий автономный округ и Ямало-Ненецкий автономный округ входят в число регионов с наиболее высоким уровнем ВРП за счет развития сырьевых отраслей. Коренные этносы этих регионов проживают преимущественно в сельской местности, у них еще не завершен демографический переход. В НАО проживает всего 44 тыс. жителей, из которых 33 тыс. – горожане и 11 тыс. жители сельской местности. Большинство горожан – приехавшие на

работу рабочие-нефтяники и газовики, а среди сельских жителей много представителей коренных северных народов. Особенностью НАО является одна из самых большая среди регионов России разница в значении показателей суммарной рождаемости для городского и сельского населения. Такой рост рождаемости в сельской местности, безусловно, произошел в том числе благодаря осуществлению государственных мер поддержки рождаемости, в том числе программы «Материнский капитал».

Рис. 5. Суммарный коэффициент рождаемости городского населения в регионах России в 2019 г.

Источник: [3]

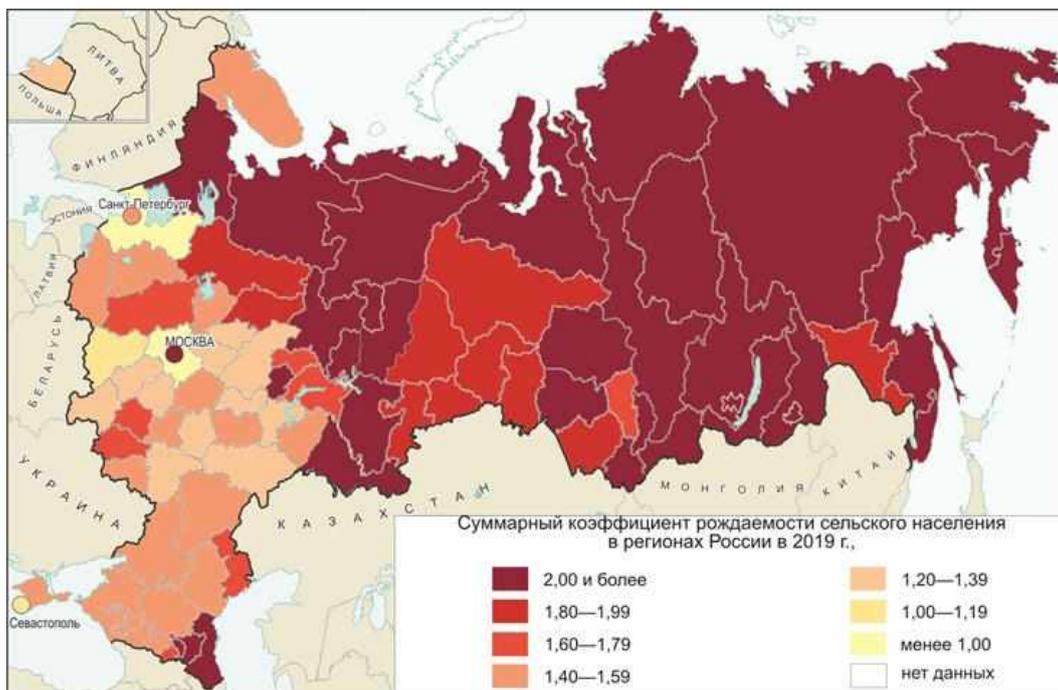

Рис. 6. Суммарный коэффициент рождаемости сельского населения в регионах России в 2019 г.

Источник: [3]

Для народов, проживающих в республиках Северного Кавказа, модель многодетной семьи является традиционной. Но к настоящему времени эти регионы находятся на разных ступенях демографического перехода. Уровень рождаемости в Адыгее, Карачаево-Черкесии, Кабардино-Балкарии и Северной Осетии-Алании практически не отличается от соответствующих показателей соседних Краснодарского и Ставропольского краев (рис. 3). В Дагестане рождаемость выше, но максимальных уровней уже не достигает. Максимальные показатели Ингушетии и Чеченской республики также остались в прошлом. Эти две республики наиболее однородны в этническом отношении, причем в Чечне уровень рождаемости в городах выше, чем в сельской местности (рис. 5). Максимальные значения суммарного коэффициента рождаемости среди всех российских регионов в последние годы фиксируются в Республике Тыва. В сельской местности этой республики этот показатель в 2014 г. достиг значения 6,78, в 2018 г. – 5,73. Для сравнения – то же самое для городского населения Тывы – 2,34 в 2014 г. и 2,09 в 2018 г. Тыва относится к наименее экономически развитым регионам России, доля титульного этноса в населении превышает (данные 2010 г.) 80%. При низком уровне доходов у большинства населения государственные меры поддержки рождаемости дают ощутимые результаты.

В Республике Саха (Якутия) нет такой большой разницы между показателями СКР для городского (1,58 в 2019 г.) и сельского (2,48) населения, как в некоторых других национальных республиках. Коренное население Якутии проживает как в городах, так и в сельской местности. Тем не менее отмечено, что процессы депопуляции происходят менее драматично в сельских регионах, заселенных преимущественно коренным населением [5, 6]. Это происходит благодаря более высокой рождаемости у коренных этносов и их большей адаптированности к условиям жизни и трансформации хозяйственной деятельности. Авторы считают, что основным фактором, предотвратившим большее сокращение сельского населения в Якутии, была высокая (самая высокая среди всех регионов Крайнего Севера) доля коренного населения, которое традиционно имеет более высокий уровень рождаемости и исторически проживает в сельской местности. Эта доля увеличилась с 35% по данным переписи 1989 г. до чуть более половины от общей численности населения по данным переписи 2010 г. Преобладающей экономической деятельностью в Западной и Центральной Якутии, населенной преимущественно якутами, является сельское хозяйство (кочевое скотоводство и коневодство); в северо-западных регионах, населенных коренными малочисленными народами Севера (долганами, эвенками, эвенками), – оленеводство, охота и рыболовство, а в Момском улусе, где проживает преимущественно якутское население, но также большая доля эвенов, – сельское хозяйство, оленеводство, охота и рыболовство [5, 6].

Таким образом, можно сделать вывод, что применять один и тот же набор инструментов демографической политики для разных регионов России с разным характером демографических процессов неэффективно. Обязательно должна учитываться региональная специфика. Например, для демографически истощенных регионов с деформированной возрастной структурой важны меры по повышению качества жизни старшего поколения, а для регионов с традиционно высокой рождаемостью – создание новых рабочих мест для молодых людей, оканчивающих школу и университеты. Региональная специфика должна прежде всего учитываться при разработке региональных программ в рамках национальных проектов, в том числе необходимо учитывать особенности национального состава населения регионов.

Список литературы и источников

1. Указ Президента Российской Федерации от 02.07.2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Президент России [сайт]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47046> (дата обращения: 22.09.2021).
2. Национальный проект «Демография» // Минтруд России [сайт]. URL: <https://mintrud.gov.ru/ministry/programms/demography> (дата обращения: 22.09.2021).

3. Демография // Федеральная служба государственной статистики [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/12781> (дата обращения: 22.09.2021).
4. *Бородина Т. Л., Корнеева Н. Д.* Динамика демографической ситуации в регионах России в начале XXI века и ее особенности в субъектах с этническим компонентом // Геополитика и экогеодинамика регионов. 2020. Том 6. № 3. С. 14–26. DOI: <https://doi.org/10.37279/2309-7663-2020-6-3-14-26>.
5. *Филиппова В. В., Кумо К., Литвиненко Т. В., Саввинова А. Н.* Общие тенденции и географические различия в динамике сельского населения Республики Саха (Якутия): итоги трех десятилетий // Географическая среда и живые системы. 2020. № 2. С. 65–77. DOI: <https://doi.org/10.18384/2712-7621-2020-2-65-77>.
6. *Litvinenko T. V., Kumo K., Savvinova A. N., Filippova V. V.* Rural Population Dynamics in the Russian Extreme North in 1989-2019: A Case of Sakha Republic (Yakutia) // Geography, Environment, Sustainability. 2020. Vol.13, No. 4. P. 65–71. DOI: <https://doi.org/10.24057/2071-9388-2020-137>.

Благодарности и финансирование:

Статья подготовлена по материалам исследований по теме ГЗ № 0148-2019-0008 (АААА-А19-119022190170-1) «Проблемы и перспективы территориального развития России в условиях его неравномерности и глобальной нестабильности» (2019–2023 гг.)

РОЛЬ КОРПОРАТИВНОЙ ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ В ПОДДЕРЖКЕ СЕМЬИ И РАЗВИТИИ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА

Вавилова А. С., кандидат экономических наук, доцент, Новосибирский государственный университет экономики и управления, Новосибирск, Россия, e-mail: a.s.vavilova@edu.nsuem.ru.

Аннотация. В статье рассмотрены основные направления корпоративной демографической политики, имеющие потенциал реализации в российских компаниях. Предпринята попытка представить модель корпоративной демографической политики. В качестве кейса приведены реализуемые и потенциальные проекты, направленные на поддержку семьи и семейных ценностей одной из сибирских региональных компаний.

Ключевые слова: корпоративная демографическая политика; поддержка семьи и семейных ценностей; механизмы пронаталистской политики.

ROLE OF CORPORATE DEMOGRAPHIC POLICY IN SUPPORTING THE FAMILY AND HUMAN CAPACITY DEVELOPMENT

Vavilova A. S., Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Novosibirsk State University of Economics and Management, Novosibirsk, Russia, e-mail: a.s.vavilova@edu.nsuem.ru.

Abstract. The article discusses the main directions of corporate demographic policy that have the potential for implementation in Russian companies. An attempt is made to present a model of corporate demographic policy. As a case study, ongoing and potential projects aimed at supporting the family and family values of one of the Siberian regional companies are given.

Keywords: supporting demographic policy; family support and family values, pro-natalist policy mechanisms.

Одним из ключевых направлений стратегии национальной безопасности России, утвержденной указом Президента РФ, является сбережение народа России и развитие человеческого потенциала. Особое внимание при реализации данного направления предложено уделить вопросам поддержки семьи, материнства, отцовства и детства, формированию условий для достойной жизни старшего поколения, повышению рождаемости, воспитанию детей [1].

Представляется, что действия, направленные на сбережения народа России и развитие человеческого потенциала, должны выстраиваться на нескольких уровнях, предусматривая на каждом из них совокупность поддерживающих и усиливающих друг друга мер. Так, например, стимулирование рождаемости и родительства, помимо государственного, возможно осуществлять и через уровень социальных институтов – например, социальные институты бизнеса, образования, гражданского общества и др. Так, стимулирование рождаемости и родительства через социальный институт бизнеса может быть более адресным, сфокусированным на конкретных потребностях работников предприятий, выполняющих вместе с профессиональными функции родительского труда.

Направление поддержки семьи и семейных ценностей является достаточно новым в системе социальной ответственности российского бизнеса. Однако, очевидна интеграция некоторых практик family-friendly policy, характерных для международных компаний, в российские организации, что и указывает на возможности развития и популяризации мер демографической политики на корпоративном уровне и в России.

Однако, на сегодняшний день, отсутствует четкий запрос от государств и общества на реализацию корпоративной демографической политики, для нее не характерно стратегическое планирование, что не способствует развитию долгосрочного инвестирования [2].

Корпоративная демографическая политика – это система мер, направленных на поддержку потребностей работников организации, выполняющих, помимо профессионально-трудовых, еще и семейные функции (в том числе – родительские функции, уход за престарелыми родителями и др.) [3].

Проведенный нами анализ международных практик позволил определить, что наиболее распространенные направления реализации корпоративной демографической политики схожи с целями, стоящими перед российским обществом в области развития человеческого потенциала. Основные направления таковы:

1. Обеспечение защиты жизни и здоровья работников.

Базовыми мерами в данной категории являются возмещение расходов на медицинские услуги (в том числе, на ведение беременности и роды), корпоративная медицина, профилактические кампании, регулярная диспансеризация сотрудников, помощь штатных психологов, программы по организации спортивного досуга сотрудников, организация комфортного рабочего места и т. д.;

2. Достойное вознаграждение за труд, включая меры социальной поддержки.

К данной категории относится не только выплата заработной платы, соответствующей требованиям рынка труда, но и эффективный и соизмеримый с успехами компании премиальный фонд; меры, направленные, например, на помощь сотрудникам в вопросах кредитования;

3. Уважение семейных обязанностей работников.

Это становится возможным через реализацию таких корпоративных услуг, как организация образовательной детальности и досуга детей сотрудников; возмещение расходов на мероприятия по уходу за престарелыми родственниками и членами семьи, требующими особого ухода; меры, направленные на поддержание баланса между карьерой и семьей, и т. д.;

4. Эффективная система взаимодействия с работниками как основными стейкхолдерами компании.

Рассматривая персонал как лиц, максимально заинтересованных в успешности компании, организации с высоким уровнем корпоративной социальной ответственности готовы предлагать им прозрачную систему взаимодействия, гибкий график работы и отпусков, возможность удаленной работы и т. д.

Представляется, что включение российскими организациями данных направлений в социальную политику могут стать поддерживающей платформой для мер демографической политики, реализуемых на государственном уровне. Дополняя друг друга, они будут иметь синергетический эффект для достижения цели развития человеческого потенциала.

Поэтому нами предпринята попытка представить модель корпоративной демографической политики, связанную, с одной стороны, с национальной демографической повесткой, а с другой – с корпоративной политикой социальной ответственности. Основные направления выстраивания данной модели таковы:

1. Разработка, систематизация и закрепление правил, принципов, целей и норм формирования корпоративной демографической политики.

В процессе разработки принципов этой политики представляется важным включать работников, уже имеющих или планирующих иметь детей.

2. Расширение инструментальной базы демографической политики, перспективной для использования на уровне предприятий.

При разработке инструментальной базы можно опираться на те же категории механизмов пронаталистской политики, которые существуют на государственном уровне (идеологические, экономико-финансовые, организационно-медицинские, административно-правовые).

3. Выстраивание системы информационно-коммуникативной поддержки, мониторинга и контроля социальной эффективности корпоративной демографической политики.

Важно закрепление на уровне организационной культуры предприятия корпоративных ценностей, базирующихся на положительном отношении к родительству, а также включение результатов деятельности по реализации услуг, направленных на поддержание семей с детьми, в социальную отчетность компании.

В качестве примера возможности реализации данной модели рассмотрим кейс одной из Сибирских компаний. Основные направления реализации модели корпоративной демографической политики рассмотрены в таблице 1. На сегодняшний день в компании работает 2800 сотрудников. Средний возраст сотрудников 30 лет. 920 сотрудников имеют детей (32%), 54 (5,8%) из них имеют статус многодетных.

Приведенный пример может свидетельствовать о готовности компаний включать в политику социальной ответственности направление поддержки семьи и семейных ценностей.

Таблица 1.

**Направления модели корпоративной демографической политики:
кейс сибирской компании**

<i>Направление</i>	<i>Действия, осуществляемые компанией</i>	
	<i>Реализуемые</i>	<i>Потенциальные</i>
Разработка, систематизация и закрепление правил, принципов, целей и норм формирования корпоративной демографической политики.	Информирование сотрудников через корпоративный портал о программах, мерах поддержки баланса между работой и семьей.	Разработка официальных актов, закрепляющих формирование корпоративной демографической политики.
Расширение инструментальной базы демографической политики, перспективной для использования на уровне предприятий.	Меры, относящиеся к экономико-финансовым, организационно-медицинским, административно-правовым механизмам пронаталистской политики (основные из них представлены в таблице 2).	Разработка мер, в рамках идеологических и духовных механизмов (например, семейные корпоративные праздники; информирование сотрудников о рождении детей у коллег и пр.).
Выстраивание системы информационно-коммуникативной поддержки, мониторинга и контроля социальной эффективности корпоративной демографической политики.	Ежегодный отчет перед акционерами по реализации ESG стратегии компании, содержащий такие статьи, как: создание условий для эффективного труда и развития человеческого потенциала; обеспечение соблюдения и защиты прав человека, инклюзивной среды и равного доступа к продуктам и услугам; содействие экономическому благополучию и процветанию для всех.	Предоставление подобных отчетов в открытый доступ.

**Меры корпоративной демографической политики:
кейс сибирской компании**

<i>Виды механизмов</i>	<i>Конкретные меры</i>
Экономико-финансовые механизмы	1. Возможность ведения беременности и роды по ДМС для ключевых сотрудников; 2. Распространение ДМС на супругов и детей ключевых сотрудников и сотрудников уровня директора департамента и выше; 3. Доплата до 40% от реального заработка сотрудницам, находящимся в отпуске по уходу за ребенком; 4. Подарок на дни рождения ребенка.
Организационно-медицинские механизмы	1. Возможность ведения беременности и родов по ДМС для ключевых сотрудников; 2. Распространение ДМС на супругов и детей ключевых сотрудников и сотрудников уровня директора департамента и выше; 3. Терапевт в офисе; 4. Ежегодная диспансеризация за счет компании
Административно-правовые механизмы	1. Детский сад и школа для детей сотрудников; 2. Летний пришкольный лагерь и лагерь детского сада для детей сотрудников; 3. Каникулярные программы для школьников – детей сотрудников; 4. Предоставление возможности сотрудницам с детьми до 3-х лет работать вне офиса.

Представляется, что ориентация на предложенную модель и использование ее предприятиями при реализации социальной политики позволит придать реализуемым в стране демографическим мерам последовательность, комплексность, системность; способствовать решению вопросов развития человеческого потенциала.

Список литературы и источников

1. Указ Президента Российской Федерации от 02.07.2021 г. № 400 О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации // Президент России [сайт]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47046> (дата обращения: 11.10.2021).
2. Козлов В. А. Семейная политика в Российской Федерации: уровни ответственности, реализации и финансирования: диссертация на соискание ученой степени кандидата экономических наук / Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова. Москва, 2011. 162 с.
3. Багирова А. П., Вавилова А. С. Корпоративная демографическая политика, оценки и возможности // Human Progress. 2021. Т. 7. № 2. С. 3. DOI: <https://doi.org/10.34709/IM.172.3>.

Благодарности и финансирование:

Статья подготовлена в рамках проекта «Российская пронаталистская политика: ресурсы, эффекты, возможности оптимизации», поддержанного Советом по грантам Президента Российской Федерации на государственную поддержку ведущих научных школ Российской Федерации (НШ-2722.2020.6).

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ, ВЛИЯЮЩИЕ НА РОЖДАЕМОСТЬ В ВОЛГОГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ

Васильева Е. Н., доктор социологических наук, доцент, профессор кафедры социологии и социальных технологий Волгоградского государственного университета, Волгоград, Россия, e-mail: vasilevaen@volsu.ru.

Абашкина Е. В., кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии и социальных технологий Волгоградского государственного университета; консультант отдела информационно-методической работы комитета социальной защиты населения Волгоградской области, Волгоград, Россия, e-mail: e_abashkina@volganet.ru.

***Аннотация.** В работе исследованы социально-экономические факторы, влияющие на рождаемость детей в Волгоградской области, а также представлены результаты первой волны Всероссийского исследования «Демографическое самочувствие России», проведенного ИДИ ФНИСЦ РАН в 2019–2020 гг., данные экспертного интервью со специалистами Комитета социальной защиты населения Волгоградской области (4 эксперта). Полученные данные позволили сделать вывод о наиболее эффективных мерах поддержки рождаемости в Волгоградской области.*

***Ключевые слова:** демография, рождаемость, семья, меры поддержки семьи, домохозяйство.*

SOCIO-ECONOMIC FACTORS AFFECTING FERTILITY IN THE VOLGOGRAD REGION

Vasilyeva E. N., Doctor of Sociological Sciences, Docent, Professor, Department for Sociology and Social Technologies, Volgograd State University, Volgograd, Russia, e-mail: vasilevaen@volsu.ru.

Abashkina E. V., Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Department for Sociology and Social Technologies, Volgograd State University; Consultant, Department for Information and Methodological Work, Committee for Social Protection of the Population of the Volgograd Region, Volgograd, Russia, e-mail: e_abashkina@volganet.ru.

***Abstract.** The paper investigates the socio-economic factors affecting the birth rate of children in the Volgograd region, and also presents the results of the first wave of the All-Russian study "Demographic well-being of Russia" conducted by IDI of the Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences in 2019-2020, and the data of an expert interview with specialists of the Committee for Social Protection of the Population of the Volgograd region (4 experts). The data obtained allowed us to conclude about the most effective measures to support the birth rate in the Volgograd region.*

***Keywords:** demography, fertility, family, family support measures, household.*

Демографическая ситуация в современной России характеризуется как неблагоприятная. Вопросы повышения рождаемости активно обсуждаются в публикациях ведущих российских ученых [1; 2; 3; 4], в управленческой практике, на федеральном и региональном уровнях в рамках реализации национального проекта «Демография». Актуальность данных проблем обусловлена снижением численности населения, входящего в репродуктивный возраст, что хорошо отражают половозрастные пирамиды (см. рис. 1).

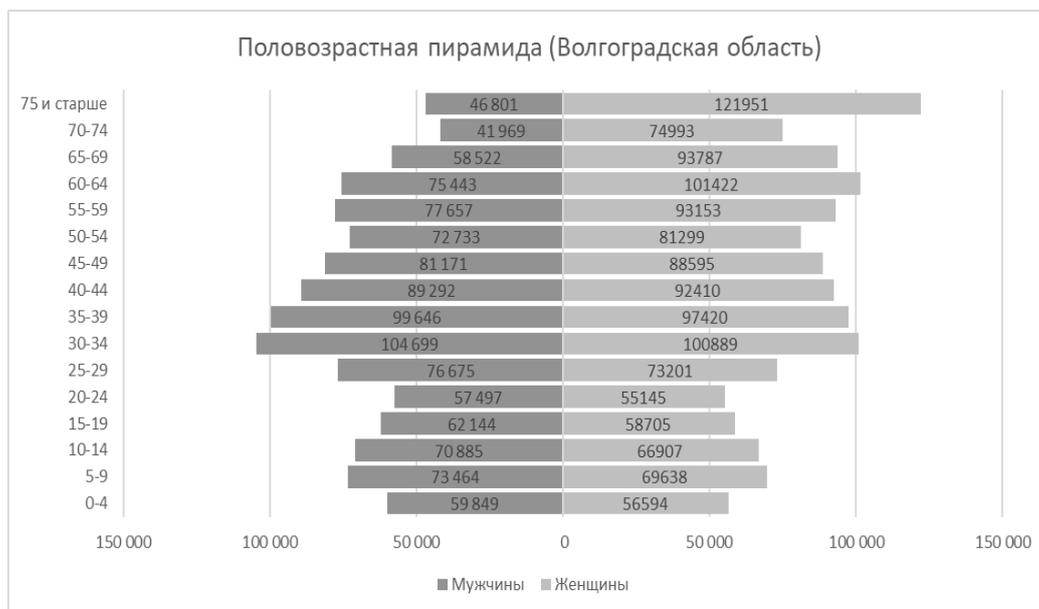

Рис. 1. Половозрастная пирамида населения Волгоградской области на 01.01.2021 гг. (составлено авторами на основе предварительных статистических данных по Волгоградской области, полученных методом экспертного опроса)

Кроме объективных факторов, таких как структура населения на репродуктивное поведение влияют и субъективные факторы, результаты социологического исследования Всероссийского исследования «Демографическое самочувствие России», проведенного ИДИ ФНИСЦ РАН в 2019–2020 гг., представлены в таблице 1.

Таблица 1.

Ответ на вопрос: «Что мешает лично Вам иметь желаемое число детей? (%)»

Причины отказа от рождения желаемого числа детей		Женщины	Мужчины	Итого
Материальные трудности	Очень мешает	32,1	31,0	31,5
	Мешает	33,8	35,2	34,5
	Не мешает	23,9	22,6	23,2
	Затрудняюсь ответить	10,3	11,2	10,7
	Итого	100,0	100,0	100,0
Неуверенность в завтрашнем дне	Очень мешает	28,7	25,9	27,3
	Мешает	34,3	33,5	33,9
	Не мешает	26,7	27,5	27,1
	Затрудняюсь ответить	10,3	13,1	11,7
	Итого	100,0	100,0	100,0
Большая занятость на работе	Очень мешает	16,3	13,7	15,0
	Мешает	30,8	32,1	31,5
	Не мешает	40,1	40,0	40,0
	Затрудняюсь ответить	12,9	14,1	13,5
	Итого	100,0	100,0	100,0
Не с кем будет оставить ребенка, когда начну (жена начнет) работать	Очень мешает	14,0	11,9	12,9
	Мешает	30,0	30,6	30,3
	Не мешает	40,3	40,3	40,3
	Затрудняюсь ответить	15,7	17,2	16,5
	Итого	100,0	100,0	100,0

III ВСЕРОССИЙСКИЙ ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ ФОРУМ С МЕЖДУНАРОДНЫМ УЧАСТИЕМ

Жилищные трудности	Очень мешает	21,5	23,0	22,3
	Мешает	27,3	31,1	29,2
	Не мешает	41,9	32,4	37,1
	Затрудняюсь ответить	9,2	13,6	11,4
	Итого	100,0	100,0	100,0
Неудовлетворительное состояние моего здоровья	Очень мешает	12,8	7,2	10,0
	Мешает	27,0	18,6	22,7
	Не мешает	43,0	55,8	49,5
	Затрудняюсь ответить	17,2	18,4	17,8
	Итого	100,0	100,0	100,0
Отсутствие мужа (жены)	Очень мешает	19,6	14,7	17,1
	Мешает	15,4	14,0	14,7
	Не мешает	43,2	46,3	44,8
	Затрудняюсь ответить	21,8	24,9	23,4
	Итого	100,0	100,0	100,0
Отсутствие работы	Очень мешает	19,7	23,3	21,5
	Мешает	22,8	23,2	23,0
	Не мешает	43,4	39,2	41,2
	Затрудняюсь ответить	14,2	14,3	14,2
	Итого	100,0	100,0	100,0
Трудности (для жены) совмещения работы вне дома и по дому	Очень мешает	12,2	11,6	11,9
	Мешает	27,8	27,3	27,6
	Не мешает	43,6	39,9	41,7
	Затрудняюсь ответить	16,4	21,2	18,9
	Итого	100,0	100,0	100,0
Стремление должным образом вырастить и воспитать уже имеющегося ребенка (детей)	Очень мешает	11,4	12,0	11,7
	Мешает	23,3	20,0	21,6
	Не мешает	45,9	50,2	48,1
	Затрудняюсь ответить	19,5	17,9	18,6
	Итого	100,0	100,0	100,0
Неудовлетворительное состояние здоровья мужа (жены)	Очень мешает	9,3	7,6	8,5
	Мешает	17,9	18,9	18,4
	Не мешает	50,2	51,8	51,0
	Затрудняюсь ответить	22,6	21,6	22,1
	Итого	100,0	100,0	100,0
Нежелание мужа (жены)	Очень мешает	11,4	10,9	11,2
	Мешает	15,2	18,6	17,0
	Не мешает	50,2	45,8	47,9
	Затрудняюсь ответить	23,1	24,7	23,9
	Итого	100,0	100,0	100,0
Неудобный режим работы	Очень мешает	10,9	10,6	10,7
	Мешает	22,0	23,8	22,9
	Не мешает	52,3	48,7	50,5
	Затрудняюсь ответить	14,8	16,8	15,9
	Итого	100,0	100,0	100,0
Трудно устроить ребенка в хорошие ясли или детский сад недалеко от дома	Очень мешает	10,7	10,2	10,4
	Мешает	18,5	24,3	21,5
	Не мешает	54,9	46,7	50,7
	Затрудняюсь ответить	15,9	18,8	17,4
	Итого	100,0	100,0	100,0

III ВСЕРОССИЙСКИЙ ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ ФОРУМ С МЕЖДУНАРОДНЫМ УЧАСТИЕМ

Стремление достичь успехов в работе	Очень мешает	10,8	9,4	10,1
	Мешает	21,2	20,1	20,6
	Не мешает	55,5	55,7	55,6
	Затрудняюсь ответить	12,5	14,9	13,7
	Итого	100,0	100,0	100,0
Боязнь ущемить интересы имеющихся детей	Очень мешает	7,4	8,1	7,8
	Мешает	17,0	17,2	17,1
	Не мешает	58,2	56,0	57,1
	Затрудняюсь ответить	17,3	18,7	18,0
	Итого	100,0	100,0	100,0
Работаю далеко от дома, много времени трачу на дорогу	Очень мешает	9,0	10,3	9,7
	Мешает	17,9	21,3	19,6
	Не мешает	59,1	52,0	55,5
	Затрудняюсь ответить	14,0	16,5	15,3
	Итого	100,0	100,0	100,0
Сложности во взаимоотношениях	Очень мешает	9,3	9,0	9,1
	Мешает	14,2	16,1	15,2
	Не мешает	60,2	56,1	58,1
	Затрудняюсь ответить	16,4	18,7	17,6
	Итого	100,0	100,0	100,0
Стремление интереснее проводить досуг	Очень мешает	7,9	8,4	8,2
	Мешает	14,0	16,8	15,4
	Не мешает	65,4	60,1	62,7
	Затрудняюсь ответить	12,7	14,7	13,7
	Итого	100,0	100,0	100,0
Родственники пока против рождения еще ребенка (детей)	Очень мешает	5,1	5,1	5,1
	Мешает	7,2	7,5	7,3
	Не мешает	67,8	64,9	66,3
	Затрудняюсь ответить	20,0	22,5	21,3
	Итого	100,0	100,0	100,0

Анализ полученных данных позволяет структурировать причины отказа от рождения желаемого числа детей. Так на первое место респонденты ставят материальные трудности, неуверенность в завтрашнем дне, большую занятость на работе, отсутствие помощи с уходом за ребенком («не с кем будет оставить ребенка, когда начну (жена начнет) работать»), жилищные трудности, неудовлетворительное состояние здоровья. Наименьшее влияние оказывают следующие причины: боязнь ущемить интересы имеющихся детей; удаленность работы от дома; сложности во взаимоотношениях супругов; стремление интереснее проводить досуг; отсутствие поддержки рождения еще одного ребенка (детей) со стороны родственников.

Анализ объективных (структура населения) и субъективных факторов (условия жизни российской семьи) позволяет выделить следующие проблемы Первая – это снижение рождаемости на фоне изменения социально-демографических характеристик Волгоградской области. Вторая – высокий уровень смертности, тем более ситуация осложняется появлением коронавирусной инфекции. Эксперты, сравнивая 2019 и 2020 гг., констатируют: «... до 2019 г. на протяжении 2017 и 2018 гг. ситуация со смертностью была относительно стабильной, если можно так выразиться, то есть не было резких скачков роста, а наоборот, было поступательное снижение, к этому были предпосылки. Конечно, 2020 г. нас вернул на несколько лет назад» (эксперт 1, специалист комитета социальной защиты населения Волгоградской области). Третья проблема – миграция, эксперты отмечают, что в основном

уезжают трудоспособные граждане фертильного, репродуктивного возраста, которые не видят возможности реализовать свой потенциал на территории Волгоградской области.

Для предотвращения дальнейшего снижения численности населения в Волгоградской области внедряются меры, направленные на увеличение рождаемости детей, снижение смертности, рост привлекательности Волгоградской области для мигрантов и предупреждение оттока населения из региона. Во-первых, это региональные выплаты на рождение первого ребенка, призванные стимулировать рождение ребенка в более раннем возрасте. Также осуществляется поддержка многодетных семей (родительский капитал на рождение третьего и последующего ребенка (детей), ежемесячная денежная выплата многодетным семьям на оплату коммунальных услуг, ежеквартальная выплата на каждого ребенка из многодетной семьи, как мера морального поощрения – почетный знак «Материнская слава» и др.), поступательно реализуется программа (федеральное, региональное, местное софинансирование) по улучшению жилищных условий для молодых семей.

Во-вторых, регион очень активно с 2018 г. включен в реализацию проекта «Старшее поколение», целью которого является повышение качества жизни населения, уменьшение смертности и продление активного периода жизни россиян. В-третьих, реализуются программы, направленные на улучшение инфраструктуры региона, снижение безработицы на рынке труда, повышение уровня образования женщин с детьми (реализуется программа «Земский врач», осуществляется межведомственное взаимодействие как основа реализации демографической политики, в том числе вводятся в эксплуатацию новые детские дошкольные образовательные учреждения и др.).

В целом, политика региона, как и РФ, направлена на стабилизацию демографических показателей, вводятся новые меры социальной поддержки населения, однако, как показывают данные всероссийского социологического исследования, введенные меры не оказывают должного влияния на мотивацию к рождению еще одного ребенка. Наиболее эффективной программой остается программа улучшения жилищных условий семьи, именно ее необходимо трансформировать для мотивации молодых родителей к рождению последующих детей.

Список литературы и источников

1. Антонов А. И. Метаморфозы интерпретационной логики 1, 2, 3-й и последующих теорий демографического перехода и социологический подход к объяснению тенденций семейно-демографической динамики // Национальные демографические приоритеты: подходы и меры реализации. Серия «Демография. Социология. Экономика». Том 5. № 4 / Под редакцией Рязанцева С. В., Ростовской Т. К. – М.: Изд-во «Экон-Информ», 2019. – 558 с. – С. 193-197. ISBN: 978-5-907057-96-8.
2. Архангельский В. Н., Елизаров В. В., Джанаева Н. Г. Дети или материальный достаток: детерминация выбора // Уровень жизни населения регионов России. 2021. Т. 17. № 1. С. 102–120. DOI: <https://doi.org/10.19181/lspr.2021.17.1.8>.
3. Ростовская Т. К., Князькова Е. А. Репродуктивные установки в российском обществе: по данным всероссийского социологического исследования // Вестник Южно-Российского государственного технического университета (НПИ). Серия: Социально-экономические науки. 2021. Т. 14. № 2. С. 121–129. DOI: <https://doi.org/10.17213/2075-2067-2021-2-121-129>.
4. Рязанцев С. В., Рыбаковский Л. Л. Демографическое развитие России в XX–XXI веках: историческое и геополитическое измерения // Вестник Российской академии наук. 2021. Т. 91. № 9. С. 810–819. DOI: <https://doi.org/10.31857/S0869587321090085>.

Благодарности и финансирование:

Исследование проведено в рамках проекта Российского научного фонда № 20-18-00256 «Демографическое поведение населения в контексте национальной безопасности России».

ИССЛЕДОВАНИЕ СЕМЕЙ МЕТОДОМ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ОПРОСА: ВОЗМОЖНОСТИ ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ

Вдовина М. В., доктор социологических наук, профессор факультета социологии Российского государственного социального университета, Москва, Россия, e-mail: antigon1922@yandex.ru.

***Аннотация.** Совершенствование социально-демографической политики требует надежного научного обоснования. В работе обозначены возможные прикладные приемы, которые помогут исследователям получить в результате социологического опроса семей более достоверные исследовательские материалы. Указаны некоторые гендерные и возрастные особенности респондентов, специфика их внутригруппового межличностного взаимодействия, которые следует учитывать при проведении опроса семей.*

***Ключевые слова.** Специфика социологического опроса семьи, достоверность и объективность информации, повышение эффективности опроса.*

THE STUDY OF FAMILIES BY THE METHOD OF A SOCIOLOGICAL SURVEY: OPPORTUNITIES FOR IMPROVING EFFICIENCY

Vdovina M. V., Doctor of Sociological Sciences, Professor, Faculty of Sociology, Russian State Social University, Moscow, Russia, e-mail: antigon1922@yandex.ru.

***Abstract.** The improvement of socio-demographic policy requires a reliable scientific justification. The paper outlines possible applied techniques that will help researchers to obtain more reliable research materials as a result of a sociological survey of families. Some gender and age characteristics of the respondents, the specifics of their intra-group interpersonal interaction, which should be taken into account when conducting a survey of families, are indicated.*

***Keywords.** The specifics of the sociological survey of the family, the reliability and objectivity of information, improving the effectiveness of the survey.*

Решение практических задач, связанных с повышением рождаемости, формированием мотивации к многодетности, самосохранительному поведению, поддержке семьи и защиты детей и т. п. невозможно без проведения научных исследований, связанных с отношением к этому самих семей.

Семья, ее демографические проблемы, методология и методика социологических исследований привлекают внимание многих современных российских ученых [1–4]. Рекомендации, предлагаемые в данной публикации, базируются на многолетнем практическом опыте опросов семей [5–8].

Опрос довольно часто используется для сбора социологических данных. Как метод сбора первичной информации об объективных фактах и/или субъективных мнениях, настроениях, оценках и т. п. людей опрос позволяет глубже узнать специфику семьи. При этом исследователю необходимо учитывать ряд особенностей, которые позволят снизить влияние субъективного фактора, житейских стереотипов, повысить эффективность исследования.

Для успешной реализации исследовательских задач необходимо стараться проводить опрос семьи в целом, поскольку опрос только одного-двух ее членов (например, матери, бабушки) не даст полной информации.

Как известно, выделяют такие разновидности опроса, как анкетирование (письменный опрос) и интервьюирование (устный опрос).

У каждого из них есть свои сильные и слабые стороны. Например, анкетирование позволяет сэкономить время, но затратно само размножение анкет. В современной прикладной

социологии данное ограничение все чаще преодолевается с помощью онлайн-опроса, недостатком которого все же является то, что исследователь не видит, кто именно и как заполнял анкету (обсуждая с другими членами семьи или самостоятельно). При проведении индивидуальных опросов прибегают к ограничению приема одной анкеты с одного IP-адреса (во избежание заполнения одним человеком нескольких анкет), однако в случае опроса семьи такой прием будет бесполезен, так как в семье может иметься всего один компьютер.

И наоборот, проводя опрос непосредственно, лицом к лицу, интервьюер может контролировать поведение респондентов. При этом, безусловно, увеличивается время, затрачиваемое на опрос нескольких членов семьи одним специалистом.

Организационно-методические приемы, позволяющие создать благоприятную обстановку опроса, очень важны. Они состоят в следующем:

- Семью лучше опрашивать в естественной для них домашней обстановке. Комплекс методов (опрос, наблюдение, анализ документов и др.) позволит добиться большей полноты, объективности и достоверности данных.
- При опросе члены семьи не должны советоваться между собой, тем более, должны быть исключены посторонние – соседи, гости и др. Лучше использовать анкету, которую каждый родственник заполнит индивидуально.

Наиболее подходящей для опроса является спокойная, доверительная, непринужденная обстановка, разговор наедине.

Общие правила постановки вопросов также позволяют добиться повышения эффективности.

Любой опрос необходимо начинать с краткого введения. Цель – заинтересовать семью, расположить к сотрудничеству, установить доверие, обозначить тему опроса и технику его проведения.

Люди часто настороженно относятся к любым визитам и расспросам, особенно касающимся частной жизни. Многие могут неохотно отреагировать на опрос из-за нехватки времени, опасения, что они могут сказать что-то, что будет потом использовано против них и т. п. Либо, наоборот, воспринять опрос как ситуацию для решения своих проблем: от анкетера/интервьюера могут потребовать советов и обещаний помочь.

Поэтому исследователь должен сразу пояснить, кто и зачем проводит опрос. Необходимо в начале опроса сказать, что он не займет много времени. Следует пояснить, что опрос проводится с целью получить исследовательскую информацию, то есть попытаться снять возможное напряжение. Повышает откровенность заверение в конфиденциальности полученной информации. Конечно, необходимо предоставить пояснения, как респонденты должны давать ответы (выбирать готовые варианты, предлагать свои и т. д.).

Как показывает практика, наиболее удобными являются полузакрытые вопросы: если опрашиваемому трудно предложить свой вариант, то он выбирает готовый ответ. Открытые вопросы считаются сложными, поскольку людям обычно трудно кратко и четко сформулировать свой ответ. Однако совсем отказываться от открытых вопросов тоже нецелесообразно, ведь исследователю важно узнать мнение члена семьи, выраженное его собственными словами.

Особенно тщательно нужно подходить к заполнению вопросов, характеризующих социально-демографический статус участника опроса (пол, возраст, брачное состояние, число детей и т. п.), так называемую «паспортичку».

В паспортичку в число ответов на вопрос о семейном положении целесообразно вводить вариант «живу в «гражданском браке» (наряду с ответом «состою в официальном браке»). В противном случае те, кто находятся в т. н. фактических отношениях, затрудняются с самоидентификацией, оставляют такой вопрос без ответа или относят себя либо к варианту «в браке», либо – к варианту «холост/не замужем», что ведет к смещению в выборке и, естественно, ошибкам при дальнейшем анализе. Лучше для восприятия (хотя и юридически неверна) формулировка «живу в «гражданском браке», потому что вариант «состою в

фактических отношениях» не всем понятен, а «сожительствую» – хотя и точен в правовом отношении, но воспринимается часто негативно.

Неоднозначно трактуется и термин «дети». Часть опрошиваемых вкладывает в него смысл «несовершеннолетние в целом», часть – значение «собственные сын, дочь». Поэтому представляется обоснованным употреблять более конкретные формулировки, например: «Ваши собственные дети» и т. д.

В фамилистике как науке о семье присутствует достаточно много специфических терминов, однако не следует их использовать в анкетах. Далеко не все респонденты точно интерпретируют термины «сноха», «невестка», «золовка», «шурин» и т. п. Отсюда возможны неточные ответы, раздражения и т. п. Особенно этого следует избегать в заочных (включая онлайн) опросах, которые требуют предельной ясности вопросов, заинтересованности участников.

В целом, слова и поведение специалиста не должны смущать семью, вызывать сомнения в благоприятном исходе опроса, касаться событий, которые трудно вспомнить. Однако специфика семейных опросов такова, что порой приходится задавать вопросы глубоко личного и даже интимного характера. Подобные вопросы лучше перевести из прямой формы в косвенную (например: «Большинство людей считают, что ... А Вы с ними согласны?»). Отвечая на косвенный вопрос, человек, как правило, исходит из собственного опыта.

Представляется, что в исследовательских интересах можно дополнять полученную информацию случайно услышанными диалогами родственников как независимый от исследования и исследователя источник информации. Однако для их фиксации лучше создавать дополнительные записи.

Встречаются некоторые трудности опроса мужчин, которые в частной сфере склонны порой перекладывать опрос на жену (например, могут ей передать свою анкету для заполнения вместо них, спрашивать у нее, как ответить, мотивируя это тем, что якобы женщины лучше разбираются в семейных делах). Однако следует убедить супругов в том, что важно мнение каждого члена семьи, и не обязательно, чтобы их точки зрения совпадали.

Весьма значимыми могут оказаться взгляды представителей старшего поколения. Позиции родителей молодых супругов могут играть огромную роль не только в отношениях между ними, стабильности брака и т. п., но и в репродуктивном выборе, реализации социализационной функции.

Пожилым людям требуется больше времени для адаптации к ситуации опроса. Сложности могут создать их возрастные изменения состояния здоровья. Целесообразно узнавать, принимал ли незадолго до опроса какие-либо медикаменты возможный респондент, и, если да, то как это на него повлияло. В случае ухудшения самочувствия данного члена семьи лучше не опрашивать.

Часто пожилые респонденты бывают не уверены в том, насколько они компетентны, чтобы отвечать на предлагаемые вопросы. При этом нежелание участвовать в опросе маскируется ссылками на плохое здоровье. Поэтому пожилого члена семьи следует заверить, что его мнение является ценным и понятным, не будет использовано против него. Время опроса лучше, по возможности, сократить (можно попробовать разделить опрос на части).

Ситуация опроса требует хорошей способности видеть и слышать, поэтому нужно поощрять пожилых респондентов пользоваться очками и слуховыми аппаратами, если это необходимо.

Зависимость от других членов семьи часто вызывает боязнь «сказать лишнее»; возможны неконтролируемые реакции. Чтобы преодолеть эти трудности, слова опрошиваемого необходимо соотнести с его внешним видом, поведением, невербальной коммуникацией [9], обстановкой.

Что касается опроса несовершеннолетних, то следует иметь в виду, что, согласно Семейному кодексу РФ [10], мнение ребенка учитывается, начиная с 10-летнего возраста, а его законными представителями являются родители, которые не должны возражать против опроса. Тот, кто опрашивает несовершеннолетнего, должен принимать во внимание его

возраст. Чем он меньше, тем сложнее ребенку понимать абстрактные понятия, он быстрее устает и теряет внимание. Поэтому в опросах для детей и подростков рекомендуется меньшее число вопросов, более простой и конкретный язык изложения, картинки (по возрасту).

Несовершеннолетнего лучше опрашивать специалиста, имеющему специальную подготовку. Наблюдение может стать более информативным, нежели опрос. Не следует делать однозначные выводы из слов ребенка – их надо интерпретировать в общем контексте диагностики всей семьи, соотносить с другими источниками информации, сопоставлять с экспертным мнением педагога-психолога.

Конечно, во время опроса социологу необходимо быть собранным, не навязывать свои взгляды о том, какой должна быть «нормальная» семья.

Безусловно, выводы о положении дел в семье и своих дальнейших практических рекомендациях исследователь должен делать, сопоставив все факты и сообщения, основываясь как на результатах опроса, так и на данных, полученных из иных источников другими методами.

Список литературы и источников

1. Ростовская Т. К., Архангельский В. Н., Кучмаева О. В., Судьин С. А. Факторы рождения второго ребенка в современной России (анализ социологического исследования) // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. 2021. Т. 29. № 3. С. 430–436. DOI: <https://doi.org/10.32687/0869-866X-2021-29-3-430-436>.
2. Антонов А. И., Карпова В. М., Ляликова С. В. Соотношение желаемого и фактического благосостояния семей: по данным социолого-демографического опроса супружеских пар // Уровень жизни населения регионов России. 2021. Т. 17. № 1. С. 121–131. DOI: <https://doi.org/10.19181/lspr.2021.17.1.9>.
3. Климантова Г. И., Черняк Е. М., Щегорцов А. А. Методология и методы социологического исследования (4-е изд.). – М.: Издательско-торговая корпорация «Дашков и К», 2021. – 256 с. ISBN: 978-5-394-02248-7.
4. Танатова Д. К., Вдовина М. В., Юдина Т. Н. Социальные факторы увеличения продолжительности здоровой жизни (по материалам социологических исследований) // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. 2021 Т. 29 № 3 С. 468–473. DOI: <https://doi.org/10.32687/0869-866X-2021-29-3-468-473>.
5. Вдовина М. В. Техника использования метода социологического наблюдения в изучении семейного неблагополучия // Изучение социальных проблем, вызванных семейно-демографической ситуацией в России, методами социальных наук (к 25-летию кафедры социальной работы МГУ им. Н.П. Огарева). материалы Межрегиональной научно-практической конференции. Под общ. ред. проф. Л. И. Савинова. Саранск, 2021. С. 42. ISBN: 978-5-907452-04-6.
6. Вдовина М. В. Функциональные изменения межпоколенческого конфликта в российской семье: диссертация на соискание ученой степени доктора социологических наук / Московский гуманитарный университет. – Москва, 2008. – 370 с.
7. Вдовина М. В. Межпоколенческий конфликт в семье и его регулирование: монография. – Москва: Изд-во Национального ин-та бизнеса, 2008. – 206 с. ISBN: 978-5-8309-0275-5.
8. Вдовина М. В. Социальная работа с семьей: подготовка специалистов // Знание. Понимание. Умение. 2005. № 4. С. 63–68.
9. Ларина Т. И. Повышение качества опросного инструментария на основе анализа невербальных реакций респондентов: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата социологических наук / Российский университет дружбы народов. – Москва, 2015. – 22 с.

10. «Семейный кодекс Российской Федерации» от 29.12.1995 N 223-ФЗ (ред. от 02.07.2021)
// Консультант Плюс. Справочная правовая система. URL:
http://www.consultant.ru/document/cons_doc_law_8982/ (дата обращения 26.09.2021 г.).

СПЕЦИФИКА ОТРАЖЕНИЯ СЕМЬИ В СЛАВЯНСКИХ И ТЮРКСКИХ СИСТЕМАХ ЦЕННОСТЕЙ

Грошева Л. И., кандидат социологических наук, доцент кафедры гуманитарных и общенаучных дисциплин Тюменского высшего военно-инженерного командного училища им. маршала инженерных войск А. И. Прошлякова, Тюмень, Россия, e-mail: malivia@rambler.ru.

Грошев И. Л., кандидат социологических наук, доцент, профессор кафедры гуманитарных и общенаучных дисциплин Тюменского высшего военно-инженерного командного училища им. маршала инженерных войск А. И. Прошлякова, Тюмень, Россия, e-mail: grosh@nextmail.ru.

***Аннотация.** В статье рассматривается проблема восприятия семьи и роли родителей в рамках системы ценностей тюркского и славянского сообществ, как реакция на изменения в жизненных ориентирах современной молодежи. В рамках данных авторского исследования методом контент-анализа представлены основные различия в позиционировании семьи у славян и тюрков, выявлены их подходы к предоставлению информации.*

***Ключевые слова:** родительство, семья, молодежь, национальные различия, система ценностей, установки.*

SPECIFIC REFLECTION OF THE FAMILY IN THE SLAVIC AND TURKIC VALUE SYSTEMS

Grosheva L. I., Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Department for Humanities and General Scientific Disciplines, Tyumen Higher Military Engineering Command School named after Marshal of the Engineering Troops A. I. Proshlyakov, Tyumen, Russia, e-mail: malivia@rambler.ru.

Groshev I. L., Candidate of Sociological Sciences, Docent, Professor, Department for Humanities and General Scientific Disciplines, Tyumen Higher Military Engineering Command School named after Marshal of the Engineering Troops A. I. Proshlyakov, Tyumen, Russia, e-mail: grosh@nextmail.ru.

***Abstract.** The article examines the problem of the perception of the family and the role of parents within the system of values of the Turkic and Slavic communities, as a reaction to changes in the life orientations of modern youth. Within the framework of the data of the author's research by the method of content analysis, the main differences in the positioning of the family among the Slavs and Turks are presented, their approaches to the provision of information are revealed.*

***Keywords:** parenting, family, youth, national differences, value system, attitudes.*

Культура потребления в современном мире характеризуется рационально обоснованными критериями успеха, которые, в большинстве случаев, опираются на материальные блага и внешние показатели благополучия. В значительной мере укреплению позиций индивидуализма способствовала и актуализация виртуального пространства, обусловившего высокий уровень прозрачности частной жизни людей. Таким образом, виртуальное пространство стало основным источником информации и средством коммуникации для большинства молодых людей, что косвенно свидетельствует о высоком уровне влияния виртуальной среды на цели, ценности и установки населения [1, с. 292].

В целом внимание к проблеме института семьи вызвано вполне объективными показателями. Согласно данным Росстата, в апреле 2021 г. количество разводов сравнялось с объемом заключаемых браков, в то время как количество разводов увеличилось в 4,5 раза.

Хотя среди причин подобного факта следует учитывать действие пандемии, в целом тенденция характеризуется высокой устойчивостью, если рассматривать динамику на протяжении 10 лет. По данным ЕМИСС в 2020 г. в России распалось 73% браков, для сравнения в 2018 и 2019 гг. распалось 65% браков. Интересным фактом является дивергенция уровня разводимости в рамках сравнительного анализа регионов. Наименьшее количество разводов в расчете на 100 браков в значительной мере наблюдается в регионах, где значительная доля населения относится к определенным национальным группам: Чечня (15,25), Республика Тыва (29,09), Татарстан (53,03) [2]. Нестабильность семейных отношений помимо прямого вреда демографической ситуации наносит ущерб системе воспитания детей и их адаптации к социальным требованиям и нормам.

Я. М. Роцина подтверждает превалирование демонстративных форм поведения и потребительских установок не только в сфере коммерческих интересов, но и относительно полезности межличностного взаимодействия среди молодых людей в возрасте 18–30 лет. С точки зрения эффективности потребления согласно данным ее исследований, люди предпочитают информационные массивы провокативного плана, содержащие преимущественно негативную информацию, акцентирующую внимание на рациональности отказа от выполнения какой-либо деятельности или от следования установленным нормам и законам, также востребованы данные и факты магического и квазинаучного характера. С точки зрения этапов социализации молодежи отмечалось усиление сопротивляемости традиционным ценностям и устоям, акцентирование внимания на собственной уникальности, и независимости от общих законов и закономерностей [3, с. 132]. Таким образом, современная молодежь в значительной мере ориентирована на удовлетворение личных потребностей и следование собственному жизненному пути, который даже при объективном подчинении ряду социальных обстоятельств рассматривается как высоко аутентичный, относительно которого практически невозможно применение чужого опыта и рекомендаций.

В рамках рассмотрения дивергенции установок молодежи с позиции этнокультурного кода ряд исследователей опирается на интенсификацию упрощения традиций, а также на унификацию молодежного сообщества благодаря процессам глобализации. Еще Э. Тоффлер, рассматривая специфику развития супериндустриального общества, отмечал наличие тенденции трансформации культурных норм общества и размывание специфичности национальных установок, как и идеалов национальной идентичности в целом [4, с. 111]. К указанным характеристикам превалирования виртуального пространства М. Кастельс добавлял параллельное существование двух информационных суперпозиций [5, с. 63]. Первая подразумевает интенсивное распространение и публичность реальных событий и фактов, что в положительном аспекте позволяет получать наиболее полные данные о каком-либо социальном факте. Вторая суперпозиция включает совокупность иллюзорных, вымышленных или сфальсифицированных мнений, фактов и реакций на них, которые могут быть обусловлены как случайным и импульсивным порывом автора, так и целенаправленным воздействием на аудиторию, в особенности активно реализующую свой потенциал через сети Интернет. В связи с этим информирование молодежи о социальных явлениях и ценностных ориентирах в значительной мере происходит в условиях, с одной стороны, низкого уровня доверия к информационным источникам, с другой стороны – низкой критичности восприятия данных, используемых в дальнейшем не только в качестве аргументации собственной позиции, но как инструменты конструирования жизненной стратегии.

Таким образом, формирование у молодежи образа семьи и родительства сталкивается с как минимум двумя системами ценностей: обусловленными особенностями семейного воспитания и транслируемыми посредством виртуального информирования. Растущая роль глобализованного информационного пространства так или иначе оказывает воздействие на молодых людей, которые реализуют усвоенные установки в ежедневных практиках.

Проблемы семьи и родительства как наиболее комплексной стороны жизни людей, также нашли широкое отражение в виртуальном информировании. С целью анализа качества социальных сообществ в сети Интернет в области отражения образа семьи и родительства

автором был проведен контент-анализ 389 сообществ в социальных сетях (ВКонтакте, Facebook, Инстаграм), публикующих материалы текстово-графического характера (анализировались публикации с января по июнь 2021 г.) В ходе отбора сообществ соотношение славянских и тюркских групп отбиралось в равных долях.

Среди этнически и религиозно окрашенных сообществ негативный контент относительно семьи и родительства практически не представлен. В основном он рассматривался в ключе решения проблем и практических советов. Однако и численность национально и религиозно окрашенных сообществ в среднем в 1,5 раза меньше численности групп общеразвивающего характера касательно семейных ценностей и в 1,7 раза меньше количества участников объединений с превалированием негативных данных. Также следует отметить, что национальный фактор в описании семьи и декларировании семейных ценностей как благоприятных в большей степени характерен для тюркского и иранского сообществ, в то время как славянские этнические группы, посвященные семейным ценностям, встречаются в 2,5 раза реже.

В славянском контенте образ семьи в значительной мере сопряжен с ценностями православной веры. Семья позиционируется как средство укрепления позиций в социуме, а также как инструмент реализации «главной миссии человека», связанной с продолжением рода. Среди правил формирования семьи указываются такие принципы как: равноправие, взаимный интерес, наличие общих целей и ценностей, взаимное терпение и компромисс. При этом, следует отметить, что качества, предлагаемые в качестве нормы для обоих родителей во многом универсальны и за некоторым исключением предлагаются обоим супругам в равной степени (терпимость, принятие, любовь к детям, верность и пр.). В значительной мере заметен перевес внимания женскому образу в семье по сравнению с мужским. Проблемам отцовства и качеств отца уделено всего 11,7% сообщений, в то время как образ матери упоминается в 37,2% случаев. Информация касательно отцов предлагалась в достаточно абстрактной форме и касалась общего описания значимости его роли, в то время как для матерей указывались конкретизированные инструкции, советы и выдержки из прикладного опыта. В целом, отец рассматривается как справедливый судья, источник материальных ресурсов семьи (добытчик) и защитник от предполагаемых внешних врагов (в статьях нет конкретного их описания). Мать позиционируется как образец жертвенности, самоотречения и служения семье, которое обуславливается ее собственным осознанным выбором. Внимание к образу отца характеризовалось достаточно низкой регулярностью. Наибольшее количество сообщений было опубликовано в феврале, в то время как в остальные месяцы подобного контента не было представлено. Обращение к женскому образу системно и не зависит от конкретного временного периода.

Дети в семье рассматриваются в большей степени в качестве продолжения идейной составляющей семьи: ретрансляции идей, установок и взглядов родителей. При этом система воспитания позиционируется в качестве комплекса усилий родителей на безвозмездной основе (обязательства детей в отношении родителей были отмечены лишь в 4,8% сообщений). В 19,1% сообщений касательно воспитания детей отмечается неотъемлемость страданий и самоограничения.

В тюркских сообществах система воспитания детей также сопряжена с базовыми религиозными установками Ислама. Отличительными особенностями данных групп является рассмотрение семьи как естественного социального опыта, который не может быть игнорирован. Вместо специальной миссии брак и рождение детей позиционируется как традиционный порядок вещей, абсолютизированный для каждого человека. При этом значительный перевес составляют сообщения позитивной направленности, но относительно невысокой информативности (использование цитат известных деятелей или выдержек из Корана с тематическими фотографиями счастливых родителей).

Соотношение сообщений касательно роли отца и матери представлено в практически равном соотношении, хотя в марте месяце посты о женской роли встречались в 1,4 раза чаще. Образ отца рассматривается не только как источника материального благополучия, но и

воспитателя в отношении детей, преимущественно мальчиков. Предлагаются инструкции в виде готовых установок (заповедей), которые описывают не только действия отца, но и образ мыслей, который он должен транслировать молодому поколению. Женская система воспитания рассматривается относительно детей обоих полов с небольшим превалированием особенностей воспитания девочки как будущей матери. Это обуславливает еще одну специфическую особенность тюркского подхода к воспитанию: дети рассматриваются как будущие родители, и подготовка к родительству позиционируется как необходимость с раннего возраста. В то же время обязательной функцией детей декларируется уважение и забота о родителях. Роли и задачам детей в тюркских сообществах уделено 19,3% сообщений, в то время как у славян их было не более 1%.

Ограничениям и самоотверженности в ходе реализации воспитательной функции в прямом контексте не уделяется внимания. Вместо данной группы установок применен прием «естественности обстоятельств». Вместо жертвенности применяются конкретные функции (отца или матери), вместо самоотверженности предлагается метод вклада в будущее благополучие, в котором предполагается возврат вложенных усилий посредством ответной заботы взрослых детей.

Таким образом, исследование показало, что в рамках виртуального пространства фиксируются существенные различия в отображении семьи и родительства в разрезе славянского и тюркского подходов. Проблема воспитания и компромисса рассматривается в одном случае как особая миссия, в другом – как естественный ход вещей, не нуждающийся в специальной проработке.

Тем не менее, официальной статистики с достаточным уровнем репрезентативности относительно эффективности подобного представления семейных ценностей не представлено. Косвенными фактами могут служить региональные различия в уровне рождаемости, объеме заключенных браков и разводов. Однако изменения в социальных привычках людей все больше касаются индивидуального успеха и личностных достижений, что постепенно разрушает традиционные представления о семье и браке. По этой причине детализация исследований методик и подходов к информированию о семье, браке и воспитании детей необходима для формирования сбалансированной информационной политики, нацеленной на объективный подход к ситуации, но с учетом социально-демографических целей государства.

Список литературы и источников

1. *Грошева И. А., Грошев И. Л., Грошева Л. И.* Генезис взаимодействия государственного и общественного контроля в России // Государство, общество, Церковь в истории России XX-XXI веков. материалы XV Международной научной конференции: в 2-х частях. 2016. С. 291–298.
2. Росстат: количество разводов в России выросло почти в 4,5 раза // Парламентская газета. Газета. 04.06.2021. URL: <https://www.pnp.ru/economics/rosstat-kolichestvo-razvodov-v-rossii-vyroslo-pochti-v-45-raza.html> (дата обращения: 01.07.2021).
3. *Рощина Я. М.* Социология потребления // Экономическая социология. 2006. № 5. С. 129–157.
4. *Тоффлер Э.* Шок будущего Шок будущего; пер. с англ.: Е. Руднева и др. – М.: АСТ, 2003. – 557 с. ISBN: 5-17-010706-4.
5. *Кастельс М.* Власть коммуникации; пер. с английского Н. М. Тылевич, А. А. Архиповой под науч. ред. А. И. Черных. – 2-е изд., доп. – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2017. – 590 с. ISBN: 978-5-7598-1556-3.

ИНСТИТУТ СЕМЬИ И ПРИЧИНЫ ПОЯВЛЕНИЯ ОДИНОКОГО МАТЕРИНСТВА

Еламанова А. С., докторант, Казахский национальный университет им. аль-Фараби, Алма-Ата, Казахстан, e-mail: yelamanova.ainur@gmail.com.

Ростовская Т. К., доктор социологических наук, профессор, главный научный сотрудник, заведующий Отделом семьи и семейно-демографической политики, заместитель директора по научной работе Института демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия, e-mail: rostovskaya.tamara@mail.ru.

Авсыдыкова К. А., кандидат социологических наук, старший преподаватель, Казахский национальный университет им. аль-Фараби, Алма-Ата, Казахстан, e-mail: kuralayavsydykova@gmail.com.

***Аннотация.** Трансформация Казахстанского института семьи способствовала появлению увеличения количества неполных семей, состоящих из одиноких матерей. В число одиноких матерей входят разведенные, усыновившие, вдовы, родившие детей для себя, матери в раннем возрасте, родившие вне брака. В статье раскрывается значение института семьи в современном казахстанском обществе и причины появления одиноких матерей.*

***Ключевые слова:** институт семьи, семейные ценности, одинокие матери, развод, ранняя беременность.*

INSTITUTION OF THE FAMILY AND THE REASONS FOR THE EMERGENCE OF SINGLE MOTHERNESS

Elamanova A. S., Doctoral Student, Al-Farabi Kazakh National University, Almaty, Kazakhstan, e-mail: yelamanova.ainur@gmail.com.

Rostovskaya T. K., Doctor of Sociological Sciences, Professor, Chief Researcher, Head Department for Family and Demographic Policy, Deputy Director for Research, Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia, e-mail: rostovskaya.tamara@mail.ru.

Avsydykova K. A., Candidate of Sociological Sciences, Senior Lecturer, Al-Farabi Kazakh National University, Almaty, Kazakhstan, e-mail: kuralayavsydykova@gmail.com.

***Abstract.** The transformation of the Kazakhstan institution of family contributed to the emergence of an increase in the number of single-parent families consisting of single mothers. Single mothers include divorced, adopted, widows, who gave birth to children for themselves, mothers at an early age who gave birth out of wedlock. The article reveals the importance of the institution of the family in modern Kazakhstan society and the reasons for the appearance of single mothers.*

***Keywords:** family institution, family values, single mothers, divorce, early pregnancy.*

Без института семьи невозможно представить гармоничное развитие общества. В семье находят свое продолжение национальные ценности, традиции, основы воспитания, которые веками передавались из поколения в поколение.

В современном казахстанском обществе особое значение имеет институт семьи. Со стороны нашего государства этому придается большое значение, и Указом Президента Республики Казахстан от 6 декабря 2016 г. №384 утверждена «Концепция семейной и гендерной политики в Республике Казахстан до 2030 г.», в которой изложены основные принципы развития института семьи [1].

Казахстанские ученые, изучающие институт семьи, считают проблему семьи «одной из глобальных проблем современности», подчеркивая, что причиной этого являются противоречивые процессы, происходящие в человеческой цивилизации. «Именно по этой

причине проблема анализа тенденций и направлений в развитии семьи как основа формы личностной и социальной реальности существования человечества должна быть на переднем плане» [2, с. 5].

Если характеризовать традиционную семью такими основными приоритетами, как законная регистрация брака, желание иметь детей или наличие ребенка, стабильность семейных отношений, приоритет роли мужчины в семье, верность супругов друг другу, то в процессе трансформации института семьи эти признаки претерпевают изменения и начинают утрачивать свою значимость.

Отечественные ученые подчеркивают, что «в настоящее время в стране ослабевает институт семьи: растет количество незарегистрированных браков и монородительских семей, увеличивается количество разводов и т. д. К примеру, в Казахстане, каждый третий брак распадается, каждая шестая семья не может иметь детей, 62% казахстанских родителей не занимаются воспитанием детей и т. д. В этой связи, тема очень актуальна, ведь благополучие каждой семьи является основой стабильности в обществе и успешного развития государства» [3, с. 140]. Эксперты отмечают, что в Казахстане существует кризис института семьи. «Последствием этого кризиса, на их взгляд, являются неосознанный брак и/или не стрессоустойчивость, дети сейчас более предоставлены себе, пока родители находятся в погоне за заработком, с рядом живущими родителями многие дети чувствуют себя одинокими, больше времени проводят в социальных сетях, изменения коснулись и семейных казахских традиций. Семейные традиции и обряды, призванные сближать родственников, сегодня в большинстве случаев не соблюдаются. В эпоху глобального экономического кризиса и под влиянием глобализации традиционные ролевые установки претерпевают изменения» [3, с. 143].

В изменении функционально-ролевой структуры семьи большое влияние оказывает женщина. Современная женщина по-прежнему не хочет быть «рядом с семьей, очагом», она хочет быть социально признанной окружающей средой, стремится к ней. Она готова сделать все ради профессиональной карьеры, а иногда и отказаться от своей семьи. Особенно часто это наблюдается среди молодежи. Говоря об изменении позиции женщины в семье, российский ученый А.И.Еремеева в своей работе «Социальные представления современных женщин об одиноком материнстве» отмечает, что «стремительный рост общественной и профессиональной карьерной активности женщин является тихой революцией XXI века» [4, с. 44]. Такое изменение брачно-семейных отношений привело к увеличению числа матерей-одиночек.

Особо следует отметить работу известного казахстанского ученого З.Ж.Жаназаровой, которая выявила характерные черты казахстанской семьи и причины ее кризиса. Автор «определяет важнейшие шаги в пропаганде семейных ценностей и повышении роли семьи в воспитании детей в условиях модернизации общественного сознания. Одной из важнейших причин духовно-нравственного кризиса современного общества является нарушение сложившихся традиций семьи» [5, с. 216]. Ученый подчеркивает, что бедность и низкое материальное положение являются основными проблемами в разрушении семьи.

С середины XX века активное участие женщин в общественно-политической деятельности, результаты эмансипационных движений, достижение определенных успехов в экономическом и карьерном плане способствовали изменению отношения женщин к семейным ценностям. Поэтому, задумав создать семью только после тридцати лет и не найдя подходящего для всех своих требований супруга, девушки, чаще всего рожают «для себя» и этим увеличивают число матерей-одиночек.

Пополняют ряды матерей, воспитывающих детей в одиночку, и разведенные мамы. По фактам разводов Республика Казахстан занимает третье место среди стран СНГ. По мнению экспертов The Economist, Казахстан вошел в десятку стран мира по уровню разводов, то есть находится на 7 месте [6].

Четверть населения нашей республики, то есть каждый четвертый житель страны – молодежь. Молодежь является стратегически важной частью человеческого капитала в

обществе, поэтому главной проблемой нашего общества остается их жизненный навык, образование, занятость, создание семьи, воспитание детей.

Давайте перейдем к официальной статистике, чтобы определить, сколько людей в стране находится в репродуктивном возрасте. По данным Комитета по статистике Министерства национальной экономики Республики Казахстан, в 2014 г. численность молодых людей в возрасте от 14 до 29 лет составила 4 293 353 человека [7], а в 2019 г. численность молодежи сократилась и составила 3 830 536 человек [8]. То есть показатель сокращения численности молодежи – 70 тысяч человек. То есть люди, родившиеся в 1980-х гг., уже не считаются молодыми, так как им уже 40 лет, ряды молодежи пополняют те, кто родился с 1990 г. Как известно, в 1990-е гг. рождаемость резко сократилась из-за сложной политико-социальной и экономической ситуации. Таким образом можно объяснять малое количество молодежи в 2019 г.

Еще один момент – в 2019 г. мы наблюдали преобладание городского населения (56,8%) в разделении молодежи на сельскую и городскую. Численность городской молодежи пополняется сельской молодежью, приехавшей учиться или работать. Но не всем молодым людям удается адаптироваться в городах, это порой приводит к возникновению негативных проблем. Неспособность некоторых молодых людей найти постоянную работу в городе, свободное проживание без ответственности, отсутствие контроля со стороны родителей, склонность к вредным привычкам, ранний секс, все это, в свою очередь, влияет на резкое увеличение числа матерей-одиночек. В национальном докладе «Молодежь Казахстана-2019» подчеркивается, что государством предусмотрены выплата единовременного пособия в связи с рождением ребенка государством, выплата пособий на детей до 18 лет, поддержка детей, оставшихся без попечения родителей, молодежи с ограниченными возможностями», но остались незамеченными права молодых одиноких матерей, составляющих определенную часть молодежи города, виды социальной помощи, оказываемой им [8]. Факт, что в Национальных докладах последних лет отдельно рассматривается вопрос о браке, беременности, разводе среди несовершеннолетних, говорит о том, что актуальность этого вопроса растет день ото дня.

Интересен анализ социологического исследования «Ценности молодежи в Республике Казахстан», проведенного научно-исследовательским центром «Жастар» – организацией, изучающей проблемы молодежи в республике. На вопрос «Для вас самая главная ценность в жизни?», ответили подавляющее большинство респондентов словом «семья» (82, 4%) [9]. Это, конечно, нас очень радует. В современной жизни, где изменились духовные и семейные ценности, это, во-первых, связано с осознанием того, что семья всегда была опорой жизни, главным смыслом существования человека, во-вторых, с точки зрения национального менталитета, можно объяснить тем, что семья для казахского народа занимает особое место.

Но, к сожалению, в современном обществе актуальными остаются вопросы подростковой беременности, аборт, несовершеннолетнего материнства, воспитания ребенка матерью в одиночку. Недостаточный жизненный опыт подростков, пренебрежение собственным здоровьем, раннее половое влечение, непонимание ответственности приводят к увеличению числа матерей-одиночек. По данным Комитета по статистике, в возрасте от 15 до 18 лет самый высокий показатель среди рожениц наблюдается в Алматинской, Жамбылской, Карагандинской и Туркестанской областях. Так, если в 2015 г. число рожениц в возрасте 15–18 лет в г. Алматы составило 3,08%, то за шесть месяцев 2019 г. этот показатель вырос на 6,84% [8]. Это говорит о том, что проблема очень распространена в больших городах.

Во всем мире врачи-специалисты бьют тревогу, сообщая об опасности беременности в подростковом возрасте. Вынашивание ребенка организмом с незрелым половым развитием в большинстве случаев приводит к невозможной трагедии. Смертность молодых матерей при родах, гибель ребенка в утробе, неполноценное развитие ребенка, несвоевременное обращение к врачу, проблемы со здоровьем ребенка и многое другое – все это последствия раннего материнства. А моральные, социальные, психологические, материальные проблемы раннего материнства требуют самостоятельного изучения.

Изучение проблемы «ранней беременности», «материнства в подростковом возрасте» выявляет актуальность привлечения внимания к следующим направлениям:

- пропаганда здорового образа жизни среди детей и молодежи, их родителей, своевременное и продуктивное информирование о формах сохранения здоровья, профилактике и способах незапланированной беременности;
- повышение пропаганды семейных ценностей и престижа семьи в обществе, традиций брака, родителей, подготовка к созданию семьи в условиях рыночных отношений;
- совершенствование механизмов социальной помощи семье;
- поддержка многодетных семей;
- обеспечение социальной защиты молодых матерей, недопущение ограничения их прав на рынке труда;
- доступность для молодежи качественной системы здравоохранения.

Конечно, в Казахстане реализуются мероприятия по поддержке молодых матерей, оказавшихся в трудной жизненной ситуации. Одним из таких шагов является предоставление молодой маме места временного проживания. Но таких центров пока недостаточно, многие расположены в крупных городах, областных центрах. В отдаленных местах, районных центрах нет центров поддержки молодой матери. В целом, недостаточная работа со стороны государства по предотвращению отказа от ребенка может быть выражена в следующем:

- нет центров для молодых мам, финансируемых государством;
- не разработано научное обоснование подготовки кадров, работающих в этих центрах;
- не продуманы механизмы взаимодействия центров и общественных организаций, направленные на поддержку беременных девочек и молодых мам.

Список литературы и источников

1. Указ Президента Республики Казахстан от 6 декабря 2016 года № 384 «Об утверждении Концепции семейной и гендерной политики в Республике Казахстан до 2030 года» // Әділет. Информационно-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/U1600000384> (дата обращения: 06.10.2021).
2. Шаукенова З. К., Соловьева Г. Г., Бурова Е. Е. Отбасы – Қазақстан қоғамы тұрақтылығының факторы / З.К. Шаукенованың жалпы редакциясымен. [Институт семьи как фактор стабильности казахстанского общества / Под общ. ред. З. К. Шаукеновой]. – Алматы: ҚР БҒМ ҒК ФСДИ, 2014. – 222 б. (На казахском).
3. «Қазақстандық отбасылар-2020» Ұлттық баяндамасы [Национальный доклад «Казахстанские семьи-2020»] / Д. Н. Есин, Ә. С. Кайдарова, Ж. С. Батталова, А. К. Ракишева, А. И. Досмухамбетова, Г. М. Мұхамбетқалиева, А. М. Әшімова, А. Б. Иманқұл, З. Т. Алинова, Б. К. Ермекбаева, Ж. А. Маратов, Д. К. Арапов, Ж. К. Каримова, А. Н. Родионов, А. Ж. Баграмова, О. В. Николаева, А. Б. Турекулов – Нұр-Сұлтан қ.: 2020. – 390 б. (На казахском).
4. Еремеева А. И. Социальные представления современных женщин об одиноком материнстве: диссертация на соискание ученой степени кандидата психологических наук. – Москва, 2016. – 173 с.
5. Жаназарова З. Ж. Семья в современном Казахстане: состояние и перспективы развития // Сборник материалов VI Конгресса социологов Казахстана. – Астана, 2018. – с. 216–223.
6. Marriage and divorce Rankings // World in Figures / The Economist. URL: <https://worldinfigures.com/rankings/topic/32> (дата обращения: 06.10.2021).
7. Основные социально-экономические показатели // Бюро национальной статистики Агентства по стратегическому планированию и реформам Республики Казахстан [сайт]. URL: <https://stat.gov.kz/> (дата обращения: 06.10.2021).

8. «Қазақстан жастары-2019» Ұлттық баяндамасы [Национальный доклад «Молодежь Казахстана-2019»] / Ойшыбаев К. Б., Кайдарова А. С., Каримова Ж. К., Ашимханова Д. Э., Батталова Ж. С., Родионов А. Н., Ким Е. М., Жампеисов Д. А., Шаповал Ю. В., Касымбеков А. М. – Астана: НИЦ «Жастар», 2019. –420 с. (На казахском).
9. Социологические исследования «Ценности молодежи Республики Казахстан» – Астана: НИЦ «Молодежь», 2017 г.

**ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПРОГРАММЫ
ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ**

Злотников А. Г., кандидат экономических наук, доцент, профессор Белорусского торгово-экономического университета потребительской кооперации, Гомель, Беларусь, e-mail: zlot@tut.by.

Аннотация. Отражено состояние реализации Государственной программы демографической безопасности Республики Беларусь. Анализируются проблемы ее разработки в свете обострившихся в последние годы депопуляционных процессов.

Ключевые слова: демографическая безопасность, депопуляция, демографический потенциал, тенденции в репродуктивных и миграционных процессах.

**PROBLEMS OF IMPLEMENTATION OF THE STATE PROGRAM
OF DEMOGRAPHIC SECURITY OF THE REPUBLIC OF BELARUS**

Zlotnikov A. G., Candidate of Economic Sciences, Docent, Professor, Belarusian Trade-Economic University of Consumer Cooperation, Gomel, Belarus, e-mail: zlot@tut.by.

Abstract. The state of the implementation of the State program of demographic security of the Republic of Belarus is reflected. The problems of its development are analyzed in the light of the depopulation processes that have become aggravated in recent years.

Keywords: demographic security, depopulation, demographic potential, trends in reproductive and migration processes.

Рубеж XX-XXI вв. в демографической сфере для Беларуси стал самым сложным. Особенно низкие показатели рождаемости сложились к 2002 г., когда число родившихся стало менее 90 тыс. Для выхода из сложившейся негативной ситуации был принят Закон Республики Беларусь «О демографической безопасности», положивший начало преодолению депопуляционных процессов и росту рождаемости. Уже в 2007 г. она превысила сотысячный рубеж, а 2015 г. дал самый высокий показатель рождаемости в XXI столетии – 119 тыс. человек.

Но на рубеже 20-х-30-х годов XXI столетия демографической ситуации в Беларуси сложился новый виток депопуляции, принесший обвал рождаемости. По сравнению с 2015 г. в 2018 г. родилось почти на 25 тыс. младенцев меньше. Коэффициент рождаемости этих лет характеризуется следующими величинами: 2017 г. – 10,8‰, снизившись до уровня десятилетней давности – 2007 года, и 2018 г. – 9,9‰, упав до уровня 1995–2005 гг., когда он составлял менее 10,0‰.

Негативные тенденции в репродуктивной сфере Беларуси продолжились и в 2019–2020 гг. Численность родившихся за январь-июнь 2019 г. по сравнению с соответствующим периодом 2018 г. сократилась на 6,2 тыс. или на 8,9%, а коэффициент рождаемости за этот период снизился с 9,9‰ до 9,1‰. Уже в 2019 г. уровень рождаемости оказался самым низким за всю послевоенную историю страны. Со второй половины 2019 г. демографическая статистика, в т.ч. рождаемости в Республике Беларусь не публикуется.

Республика Беларусь на государственном уровне стала первой страной на постсоветском пространстве, поставившей задачу преодоления проблем, связанных с растущей депопуляцией и демографическим кризисом. Об этом свидетельствует Закон Республики Беларусь «О демографической безопасности Республики Беларусь» (4 января 2002 г.), служащий основой для проведения демографической политики в стране. Этот документ представляет собой демографическую концепцию, как правовое и идеологическое пространство для комплекса основополагающих принципов по формированию программных

документов в деле решения демографических проблем. Закон определяет демографические угрозы национальной безопасности, которыми являются: депопуляция; старение населения; нерегулируемые миграционные процессы; деградация института семьи. Он характеризует правовые и организационные основы для решения демографических проблем в деле обеспечения устойчивого социально-экономического развития страны.

Демографическая политика Республики Беларусь основывается на Конституции Республики Беларусь и включает Кодекс о браке и семье в Республике Беларусь, Национальные стратегии устойчивого социально-экономического развития (последняя из которых принята на период до 2030 г.), Концепцию национальной безопасности, Закон о демографической безопасности. Этот Закон выступает как Концепция и Программа решения этих концептуальных задач. Основной формой реализации Закона Республики Беларусь «О демографической безопасности Республики Беларусь» являются Государственная (в первом десятилетии начала века она именовалась как Национальная) программа демографической безопасности и программы демографической безопасности для административно-территориальных единиц, которыми выступают шесть областей Беларуси и город Минск. Программы представляют комплекс идеологических, правовых, экономических и организационных мероприятий, с помощью которых предстоит решать демографические проблемы. В последнем пятилетии программы демографической безопасности областей и города Минска законодательно перестали разрабатываться (см. рис. 1).

Рис. 1. Структура нормативно-правовых документов Республики Беларусь социальной политики в демографической сфере

Главной проблемой и задачей стоит увязка Концепции демографического развития и Программ по их реализации. В Программах демографической безопасности находят отражение: оценка демографического развития и демографической политики за предыдущий период и характеристика демографической ситуации; реальные и потенциальные демографические угрозы; основные направления программ демографической безопасности на пятилетний период; государственная политика в области охраны и обеспечения репродуктивных прав граждан и формирования их репродуктивных потребностей; преобразования в области здравоохранения; государственная политика в отношении семьи, пожилых людей; государственная политика в области уровня и качества жизни; активная миграционная политика.

В демографических программах различных стран используется целый набор мер: пособия на детей; семейные пособия; предоставление отпусков по уходу за ребенком для матери или отца; субсидии на медицинское обслуживание ребенка; налоговые скидки; жилищные субсидии; гибкий график работы; обеспечение разделения обязанностей по воспитанию детей и ведению домашнего хозяйства между супругами и др. В демографических программах, разрабатываемых в Беларуси, как и в России и на Украине, на первое место ставится материальный фактор по стимулированию рождения женщинами каждого последующего, начиная со второго ребенка. Впрочем, подобное имеется и во многих других странах постсоветского пространства, как тот социальный капитал, который остался от советского периода. Тем не менее по сравнительным международным исследованиям положение матери в Беларуси считается одним из лучших не только на постсоветском пространстве, но и в мире. Правда, это ее 30–33 место в мировом рейтинге материнства, а в европейском рейтинге – только в конце третьего десятка.

Последние две программы по сути дела потеряли статус государственных программа демографической безопасности, став ведомственными (Минздрава) программами. Действовавшая в предыдущем пятилетии, а также и принятая на 2021–2025 гг. государственная программа «Здоровье народа и демографическая безопасность Республики Беларусь» из девяти направлений статьи 11 «Государственные программы в области обеспечения демографической безопасности» отвечают частично ее первому направлению («Оценка демографического развития и демографической политики за предыдущий период и характеристика демографической ситуации») и девятому («Международное сотрудничество») направлению и полностью пятому направлению «Преобразования в области здравоохранения».

Остальные направления государственной демографической программы, предусмотренные Законом Республики Беларусь «О демографической безопасности Республики Беларусь», отсутствуют. Но, если в государственной программе «Здоровье народа и демографическая безопасность Республики Беларусь» на 2016–2020 гг. были формально частично затронуты проблемы реальных и потенциальных демографических угроз, характеристики основных направлений государственных программ в области обеспечения демографической безопасности, государственной политики в области охраны и обеспечения репродуктивных прав граждан и формирования их репродуктивных потребностей, в отношении семьи и пожилых людей, уровня и качества жизни, а также миграционной политики, то в государственной программе «Здоровье народа и демографическая безопасность Республики Беларусь» на 2021–2025 гг. в большинстве своем они вообще отсутствуют.

В новой (минздравовской) Государственной программе «Здоровье народа и демографическая безопасность Республики Беларусь» на 2021–2025 гг., утвержденной постановлением Совета Министров Республики Беларусь № 28 от 19 января 2021 г., в ее преамбуле одновременно подведены итоги выполнения предыдущей (минздравовской) Государственной программе «Здоровье народа и демографическая безопасность Республики Беларусь» на 2016–2020 гг., в которой ее разработчики констатируют, что большинство ее показателей были выполнены. Что касается сугубо медицинских направлений, то они были

действительно выполнены, но сами демографические итоги, характеризующую безопасность страны, не были достигнуты, что констатирует преамбула этой программы.

Остановимся на некоторых из этих выводов (что выделено курсивом).

«Вместе с тем демографическая ситуация в Республике Беларусь остается сложной. За 2016–2019 годы численность населения сократилась на 96,3 тысячи человек.

Сокращение рождаемости происходит по причинам снижения численности женщин репродуктивного возраста, повышения возраста материнства, снижения количества заключенных браков и увеличения уровня разводов.

Результаты пятилетней (2015–2019 гг.) программы семейного капитала доказали ее эффективность. Темпы роста количества детей, рожденных третьими и последующими в 2015–2019 гг., составили 140,4% по сравнению с 2010–2014 гг.».

Национальный статистический Комитет и Министерство по труду и социальной защиты населения Беларуси объясняют эти негативные тенденции, процессы в репродуктивной сфере структурными факторами – уменьшением численности женщин наиболее активного репродуктивного возраста. Конечно, в ближайшей, а тем более в отдаленной перспективе уменьшение численности репродуктивного потенциала станет важнейшим структурным фактором депопуляционных процессов. Однако нынешнее сокращение численности родившихся пока мало связано с уменьшением численности репродуктивного потенциала. Уменьшение численности возрастных когорт демографического потенциала, где в предыдущие годы наблюдался рост рождаемости (женщин в возрасте 25–34 года), в 2016 г. по сравнению с 2015 г. составило 0,4%. Однако численность родившихся в 2016 г. по сравнению с 2015 г. снизилась на 1,0%. Что касается соотношения тенденций в рождаемости населения Беларуси, с одной стороны, в также уменьшения численности репродуктивных возрастных когорт, с другой стороны, то численность родившихся в 2017 г. по сравнению с 2016 г. снизилась на 13,1%. А снижение численности женщин наиболее активного репродуктивного возраста оказалось в 10 раз меньшим – 1,13%.

Следует при этом отметить, что Беларусь имеет отрицательное сальдо миграции и теряет свой наиболее активный демографический потенциал. Особенно высока трудовая миграция в российском направлении (примерно 600–650 тыс. человек), а также за три (2014–2016 гг.) года почти 220–230 тыс. белорусских граждан получили право находиться в странах Евросоюза в качестве резидентов. Эти существенные размеры трудовой миграции в российском и в западном направлениях характерен для возрастных групп наиболее активного репродуктивного возраста. 2020–2021 гг. характеризуются ростом миграционного потока населения Беларуси репродуктивного потенциала в западном направлении.

В анализе демографических процессов важное место отводится выяснению социальных механизмов их действия, то есть факторов, вызывающих данные явления. Л. Л. Рыбаковский, разработал методологию анализа детерминирующих демографические процессы механизмов. Им детерминанты характеризуются как факторы, так и причины, которые воздействуют на демографические процессы. Факторы определяют глубинные движущие силы, которые порождают те или иные социальные процессы. И наконец, причины связаны с конкретными обстоятельствами, обуславливающими их возникновение. В ряде случаев фактор и причина, фактор и условия выступают синонимами. Причем в демографических процессах факторы предстают явлениями двоякого рода – и как условия, и как структурные компоненты. Первая группа связана с детерминирующими их условиями (географическими, природными, социально-экономическими и другими факторами естественной и социальной среды, окружающей человека). Ко второй группе относится качественный состав совокупностей населения: демографические (возрастные, половые), этнические (национальные), генезисные (состав прибывшего населения), профессиональные, образовательные и пр. В минздравовских Государственных программах «Здоровье народа и демографическая безопасность Республики Беларусь» учет этого, а также мероприятий социальной политики отсутствует.

Преодоление депопуляционных процессов требуют серьезного и взвешенного анализа, чтобы избежать катастрофических негативных последствий для государства. Это многофакторный процесс, основную роль в управлении которым играет социальная политика государства. В Российской Федерации стимулирующую роль в репродуктивной политике сыграл «материнский капитал», которым семьи россиян сразу стали пользоваться. В Беларуси реализация программы семейного капитала, намечалась только по достижении третьим ребенком 18-летнего возраста. Эти разные подходы государственной политики стран к материнскому (семейному) капиталу требуют анализа их эффективности.

Благодарности и финансирование:

Статья подготовлена при финансовой поддержке БРФФИ-РФФИ: Грант № Г20Р-054 «Оценка и алгоритм использования резервов воспроизводства и миграции населения для сохранения демографического роста в Союзном государстве – Россия и Беларусь».

ВЛИЯНИЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ГОТОВНОСТИ К РОЖДЕНИЮ ДЕТЕЙ НА РЕПРОДУКТИВНОЕ ПОВЕДЕНИЕ ЖЕНЩИН

Кулькова И. А., доктор экономических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Института экономики Уральского отделения РАН, Екатеринбург, Россия, e-mail: i.a.koulkova@mail.ru.

***Аннотация.** Статья описывает результаты исследования о причинах ухудшения демографической ситуации в 2020 г., одной из которых выявлено изменение репродуктивного поведения. Исследование показало, что внутренняя готовность женщины к рождению ребенка оказывает сильное влияние на ее решения о рождении детей. Определены направления работы с молодежью по повышению их психологической готовности к родительству.*

***Ключевые слова:** рождаемость, готовность к родительству, репродуктивное поведение, причины смертности.*

INFLUENCE OF WILLINGNESS TO PARENT ON WOMEN' REPRODUCTIVE BEHAVIOR

Kulkova I. A., Doctor of Economic Sciences, Professor, Leading Researcher, Institute of Economics, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Yekaterinburg, Russia, e-mail: i.a.koulkova@mail.ru.

***Abstract.** The article describes the reasons for the Russian demographic situation deterioration in 2020, change in reproductive behavior was revealed as one of them. Research has shown that a woman's willingness to parent has a strong influence on decisions to have a baby. The work directions to increase young people' readiness for parenting have been determined.*

***Keywords:** fertility, willingness to parenthood, reproductive behavior, death causes.*

Кризисная демографическая ситуация в Российской Федерации, наблюдаемая в период 2018–2021 гг., обусловлена рядом обстоятельств: прежде всего называют высокую смертность, в том числе, вызванную пандемией COVID-19, от которой в 2020 г. в России скончалось 144,7 тыс. человек, что составило 6,7% от общего числа умерших. Подходя к вопросу с математической точки зрения, т. е. не принимая во внимание, что те же самые люди могли умереть от других причин в том же году, получаем увеличение смертности в России за счет COVID-19 на 7,2%:

$$\text{Прирост смертности (2020)} = \frac{2138586}{2138586 - 144691} \times 100 - 100 = 7,2$$

Выросла смертность от других причин: так, если вычесть численность умерших от COVID-19, получаем увеличение смертности на 10,7%:

$$\text{Динамика смертности} \left(\frac{2020}{2019} \right) = \frac{2138586 - 144691}{1800677} \times 100 - 100 = 10,7$$

Следующей важнейшей причиной ухудшения демографической ситуации выступает сокращение рождаемости, которое, в свою очередь, обусловлено, с одной стороны, сокращением численности женщин репродуктивного возраста (на 7,6%), с другой, – сокращением суммарного коэффициента рождаемости (числа детей, рожденных 1 женщиной на протяжении всего репродуктивного периода) – в период с 2015 по 2020 он снизился с 1,77 до 1,5, т. е. на 15,2%.

Суммарный коэффициент рождаемости характеризует репродуктивное поведение населения, на которое влияет множество факторов. Демографы чаще изучают внешние

факторы (материальное обеспечение, наличие жилья, стимулирование семей со стороны государства, примером которого является материнский капитал, наличие детских садов и т. п.). Внутренние факторы – психологическую готовность к рождению ребенка – чаще изучают психологи [1], используя инструментарий психологии, эксперименты [2]. Под психологической готовностью к родительству обычно понимают «состояние мобилизации психологических и психофизиологических систем человека, обеспечивающих эффективность выполнения родительской роли» [3].

С точки зрения внутренних факторов, демографы исследуют структуру молодежи или лиц репродуктивного возраста по степени готовности к родительству, причем опрашиваются не только женщины [4], но и мужчины [5; 6]. Целью настоящего исследования было определить важность наличия психологической готовности к рождению детей как фактора репродуктивного поведения не с точки зрения теории, а практически, по мнению самих россиян.

Для достижения поставленной цели в рамках всероссийского опроса женщин репродуктивного возраста, проведенного автором в 2020 г., респонденток попросили оценить силу влияния фактора психологической готовности к родительству на их решение родить ребенка. Опрос проводился во всех федеральных округах Российской Федерации. Всего было опрошено 831 женщина в возрасте от 15 до 49 лет; выборка строилась по типу квотной по трем признакам, которые с точки зрения демографии оказывают наибольшее влияние на репродуктивное поведение: возраст, место проживания и уровень доходов. Распределение ответов на указанный вопрос представлено в таблице 1.

Таблица 1.

Распределение ответов респонденток о силе влияния наличия психологической готовности к появлению ребенка на их решение родить, % (составлено автором по результатам собственного социологического исследования)

Сила влияния фактора	Распределение ответов	Тип населенного пункта			Возраст		Уровень доходов	
		Административный центр	Малый город	Село	15–26 лет	27–49 лет	Ниже среднего	Средний и выше
Сильно влияет	69,4	80,6	63,0	64,1	74,1	67,7	76,6	66,9
Средне влияет	21,1	12,9	25,6	25,2	16,5	22,8	12,9	24,0
Слабо влияет	5,2	3,9	7,0	4,4	6,6	4,8	5,7	5,1
Не влияет	4,0	2,2	4,4	5,8	2,8	4,4	4,8	3,7
Не дали ответа	0,2	0,4	0,0	0,5	0,0	0,3	0,0	0,3

Как видно из данных таблицы, около 70% женщин ответили, что психологическая готовность к появлению ребенка влияет на их решение родить ребенка сильно, более 20% отметили среднее влияние, и около 10% ответили, что влияние слабое или отсутствует. В ответах на данный вопрос наблюдаются ощутимые колебания в зависимости от всех трех признаков деления выборки. Так, важность внутренней готовности к родительству на 17,6 процентных пунктов (п. п.) выше в административных центрах (80,6%) по сравнению с малыми городами, и на 16,5 п. п. – в сельской местности. Также наблюдаются существенные отличия в ответах в зависимости от возраста: психологическая готовность к родительству оказывает более сильное влияние на более молодых женщин, до появления первого ребенка, поскольку в России средний возраст матери при появлении первого ребенка составляет 26,2 г. Дифференциация ответов в зависимости от уровня доходов респонденток также значительная и составляет более 10 п. п. Психологическая готовность к рождению ребенка оказывает более сильное влияние на женщин, чей уровень доходов ниже, чем средний в том населенном пункте, где они проживают.

Опрос показал сильное влияние фактора внутренней готовности к рождению ребенка на репродуктивное поведение, при этом в России значительно сокращается число аборт (рис. 1)

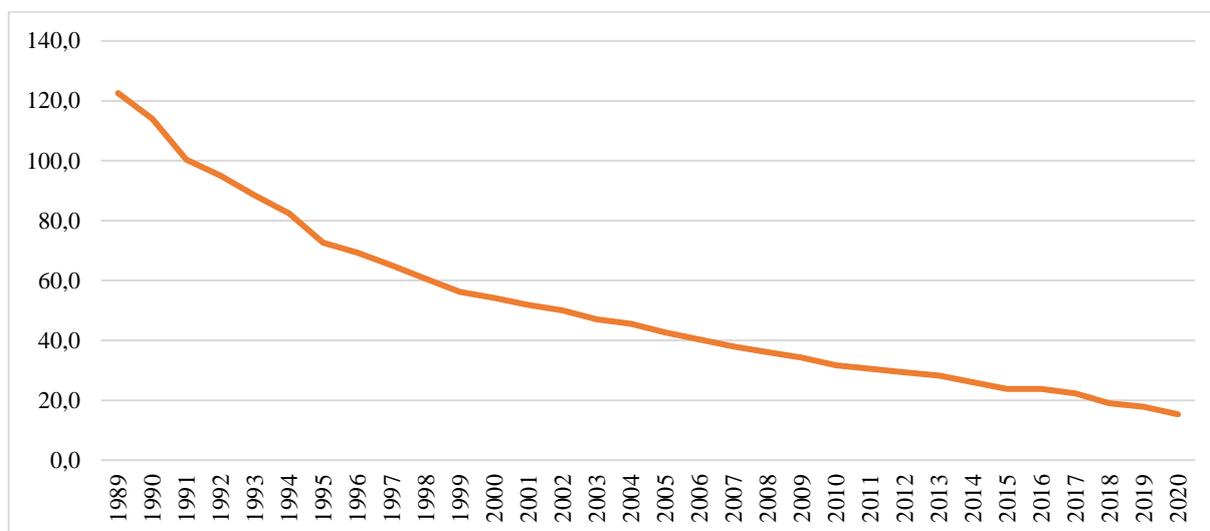

Рис. 1. Динамика специального коэффициента абортов (число абортов на 1000 женщин в возрасте 15–44 года) в России

Источник: составлено по данным [7; 8]

Оба эти обстоятельства в совокупности говорят о том, что женщины репродуктивного возраста серьезно относятся к рождению ребенка: они должны чувствовать, что готовы стать матерью, а до этого более ответственно относятся к появлению нежелательной беременности, предпочитая средства контрацепции ее прерыванию.

Таким образом, психологические инструменты оценки готовности к рождению ребенка показывают (при комплексном применении) объективную готовность к родительству, а на репродуктивное поведение влияет субъективное осознание своей готовности лицами фертильного возраста, особенно молодежью. В этих условиях необходимо продолжать осуществлять подготовку молодежи к выполнению роли родителей, обучая не только методам ухода за младенцами, но и построению взаимоотношений будущих родителей с детьми, поскольку современные молодые люди в большинстве не имеют братьев и сестер, не имеют опыта присмотра за ними, не понимают психологию ребенка в разных возрастных периодах.

Список литературы и источников

1. *Бостанджиева Т. М., Алферова Е. И., Остякова Г. В.* Психологические аспекты готовности к родительству // Современное педагогическое образование. 2020. № 6. С. 231–235.
2. *Баженова Н. Г., Токарь О. В.* Психологическая готовность к родительству юношей и девушек // Гуманитарно-педагогические исследования. 2020. Т. 4. № 1. С. 37–44.
3. *Жушьева Е. И.* К вопросу о готовности к родительству в юношеском возрасте // Современные исследования социальных проблем. 2017. Т. 8. № 2–2. С. 100–103. DOI: <https://doi.org/10.12731/2218-7405-2017-2-2-100-103>.
4. *Котлярова М. Н.* Диагностика психологической готовности к материнству // Материалы ежегодной научной конференции университета. под общ. ред. проф. В. А. Кирюшина. Рязанский гос. медицинский ун-т им. академика И. П. Павлова. 2012. С. 337–340.

5. Безрукова О. Н. Готовность к отцовству: факторы, условия и предпосылки // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 6. Философия, политология, социология, психология, право, международные отношения. 2007. № 2–1. С. 98–109.
6. Груздева М. А., Калачикова О. Н. Представления мужчин о браке и родительстве (по данным Вологодской области). // Human Progress. 2019. Том 5. № 7. С. 5. DOI: <https://doi.org/10.34709/IM.157.5>.
7. Число аборт в России сократилось на треть // ТАСС. Информационное агентство. 14.05.2021. URL: <https://tass.ru/obschestvo/11374579> (дата обращения: 17.10.2021).
8. Население России 2018: двадцать шестой ежегодный демографический доклад / отв. ред. С. В. Захаров; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2020. 352 с. ISBN: 978-5-7598-2326-1.

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ РОССИЙСКОЙ МОДЕЛИ СЕМЕЙНОЙ ПОЛИТИКИ

Кучмаева О. В., доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник Института демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия, e-mail: kuchmaeva@yandex.ru.

Золотарева О. А., кандидат экономических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Института демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия, e-mail: OAMahova@yandex.ru.

***Аннотация.** В настоящее время особую актуальность приобретает разработка концептуальных основ семейной политики в России. Проблемы функционирования современной семьи и необходимые меры поддержки отражаются в ежегодных посланиях и указах Президента РФ, иных законодательных актах, в программах партий, являются предметом оживленных дискуссий исследователей, политиков, опросов общественного мнения.*

***Ключевые слова:** институт семьи, семейная политика, семьи с детьми, рождаемость.*

CONCEPTUAL FRAMEWORK OF THE RUSSIAN FAMILY POLICY MODEL

Kuchmaeva O. V., Doctor of Economic Sciences, Professor, Chief Researcher, Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia, e-mail: kuchmaeva@yandex.ru.

Zolotareva O. A., Candidate of Economic Sciences, Docent, Leading Researcher, Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia, e-mail: OAMahova@yandex.ru.

***Abstract.** Currently, the development of the conceptual foundations of family policy in Russia is acquiring special relevance. The problems of the functioning of the modern family and the necessary support measures are reflected in the annual messages and decrees of the President of the Russian Federation, other legislative acts, in the programs of parties, are the subject of lively discussions by researchers, politicians, and public opinion polls.*

***Keywords:** family institution, family policy, families with children, fertility.*

Значимый этап в развитии официальной парадигмы государственной семейной политики связан с утверждением в 2014 г. Концепции государственной семейной политики в Российской Федерации на период до 2025 г. [1]. Она продолжила тренд на оказание системной поддержки семьям, прежде всего, семьям с детьми, начавшийся программой «материнского капитала» в 2007 г. – при рождении или усыновлении второго, третьего или последующего детей семье предоставляется возможность воспользоваться значительной суммой (для семей, у которых с 1 января 2020 г. родится второй ребенок, материнский капитал составит в 2021 г. 639 тыс. руб.) при условии ее целевого расходования (пенсия матери, образование детей, приобретение жилья).

Предыдущие стратегические документы, касающиеся реализации семейной политики, были приняты в России в 90-е гг. XX столетия. Впервые в истории страны была разработана Концепция государственной семейной политики Российской Федерации в 1993 г. Концепция рассматривала государственную семейную политику как составную часть социальной политики России и исходила из необходимости структурных изменений, направленных на взаимную адаптацию семьи и экономики в период реформ. Указом Президента Российской Федерации от 14 мая 1996 г. № 712 были утверждены «Основные направления государственной семейной политики». Впервые семейная политика получила

государственный статус, были определены цели, принципы и направления деятельности. Однако специалисты отмечали, что во многом утвержденные направления так и остались нереализованными, в частности, в силу непроработанности механизмов реализации [2].

Изменившиеся социально-политические и экономические условия в России, понимание значимости роли института семьи в жизни общества обусловили необходимость формирования новой стратегии семейной политики, учитывающей особенности жизнедеятельности современного института семьи и опирающейся на действенный механизм реализации. Важнейшими задачами Концепции государственной семейной политики в Российской Федерации на период до 2025 г., принятой в 2014 г., выступают повышение ценности семейного образа жизни, сохранение духовно-нравственных традиций в семейных отношениях и семейном воспитании; содействие в реализации воспитательного и культурно-образовательного потенциала семьи. Концепция государственной семейной политики на период до 2025 г. позволила не только определить ее приоритетные направления, но и обозначить в качестве одной из ключевых задач – формирование национальной модели семейной политики. Данные концептуальные положения нашли отражение и в рамках Национального проекта «Демография».

Концептуальные основы результативной модели семейной политики должны учитывать всю совокупность факторов, определяющих положение института семьи в обществе. Изменение ценностного отношения к семье в российском обществе происходит на фоне таких глобальных изменений, которые детерминируют поведение людей, как индивидуализация и потребительство. Эти феномены рассматриваются в качестве факторов трансформации ценностей семьи. Индивидуализация имеет следствием расширение свободы выбора человека, когда он самостоятельно меняет свою стратегию поведения, формирует новые стили поведения, принимает ответственность за свои действия на себя [3]. Но широкое распространение такой идеологии ведет к снижению роли социальных норм в обществе [4; 5].

Семейная политика будет эффективна, если она учитывает интересы людей, реализующих различные жизненные стратегии, сочетающие семейную и профессиональную карьеру. Провозглашая необходимость повышения ценности семейного образа жизни, сохранения духовно-нравственных традиций в семейных отношениях и воспитании при реализации долгосрочной семейной политики Россия опирается на сохранение в качестве ведущей модели организации семейной жизни семью, основанную на зарегистрированном пожизненном браке с несколькими детьми (желательно многодетную). Но в настоящее время этот тип семьи не занимает доминирующего положения в семейной структуре, традиционное распределение семейных ролей представляется маловероятным для значительной части семей, как и совместное проживание в составе многопоколенной, сложной семьи. Семья занимает ведущее место в системе ценностей разных поколений, но желаемая модель семьи меняется.

Данные Выборочного наблюдения репродуктивных планов населения, проведенного в 2017 г. [6], показали, что 11,5% женщин приняли решение о рождении своего первого ребенка под влиянием поддержки в форме «материнского капитала», 15,6% дали аналогичный ответ в отношении второго ребенка и 19,5% – третьего. Расчет на основании данных о распределении числа родившихся в 2007–2017 гг. по очередности рождения у матери показал, что меры поддержки со стороны государства в форме «материнского капитала» дали прибавку в 15% числа рождений в этот период (2,9 млн рождений). Вероятно, что продление и расширение программы «материнского капитала» позволит достичь поставленных целей – величины суммарного коэффициента в 1,7 ребенка (преодолеть негативное влияние структурного фактора – сокращение численности женщин репродуктивного возраста). Численность женщин репродуктивного возраста (15–49 лет) сократится к 2024 г. на 2,8–3,5% [рассчитано по: 7]. Особенно значительно уменьшится численность молодых женщин. Даже в случае сохранения к 2024 г. интенсивности рождаемости на уровне 2016 г., число рождений сократится на 20–36%. Перспективы говорят о необходимости принятия серьезных шагов в направлении поддержки семей, стимулирования рождений первого ребенка, сокращения масштабов бедности.

Важно обеспечить соблюдение при реализации мер семейной политики принципов, заложенных в Концепции государственной семейной политики, в частности, самостоятельность семьи в принятии решений; равенство семей и всех их членов в праве на поддержку партнерство семьи и государства, единство принципов и целей семейной политики на федеральном, региональном и муниципальном уровнях и другие.

Рассматривая необходимость реализации эффективной семейной политики, нельзя упускать из виду, что современная экономическая модель считает невыгодным и нецелесообразным учитывать интересы семьи в экономическом развитии [8]. Необходимо учитывать опыт российских регионов и стран мира в этом направлении. На практике далеко не всегда осуществляются действенные меры по формированию механизмов, обеспечивающих возможность сочетать семейные и профессиональные обязанности. Отсутствует заинтересованность работодателей не только в предоставлении лицам с семейными обязанностями каких-либо дополнительных льгот, но и в соблюдении и обеспечении гарантированных государством прав. Жесткие условия конкурентного общества ставят и женщин, и мужчин перед выбором: карьера или семья. И люди часто делают выбор в пользу той стратегии, которая в большей степени приветствуется в обществе.

Отсутствие должной системы социальной помощи и развитого сектора институциональных и неинституциональных услуг по уходу за детьми приводит к низкой по сравнению с другими домохозяйствами экономической активности трудоспособных членов семей с детьми. Среди женщин, имеющих детей, значимо выше уровень безработицы. По данным выборочного обследования рабочей силы, проводимого Росстатом, в целом в 2020 г. среди женщин в возрасте 20–49 лет, имеющих детей дошкольного возраста уровень безработицы составлял 7,7% [9].

В условиях неразвитости инфраструктуры и услуг по уходу за детьми, престарелыми и инвалидами семья вынуждена справляться сама. По данным Комплексного наблюдения условий жизни населения, проведенного Росстатом в 2020 г., 47,0% женщин и 36,9% мужчин ежедневно заняты уходом за детьми, 13,8% женщин и 10,3% мужчин ежедневно заняты уходом за другими лицами, нуждающимися в посторонней помощи [10]. Женщины, имеющие детей, тратят 34,8 часа в неделю на уход и присмотр за ними. Данная цифра сопоставима с продолжительностью рабочей недели. Время, затрачиваемое мужчинами, почти в два раза меньше и составляет 18,3 часа в неделю.

В 2014 г. охват детей в возрасте от 1 до 6 лет дошкольным образованием составил 64,6%, в 2017 г., через три года после начала реализации Концепции государственной семейной политики – 66,5% [8]. Обеспеченность детей дошкольного возраста местами в организациях, осуществляющих деятельность по программам дошкольного образования, присмотру и уходу за детьми за 2014–2017 гг. увеличилась с 612 до 633 мест на 1000 детей. Меры по развитию системы дошкольного образования и разделения с семьей функции по воспитанию детей дошкольного возраста были предусмотрены не только в рамках Концепции государственной семейной политики, но и Национальной стратегии действий в интересах детей на 2012–2017 гг., инициативе «Десятилетие детства», Национальной стратегии действий в интересах женщин на 2017–2022 гг., Дорожной картой «Изменения в отраслях социальной сферы, направленные на повышение эффективности образования и науки».

За время реализации Концепции сократилась доля детей, которые не посещают дошкольные учреждения из-за отсутствия мест. Если в 2014 г. 23,4% детей в возрасте 3–6 лет не посещали дошкольную образовательную организацию из-за отсутствия мест, то к 2016 г. их доля сократилась до 10,3% [11]. Однако все же такая проблема, как дефицит мест в дошкольных образовательных учреждениях до настоящего времени остается нерешенной, что оказывает влияние на репродуктивное поведение россиян, формирует конфликт интересов «семья – работа», деформирует структуру занятости, прежде всего женской. Значительной остаются масштабы бедности, риск оказаться в категории бедных для семей с детьми по-прежнему выше, чем для других категорий.

Как видно, одни и те же показатели являются мерилем эффективности реализации целого ряда стратегических программ, направленных на решение демографических проблем и помощь семьям. Реализация стратегии семейной политики требует формирования системы мониторинга для оценки результативности и возможной корректировки. Можно говорить об оценке результативности в целом стратегии семейной политики, однако весьма проблематично оценить эффект какой-то отдельно взятой программы.

Признавая объективную необходимость всесторонней поддержки семьи, необходимо определиться, в каком направлении развивать российскую семейную политику. Представляется неверным рассматривать семейную политику исключительно с позиций необходимости решения отдельных проблем семьи. Нынешнее положение института семьи обусловлено особенностями развития всего общества. Изменение системы ценностей носит глобальный характер, его невозможно игнорировать, поскольку Россия живет в открытом глобальном мире и стремится стать ведущей экономической и политической державой. Национальная модель семейной политики будет эффективной, если она будет учитывать, помимо национальных особенностей, и глобальные тренды демографического, социального и экономического развития. Это повышает престиж семейной политики в глазах россиян, имеющих различные стратегии брачного и репродуктивного поведения.

Список литературы и источников

1. Об утверждении Концепции государственной семейной политики в России на период до 2025 года // Правительство России [сайт]. URL: <http://government.ru/docs/14494/> (дата обращения: 14.10.2021).
2. О положении семей в РФ. Научный доклад / Дармодехин С. В., Кучмаева О. В., Марыганова Е. А., Петрякова О. Л., Синельников А. Б. и др. – М.: ИСВ РАО, 2010.
3. *Эткинд А.* Индивидуализм, личность // 50/50. Опыт словаря нового мышления / [Ред.-сост. Г. Козлова]; под общ. ред. Ю. Афанасьева, М. Ферро. – М.: Прогресс; [Париж]: Пайо, 1989. – 557 с. – С. 107. ISBN: 5-01-002295-8.
4. *Lash S., Urry J.* Economics of Signs and Spase. – London: Sage, 2002. DOI: <http://dx.doi.org/10.4135/9781446280539>.
5. *Beck U.* Risk Socieny: Torwards a New Modernity. – London: Sage, 1992. 272 p.
6. Выборочное наблюдение репродуктивных планов населения 2017 // Федеральная служба государственной статистики [сайт]. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/RPN17/index.html (дата обращения: 14.10.2021).
7. Демография // Федеральная служба государственной статистики [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/12781> (дата обращения: 14.10.2021).
8. *Макдональд П.* Низкая рождаемость и государство: эффективность политики // Низкая рождаемость в Российской Федерации: вызовы и стратегические подходы. Материалы международного семинара, Москва, 15-16 сентября 2006 г. – М., 2006. – С. 27–56.
9. Семья, материнство и детство // Федеральная служба государственной статистики [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/13807> (дата обращения: 14.10.2021).
10. Комплексное наблюдение условий жизни населения 2020 // Федеральная служба государственной статистики [сайт]. URL: https://gks.ru/free_doc/new_site/GKS_KOUZH-2020/index.html (дата обращения: 14.10.2021).
11. Федеральные статистические наблюдения по социально-демографическим проблемам // Федеральная служба государственной статистики [сайт]. URL: https://rosstat.gov.ru/itog_inspect? (дата обращения: 14.10.2021).

**РЕГИОНАЛЬНАЯ ПРОЕКЦИЯ РОЖДАЕМОСТИ В РОССИИ:
ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ, ДИНАМИКА, ФАКТОРЫ**

Микрюков Н. Ю., кандидат географических наук, научный сотрудник Института демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия, e-mail: ecoro@mail.ru.

Мирязов Т. Р., младший научный сотрудник Института демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия, e-mail: miryazov_timur@mail.ru.

Смирнов О. О., младший научный сотрудник Института демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия, e-mail: olegsmirnov54@gmail.com.

***Аннотация.** Процесс воспроизводства населения неоднороден в своем пространственном распределении. Региональная дифференциация рождаемости обладает собственной динамикой и зависит от явных и неявных факторов. Наряду с традиционными единичными регионами-лидерами рождаемости в России выделяются обширные районы сравнительно повышенной и преимущественно низкой рождаемости. Факторы, приводящие к такому распределению, подразделяются на явные, экономические, и неявные, ментальные, требующие дальнейшего социологического исследования.*

***Ключевые слова:** демография, рождаемость, суммарный коэффициент рождаемости, пространственное развитие, региональное развитие, региональная демография.*

**REGIONAL PROJECTION OF BIRTH RATE IN RUSSIA:
DIFFERENTIATION, DYNAMICS, FACTORS**

Mikryukov N. Yu., Candidate of Geographical Sciences, Researcher, Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia, e-mail: ecoro@mail.ru.

Miryazov T. R., Junior Researcher, Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia, e-mail: miryazov_timur@mail.ru.

Smirnov O. O., Junior Researcher, Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia, e-mail: olegsmirnov54@gmail.com.

***Abstract.** The process of reproduction of the population is heterogeneous in its spatial distribution. Regional differentiation of fertility has its own dynamics and depends on explicit and implicit factors. Along with the traditional single regions-the leaders of fertility in Russia, there are vast areas of relatively high and predominantly low fertility. The factors leading to such a distribution are divided into explicit, economic, and implicit, mental, requiring further sociological research.*

***Keywords:** demography, fertility, total fertility rate, spatial development, regional development, regional demography.*

Процесс воспроизводства населения обладает пространственной неоднородностью. Пространственное распределение процесса воспроизводства населения России изучалось многими отечественными демографами [1–3]. Работы ведущего демографа В.Н. Архангельского посвящены подробному анализу рождаемости в отдельных районах страны: на Дальнем Востоке [4], Северном Кавказе [5], Европейском Севере [6]. Наиболее распространенными показателями для оценки рождаемости являются общий и суммарный коэффициенты рождаемости. Общий коэффициент рождаемости зависит от возрастной структуры населения, тогда как суммарный коэффициент отражает среднее число рожденных во всех поколениях женщин фертильного возраста и поэтому не зависит от возрастной структуры населения регионов.

Рассмотрим среднее значение суммарного коэффициента рождаемости за последние 10 лет в регионах России (рис. 1). Как видно из рис. 1, более высокие относительно среднероссийских значения суммарного коэффициента рождаемости наблюдались в регионах преимущественно Азиатской России: в регионах Урала, Сибири, Дальнего Востока, а также в приморских регионах Юга России (Республика Крым, Краснодарский край, Астраханская область). Наоборот, самые низкие значения суммарного коэффициента рождаемости наблюдались в регионах Центральной России, Поволжья, внутренних регионов Юга (Ростовской области, Ставропольском крае). Низкой рождаемостью характеризовались две крупнейшие агломерации России: Московская и Санкт-Петербургская. Интересно, что сравнительно более высокая рождаемость в Европейской России оказалась в ее Северо-Восточных регионах: Вологодской, Костромской, Архангельской, Кировской областях.

Рис. 1. Суммарный коэффициент рождаемости в регионах России в 2010–2019 гг.

Повышенная рождаемость в северных и дальневосточных регионах исследовалась многими демографами, например В. Н. Архангельским, М. А. Зыряновой [4; 5; 7]. Одной из причин повышенной рождаемости возможно являются специальные стимулирующие региональные пронаталистские меры (ежемесячные выплаты в размере прожиточного минимума на каждого ребенка в Сахалинской области, региональный материнский капитал).

Среди регионов с повышенной рождаемостью много регионов с низкими доходами населения (Курганская, Костромская, Кировская области, Забайкальский край). Как отмечено в работе демографов К. И. Казенина и А. И. Ракши [8], государственная поддержка рождаемости приобретает особое значение в регионах с низким уровнем социально-экономического развития. Действительно, низкая стоимость жилья, низкий уровень доходов увеличивает роль материнского капитала и других стимулирующих рождаемость выплат. Но среди регионов с повышенной рождаемостью есть и регионы с высоким уровнем социально-экономического развития (Свердловская, Тюменская области). Значит всю картину

региональных особенностей рождаемости объяснить только экономическими факторами не удастся.

Помимо экономических могут действовать и неявные ментальные факторы, заслуживающие отдельного исследования. Можно заметить, что повышенная рождаемость отмечается в приграничных восточных регионах Азиатской России (Амурская, Омская, Новосибирская, Курганская области, Забайкальский, Хабаровский, Алтайский края), приморских регионах Дальнего Востока (Сахалинская область, Камчатский край), регионах Севера Европейской России (Архангельская, Вологодская области). Повышенная рождаемость на окраинах страны вне национальных республик и автономных округов, в регионах иногда с низким уровнем доходов населения может быть связана с большей пассионарностью, активностью населения, проживающего там, пониманием необходимости наличия семьи с детьми. Ментальные причины данных демографических процессов заслуживают отдельного исследования.

Низкой рождаемостью в 2010–2019 гг. характеризовались крупнейшие в стране агломерации Москвы и Санкт-Петербурга. Рождаемость находилась на низком уровне не только в столицах, но и в окружающих их Московской и Ленинградской областях. Высокий уровень жизни в столицах, дороговизна проживания в них, высокая стоимость жилья выступали сдерживающими факторами воспроизводства населения. Низкая рождаемость в крупнейших агломерациях России подчеркнула пагубность центростремительных тенденций межрегиональной миграции, направленной в столицы [9].

Рождаемость в России, достигнув пика роста в 2015 г., начала обвально снижаться вплоть до 2019 г., незначительно повысившись с минимума падения в 2020 г. (рис. 2). Примерно в половине регионов продолжилось снижение рождаемости, в трети регионов в 2020 г. произошел незначительный рост по сравнению с 2019 г., в 10 регионах рождаемость осталась на прежнем уровне. Помимо общего снижения рождаемости произошло также изменение в ее региональной дифференциации (рис. 3).

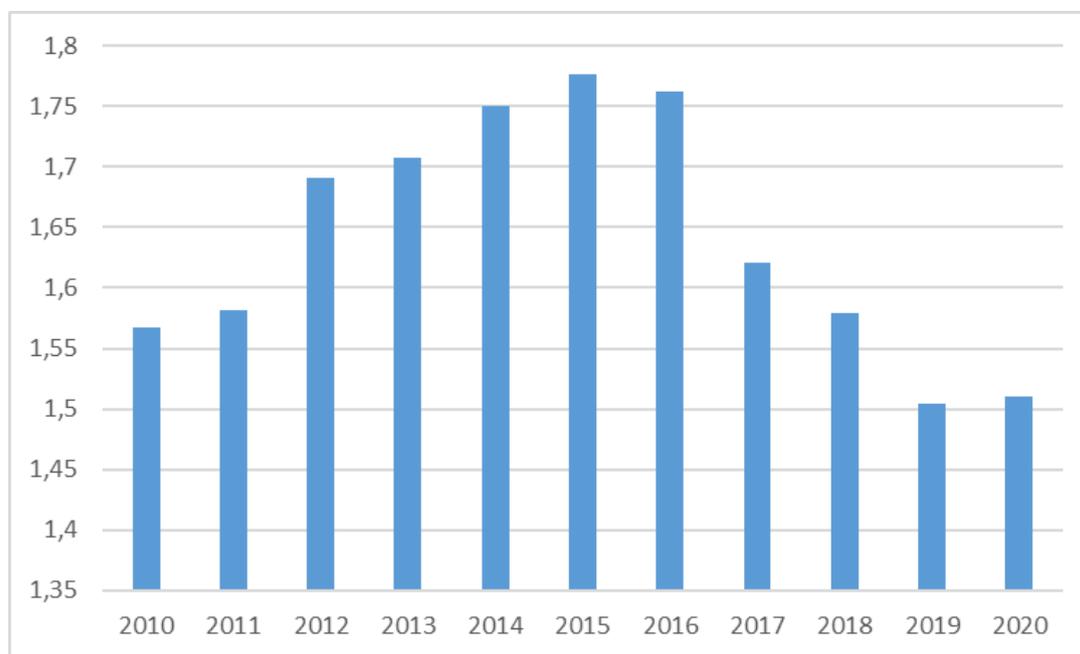

Рис. 2. Динамика суммарного коэффициента рождаемости в Российской Федерации в 2010-2020 гг.

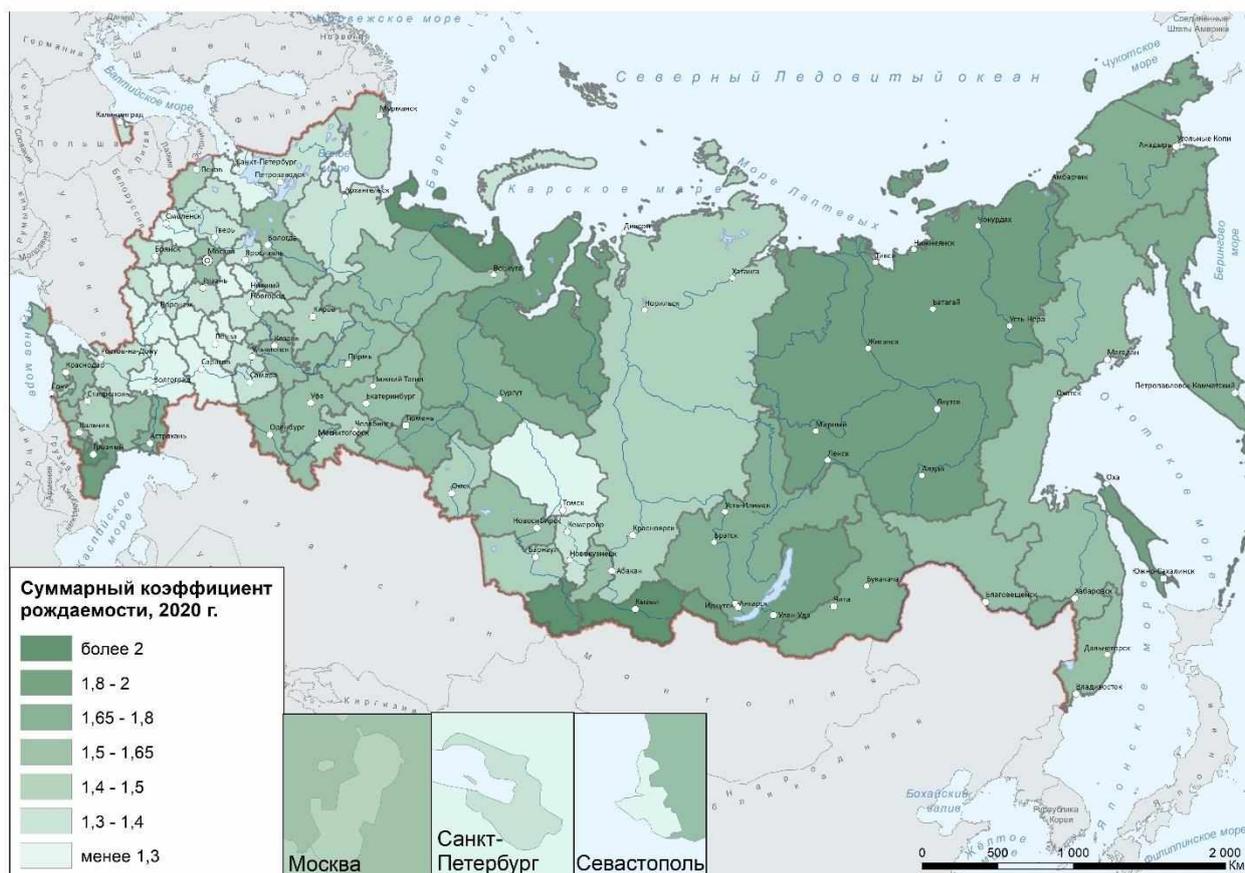

Рис. 3. Суммарный коэффициент рождаемости в регионах России в 2020 г.

Произошло сокращение количества регионов в группах с повышенной рождаемостью и увеличение численности в группах с низкой рождаемостью. По-прежнему сохраняется повышенная рождаемость в Сибири, на Дальнем Востоке, на Урале, на Северо-Востоке Европейской России (Вологодская область, Республика Коми), на Юге России. Несколько увеличилась рождаемость в Московском столичном регионе.

Вместе с тем особенно провально в части рождаемости выглядят регионы Центральной России, Нижнего Поволжья, Санкт-Петербургской агломерации. Пояс регионов с особенно низкой рождаемостью сформировался в Центрально-Черноземной полосе (Белгородская, Тамбовская, Воронежская области) с выходом в Нижнее Поволжье (Саратовская, Волгоградская, Пензенская области). Оказалось, что регионы с высоким уровнем социально-экономического развития, наличием города-миллионника (Воронеж) находящиеся на самых плодородных в России почвах, в зоне наиболее благоприятного земледелия характеризуются самой низкой в стране рождаемостью.

Таким образом, в ходе исследования выявлены регионы с повышенной относительно среднероссийской рождаемостью: регионы Урала, Сибири, Дальнего Востока, Северо-Востока Европейской России, а также регионы Юга России. Наиболее низкой рождаемостью характеризуются регионы Центральной России, особенно Центрального Черноземья, нижнего Поволжья, Санкт-Петербургской агломерации. Наблюдается увеличение числа регионов с низкой рождаемостью и уменьшение числа регионов с повышенной рождаемостью. Причинами межрегиональной дифференциации рождаемости могут являться региональные меры поддержки рождаемости, а также ментальные факторы, заслуживающие отдельного социального исследования.

Список литературы и источников

1. *Архангельский В. Н., Калачикова О. Н.* Возраст матери при рождении первого ребенка: динамика, региональные различия, детерминация // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2020. Т. 13. № 5. С. 200–217. DOI: <https://doi.org/10.15838/esc.2020.5.71.12>.
2. *Рыбаковский Л. Л., Савинков В. И., Кожевникова Н. И.* Региональная динамика рождаемости и результативность демографической политики в России // Народонаселение. 2017. № 4 (78). С. 4–18. DOI: <https://doi.org/10.26653/1561-7785-2017-4-1>.
3. *Архангельский В. Н.* Рождаемость в реальных поколениях российских женщин: тенденции и региональные различия // Экономка. Налоги. Право. 2019. № 2. С. 59–69. DOI: <https://doi.org/10.26794/1999-849X-2019-12-2-59-69>.
4. *Архангельский В. Н., Джанаева Н. Г., Елизаров В. В.* Региональные различия рождаемости на Дальнем Востоке // Уровень жизни населения регионов России. 2017. № 2 (204). С. 41–50.
5. *Архангельский В. Н.* Динамика рождаемости на Северном Кавказе: играет ли роль материнский капитал? // Журнал исследований социальной политики. 2019. Т. 17. № 1. С. 57–74. DOI: <https://doi.org/10.17323/727-0634-2019-17-1-57-74>.
6. *Архангельский В. Н.* Рождаемость в регионах Северо-Западного федерального округа // Проблемы развития территории. 2016. № 5 (85). С. 38–56.
7. *Зырянова (Шишкина) М. А.* Детерминанты рождаемости в северных регионах России: результаты Всероссийских переписей населения // Регионология. 2018. №2 (103). С. 358–383. DOI: <https://doi.org/10.15507/2413-1407.103.026.201802.358-383>.
8. *Казенин К. И., Ракша А. И.* Динамика рождаемости по регионам РФ в 2018 г.: основные тенденции // Экономическое развитие России. 2019. Т. 26. № 8. С. 71–78.
9. *Микрюков Н. Ю., Письменная Е. Е., Безвербный В. А., Рязанцев С. В.* Современные тенденции межрегиональных миграций в России // Научное обозрение. Серия 2. Гуманитарные науки. 2020. № 3–4. С. 15–30. DOI: <https://doi.org/10.26653/2076-4685-2020-3-4-02>.

РЕПРОДУКТИВНЫЕ ОРИЕНТАЦИИ НАСЕЛЕНИЯ ДЕПРЕССИВНОЙ ТЕРРИТОРИИ: ФАКТОРЫ И ПРОГНОЗЫ

Нешатаев А. В., магистрант Института экономики и управления Уральского федерального университета, Екатеринбург, Россия, e-mail: neshataev7@gmail.com.

Багирова А. П., доктор экономических наук, кандидат социологических наук, профессор, заместитель директора по науке и инновациям Института экономики и управления Уральского федерального университета, Екатеринбург, Россия, e-mail: a.p.bagirova@urfu.ru.

Аннотация. Коми-Пермяцкий округ Пермского края демонстрирует высокие показатели рождаемости, являясь при этом депрессивной территорией. Проведенный анкетный опрос показал, что самооценка материального положения является фактором, в определенной степени «катализирующим» приращение желаемого количества детей в случае введения оплаты родительского труда как меры стимулирования рождаемости.

Ключевые слова: рождаемость, репродуктивные ориентации, депрессивные территории, Коми-Пермяцкий округ.

REPRODUCTIVE ORIENTATIONS OF THE POPULATION OF A DEPRESSIVE TERRITORY: FACTORS AND PROGNOSIS

Neshataev A. V., Master's Student, Institute of Economics and Management, Ural Federal University, Yekaterinburg, Russia, e-mail: neshataev7@gmail.com.

Bagirova A. P., Doctor of Economic Sciences, Candidate of Sociological Sciences, Professor, Deputy Director for Science and Innovation, Institute of Economics and Management, Ural Federal University, Yekaterinburg, Russia, e-mail: a.p.bagirova@urfu.ru.

Abstract. Komi-Permyak District of Perm Krai demonstrates high birth rates, being at the same time a depressed territory. The conducted questionnaire survey showed that self-assessment of the financial situation is a factor, to a certain, "catalyzing" the increment of the desired number of children in the case of the introduction of payment for parental labor as a measure to stimulate fertility.

Keywords: fertility, reproductive attitudes, depressive territory, Komi-Permyak District.

Повышение уровня рождаемости является одной из приоритетных стратегических целей внутренней политики Российской Федерации. Эффективность демографической политики страны в значительной степени зависит от обеспечения стабильного экономического роста, роста благосостояния и снижения уровня бедности населения. С 2007 г. Правительство Российской Федерации проводит активную пронаталистскую политику, которая направлена на повышение рождаемости за счет материального стимулирования.

В этих условиях негативная динамика, складывающаяся в сфере рождаемости, бросает вызов демографическому сообществу и актуализирует проблему мониторинга детерминант как самой рождаемости, так и репродуктивных установок населения. Мнения ученых по этим вопросам кардинально различаются. Например, целый ряд отечественных исследователей, изучавших влияние мер пронаталистской политики на динамику рождаемости, связывали ее рост с демографическими тенденциями, начавшимися с 2000 г., еще до введения мер государственной поддержки [1]. Фиксируется взаимосвязь между семейными ценностями и репродуктивными установками населения [2]. В. Н. Бобков обнаружил закономерность влияния на показатели рождаемости таких факторов, как уровень безработицы, материальная и жилищная обеспеченность [3]. Другие результаты не подтверждают наличие прямой взаимосвязи между жилищными условиями населения и показателями рождаемости [4]. Более

того – М. Е. Кылосова выявила обратную связь между рождаемостью, заработной платой и инвестициями в жилую недвижимость – ею подтверждено, что рождаемость выше в наименее экономически развитых российских регионах [5].

В ходе нашего исследования изучались репродуктивные установки жителей Коми-пермяцкого округа Пермского края как экономически неблагополучной территории (n = 349). Отметим, что суммарный коэффициент рождаемости в этом регионе на 0,9 выше аналогичного показателя по Пермскому краю (2,42 и 1,52 в 2019 г. соответственно), а по числу родившихся на 1000 человек Коми-пермяцкий округ входит в десятку регионов-лидеров с показателем 12,3 [6].

В целях расширения каналов рекрутинга респондентов анкета была размещена в тематических группах социальных сетей «ВКонтакте» и «Одноклассники», посвященных населенным пунктам и районам округа, в профилях администраций муниципальных образований, в ряде средств массовой информации. Дальнейшая постстратификация позволила сформировать квоты пропорционально численности проживающего на отдельных территориях населения.

Среди опрошенных жителей Коми-Пермяцкого округа 34,1% имеют двух детей, а 24,6% являются многодетными, что косвенно свидетельствует о высоких показателях реализации демографического потенциала. В ходе анализа мы выявили взаимосвязь числа детей с семейным положением (что было ожидаемо) и с типом жилья. Медианное значение числа детей у жителя благоустроенной квартиры (1) ниже, чем у респондентов, проживающих в полублагоустроенных квартирах (не имеющих централизованного водоснабжения, системы отопления, канализации) и частных домах (2), причем эти различия являются статистически достоверными. К тому же среди жителей благоустроенных квартир в 2 раза выше доля бездетных (27,8%). Также в таких квартирах наблюдается невысокая доля многодетных (10%, тогда как среди респондентов, проживающих в других типах жилища, аналогичный показатель находится на уровне 30%).

Количество детей у респондентов также связано с их самооценкой материального положения: чем выше самооценка материального положения, тем выше среди них доля малодетных и бездетных респондентов (табл. 1).

Таблица 1.

Доля бездетных респондентов и респондентов с одним ребенком в группах опрошенных с разной самооценкой материального положения

Самооценка материального положения	Доля респондентов, не имеющих детей или имеющих одного ребенка
Едва сводим концы с концами	26,1
На продукты денег хватает, но покупка одежды вызывает финансовые затруднения	36,8
Денег хватает на продукты и на одежду. Но покупка вещей длительного пользования является проблемой	43,5
Мы можем без труда приобретать вещи длительного пользования	51,4

Ответы на вопрос о желаемом числе детей оказались связаны с целым рядом субъективных факторов:

- 1) оценка престижности родительства в обществе. Положительная оценка статуса родительства благоприятно сказывается на желаемом количестве детей. К тому же всего 13,5% опрошенных жителей Коми-Пермяцкого округа не согласны с тем, что родителем быть престижно;
- 2) самооценка респондентом материального положения: чем она ниже, тем выше желаемое количество детей – причем как в обычных условиях, так и при условии

введения оплаты родительского труда как меры его стимулирования (табл. 2). Отметим, что по мере снижения самооценки материального положения происходит увеличение прироста желаемого количества детей при условии введения оплаты родительского труда.

Таблица 2.

Изменение желаемого количества детей в зависимости от самооценки материального положения

Самооценка материального положения	Среднее значение желаемого количества детей	Среднее значение желаемого количества детей при условии оплаты родительского труда	Абсолютный рост показателя среднего желаемого количества детей
Едва сводим концы с концами	2,91	3,57	0,66
На продукты денег хватает, но покупка одежды проблематично	2,82	3,36	0,54
Денег хватает на продукты и одежду. Но покупка вещей длительного пользования вызывает трудности	2,69	2,82	0,13
Мы можем без труда приобретать вещи длительного пользования	2,69	2,90	0,21

Отметим, что медианное желаемое число детей у опрошенных из северных муниципальных образований Коми-Пермяцкого округа оказалось более высоким. Возможно, это обуславливается тем, что большая часть трудоспособного населения северных районов работает в лесозаготовительной отрасли, где занятыми в основном являются мужчины, а большинство женщин оказываются не вовлеченными в трудовую сферу, вследствие чего у них может формироваться более высокая потребность в детях.

Респондентам была дана возможность представить, сколько детей они хотели бы иметь, если за воспитание ребенка они получали заработную плату, сравнимую с оплатой труда на работе. Этот показатель был сопоставлен с желаемым количеством детей, однако, медианное значение обоих показателей оказалось равным 3. Интересно, что в исследовании студентов-третьекурсников вузов Свердловской области, проведенном в январе-марте 2021 г. под руководством проф. Ю. Р. Вишневого (см., например, [7]), в ответах на аналогичные вопросы мы зафиксировали устойчивые медианные значения, равные 2. И все же нам удалось обнаружить различия, свидетельствующие о том, что в случае введения оплаты родительского труда репродуктивные установки бы усилились: так, среди жителей Коми-Пермяцкого округа в этом случае на 10% сокращается доля респондентов, желающих быть малодетными (с 45% до 35%), но увеличивается доля тех, кто хотел бы в этих условиях иметь 5 и более детей (до 18,9%). Усиливается и действие территориального фактора: в случае введения оплаты родительского труда 69,1% опрошенных жителей северных районов хотели бы иметь 3 и более детей, тогда как среди опрошенных горожан и жителей южных районов – 55%. Отметим, что в случае студенчества Свердловской области такого «приращения» числа детей при потенциальном введении оплаты родительского труда не происходит.

Респонденты из Коми-Пермяцкого округа в качестве факторов, влияющих на количество детей в семье, чаще всего выбирали материальное положение (81,4%) и жилищные условия (63%), редко отмечались случайное стечение обстоятельств (4,3%), занятость женщины (3,4%) и готовность бабушек, дедушек помочь в воспитании детей (3,2%).

Самооценка материального состояния респондентов оказалась взаимосвязанной с их ответами о факторах, влияющих на количество детей в семье. Например, чем ниже самооценка

материального положения, тем более важной ощущается роль для рождения детей факторов, связанных с жилищными условиями и мерами государственной поддержки и менее важной – внутренняя потребность (табл. 3).

Таблица 3.

Оценка факторов, определяющих количество детей, в группах респондентов с разной самооценкой материального положения

Самооценка материального положения	Доля респондентов, выбравших факторы, от которых, по мнению респондентов, зависит число детей в семье, %		
	жилищные условия	меры государственной поддержки	внутренняя потребность
Едва сводим концы с концами	69,6	26,1	6,5
На продукты денег хватает, но покупка одежды вызывает финансовые затруднения	67,8	12,6	9,2
Денег хватает на продукты и на одежду. Но покупка вещей длительного пользования является проблемой	67,2	11,5	14,0
Мы можем без труда приобретать вещи длительного пользования	48,6	1,4	27,1

Таким образом, анализ репродуктивных установок населения депрессивной территории показал, что желаемое (и фактическое) число детей отрицательным образом связано с самооценкой респондентами своего материального положения: чем ниже материальное положение, тем выше репродуктивные ориентации. С другой стороны, самооценка материального положения оказалась фактором, в определенной степени «катализирующим» процесс приращения желаемого количества детей в случае введения оплаты родительского труда как меры стимулирования рождаемости. Возможно, этот факт является специфичным для депрессивного региона, и подобная взаимосвязь не будет проявляться для территорий иного типа. Однако, получение данного результата свидетельствует об эффективности данной меры как минимум на депрессивных территориях, которые могли бы выступить пилотными районами для ее апробации.

Список литературы и источников

1. Рыбаковский О. Л., Таюнова О. А. Материнский капитал и рост рождаемости в России в 2007-2012 гг. // Сегодня и завтра российской экономики. 2012. № 55. С. 73–78.
2. Ростовская Т. К., Архангельский В. Н., Князькова Е. А. Взаимосвязь брачного и репродуктивного поведения // Материалы II Всероссийского демографического форума с международным участием, 4-5 декабря, 2020 г. – М.: ФНИСЦ РАН, 2020. – С. 127–130.
3. Бобков В. Н. Влияние экономической активности и уровня жизни населения на рождаемость в современной России // Уровень жизни населения регионов России. – 2011. № 8. С. 3–16.
4. Шубат О. М., Багирова А. П., Шубат М. И. Рождаемость и жилищные условия населения: статистическое исследование взаимосвязи // Приложение математики в экономических и технических исследованиях. 2020. № 1. С. 79–88.
5. Кылосова М. Е. Региональные особенности влияния социально-экономических факторов на показатели рождаемости на примере Пермского края // Социально-

- экономические проблемы современного общества: Материалы II межд. науч.-практ. конф. – Прага: Социосфера, 2012. – С. 61–66.
6. *Нешатаев А. В.* Изучение динамики показателей рождаемости Пермского края в разрезе муниципальных образований за 2001-2019 гг. // Стратегии развития социальных общностей, институтов и территорий: материалы VII Международной научно-практической конференции. Т. 1. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2021. – С. 266–273.
 7. *Вишневецкий Ю. Р.* Студенты Урала о будущем: опасения и надежды, образ будущего, участие в созидании будущего // Стратегии развития социальных общностей, институтов и территорий: материалы VII Международной научно-практической конференции. Т. 1. – Екатеринбург, Изд-во Урал. ун-та, 2021. – С. 206–212.

Благодарности и финансирование:

Статья подготовлена в рамках проекта «Российская пронаталистская политика: ресурсы, эффекты, возможности оптимизации», поддержанного Советом по грантам Президента Российской Федерации на государственную поддержку ведущих научных школ Российской Федерации (НШ-2722.2020.6).

ИНСТИТУТ СЕМЬИ КАК СОЦИАЛЬНАЯ ЦЕННОСТЬ ГОСУДАРСТВА

Резер Т. М., доктор педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой теории, методологии и правового обеспечения государственного и муниципального управления Института экономики и управления Уральского федерального университета им. первого Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия, e-mail: t.m.rezer@urfu.ru.

Григоренко Я. А., студент Института экономики и управления Уральского федерального университета им. первого Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия, e-mail: yaroslav-grigorenko@bk.ru.

Аннотация. Авторы анализируют факторы, определяющие институт семьи социальной ценностью государства. Выделены функции института семьи как малой социальной группы и социального института. Рассмотрена государственная политика в этой сфере. Отмечено, что семья является социально-значимым институтом общества и государства.

Ключевые слова: семья, институт семьи, государство, функции семьи, социальная ценность, механизм воспроизводства, ячейка общества.

FAMILY INSTITUTION AS A SOCIAL VALUE OF THE STATE

Rezer T. M., Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Head Department for Theory, Methodology and Legal Support of State and Municipal Management, Institute of Economics and Management, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin, Yekaterinburg, Russia, e-mail: t.m.rezer@urfu.ru.

Grigorenko Ya. A., Student, Institute of Economics and Management, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin, Yekaterinburg, Russia, e-mail: yaroslav-grigorenko@bk.ru.

Abstract. The authors analyze the factors that determine the institution of the family as the social value of the state. The functions of the family institute as a small social group and a social institution are highlighted. The state policy in this area is considered. It is noted that the family is a socially significant institution of society and the state.

Keywords: the family, the institution of the family, the state, the functions of the family, social value, the mechanism of reproduction, the cell of society.

Современная Россия столкнулась с рядом социальных, экономических и политических проблем, среди которых к важнейшей из них относится проблема семьи как особого социального института, представляющего ценность для государства и общества. Обращение к теме исследования института семьи как ценности государства обусловлено несколькими обстоятельствами.

Во-первых, семья как социальная ценность государства в качестве самостоятельного социального института практически не рассматривалась, а как конституционная ценность была исследована С. В. Нарутто, изучившей конституционно-правовое закрепление семьи как ценности для государства и общества [1].

Во-вторых, в современном российском обществе в связи с его модернизацией произошли изменения ценностных установок на создание семьи, что привело к трансформации ряда ее институциональных признаков. Необходимо отметить, что эти перемены проявились в том, что личные и экономические выгоды индивида стали превалировать над родственными связями; изменились роли мужчины и женщины в семье, так как семья приобрела потребительский характер.

В-третьих, выросло новое поколение граждан в России, которые стали носителями новой системы социальных ценностей.

Семья является уникальным институтом общества, обусловленным историческим и культурным наследием. Во-первых, семья – это социальная группа, основанная на браке и кровном родстве, связанная общностью быта и взаимной ответственностью.

Во-вторых, семья – это социальный институт, деятельность которого направлена на удовлетворение ряда важнейших человеческих потребностей, включая репродуктивные и социальные функции. Именно наличие этих двух основных сущностей института семьи выделяют его как особый социально значимый элемент в системе общественных отношений.

Безусловно, что социальные функции семьи помогают удовлетворить важнейшие потребности человека и общества в целом, одной из которых является репродуктивная функция, то есть воспроизведение рода. Выполняя репродуктивную функцию, семья реализует главную социально ценностную задачу – биологическое воспроизводство человеческого рода и удовлетворение собственного репродуктивного поведения, обусловленного потребностью в детях. Конечно, данную задачу можно осуществлять и вне семейной среды, но именно в ней будущему члену общества, то есть ребенку, прививаются социальные нормы, ценности, модели и образцы поведения. Таким образом, реализуя естественные и биологические потребности, тесно связанные с социальными стремлениями, семья формирует и реализует социально-биологическую функцию и развивает институт семьи в целом, являясь при этом носителем ценностей и структурой, определяющей культурное наследие общества.

Следует отметить, что социально-биологическая функция семьи, как социального института, имеет *механизм воспроизводства*. Ни один другой социальный институт не имеет такого внутреннего механизма воспроизводства. Осуществляя репродуктивную функцию, семья не только удовлетворяет воспроизведение рода, но и поддерживает биологическую непрерывность общества, обеспечивая воспроизводство населения.

В семье рождается не только индивид, но и будущей член общества. В этом отношении семья выполняет функцию социализации индивида и служит агентом первичной социализации, помогающим адаптироваться индивиду в обществе посредством передачи морально-нравственных ценностей и культурно-исторического наследия. Также осуществляя социализацию ребенка, семья выполняет экзистенциальную функцию, реализуя духовно-нравственное воспитание, благодаря которому происходит развитие личности индивида и формирование его системы ценностей как будущего родителя, работника и гражданина страны.

Помимо вышеуказанных задач семья реализует еще социально-статусную функцию, предоставляющую определенный социальный статус всем членам семьи и определяющую положение и возможности детей в семье. Отдельно стоит отметить экономику семьи. Выполняя экономическую функцию, семья реализует следующие главные задачи:

- решение вопроса о рождаемости и поддержание соответственного спроса;
- сохранение детского здоровья;
- формирование человеческого капитала;
- осуществление заботы и социальной защиты ребенка.

Формирование семьи является важным процессом, где супруги распределяют права и обязанности, чтобы создать крепкую ячейку общества и интегрировать индивидов в его систему. Процессом, обеспечивающим создание семьи, служит брак. Брак – это добровольный союз мужчины и женщины, который заключается на условиях, предусмотренных Семейным Кодексом РФ. Семейный Кодекс РФ направлен на правовое обеспечение создания семьи и порождает для сторон взаимные права, обязанности и ответственность. Несомненно, в обществе исторически сложилось представление, что мужчина – глава семьи и большая часть обязанностей принадлежат ему. Однако благодаря самому процессу брака этот стереотип был разрушен, а права и обязанности мужчины и женщины в браке стали равны. Без сомнения можно утверждать, что мужчина и женщина, формируя семью, возлагают на себя большую

ответственность за создание ячейки общества, воспитание ребенка, его социализацию и интеграцию в общество.

На наш взгляд, в целях решения этой проблемы – сохранение традиционной семьи – необходимо использовать медико-педагогический подход – интегрированный подход, включающий в себя совокупность медицинских и психолого-педагогических способов и приемов, базирующихся на интегративности мышления человека [2]. В тоже время необходимо активизировать процесс формирования инструментальных ценностей молодых людей в процессе получения общего и профессионального образования на основе здоровьесохраняющих технологий [3; 4].

Институт семьи, являясь социально значимым элементом общества, экономическим агентом и реализуя свои функции и задачи, обретает ценность для государства. Поэтому все эти аспекты потребовали реализации в стране новой государственной семейной политики в сфере демографии и определения репродуктивных установок россиян и отношения к государственным мерам поддержки рождаемости [5].

На данный момент реализуется Указ Президента Российской Федерации от 09.10.2007 г. № 1351 «Об утверждении Концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года» [6]. Согласно данному Указу Президента РФ политика государства направлена на увеличение продолжительности жизни населения, сокращение уровня смертности, рост рождаемости, регулирование внутренней и внешней миграции, сохранение и укрепление здоровья населения, защиту материнства, детства и семьи.

Одной из ключевых задач, решение которой поставлено перед Правительством Российской Федерации является усиление позиции института семьи в обществе посредством *возрождения и сохранения духовно-нравственных традиций семейных отношений*. Помимо Указа Президента РФ от 09.10.2007 г. № 1351 «Об утверждении Концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года» Правительство РФ реализует распоряжение от 25 августа 2014 года № 1618-р. «Об утверждении Концепции государственной семейной политики в России на период до 2025 года». Согласно принятой Концепции политика государства направлена на укрепление, сохранение и поддержание стабильности института семьи, как основы российского общества и развития человеческого потенциала [7].

Также важнейшим документом, определившим новые векторы государственной семейной политики стал национальный проект «Демография», реализуемый с 2019 по 2024 гг., в рамках которого планируется развитие материальной поддержки при рождении детей, содействие трудоустройству женщин, как фактору благоприятной атмосферы дошкольного образования детей в возрасте до трех лет, формирование здорового образа жизни [8].

Таким образом, государство определило приоритетные направления, определяющие его политику по поддержанию и защите института семьи. Одним из таких направлений является материальное и жилищное поддержание молодых, многодетных семей. Постоянно происходит экономическое стимулирование рождаемости, защита важнейших интересов молодых и многодетных семей при создании и реализации социальной политики государства.

Социальная репрезентация образа «благополучия/неблагополучия» современной российской семьи и поведения обучающегося были исследованы и представлены в 2020 г. учеными Уральского института управления РАНХиГС при Президенте РФ в г. Екатеринбурге, где делается вывод, что семье не всегда удается адаптироваться к современным условиям, она иногда оказывается неспособной эффективно реализовать свою основную функцию – воспитание детей [9, с. 107]. Следовательно, воспитание будущего родителя для страны осложнено проблемами, которые существуют сегодня в обществе, поэтому требуется дальнейшее изучение и понимание того, каковы будут наиболее эффективные механизмы государственного управления институтом семьи как социальной ценностью государства в условиях демографического кризиса, начиная со школьного образования.

На наш взгляд, было своевременным введение в Конституцию Российской Федерации в июле 2020 г. нормы, устанавливающей, что семья в России – это союз мужчины и женщины,

что подтвердило ориентацию семьи на традиционные ценности и реализацию стратегии развития института семьи в системе традиционных ценностей и обычаев.

Семья должна стать общенациональной идеей в независимости от этнической и религиозной принадлежности. Основываясь на том, что семья – это социально-значимый институт российского общества, имеющий национальную и социальную ценность для страны, что требует не только поддержки от государства, но и прямой готовности будущих супругов к семейным отношениям. Только в совокупности общих усилий государства и супругов в традиционной семье возможно повышение значимости института семьи в российском обществе как ценности государства, а также дальнейшее участие ячейки общества в развитии страны.

Список литературы и источников

1. *Нарутто С. В.* Семья как конституционная ценность // Актуальные проблемы российского права. 2017. № 5 (78). С. 21–30. DOI: <https://doi.org/10.17803/1994-1471.2017.78.5.021-030>.
2. *Резер Т. М.* Медицина и педагогика на пути интеграции // Педагогика. 2007. № 7. С. 83–91.
3. *Резер Т. М.* Профессиональное воспитание будущего специалиста // Врач. 2001. № 9. С. 45.
4. *Резер Т. М.* Здоровьесохраниющая технология в образовательном учреждении. – Екатеринбург: Изд-во Уральского государственного экономического университета, 2002. – 100 с.
5. *Рыбаковский О. Л.* Воспроизводство населения России: задачи, тенденции, факторы и возможные результаты к 2024 году // Народонаселение. 2020. Т. 23. № 1. С. 53–66. DOI: <https://doi.org/10.19181/population.2020.23.1>.
6. Указ Президента Российской Федерации от 09.10.2007 г. № 1351 «Об утверждении Концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года» // Президент России [сайт]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/26299> (дата обращения: 10.09.2021).
7. Распоряжение Правительства РФ от 25 августа 2014 года №1618-р об утверждении Концепции государственной семейной политики в России на период до 2025 года // Правительство России [сайт]. URL: <http://government.ru/docs/all/92699/> (дата обращения: 10.09.2021).
8. Паспорт национального проекта «Национальный проект “Демография”» (утв. Минтрудом России) // Консультант Плюс. справочная правовая система. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_384857/ (дата обращения: 02.04.2021).
9. *Усова О. В., Чевтаева Н. Г., Никитина А. С., Скаво К.* Социальная репрезентация образа «благополучия/неблагополучия» современной российской семьи и поведения обучающегося: восприятие явления педагогами // Образование и наука. 2020. Т. 22. № 6. С. 102–136. DOI: <https://doi.org/10.17853/1994-5639-2020-6-102-136>.

СЕМЕЙНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА В СТРАНОВОМ РАЗРЕЗЕ

Ростовская Т. К., доктор социологических наук, профессор, главный научный сотрудник, заведующий Отделом семьи и семейно-демографической политики, заместитель директора по научной работе Института демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия, e-mail: rostovskaya.tamara@mail.ru.

Аннотация. Рассмотрены подходы к реализации мер демографической политики и поддержки семьи в странах мира. Определены особенности демографической политики Франции в части повышения рождаемости. Отмечены концептуальные документы в части реализации семейно-демографической политики Российской Федерации, направленной на формирование и развитие развития института благополучной детной (многодетной) семьи.

Ключевые слова: семья, семейно-демографическая политика, повышение рождаемости, институт благополучной детной (многодетной) семьи.

FAMILY AND DEMOGRAPHIC POLICY IN THE COUNTRY CONTEXT

Rostovskaya T. K., Doctor of Sociological Sciences, Professor, Chief Researcher, Head Department for Family and Demographic Policy, Deputy Director for Research, Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia, e-mail: rostovskaya.tamara@mail.ru.

Abstract. Approaches to the implementation of demographic policy measures and family support in the countries of the world are considered. The features of the demographic policy of France in terms of increasing the birth rate are determined. Conceptual documents regarding the implementation of the family and demographic policy of the Russian Federation aimed at the formation and development of the institution of a prosperous children's (large) family are noted.

Keywords: family, family and demographic policy, birth rate increase, the institution of a prosperous child (large) family.

Анализ опыта семейно-демографической политики в странах мира показал, что разные страны используют специфические комплексы инструментов стимулирования рождаемости и разрабатываются разные модели, учитывающие культуру, социально-экономические особенности региона. Обзор теоретических концепций и результаты исследований показывают, что нормы демографического поведения заметно различаются на территории одной страны, в разных ее частях или в разных странах, в семьях с разным материальным положением.

Рассматривая подходы к реализации мер демографической политики и поддержки семьи в странах мира, необходимо обратить внимание на концептуальные модели (типы) социальной политики, в том числе затрагивающих помощь семьям, обобщенных Г. Эспин-Андерсеном [1]. Приверженность той или иной модели социальной политики определяют характер и механизмы поддержки семей. В рамках заявленной темы интересна классификация европейских стран по типам социальной политики, представленная в таблице 1.

Таблица 1.

Классификация европейских стран по типам социальной политики

Социал-демократический	Консервативный	Либеральный	Фамилистический	Страны Центральной и Восточной Европы
------------------------	----------------	-------------	-----------------	---------------------------------------

Дания Финляндия Нидерланды Норвегия Швеция	Бельгия Германия Франция Швейцария	Великобритания Ирландия	Италия Кипр Греция Португалия Испания	Турция Израиль Болгария Чехия Венгрия Латвия Польша Румыния Словакия Словения Хорватия Украина Россия Эстония
--	---	----------------------------	---	--

Источник: [2]

В странах с *социал-демократическим типом* социальной политики (Дания, Финляндия, Нидерланды, Норвегия, Швеция), наблюдается максимальный уровень государственного перераспределения ресурсов, наиболее значительный (в сравнении другими странами), что позволяет аккумулировать значительные средства на социальную политику и поддержку семей.

Масштабы участия государства в реализации мер социальной поддержки семей в странах с *консервативным типом* социальной политики (Бельгия, Германия, Франция, Швейцария) несколько больше. Механизмы регулирования при оказании социальной помощи ориентированы на оказание поддержки институту семьи. При этом, выплаты социального характера зависят от непосредственного «вклада» в бюджет государства (стаж, работы, сумма уплаченных налогов).

Либеральный тип (Великобритания, Ирландия), характеризуется минимальным вмешательством государства в регулирование социальных вопросов. Решение многих проблем семьи перекладывается на плечи членов семьи, социальные льготы предоставляются только особенно нуждающимся гражданам.

Фамилистический тип (Италия, Кипр, Греция, Португалия, Испания) характерен для стран, приверженных к традиционной роли семьи в жизни общества, где огромное значение имеют родственные связи в решении социальных проблем. Однако необходимо иметь в виду, что признание традиционной роли семьи в контексте социальной политики сопровождается отсутствием минимума государственных социальных гарантий. Кроме того, система социального обеспечения и поддержки является весьма фрагментарной.

Следует обратить внимание, что ряд стран Центральной и Восточной Европы (в том числе и Россия) в силу специфики социально – экономических и политических факторов не были включены ни в одну из четырех рассмотренных типов, а были выделены Т. Рискинсом и В. ван Ооршотом в отдельную группу [3]. Тем не менее, следует подчеркнуть, что российской системе социальной помощи близка консервативная модель. Об этом можно судить, опираясь на поправки, внесенные в Конституцию Российской Федерации (часть 1 статьи 72), основные положения посланий Президента РФ, принимаемые в интересах семей законы, расширение мер поддержки российской семьи, основные стратегии семейной и демографической политики. При этом можно констатировать, что страны с фамилистическим режимом не могут быть для России идеалом в контексте модели семейной политики, так как во многом «эксплуатируют» семью при решении социальных вопросов, не компенсируя семье затрат по уходу за детьми и нетрудоспособными [4].

Примерами стран с развитой семейной политикой может выступать Франция. Проблемами сохранения численности населения правительство Франции серьезно занимается длительное время: в 1930–1940 гг. власти обратили внимание на демографические проблемы;

с 1932 г. работодатели ежемесячно делают взносы в фонд поддержки многодетных семей, эта обязанность закреплена на законодательном уровне; с 1938 г. выплачиваются пособия за оформление в семью приемных детей; в 1940–1945 гг. при приеме на работу предпочтение отдается мужчинам, имеющим семью и детей.

Франция, среди стран Западной Европы, имеет самый высокий коэффициент рождаемости. Сегодня во Франции комплекс мер демографической политики один из самых масштабных в Европе. Это, во-первых, пропаганда зарегистрированных браков. Во-вторых, это ограничения доступа к абортam (условиями являются жесткий порядок подачи заявки на аборт и ограничения по срокам – только в первом и втором триместре по заключению комиссии врачей) и к контрацепции, что неоднозначно воспринимается в социуме. Постепенно идет либерализация ограничений, чему способствует не только общественная дискуссия, но высокая, в определенный период, смертность матерей от криминальных. В-третьих, хорошо продуманная система пособий всем категориям семей и в зависимости от уровня дохода: бедным многодетным семьям; единовременные пособия за рождение третьего и четвертого ребенка в семье и др. [5]. В-четвертых, меры, позволяющие поддерживать совмещение карьеры и материнства – ежемесячная выплата родителям, если они вынуждены взять после рождения третьего ребенка неоплачиваемый годовой отпуск; скидки, льготы и освобождение многодетных родителей от налогов; развитая инфраструктура помощи по уходу за детьми (воспитатели, врачи, психологи). В-пятых, жилищные льготы.

Вместе с тем отметим, что не только во Франции власти использовали жилищную политику для увеличения рождаемости. Доступные кредиты на улучшение жилищных условий для молодежи (погашение 20% кредита при рождении первого ребенка; 30% – при рождении второго; оставшихся 50% – при рождении третьего) – стратегия поддержки родителей, которая позволила повысить рождаемость в ГДР в конце 1970-х гг. Распределением жилья семьям с детьми занимались и в Великобритании. Отдельная программа поддержки есть в Австрии, там размер пособий и льгот определяет не уровень дохода в семье, а число детей, есть специальная программа для молодых семей, которые до 27 лет не закончили образование. В Австрии социальную поддержку семьям оказывают социально ориентированные общественные организации, правительство и местные органы власти. Следует также отметить положительный опыт Российской Федерации, направленный на обеспечение жильем молодых семей, который активно реализуется в нашей стране с 2002 г. в рамках федеральной целевой программы «Жилище» [6].

Семейно-демографическая политика в России в последние годы характеризуется разработкой стратегий в интересах развития института благополучной детной (многодетной) семьи. А ключевым национальным интересом государства на долгосрочную перспективу в соответствии с Указом Президента РФ, является «сбережение народа России и развитие человеческого потенциала» [7].

Концепция государственной семейной политики в Российской Федерации на период до 2025 года [8] позволила не только определить приоритетные направления в реализации политики в отношении семьи, но и обозначить в качестве одной из ключевых задач – формирование национальной модели семейной политики.

К традиционным семейным ценностям, провозглашаемым обозначенной Концепцией, а также Конституцией Российской Федерации относятся ценности брака, понимаемого как союз мужчины и женщины (данное определение было одобрено в ходе общероссийского голосования о поправках в Основной Закон нашей страны 01.07.2020) [9], основанный на государственной регистрации в органах записи актов гражданского состояния, заключаемый в целях создания семьи, рождения и (или) совместного воспитания детей, основанный на заботе и уважении друг к другу, к детям и родителям, характеризующийся добровольностью, устойчивостью и совместным бытом, связанный с взаимным стремлением супругов и всех членов семьи к его сохранению.

Укрепление семьи как основы государства, а также формирование условий, при которых семья могла бы чувствовать уверенность в будущем, ощущала бы себя защищенной

от рисков, связанных с появлением ребенка или нескольких детей в семье, провозглашается главными приоритетами успешного развития страны.

Основными задачами государственной семейной политики провозглашаются:

- развитие экономической самостоятельности семьи и создание условий для самостоятельного решения ею своей социальной функции;
- развитие системы государственной поддержки семей, в том числе при рождении и воспитании детей;
- создание механизмов поддержки семей, нуждающихся в улучшении жилищных условий;
- развитие жизнеохранительной функции семьи и создание условий для обеспечения здоровья ее членов;
- повышение ценности семейного образа жизни, сохранение духовно-нравственных традиций в семейных отношениях и семейном воспитании;
- содействие в реализации воспитательного и культурно-образовательного потенциала семьи;
- обеспечение социальной защиты семей и детей, нуждающихся в особой заботе государства;
- профилактика семейного неблагополучия, детской безнадзорности и беспризорности;
- повышение эффективности системы социальной защиты семей с несовершеннолетними детьми, вовлеченными в сферу гражданского, административного и уголовного судопроизводства.

Концепция государственной семейной политики на период до 2025 года явилась значимым этапом развития государственной семейной политики в Российской Федерации. Она продолжила тренд на оказание системной поддержки семьям, прежде всего, семьям с детьми, начавшейся программой «материнского капитала» в 2007 г. – при рождении или усыновлении второго, третьего или последующего детей семье предоставляется возможность воспользоваться значительной суммой (2021 г. – 483,8 тыс. рублей) при условии ее целевого расходования (пенсия матери, образование детей, приобретение жилья).

Таким образом, краткий анализ реализации семейно-демографической политики в страновом разрезе, позволил выявить опыт зарубежных стран по стимулированию рождаемости и необходимость формирования социальных установок на развитие института благополучной детной (многодетной) семьи.

Список литературы и источников

1. *Esping-Andersen G.* Social Foundations of Post-industrial Economies. – Oxford: Oxford University Press, 1999. – 207 p. DOI: <https://doi.org/10.1093/0198742002.001.0001>.
2. *Грязнова. О. С., Магун В. С.* Запросы жителей европейских стран на государственную социальную поддержку и их базовые ценности // SPERO. 2012 Осень-Зима. №17. С. 7–34. ISSN: 1818-6963.
3. *Reeskens T., van Oorschot W.* Equity, equality, or need? A study of popular preferences for welfare redistribution principles across 24 European countries. *Journal of European Public Policy*. 2013. Vol. 20. No. 8. Pp. 1174–1195. DOI: <https://doi.org/10.1080/13501763.2012.752064>.
4. *Кучмаева О. В.* К вопросу о концептуальных подходах к разработке семейной политики в России // Институты развития демографической системы общества. сборник материалов V Уральского демографического форума с международным участием. под редакцией А.И. Татаркина, А.И. Кузьмина. 2014. С. 200–209.
5. *Чистякова А.* «Франции нужны дети». Политика пронатализма во Франции // Демоскоп Weekly [Электронный научный журнал]. 2009. № 377–378. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2009/0377/student03.php> (дата обращения: 05.10.2021).

6. Григорьева Н., Дюпра-Куштанова В., Шарова М. Социальная политика в области родительства: сравнительный анализ (Россия-Франция) // Журнал исследований социальной политики. 2014. Т. 12. № 1. С. 21–38.
7. Указ Президента Российской Федерации от 02.07.2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Президент России [сайт]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47046> (дата обращения: 05.10.2021).
8. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 25.08.2014 г. № 1618-р об утверждении Концепции государственной семейной политики в РФ на период до 2025 года // Правительство России [сайт]. URL: <http://government.ru/docs/all/92699/> (дата обращения: 05.10.2021).
9. Конституция Российской Федерации – принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 года // Официальный портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202007040001> (дата обращения: 05.10.2021).

Благодарности и финансирование:

(Исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ в рамках научного проекта № 20-18-00256 «Демографическое поведение населения в контексте национальной безопасности России»)

ВЛИЯНИЕ ВОЗРАСТНОЙ СТРУКТУРЫ НА ДИНАМИКУ РОЖДАЕМОСТИ: НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИКИ ДАГЕСТАН И СВЕРДЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ

Секицки-Павленко О. О., ведущий экономист Института экономики Уральского отделения РАН, Екатеринбург, Россия, e-mail: sekitski.pavlenko.oo@uiec.ru.

***Аннотация:** В статье рассматривается влияние возрастной структуры женского населения репродуктивного возраста на динамику рождаемости за 20 летний период на примере двух субъектов Российской Федерации. Представлено развитие таких показателей как общий и суммарный коэффициенты рождаемости. Выделены этапы развития этих показателей. Сделан вывод о сокращении рождаемости в результате структурных возрастных сдвигов.*

***Ключевые слова:** общий коэффициент рождаемости, суммарный коэффициент рождаемости, доля женщин репродуктивного возраста, численность женщин.*

INFLUENCE OF AGE STRUCTURE ON FERTILITY DYNAMICS: CASE STUDY THE REPUBLIC OF DAGESTAN AND THE SVERDLOVSK REGION

Sekitski-Pavlenko O. O., Leading Economist, Institute of Economics, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Yekaterinburg, Russia, e-mail: sekitski.pavlenko.oo@uiec.ru.

***Abstract:** The article examines the influence of the age structure of the female population of reproductive age on the dynamics of fertility over a 20-year period using the example of two constituent entities of the Russian Federation. The development of such indicators as the crude birth rate and total fertility rate is presented. The stages of development of these indicators are highlighted. The conclusion is made about the reduction in the birth rate as a result of structural age shifts.*

***Keywords:** crude birth rate, total fertility rate, proportion of women of reproductive age, number of women.*

Снижение рождаемости в России проблема, берущая свое начало с 20-х годов прошлого века, когда в результате глубоких научно-технических, социально-экономических, исторических и культурных изменений произошли коренные трансформации в ценностных ориентациях и в образе жизни населения, которые повлияли на снижение норм детности от поколения к поколению.

Изменения в процессе рождаемости никогда не происходят сразу во всем населении. Всегда существуют определенные регионы, группы населения в которых новые репродуктивные модели воплощаются раньше. В нашем исследовании мы попытались взглянуть на различия в характере рождаемости двух субъектов Российской Федерации – Республики Дагестан и Свердловской области. Представленные два субъекта значительно отличаются друг от друга по национальному и религиозному составу, культурным особенностям, историческому контексту развития, что, несомненно, находит свое отражение в развитии демографических процессов в том числе и рождаемости.

Возрастная структура является ключевым элементом, формирующим течение демографических процессов. Изменения в ней оказывают влияние на развитие демографических и социально-экономических параметров [1; 2]. Проще говоря, возрастная структура населения выступает в качестве демографического потенциала обеспечивающего репродуктивные возможности того или иного региона.

За последние 20 лет как в Республике Дагестан, так и в Свердловской области показатель общего коэффициента рождаемости имеет волнообразную тенденцию (рис. 1).

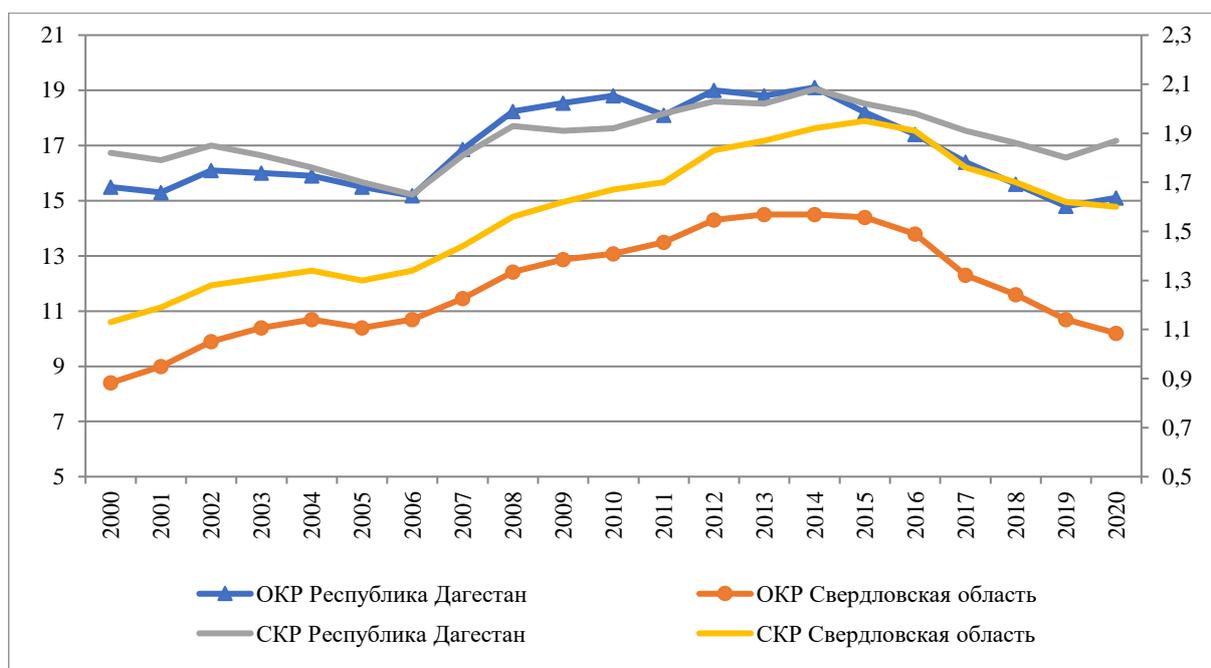

Рис.1. Динамика общего и суммарного коэффициентов рождаемости в 2000 –2020 гг.

Условно можно выделить три временных интервала: до 2006 г., когда общий коэффициент рождаемости менялся незначительно; с 2007 по 2015 гг. – период наибольшего роста показателя; и третий этап – с 2015 г. по настоящее время, когда наметилась тенденция к снижению общего коэффициента рождаемости. На протяжении двух десятилетий общий коэффициент рождаемости в Республики Дагестан стабильно на 4–7% выше, чем в Свердловской области. Причем максимальная разница наблюдалась в 2000 г. и составила 7,1%, а минимальная разница – в 2018 г. и составила 4%.

Развитие суммарного коэффициента рождаемости в обоих субъектах почти параллельно динамики общего коэффициента рождаемости. На протяжении всего исследуемого периода показатели СКР в республике Дагестан превышают показатели по Свердловской области. Наибольшая разница между субъектами наблюдалась в 2000 г., когда в Дагестане СКР составлял 1,82 ребенка на женщину 15–49 лет. Наименьшая разница в 2015 и 2016 гг., когда разница между показателями не превышала 0,07 ребенка на женщину репродуктивного возраста. Стоит отметить, что в обоих субъектах показатель суммарного коэффициента рождаемости за весь период не превысил значения 2,1 необходимого для простого замещения поколений. Даже в Дагестане данный показатель только приблизился в 2014 г. к необходимой отметке, когда его величина составила 2,08 рождений на одну женщину, но так не преодолел необходимую границу.

Рассматривая показатели общего и суммарного коэффициентов рождаемости необходимо отметить, что их повышение связано в первую очередь с благоприятной возрастной структурой женского населения, когда в репродуктивный возраст вступили значительные по численности поколения женщин, рожденных в конце 1970-х и в 1980-е гг. Именно они обеспечили повышение общего коэффициента рождаемости. С 2007 г. реализация мер демографической политики, направленных на увеличение рождаемости, способствовала рождению вторых и последующих детей. Таким образом, одновременное действие фактора возрастной структуры, точнее, ее волнового эффекта и пронаталистская политика государства сыграли роль в повышении показателей рождаемости.

К настоящему времени поколения женщин конца 1970-х и 1980-х гг. постепенной выходят из репродуктивного возраста, в него вступили малочисленные поколения, рожденные в 1990-е гг. В самое ближайшее время это скажется на снижении показателей рождаемости

Тенденции в динамике изменения численности женщин, как в Дагестане, так и в Свердловской области повторяют общероссийскую тенденцию сокращения численности репродуктивных возрастов (рис. 2).

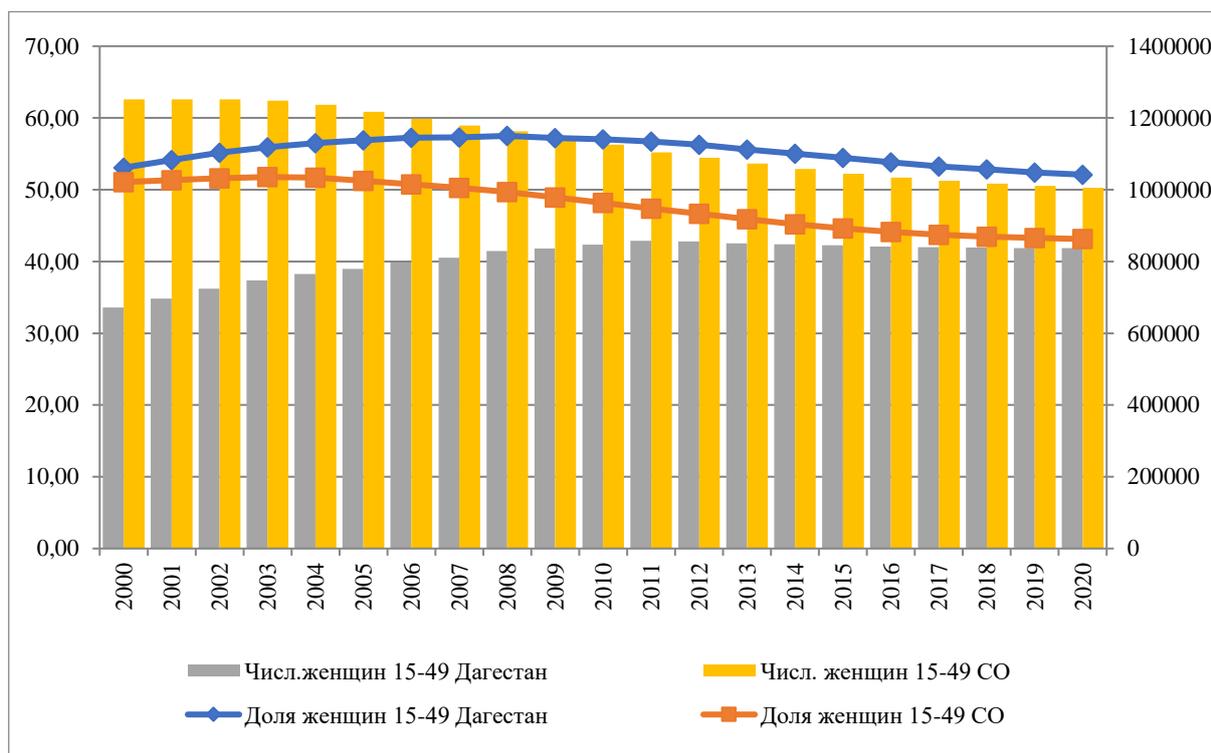

Рис. 2. Изменение численности и доли женщин репродуктивного возраста.

С начала 2000-х гг. и вплоть до начала второй декады XXI века численность женщин в возрасте 15–49 лет возрастала. Причем в Республике Дагестан рост был намного интенсивнее, чем в Свердловской области. Если в 2000 г. в республике насчитывалось 671 942 женщины в возрасте 15–49 лет, то к 2011 г. их численность составила уже 857 604 человек [3]. В Свердловской области увеличение численности женщин репродуктивного возраста наблюдалось только в 2001 и 2002 гг., а в остальное время их численность только сокращалась.

Общим для двух субъектов является снижение доли женщин репродуктивного возраста в общей численности женского населения [4]. Отличительной особенностью динамики данного показателя является то, что в Свердловской области, при изначально более низкой доли женщин репродуктивного возраста, снижение показателя началось раньше и происходило более интенсивно, нежели в Дагестане. Если до 2006 г. удельный вес женщин репродуктивного возраста составлял в Свердловской области более половины от всего женского населения, то к 2020 г. уже 43,14% от всех женщин. Т. е. сократилась почти на 8% по сравнению с началом исследуемого периода. В Дагестане в 2020 г. удельный вес женщин репродуктивного возраста достиг своего минимального значения.

На основании вышеизложенного можно сделать вывод о том, что главной причиной повышения рождаемости во второй декаде 21 века являлось действие структурного фактора. На наш взгляд в ближайшей перспективе следует ожидать снижения рождаемости, как в Свердловской области, так и в республике Дагестан. Принимая во внимание и тот факт, что средний возраст женщины при рождении первого ребенка, также имеет тенденцию к повышению, ожидать увеличение показателей рождаемости в перспективе на ближайшие 10 лет не придется [5]. Более выраженным процесс снижения рождаемости будет в Свердловской области. В Республике Дагестан темпы снижения рождаемости будут значительно мягче.

Список литературы и источников

1. *Архангельский В. Н.* Трансформация показателей рождаемости в реальных поколениях российских женщин / В. Н. Архангельский // *Народонаселение*. 2014. № 3(65). С. 26–41.
2. *Архангельский В. Н., Зинькина Ю. В., Шульгин С. Г.* Возрастная структура как фактор будущей динамики численности населения // *Народонаселение*. 2018. Т. 21. № 2. С. 18–33. DOI: <https://doi.org/10.26653/1561-7785-2018-21-2-02>.
3. *Бадоева З. А., Яхьяева З. И., Козырева Ф. У., Аликова Т. Т., Джисоева И. А.* Влияние возрастной структуры женского населения на рождаемость в республиках Северного Кавказа // *Фундаментальные исследования*. 2012. № 2–1. С. 23–26.
4. *Добрыднев С. И., Добрыднева Т. С.* Фактор возрастной структуры населения в динамике рождаемости // *Социология в современном мире: наука, образование, творчество*. 2015. № 7. С. 144–148.
5. *Демографические итоги – 2020: Россия вернулась в 1990-е, из которых уже не выберется?* // *Вопросы культурологии*. 2021. № 4. С. 342–345.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА РОССИИ В УСЛОВИЯХ КРИЗИСА ИНСТИТУТА БРАКА

Сивоплясова С. Ю., кандидат экономических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Института демографических исследований ФНИСЦ РАН, доцент кафедры экономической теории Московского авиационного института, Москва, Россия, e-mail: svetlankamos84@rambler.ru

***Аннотация.** В статье анализируются показатели, обосновывающие кризисное состояние института брака в современной России. Представлены результаты авторского опроса молодежи по вопросам матримониального поведения и отношения к современным моделям семьи. Определены особенности демографической политики Российской Федерации с позиций формирования брачного поведения населения. Разработаны рекомендации по совершенствованию мер государственной демографической политики.*

***Ключевые слова:** брак, семья, кризис, демографическая политика, опрос, молодежь.*

RUSSIAN STATE DEMOGRAPHIC POLICY IN THE CONDITIONS OF A CRISIS OF THE MARRIAGE INSTITUTION

Sivoplyasova S. Yu., Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Leading Researcher at the Institute for Demographic Research of the Federal Scientific Research Center of the Russian Academy of Sciences, Associate Professor of the Department of Economic Theory of the Moscow Aviation Institute, Moscow, Russia, e-mail: svetlankamos84@rambler.ru.

***Abstract.** The article analyses the indicators that substantiate the crisis state of the institution of marriage in modern Russia. The results of the author's survey of young people on the issues of matrimonial behaviour and attitudes towards modern family models are presented. The features of the demographic policy of the Russian Federation are determined from the standpoint of the formation of marital behaviour of the population. Recommendations for improving measures of state demographic policy have been developed.*

***Keywords:** marriage, family, crisis, demographic policy, survey, youth.*

Тема семьи и брака является многогранной и касается каждого человек. Жизнь начинается в семье, а семья начинается с брака. Однако, современные семья и брак находятся в кризисе, что негативно сказывается на развитии государства.

Кризисное состояние института семьи и брака подтверждает динамика ряда показателей.

Во-первых, сокращается число заключенных браков. Если в 2011 г. было зарегистрировано 1,316 тыс. браков, то в 2019 г. – только 917 тыс. Так как подавляющее большинство рождений детей (около 70–80%) происходит в зарегистрированном браке, то снижение показателей брачности будет негативно влиять на процессы воспроизводства населения и усложнит достижение цели демографической политики страны – сокращение депопуляции и рост численности населения [1].

Во-вторых, вызывает тревогу динамика показателей разводимости. Хотя в абсолютных значениях число разводов сокращается, их доля относительно числа зарегистрированных браков растет. Так, в 2011 г. распались чуть более 50% браков, то в 2019 г. – более 65%. Высокие показатели разводимости свидетельствуют о том, что общество рассматривает разрыв брачных отношений как типичный сценарий семейной жизни. Это приводит к формированию жизненных стратегий, предполагающих откладывание заключение брака на более поздний период, в частности, после обретения молодым человеком экономической

независимости, и рождение меньшего числа детей по сравнению с желаемым, так как их проще будет вырастить и обеспечить одному родителю.

В-третьих, увеличивается возраст вступления в брак. Выбор времени заключения брака, безусловно, является личным делом каждого человека. Однако, откладывание регистрации брачных отношений или, worse, отказ от нее, негативным образом влияет на демографическое развитие государства. В 2019 г. средний возраст вступления в брак среди женщин вырос до 29,4 лет, а среди мужчин уже перешел в четвертый десяток и составил 30,9 лет. Вместе с тем, данный показатель нельзя абсолютизировать. Ведь рост показателя среднего возраста вступления в брак может быть связан с ростом числа повторных браков, которые заключаются в более старшем возрасте. Поэтому целесообразно рассмотреть динамику среднего возраста вступления в первый брак. Статистические данные показывают, что данный показатель также увеличивается. Если в 2011 г. среди мужчин средний возраст вступления в первый брак составлял 27,6 лет, а среди женщин – 24,8 лет, то в 2019 г. он вырос до 28,6 лет среди молодых людей, и до 26,4 лет среди девушек. Учитывая, что наиболее активным репродуктивным возрастом является так называемое «золотое десятилетие», то есть возраст 20–30 лет, то закономерным будет вывод, что современная молодежь, откладывая заключение брака, едва ли ориентирована на рождение большого числа детей.

Четвертым показателем, отражающим кризис института семьи и брака, является число детей, родившихся вне зарегистрированного брака. В 2019 г. этот показатель составил 20,9%. То есть каждый пятый ребенок был рожден в неполной семье. Данный показатель важен не только с точки зрения демографического развития страны (женщины, не состоящие в браке, как правило, рожают одного ребенка, реже двух и значительно реже трех и более детей), но и с точки зрения формирования государственной социальной политики. Государство оказывает большую поддержку неполным семьям, чем семьям, в которых есть оба родителя. Поэтому, рост числа неполных семей приводит к трансформации структуры государственных расходов на социальную сферу.

Таким образом, закономерным является вывод, что институт брака в настоящее время требует поддержки со стороны государства и общества. При этом, важно понять не только какого рода поддержка требуется, но и какой характер она должна иметь – тактический или стратегический.

Исследования показывают, что кризисные процессы в сфере брачно-семейных отношений имеют тенденцию к нарастанию. Это подтверждают результаты опроса, проведенного сотрудниками Института демографических исследований ФНИСЦ РАН (Сивоплясовой С. Ю. и Сигаревой Е. П.) среди студенческой молодежи в 20 городах России. Всего было обработано около 2 200 анкет, 60% которых заполнили девушки, а 40% – юноши [2].

Результаты опроса показывают, что хотя большинство молодых людей (62%) наилучшим возрастом заключения брака называют 21–25 лет, однако почти треть респондентов выбирают более старший возраст. Три четверти респондентов допускают совместную жизнь вне зарегистрированного брака и только 25% опрошенных считают сожительство абсолютно недопустимым.

При ответе на вопрос об отношении к разным явлениям, которые могут сопровождать брачно-семейные отношения, молодые люди часто демонстрируют «традиционные» взгляды. Они крайне негативно относятся к частым краткосрочным и нетрадиционным бракам, и выражают солидарное позитивное отношение к традиционным и многолетним бракам. Однако, большинство респондентов уже нейтрально относятся к наличию в семьях сводных детей, наличию мачехи или отчима, а также к гражданским бракам. То есть совместная жизнь без регистрации брака, а также повторные браки стали типичными и приемлемыми для современного российского общества.

Таким образом, результаты опроса показывают, что трансформация брачного поведения современной молодежи – это свершившийся факт. Однако, «точка невозврата» еще

не пройдена, и скорректировать его путем реализации мер поддержки института брака – возможно!

В настоящее время реализуется большое число мероприятий, направленных на поддержку семей с детьми. Прежде всего, это программа «Материнский (семейный) капитал», выплата единовременных и ежемесячных пособий на детей, выделение земельных участков и автомобилей многодетным семьям и другие. Все эти меры, как показывает опрос, позитивно оцениваются молодежью. Однако, важно отметить ряд моментов.

Во-первых, такая поддержка осуществляется только в денежно-материальной форме. При этом, государственных программ, направленных на распространение традиционных семейных ценностей, на формирование ответственного отношения к браку и рождению детей, формирование потребности молодежи в большом числе детей крайне мало, а, кроме того, они не носят системного характера. Одновременно современные массмедиа «мягко», но, в то же время, «агрессивно» вкладывают в головы молодых людей толерантное отношение к неоднозначным явлениям брачно-семейных отношений. Например, сюжеты многих современных фильмов основаны на демонстрации сожительства, адюльтера, неполных семей, успешной жизни деловой *одинокой женщины без детей*. В рекламных роликах демонстрируются малодетные семьи, часто без отца. Медийное пространство изобилует интервью публичных людей, в которых они охотно делятся историями о неоднократной смене брачного партнера.

Во-вторых, меры государственной поддержки получают семьи с детьми. А вопросы брака «остаются за скобками». Но, ведь, как было показано ранее, до рождения детей должна быть создана семья, заключен брак.

Поэтому, крайне важно обратить внимание органов законодательной и исполнительной власти на институт брака: ввести в качестве приоритетного направления демографической политики заботу о молодых семьях; принять решения, способствующие формированию крепкой экономической базы для молодежи с целью содействия регистрации брака и рождению большего числа детей; содействовать формированию комфортных условий для совмещения учебы и работы с реализацией семейных обязанностей. Кроме того, важно распространять позитивный образ жизни в зарегистрированном браке, популяризировать примеры единственных многолетних браков. Немаловажным является введение обязательной экспертизы мер социальной политики с точки зрения отсутствия предпосылок для отказа от регистрации брака или его расторжения.

Таким образом, важно разрабатывать не только тактические мероприятия семейной политики, но стратегическую программу демографического развития страны, учитывающую интересы брака. При этом не следует стремиться исключительно к материальной поддержке семьи. Проблема глубже – ослабление личных мотивов и желаний молодых людей вступления в брак. А, следовательно, нужны и важны меры морально-психологического характера.

Список литературы и источников

1. Российский статистический ежегодник. 2020: Стат. сб. /Росстат. – М., 2020 – 700 с.
2. *Сивоплясова С. Ю., Сигарева Е. П.* Демографический портрет молодежи стран ЕАЭС: планы, оценки, суждения // Свидетельство о государственной регистрации базы данных №2021621951, Федеральная служба по интеллектуальной собственности от 14.09.2021 г. – 768 КБ

Благодарности и финансирование:

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 20-311-70020.

ОСОБЕННОСТИ ВТОРОГО ЭТАПА ДЕПОПУЛЯЦИИ И МЕРЫ ПО ЕГО ПРЕОДОЛЕНИЮ

Сигарева Е. П., кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Института демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия, e-mail: sigarevae@mail.ru.

Аннотация. Статья рассматривает особенности второго этапа депопуляции в России, а также содержит ряд предложений по внедрению мер демографической политики, направленной на улучшение трендов рождаемости.

Ключевые слова. Депопуляция, пандемия, репродуктивное поведение, демографическая политика, материнский капитал, регионы, демографическая экспертиза.

FEATURES OF THE SECOND WAVE OF DEPOPULATION IN RUSSIA AND MEASURES TO OVERCOME IT

Sigareva E. P., Candidate of Economic Sciences, Leading Researcher, Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia, e-mail: sigarevae@mail.ru.

Abstract. The article examines the features of the second stage of depopulation in Russia, and also contains a number of proposals for the implementation of demographic policy measures aimed at improving fertility trends.

Keywords. Depopulation, pandemic, reproductive behavior, demographic policy, maternity capital, regions, demographic expertise.

Научное сообщество демографов в настоящее время, кроме оценки демографических потерь из-за пандемии, озадачено также и выявлением направлений и сроков выхода России из второго депопуляционного этапа. Возможна ли такая перспектива в обозримом будущем, например в пределах ближайших десяти лет? [1] Прежде чем ответить аргументированно на вопрос, следовало бы учесть ряд обстоятельств, связанных с особенностями второго этапа депопуляции в России.

Во-первых, это временной фактор. Процесс депопуляции на первом этапе, который тотально начался в 1992 г., формировался в отдельных российских регионах еще с 70-х годов прошлого века [2]. Для России в целом максимум естественной убыли населения был отмечен в 2000 г. После вступления в действие наиболее эффективной и одобряемой населением меры демографической поддержки – «материнского (семейного) капитала» с 2007 г., в 2013 г., наконец-то, достигли небольшого естественного прироста населения. То есть, весь депопуляционный «зигзаг» первого этапа, не считая следующих нескольких лет позитивной динамики и начала с 2016 г. нового негативного тренда, занял 21 год. Возможно ли на втором этапе депопуляции ускорить выход из него в два раза, то есть, в пределах 10 ближайших лет, учитывая значительную инерционность демографических процессов? Положительный ответ на этот вопрос может быть дан лишь с поиском и внедрением экстраординарных мер воздействия на репродуктивное поведение населения России.

Во-вторых, второй этап депопуляции возник в условиях относительной социально-экономической стабильности в стране в отличие от первого этапа, который происходил на фоне глубочайшего геополитического, экономического и социального кризиса в стране. Это вызвало дискуссию о его обусловленности структурными сдвигами в половозрастной характеристике населения. Так, еще с 2004 г. наметилась тенденция сокращения численности женского населения в репродуктивных возрастах. В настоящий период этот фактор играет, по мнению экспертов, решающую роль [3]. Однако, вторгшаяся в естественное течение

демографических процессов, пандемия 2020 г. с ее сверхсмертностью и снижением рождаемости из-за резкого падения экономического потенциала России, значительно усугубит негативную динамику параметров естественного прироста.

В-третьих, в отличие от первого этапа депопуляции сейчас в наиболее активный репродуктивный возраст вступает поколение с модернизированным репродуктивным поведением. Если «груз» выхода из первой депопуляционной волны лежал на поколении, которое сформировалось в условиях глубочайшего экономического кризиса 1990-х – начала 2000-х гг., что предопределило их позитивную реакцию, главным образом, на мощные экономические меры демографической политики, то в настоящее время в активный репродуктивный возраст вошла молодежь с более прагматичным мировоззрением. Создание семьи, рождение детей это поколение рассматривает через призму «потребности» и рациональности. Ментальность современной молодежи, учитывая усиление коммерциализации брачного и репродуктивного поведения, а также мировую тенденцию на индивидуализацию общества, базируется уже на иных жизненных паттернах. Как свидетельствует ряд социологических исследований, примерно, от 3% до 5% молодежи «исповедуют» осознанную бездетность [4]. Создание семьи и рождение детей все больше откладывается до формирования фундамента своего благополучия и достижения карьерных успехов. Те экономические меры, которые предлагает государственная политика «покрывает» лишь часть финансовых затрат на воспитание детей, что также снижает готовность молодого поколения к вступлению в брак и рождению детей.

В-четвертых, в силу геополитических масштабов России и сложности ее административно-территориального устройства демографическая модель страны является подобием мировой демографической модели [5]. Региональное разнообразие демографических позиций субъектов России таково, что каждый регион страны обладает уникальными характеристиками демографической динамики и структуры населения. Это обуславливает необходимость поиска специфических для каждого субъекта России подходов и мер демографической политики. К тому же, выход на общенациональный результат по преодолению депопуляции и достижению положительного естественного прироста будет обусловлен необходимостью естественного прироста в больше, чем половине, или большинстве субъектов страны, в группу которых должны входить и многонаселенные регионы. Так, на первом этапе депопуляции в 2013 г., в котором в целом страна вышла на небольшой естественный прирост, лишь 43 субъекта РФ из 83 (в это период не учитывается Крым) показали положительное значение естественного воспроизводства населения. В 2016 г., когда начался новый период депопуляции, естественным приростом характеризовалась меньшая часть субъектов: лишь 39 регионов из 85 достигли естественного прироста населения. По данным 2019 г. только 18 субъектов России характеризовались положительным естественным приростом, а в 2020 г. – лишь 13.

Еще десятилетие назад регионам Российской Федерации была поставлена задача: разработать собственные меры, направленные на оздоровление демографического положения субъектов страны, в том числе на повышение уровня рождаемости. Главной мерой по аналогии с федеральной программой в регионах был предусмотрен «региональный материнский (семейный капитал)». Эта мера государственной поддержки, величину и условия получения которой определяют самостоятельно субъекты России. Анализ региональных программ материнского капитала, действующих в настоящее время, было выявлено, что в большинстве своем эта мера рассчитана на стимулирование рождения третьего ребенка. С учетом демографической ситуации и исходя из финансовых возможностей регионов условия предоставления регионального материнского капитала очень разные. В 2020 г. эта мера также была реализована. Однако за прошедший период в ряде регионов произошло повышение выделяемых сумм, а в ряде регионов они остались на прежнем уровне. А в ряде регионов программа регионального материнского капитала прекращена. Сейчас региональный материнский капитал действует лишь в 74 субъектах России [6]. Так, например, в Республике Ингушетия, характеризующейся высоким уровнем рождаемости, региональный материнский

капитал не предусмотрен. Ее жителям выплачивается материнский капитал федерального уровня. В Ленинградской области, где отмечен самый низкий уровень рождаемости, региональный материнский капитал составлял в 2020 г. 122 054 рублей и предоставляется при условии рождения третьего и последующего ребенка. Суммы выплат регионального материнского капитала варьируются в регионах значительно. Наиболее большие суммы выплачиваются в Республике Башкортостан, в которой величина регионального материнского капитала сопоставима с федеральным уровнем. Так в 2020 г. в Республике Башкирия можно было получить не только 466 617 рублей федерального материнского капитала и 450 000 рублей на погашение ипотеки, но и региональный капитал, который по суммам приравнен к федеральному уровню. Более того значительные суммы в Республике Башкирия предоставляются при усыновлении детей [7]. Последняя мера направлена скорее на сокращение сиротства в регионе, чем на повышение рождаемости. Нижегородская область, напротив, отличается минимальным размером регионального материнского капитала: 25 000 рублей за второго ребенка и 100 000 – при рождении третьего. Таким образом, эта мера, направленная на дополнительную поддержку рождаемости со стороны региональных инструментов, различается в более чем 18 раз. Данная дифференциация регионального материнского капитала обусловлена решением местных властей, учитывающих специфику регионального бюджета, но, к сожалению, такой подход консервирует демографическое «неравенство» регионов, снижая перспективы стимулирования рождаемости в экономически неблагополучных субъектах. То, что в ряде экономически неблагополучных субъектах с высокой долей сельского населения отмечен высокий уровень рождаемости, например, в Республике Тыва, является лишь свидетельством формирования процессов выживания семей за счет детских пособий и материнского капитала. Уровень бедности населения в Республике Тыва был в 2019 г. самым высоким и составлял 34,7% [8]. Если же учитывать и другие демографические показатели, например, уровень внебрачной рождаемости в этом субъекте России, равный 64%, а также то, что его население характеризуется высокими рейтингами в показателях абортов и несовершеннолетней рождаемости, то можно сказать, что феномен высокой рождаемости здесь не может являться идеальным образцом для будущего демографического развития России. Экономические последствия пандемии могут усилить развитие феномена рождаемости в низкодоходных семьях, что связано с резким упадком благополучия и роста числа населения, относящихся к категории бедных [9].

Еще одна популярная региональная мера по поддержке рождаемости, идея которой пришла из Финляндии, – это подарок новорожденному. Если мы проанализируем состав этого подарка и стоимость его, то также отметим резкое различие в их содержании. Так в г. Москве в подарке с надписью «Наше сокровище» включены 44 предмета. Вместо него при желании можно получить денежную выплату равную 20 000 рублей [10]. Отметим, что данный подарок могут получить и родители из других регионов страны, что стимулирует будущих мам рожать в столице. И это, тем самым, может искусственно повышать показатели московской рождаемости. В Московской области подарок новорожденному состоит из 53 предметов, а условия его получения, или денежной компенсации, являются аналогичными московским, но стоимость его составляет 13 000 рублей [11]. В других регионах содержание подарков и их стоимость значительно «беднее»: в Вологодской области – восемь предметов, в Республике Саха – семь, в Пермском крае – четыре предмета. В Волгоградской области финансирование этой меры прекратилось. Возможно, эту меру следует перевести с регионального на федеральный уровень, чтобы каждый родившийся ребенок в России получал одинаковый подарок, что повлияет на более справедливое отношение государства к новорожденному будущему гражданину страны.

Анализ разработанных и реализуемых крупных проектов по поддержке демографического развития регионов свидетельствует, что они достаточно разнообразны и специфичны. Поэтому можно предположить, что современные тренды в естественном и миграционном движении будут трансформированы под влиянием этих мер. Но демографическое разнообразие регионов России останется и в будущем. Кроме того,

экспертное сообщество все больше склоняется к мысли, что без существенного пересмотра «стоимости» труда в России, которая должна включать и предполагаемые адекватные расходы на воспитание детей, выход из второй волны депопуляции будет проблематичным.

Если говорить о возможных резервах повышения рождаемости, то первым и очевидным направлением является формирование осознанного материнства и отцовства, которое должно включать меры, направленные на минимизацию аборт как потенциала позитивного выбора при беременности. Для этого необходимо пересмотреть систему оценок эффективности медицинских учреждений, осуществляющих такую «услугу». Усилить контроль за частными клиниками, реализующими абортивную практику. Расширить систему доабортного консультирования, в том числе и в недостаточно доступных с этой точки зрения населенных пунктах, возможно, за счет мобильных консультационных организаций. Пересмотреть законодательство о доступности абортов для несовершеннолетних девочек без участия родителей, а также повысить возраст сексуального согласия.

Важным для перспектив повышения рождаемости на втором этапе депопуляции должно стать внедрение «демографической экспертизы» всех социально-экономических проектов в России федерального и регионального уровня. В принципе каждый планируемый бизнес-проект должен содержать демографический блок, в котором было бы аргументировано, показано не только число новых рабочих мест, прогнозируемых после внедрения данного проекта, а то, как он может повлиять на позитивное развитие рождаемости, смертности, естественного прироста и миграцию. Это направление также предусматривает необходимость достаточного числа в регионах профессиональных демографов, которые смогут производить экспертную оценку принимаемых решений. В связи с этим следует усилить образовательную подготовку кадров по специальности демография, и, особенно, экономическая демография. Также следует развивать систему курсов демографической направленности для руководящего состава регионов.

На нынешнем этапе необходима новая парадигма информационного сопровождения в демографической области, основанная на принципах маркетинга. Это обусловлено значительным расхождением интересов государства и населения, у которого под влиянием экономических трудностей и агрессивной информационной компании в блогах и на интернет-форумах, диктующих антисемейное и антидетное «процветание», формируются модели репродуктивного поведения, не позволяющие выйти из демографического кризиса. Контент-анализ интернет-форумов свидетельствует, что семейные ценности и ценности детей постепенно трансформируются из класса терминальных ценностей в инструментальные, теряют их абсолютную значимость и становятся обусловленными. Полагаю, что следует непрерывно повышать престиж многодетных семей путем пропаганды наиболее успешных их примеров. В этом отношении важно разработать общенациональную и региональные «стратегии социальной рекламы», основной целью которых будет популяризация традиционных ценностей просемейного и прородного социального поведения. Учитывая более высокие показатели ожидаемых детей у мужского населения, усилить в информационном поле значимость «современного отцовства». Более того, будет полезным сформировать региональные реестры многодетных семей не только с целью большей доступности уже имеющихся у них социальных льгот, но и для выявления новых потребностей в поддержке государства.

Еще одним направлением современной демографической политики должно стать совершенствование системы управления национального проекта «Демография» и смежных с ней проектов. По данным анализа Счетной палаты РФ результатов исполнения федерального бюджета и бюджетов государственных внебюджетных фондов показал, что существует «риск исполнения бюджетов», а значит риск достижения поставленных целей, в том числе, в национальном проекте «Демография» [12]. Кроме того, необходимо усилить контроль над исполнением прошлых управленческих решений в отношении жилищного обеспечения многодетных семей в регионах страны. Так, например показатель доли многодетных семей, получивших жилые помещения и улучшивших жилищные условия в отчетном году, в общем

числе многодетных семей, состоящих на учете в качестве нуждающихся в жилых помещениях, различается в 266 раз [13]. Есть регионы, где доля таких многодетных семей составляет десятые доли процентов, что означает решение их жилищной проблемы не ранее, чем через столетие или позже.

Для преодоления нового депопуляционного тренда актуальным становится усилия всего общества, и особую роль могут здесь сыграть представители бизнеса, многие из которых свое участие в решении данной проблемы и свою социальную ответственность ограничивают лишь налоговыми отчислениями. Важно стимулировать бизнес-сообщество к внедрению на своих предприятиях программы, направленные на повышение рождаемости. Полезным было бы предусмотреть налоговые послабления для предприятий, которые внедряют гибкий график работы для родителей (не только матерей) с малолетними детьми. Сформировать реестр предпринимателей, активно применяющих демографические меры, с целью популяризации роли бизнеса в решении проблем с рождаемостью и повышения социального авторитета таких компаний.

Список литературы и источников

1. *Иванова А. Е., Плетнева Ю. Э., Сивоплясова С. Ю., Сигарева Е. П., Архангельский В. Н.* Возможен ли естественный прирост населения России в ближайшие 10 лет? // Экономика. Налоги. Право. 2021. Т. 14. № 2. С. 32–43. DOI: <https://doi.org/10.26794/1999-849X-2021-14-2-32-43>.
2. *Рыбаковский О. Л., Фадеева Т. А.* Депопуляция в регионах России до начала 1992 года // III Римашевские чтения. Сбережение населения России: здоровье, занятость, уровень и качество жизни. Сборник материалов международной научно-практической конференции. Отв. редактор В. В. Локосов. 2020. С. 27–31. DOI: <https://doi.org/10.19181/konf.978-5-4465-2988-9.2020.4>.
3. *Архангельский В. Н.* Изменения возрастной модели рождаемости в России: условные и реальные поколения // Институты развития человеческого потенциала в условиях современных вызовов: сборник статей XI Уральского демографического форума: в 2-х т., Екатеринбург, 04–05 июня 2020 г. – Екатеринбург: Ин-т экономики Уральского отделения РАН, 2020. – С. 103–112.
4. *Сигарева Е. П.* Гендерные особенности репродуктивного поведения молодого поколения в России, Казахстане и Киргизии // Международный демографический форум: Материалы заседания, Воронеж, 22–24 октября 2020 года. – Воронеж: Цифровая полиграфия, 2020. – С. 463–468.
5. *Сигарева Е. П., Сивоплясова С. Ю.* Региональное разнообразие компонентов воспроизводственного и миграционного движения в Российской Федерации. Серпухов: МОУ «ИФ», 2017. – 60 с.
6. Региональный материнский капитал // Соцправ. Юридический портал. URL: <https://socprav.ru/regionalnyu-materinskiy-kapital> (дата обращения 20.06.2021).
7. Какой региональный материнский капитал в Башкортостане в 2020 году // Трансфер Центр. Информационный портал. URL: <https://transfertcenter.ru/matkapital/materinskij-kapital-bashkortostan.html> (дата обращения 2.08.2021).
8. Уровень бедности // Единая межведомственная информационно-статистическая система (ЕМИСС). URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/59577> (дата обращения 17.09.2021).
9. Бедность становится нормой жизни // Коммерсантъ. Газета. 16.12.2020. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4616036> (дата обращения 20.06.2021).
10. Подарок каждому малышу // Роды в Москве [сайт]. URL: <https://roddom.msk.ru/podarok> (дата обращения 20.02.2021).
11. Согласован состав подарочного набора «Я родился в Подмосковье» // Правительство Московской области [сайт]. URL: <https://mosreg.ru/sobytiya/novosti/news->

- submoscow/soglasovan-sostav-podarochnogo-nabora-ya-rodilsya-v-podmoskove (дата обращения 5.03.2021).
12. Оперативный доклад об исполнении федерального бюджета и бюджетов государственных внебюджетных фондов за январь-сентябрь 2020 г. // Счетная палата Российской Федерации [сайт]. URL: <https://ach.gov.ru/audit/9-mon-2020> (дата обращения 20.02.2021).
13. Доля многодетных семей, получивших жилые помещения и улучшивших жилищные условия в отчетном году, в общем числе многодетных семей, состоящих на учете в качестве нуждающихся в жилых помещениях // Единая межведомственная информационно-статистическая система (ЕМИСС). URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/58962> (дата обращения 12.10.2021).

РЕАЛИЗАЦИЯ РЕПРОДУКТИВНЫХ ПЛАНОВ И МОТИВЫ РОЖДЕНИЯ ДЕТЕЙ (ПО МАТЕРИАЛАМ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ)

Скрябина Я. А., кандидат экономических наук, доцент кафедры экономической теории и социально-экономической политики Башкирской академии государственной службы и управления при Главе Республики Башкортостан, Уфа, Россия, e-mail: skryana67@mail.ru.

Аннотация. В статье на основе данных социологического опроса 2021 г. исследуется репродуктивное поведение женщин-родильниц, изучается мотивация рождения детей в ракурсе реализации новых экономических мер по повышению рождаемости.

Ключевые слова: женщина-родильница, репродуктивное поведение, мотивы рождения детей, демографическая политика.

IMPLEMENTATION OF REPRODUCTIVE PLANS AND MOTIVES FOR THE BIRTH OF CHILDREN (BASED ON THE MATERIALS OF A SOCIOLOGICAL STUDY)

Skryabina Y. A., Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Department for Economic Theory and Socio-Economic Policy, Bashkir Academy of Public Administration and Management under the Head of Republic Bashkortostan, Ufa, Russia, e-mail: skryana67@mail.ru.

Abstract. The article, based on the data of the sociological survey of 2021, examines the reproductive behavior of women parents, studying the motivation to have children from the perspective of the implementation of new economic measures to increase the birth rate.

Keywords: maternity woman, reproductive behavior, motives for having children, demographic policy.

Современная демографическая ситуация в целом по России, в том числе в Республике Башкортостан (далее – РБ), становится сложной. Мы вступили в период одного из демографических вызовов ближайшего десятилетия – это вызов низкой рождаемости. Уровень рождаемости складывается под воздействием двух факторов: демографической структуры, прежде всего – численности женщин в репродуктивном возрасте, и репродуктивного поведения, т. е. тех решений, которые люди сами выбирают в отношении рождения детей. Если демографическая структура представляет условие, которое сегодня нельзя изменить, то репродуктивное поведение выступает активным фактором, на который можно и необходимо воздействовать со стороны государства.

Исследования репродуктивного поведения как фактора, определяющего уровень рождаемости, имеют высокую степень актуальности и практической значимости. В январе-июне 2021 г. в 19 муниципальных образованиях РБ в 24 медицинских организациях, осуществляющих деятельность по родовспоможению, проведен социологический опрос среди женщин, только что родивших ребенка (родильниц). Уникальность и оригинальность исследования, выполненного по методу массового сплошного анкетного опроса, состоит в том, что анкетирование проводилось непосредственно в родильных домах.

Цель исследования – изучение репродуктивных планов и репродуктивной мотивации женщин-родильниц. Объектом исследования выступают репродуктивные планы и мотивы рождения детей, предметом – социально-экономические отношения, складывающиеся в обществе и направленные на реализацию репродуктивных планов.

По данным Росстата, в январе-июне 2021 г. в РБ родилось 19 289 младенцев [1]. В ходе исследования опрошено 8 540 родильниц, что составляет 44,3% от всех рождений в Башкортостане за данный период.

Наиболее высокая средняя очередность рождений детей у родильниц (от 2,19 до 2,87) в медицинских учреждениях малых и средних городов и в центральных сельских районных больницах республики.

Анализ комплекса показателей городской и сельской рождаемости, в т. ч. вклад каждой очередности рождения в суммарную рождаемость, демонстрирует не только значимые различия в зависимости от типа поселения, но и ярко выраженную тенденцию в сторону перехода сельской рождаемости к городским нормам малодетного репродуктивного поведения (рис. 1).

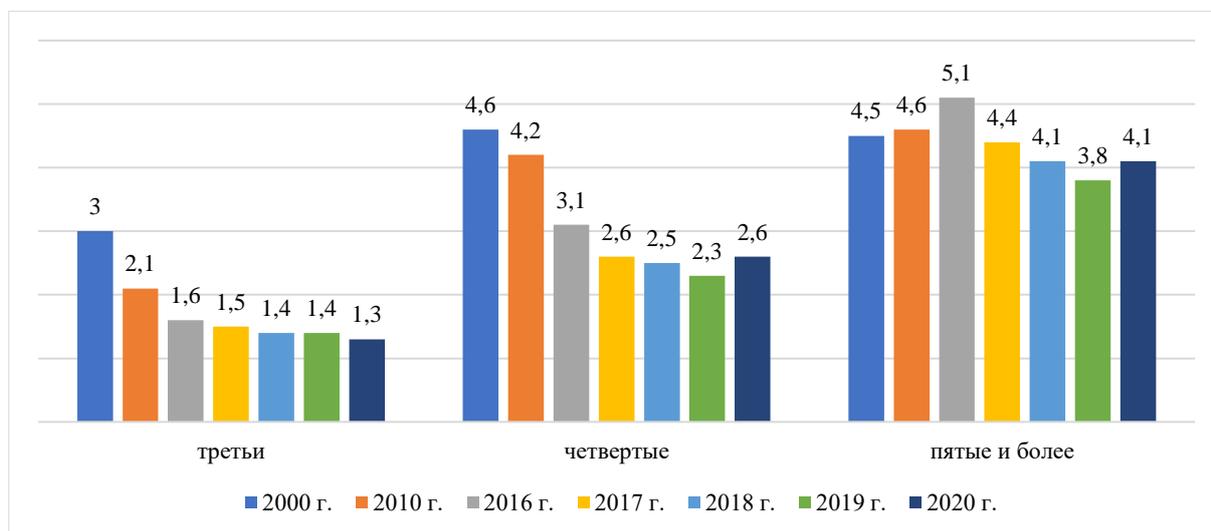

Рис. 1. Соотношение структуры родившихся по порядку их рождения у матерей в сельской местности по сравнению с городской, 2000–2020 гг., раз

Если в 2000 г. родившихся третьими в структуре очередности на селе было в 3 раза больше, чем в городе, то в 2020 г. – только в 1,3 раза. Соответственно, четвертыми – в 4,6 раз в 2000 г. и в 2,6 раза в 2020 г. [2].

В целом в сельской местности РБ очередность рождений и среднее желаемое число детей выше, чем в городах республики (рис. 2). В г. Уфа – городе-миллионнике, средняя очередность рождений составила 1,72 ребенка. У родильниц, проживающих в г. Уфа, оказались самые низкие репродуктивные установки (желаемое число детей – 2,23 ребенка) и более высокая разница между очередностью родившегося ребенка и желаемым числом (0,51 ребенка).

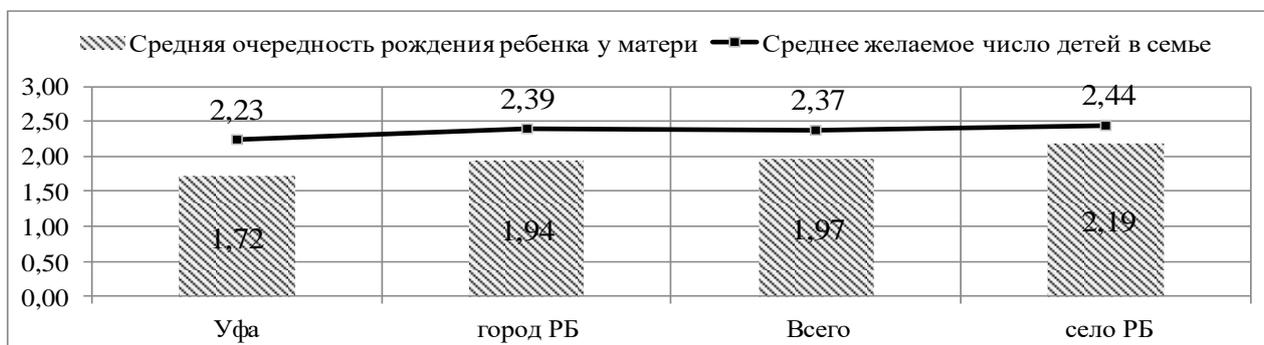

Рис. 2. Средняя очередность родившегося у матери ребенка и среднее желаемое число детей в семье в зависимости от места проживания

В начале XXI века в России и РБ становится все более популярным откладывание рождения первого ребенка у молодых поколений. По данному показателю россияне приближаются к большинству развитых стран. Так, в промышленно развитых странах средний

возраст матери при рождении первого ребенка перешагнул рубеж в 30 лет. В Италии в 2009 г. он составил 30,1 лет, увеличившись к 2015 г. до 30,8 лет, в Испании в 2010 г. – 30,1 лет, в 2015 г. – 30,7 лет [3].

Средний возраст матери в РБ выше, чем в РФ и ПФО. В период с 1990 г. средний возраст матери при рождении первого ребенка к 2021 г. увеличился в республике на 3,41 года, за последние 3 года – на 0,23 года. В большинстве случаев современные женщины планируют число и сроки рождения детей, максимально рационализируя брачное и репродуктивное поведение.

Средний возраст респондентов-родильниц составил 29,53 лет, в т.ч. первых рождений – 25,84 лет, вторых – 29,93, третьих и более – 33,09 лет.

Изменение структурных характеристик рождаемости выражается через трансформацию возрастной модели репродуктивного поведения. В РБ увеличивается доля женщин в старших репродуктивных возрастах: в возрастной группе 30–34 года (на нее приходится 31% всех родившихся детей, в т. ч. 36% вторых, 42,4% третьих и 38,9% четвертых) интенсивность рождений пока увеличивается. По прогнозам, она начнет сокращаться с 2022 г. и особенно сильно – с 2024 г., когда в данный возраст будет вступать малочисленное поколение женщин 1990–1994 гг. рождения. Пик интенсивности рождаемости передвигается к более старшим возрастам [2].

Материнский капитал (выплаты) на первенца способен побудить к рождению первого ребенка женщинами в возрасте до 25 лет, но при условии, что женщина изначально не планирует родить первенца в более старшем возрасте. В отдельных российских регионах – в Магаданской, Сахалинской, Новгородской областях, Камчатском крае и др., региональный материнский (семейный) капитал выплачивается при рождении первого ребенка, если возраст женщины не превышает 25 лет.

Исследователи отмечают, что при принятии решения о том, в каком возрасте рожать детей, женщины сравнивают потенциальные выгоды и издержки, сопряженные с рождением детей, и выбирают момент с максимальной отдачей от рождения ребенка [4].

Уровень образования влияет на степень реализации репродуктивных установок: с повышением уровня образования разрыв между желаемым и имеющимся числом детей увеличивается и у мужчин, и у женщин.

Самое высокое желаемое число детей у родильниц с высшим образованием (2,42 ребенка), но при этом и самые низкие показатели по очередности рождения тоже у родильниц с высшим образованием (1,94). Для женщин, имеющих высшее образование, на первое место выходит взаимоувязанная с уровнем образования система ценностей, т. е. у них меняется стиль и образ жизни, возникает более высокая заинтересованность в профессиональной реализации, карьерном росте и самореализации. На наш взгляд, такая модель репродуктивного поведения отражена в концепции «социальной капиллярности», предложенной французским социологом А. Дюмоном: стремление индивидов добиться продвижения вверх по социальной лестнице ограничивает число детей в семье [5].

Наибольшее отклонение между средней очередностью рождений и желаемым числом детей (0,48) у родильниц с высшим образованием. По итогам исследования подтверждается гипотеза, выдвинутая российским демографом В. Н. Архангельским [6], – у женщин с высшим и неполным высшим образованием возрастная модель рождаемости в большей степени смещена к более старшим возрастам. Так, у родильниц с высшим образованием наибольшее число рождений первенцев пришлось на возраст 25–29 лет (48,4%), у родивших второго ребенка – на возраст 30–34 лет (43,8%), третьего и более детей – на возрастные группы 30–34 лет (43,1%) и 35–39 лет (38,8%).

Сегодня российские женщины, родившие ребенка, стремятся досрочно выйти из декретного отпуска на работу не только по причине снижения доходов семьи, но и из-за большой конкуренции на рынке труда, опасения потерять квалификацию, рабочее место, желая добиться карьерного роста, быть в социуме и др. В мерах по повышению рождаемости есть направление по созданию условий для совмещения родительских и

семейных обязанностей с профессиональной деятельностью, однако активной реализации данного комплекса мер (гибкие формы занятости для родителей, имеющих малолетних детей, дистанционная работа и др.) не отмечается. Наоборот, отсутствие должного внимания к проблеме баланса семьи и работы выступает значимым препятствием к достижению желаемого числа детей в семье.

Многообразные семейные ситуации и условия жизни способствуют либо препятствуют рождению желаемого и ожидаемого числа детей в семье. Более половины ответов рожениц на вопрос «Какие факторы способны побудить к рождению еще одного ребенка в семье?» пришлось на фактор «увеличение дохода семьи (52,9%)» и «хорошее состояние здоровья родителей» (50,1%); на третьем месте – «улучшение жилищных условий» (42,0); каждый пятый ответ (20,1%) – повышение качества работы медицинских учреждений для беременных женщин и детей.

Экономический фактор влияет на рождаемость не обособленно, а во взаимосвязи с репродуктивным поведением, которое, в свою очередь, обусловлено внутренними факторами – мотивами поведения, и внешними – социальными нормами. Каждому этапу общественного развития соответствуют свои социальные нормы, определяющие систему ценностей, установок, правил поведения, в т.ч. репродуктивного. Если число детей в семье соответствует потребности супругов в детях, то никакое улучшение материальных и жилищных условий жизни не приведет к повышению этого числа [7].

При ответе на вопрос «На Ваш взгляд, какая поддержка со стороны государства необходима беременным женщинам?», по мнению рожениц, основная поддержка со стороны государства должна заключаться в обеспечении витаминами на весь период беременности (4 475 ответов), далее следуют бесплатные занятия по подготовке к родам и воспитанию детей (2 074 ответов), расширение перечня наименований в наборе для новорожденного (1 520 ответов). В варианте ответа «другое» (653 ответа, или 7,6%) роженицы в основном отметили: первое – необходимость дополнительной материальной поддержки (денежные пособия для беременных, система скидок на платные анализы и дополнительную медицинскую диагностику) и второе – повышение качества медицинского обслуживания и обеспечение комфортных условий рабочего места беременной женщины, гарантия ее трудоустройства и ее супруга. Отдельные роженицы обеспокоены доступностью, качеством и коммерциализацией акушерско-гинекологической помощи, отсутствием психологической помощи женщинам, потерявшим ребенка, неудовлетворительным состоянием роддомов, особенно в сельской местности республики.

Одна из задач настоящего исследования – изучить мнение женщин о новых мерах поддержки, направленных на стимулирование рождаемости, реализуемых с 1 января 2020 г.

Проблема низкой рождаемости выдвигает на первый план необходимость изучения вопросов, касающихся репродуктивного поведения в части мотивации рождения детей. Так, из 2 780 женщин, родивших первого ребенка, 2 565 (92,3%), т. е. практически все роженицы, ответили, что выплата материнского капитала на первенца, введенная с 1 января 2020 г., не повлияла на принятие решения о рождении ребенка, в т. ч. 1 159 рожениц (41,7%) ответили, что мера никак не повлияла, 1 406 (50,6%) – не мотивировала, но это ощутимая поддержка. Только 215 женщин (7,7%) указали, что введенный маткапитал на первенца помог принять положительное решение о рождении ребенка.

Также при рождении третьего или последующего ребенка с 1 января 2020 г. действует новая мера, направленная на погашение ипотеки при рождении третьего или последующего ребенка. В ходе опроса из 2 528 рожениц 224 (8,9%) отметили, что эта мера помогла, и появился ребенок, рождение которого до этого откладывали, и скорее помогла 375 женщинам (14,8%). Очевидно, что при актуальности для многодетных семей как жилищной проблемы в целом, так вопроса качества и размера жилья, 860 рожениц (34,0%) отметили, что мера не повлияла на принятие решения о рождении третьего ребенка, но оказалась ощутимой поддержкой, и 1 069 респондентов (42,3%) данная мера никоим образом не мотивировала.

Основными побудительными мотивами к рождению еще одного ребенка (ответы на вопрос «Почему Ваша семья приняла решение о рождении еще одного ребенка?») стали желание иметь ребенка другого пола (55,7% ответов), желание супруга иметь еще детей (40,8% ответов). Практически каждый пятый ответ пришелся «на возможность решить жилищные проблемы, используя государственную поддержку» (22,4%), «дети подросли, хочется снова заботиться о маленьком ребенке» (21,4%) и «государством усилены меры поддержки для семей с детьми» (19,3%).

Социологические опросы женщин в разных регионах России показали, что подавляющее их большинство даже при идеальных условиях не готовы рожать больше двух детей [8]. Российский демограф А. И. Антонов также полагает, что «проблема массовой российской малодетности вовсе не в недостатке материальных возможностей, чтобы иметь несколько детей, а в недостатке соответствующей потребности у большинства семей в 3–4 детях» [9]. В ряде исследований отмечается, что между желаемым и фактическим числом детей нередко возникает обратная связь. Особенно это характерно для незапланированных рождений и для тех, кто только вступает в родительство [10].

Таким образом, сосредоточив внимание на репродуктивных планах и репродуктивной мотивации респондентов-родильниц, можно отметить два важных момента. Первое: очередность рождений у родильниц несколько выше желаемого числа детей, что, на наш взгляд, выступает доказательством рождения ребенка в результате незапланированной беременности. Или, другими словами, выше того числа детей, которое индивид заранее ожидал иметь в своей семье.

Второе: подавляющее большинство родильниц (92,3%) ответили, что выплата «материнского капитала» на первенца не мотивировала их на принятие решения о рождении ребенка (но для половины (50,6%) при этом оказалась ощутимой поддержкой); большинство родивших третьего и последующего ребенка (76,3%) также указали, что выплата от государства в размере 450 тыс. рублей на погашение ипотеки не мотивировала к рождению ребенка, но для 34,0% родильниц, не повлияв, все же стала ощутимой поддержкой. На наш взгляд, новые меры материальной поддержки семей при рождении ребенка не сыграли той решающей роли, которую ожидали при усилении экономических мер, направленных на стимулирование деторождения. Опрос проводился по истечении более чем года с момента вступления законов о выплате «материнского капитала» на первого ребенка и о погашении обязательств по ипотечным жилищным кредитам (займам)» при рождении третьего или последующего ребенка, но прорывающего влияния в сторону повышения рождаемости за исследуемый период в РБ не произошло.

Исключительно денежные выплаты не в состоянии изменить репродуктивное поведение, повысить потребность в детях. Необходимо, во-первых, концептуально обновить меры воспитательно-пропагандистского характера, акцентировав внимание на информационно-просветительской деятельности, нацеленной на продвижение имиджа благополучной семьи с несколькими детьми и на формирование ответственного, осознанного, желанного родительства. Во-вторых, развивать городскую и сельскую инфраструктуру, дружественную семье с детьми; ввести институциональные формы поддержки работающих родителей, которые будут способствовать оптимизации баланса семьи и работы. Третье направление – улучшение репродуктивного здоровья детей, подростков, молодежи.

Список литературы и источников

1. Демография // Федеральная служба государственной статистики [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/12781> (дата обращения: 20.10.2021).
2. Skryabina Y. A. Fertility dynamics and reproductive behaviour of men and women entering into marriage in the Republic of Bashkortostan // Population and Economics. 2021. Vol. 5. No. 2. Pp. 55–75. DOI: <https://doi.org/10.3897/popecon.5.e64858>.

3. Промышленно развитые страны мира. Средний возраст матери при рождении первого ребенка // Демоскоп Weekly [Электронный научный журнал]. URL.: <http://www.demoscope.ru/weekly/app/app40acb1.php> (дата обращения: 20.10.2021).
4. *Burkimsher M.* Europe-wide fertility trends since the 1990s: Turning the corner from declining first birth rates. *Demographic Research*. 2015. Vol. 32. P. 621–656. DOI: <https://doi.org/10.4054/DemRes.2015.32.21>.
5. *Коротелев Г. М., Краев В. С.* Буржуазные концепции народонаселения: критический анализ. М.: Финансы и статистика, 1981. – 160 с.
6. *Архангельский В. Н., Зинькина Ю. В., Шульгин С. Г.* Рождаемость у женщин с разным уровнем образования: текущее состояние и прогнозные сценарии // *Народонаселение*. 2019. Т. 22. № 1. С. 21–39. DOI: <https://doi.org/10.24411/1561-7785-2019-00002>.
7. *Демографический энциклопедический словарь* / гл. ред. Д. И. Валентей. – М.: Сов. энциклопедия, 1985. – 608 с.
8. Владимир Слуцкер: «В наших семьях мало детей, но это оттого, что мы эгоистичны, а не оттого, что бедны» // Совет Федерации Федерального Собрания Российской Федерации [сайт] URL: http://www.council.gov.ru/inf_ps/chronicle/2007/11/item6778.html (дата обращения: 20.10.2021).
9. *Антонов А. И.* Демографическая деградация России // *Национальная идентичность России и демографический кризис: материалы Третьей Всероссийской научной конференции* / Центр проблемного анализа и государственно-управленческого проектирования при Отделении общественных наук РАН. – М.: Науч. эксперт, 2009. – 838 с. ISBN: 978-5-91290-048-8.
10. *Тындик А. О.* Репродуктивные установки и их реализация в современной России // *Журнал исследований социальной политики*. 2012. Т. 10. № 3. С. 361–376.

**СВАДЬБА КАК ФАКТОР УСПЕШНОСТИ БРАКА МОЛОДЫХ СУПРУГОВ:
ОПЫТ ИЗМЕРЕНИЯ**

Солодников В. В., доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры прикладной социологии Российского государственного гуманитарного университета, Москва, Россия, e-mail: solodnikovv@mail.ru.

***Аннотация.** В статье рассматривается два аспекта изучения факторов успешности брака. Во-первых, методический, связанный с использованием различных способов измерения удовлетворенности браком. Во-вторых, – содержательный, нацеленный на количественный анализ особенностей организации свадебного торжества, рассматриваемых в качестве возможных коррелятов последующей удовлетворенности браком. Данные исследования были получены в результате онлайн опроса молодых жен (N=115) в возрасте до 35 лет, состоящих в первом браке не более пяти лет.*

***Ключевые слова:** успешность брака; удовлетворенность браком; молодые супруги; особенности свадебного торжества.*

**WEDDING AS FACTOR OF MARRIAGE QUALITY OF YOUNG SPOUSES:
MEASUREMENT ATTEMPT**

Solodnikov V. V., Doctor of Sociological Sciences, Professor, Department of Applied Sociology, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia, e-mail: solodnikovv@mail.ru.

***Abstract.** Two aspects of marriage quality factors are evaluated in this article. First one is methodological, it concerns the use of different measurement procedures for marriage satisfaction studies. The second aspect is content-related. It concerns quantitative analysis of key elements of wedding celebrations that were correlated with marriage satisfaction. The information was obtained through internet survey of young wives aged under 35 married for the first time for 5 years of less (N=115).*

***Keywords:** quality of marriage; marriage satisfaction; young spouses; features of wedding.*

Исходным посылом для подготовки этого текста стало несколько имплицитных допущений, сформировавшихся в российской социальной науке и распространенных в высшей школе: 1) не принято перепроверять эмпирические данные (даже нетривиальные), полученные однажды; 2) это же касается проверки и (или) уточнения валидности стандартизированных методик, разработанных в иных социально-исторических условиях (в т. ч. в период СССР); 3) наконец, если в выпускной студенческой работе на первых страницах формулируется гипотеза исследования, то можно быть уверенным, что на последних она подтвердится. Как правило, нет речи даже о частичном подтверждении гипотез.

Результаты предпринятого исследования¹ тематизируются двояким образом: 1) методический аспект измерения удовлетворенности супругов своим браком; 2) особенности организации свадебного торжества, рассматриваемые в качестве фактора успешности брака. Рассмотрим их последовательно.

В силу сложившейся традиции в российской (и не только) социологии удовлетворенность супругов своим браком измеряется прямым вопросом с использованием 5-балльной шкалы Лайкерта. Социальные же психологи используют более изощренные и

¹ Исследование проводилось в рамках выпускной квалификационной работы бакалавра Проскурдиной Е. И., выполненной под нашим руководством на социологическом факультете РГГУ в 2021г.

специально разработанные методики [1; 2]. К ним относится часто используемый в современных публикациях [3; 4] тест-опросник удовлетворенности браком, разработанный В. В. Столиным, Т. Л. Романовой и Г.П. Бутенко [1].

На первом шаге обработки полученных данных² значения удовлетворенности браком, полученные с помощью прямого вопроса (5-балльная шкала) и последнего тест-опросника (7-балльная шкала), оказались сходными и значительно смещенными в сторону высоких значений. Так полная неудовлетворенность браком по результатам двух измерений оказалась присуща двум респонденткам, в то время как полная удовлетворенность, по данным прямого вопроса – 55,7%, а тест-опросника – только 47,8%. На первый взгляд, налицо – согласованность данных.

Однако далее была предпринята попытка отследить корреляцию результатов, полученных этими двумя способами. Значения коэффициентов корреляции Пирсона (,122) и Спирмена (,126) оказались статистически незначимы.

Преобразование результатов тест-опросника в 5-пунктовую шкалу ни к чему не привело. Соответствующие значения оказались равны (,109) и (,131).

Наконец, приведение обоих измерений к 3-пунктовой шкале только ухудшило показатели их согласованности соответственно до (,091) и (,071).

Отсутствие статистически значимой связи между двумя способами измерения удовлетворенности браком явилось неожиданным результатом.

Возможны, как минимум три его интерпретации:

1. При валидации тест-опросника опрашивались, как женщины, так и мужчины. В нашем случае достижимость последних оказалась минимальна. В результате были опрошены только молодые жены. Если предположить более выраженную конформность женщин, то она могла привести к более социально желательным ответам на прямой вопрос. Отчасти в пользу такого предположения свидетельствуют более выраженная смещенность в сторону высоких значений удовлетворенности браком (см. выше). А это, в свою очередь, выступило препятствием для формирования устойчивой статистически значимой связи между двумя способами измерения.

2. Стандартизация опросника проводилась в советское время. С тех пор социокультурные нормы, в том числе касающиеся параметров/факторов удовлетворенности браком могли существенно измениться.

3. Может быть подвергнуто сомнению качество информации, полученной в онлайн опросе на основе самовыборки респондентов при отсутствии какого-либо ее контроля.

Далее обратимся к рассмотрению свадьбы как фактора успешности брака.

Предварительно отметим, что развитие исследовательской традиции, нацеленной на выявление факторов качества (quality of marriage) или успешности брака, оказалось существенно различным за рубежом и в России. В 1980-е гг. это была общемировая популярная тематика. В дальнейшем ее актуальность за рубежом (и для социологов, и для психологов) сохранилась, а методология усложнялась, о чем свидетельствуют два объемных обзора соответствующих лонгитюдных исследований [5]. В рамках же российской социологической традиции это направление исследований исчезло из повестки дня. Только некоторые психологи продолжают это изучать, стремясь расширить перечень факторов успешности брака в связи и изменившимися социально-экономическими условиями и сохраняя прежний методологический подход [6; 7]

Итак, предпринятый ранее вторичный анализ факторов успешности брака [8] показал, что сам факт организации свадебного торжества положительно коррелирует с последующей успешностью брака.

Сама же успешность операционализируется через показатели удовлетворенности браком молодых супругов [9].

² С помощью анкетного онлайн-опроса, проведенного в августе–сентябре 2020г; было опрошено 115 женщин в возрасте от 18 до 35 лет, состоящих в браке не более 5 лет. Выборка целевая нерепрезентативная.

Стремясь, по возможности, к сохранению преемственности социологической исследовательской традиции мы будем опираться на результаты прямого вопроса об удовлетворенности браком с использованием укрупненной (учитывая небольшой размер выборки) 3-балльной шкалы.

Прежде всего, ответим, что в подтверждение ранее полученных данных сам факт организации свадебного торжества оказался положительно (но статистически незначимо) связан с удовлетворенностью молодых жен своим браком.

Далее для прослеживания особенностей свадьбы и успешности брака в представлениях молодых жен из массива были исключены те, кто не организовывал свадебное торжество (N=18).

Полученные данные большей частью оказались статистически незначимы и могут быть резюмированы в табличной форме. Сначала обратимся к добрачным факторам успешности брака (см. табл. 1).

Таблица 1.

(До)брачные факторы успешности брака (в представлениях молодых жен)³

Фактор	Прямая связь ⁴	Обратная связь	Нет связи
Социально-демографические и/или добрачные параметры			
Возраст		+ ($p \leq 0.01$)	
Продолжительность брака		+ ($p \leq 0.05$)	
Продолжительность знакомства	+ ($p \leq 0.05$)		
Оценка семейной жизни родителей	+ ($p \leq 0.01$)		
Важность уникальности свадьбы	+		
Образование			+
Место знакомства (1 – другое, 2 – учеба/работа)		+	

Выделим основные особенности полученных результатов.

- согласованность с ранее выделенными социально-демографическими добрачными факторами успешности брака (продолжительность знакомства, факто организации свадебного торжества);
- изменение характера связи описанных добрачных факторов (возраст, место знакомства, образование жен);
- расширение перечня этих факторов (продолжительность брака и оценка успешности семейной жизни родителей⁵). Примечательно, что именно в этой группе факторов обнаружено наибольшее количество статистически значимых связей.

Далее попытаемся проследить взаимосвязи особенностей организации свадьбы с последующей удовлетворенностью браком (см. табл. 2).

Таблица 2.

Свадьба как фактор успешности брака (в представлениях молодых жен)

Фактор	Прямая связь	Обратная связь	Нет связи
Особенности организации свадьбы			
Аренда авто		+	
Услуги стилиста		+	
Услуги свадебного салона		+	
Услуги свадебного агентства		+	

³ Здесь и далее №=97 (подвыборка только тех, у кого была свадьба)

⁴ Почти все корреляционные связи (если специально не оговорено) слабые (т.е. статистически незначимые)

⁵ Строго говоря, эту оценку, даваемую замужними молодыми женщинами, следует отнести к брачным факторам.

Аренда ресторана			+
Услуги фотографа			+
Услуги тамады			+
Услуги дизайнера	+		
Затраты (бюджет)	+		
Использование традиций/ритуалов в ходе свадьбы			
Мальчишник/девичник	+		
Дерево жизни	+		
Посещение «вечного огня»	+		
Огонь	+		
Бросание букета и бутоньерки	+ ($p \leq 0.01$)		
Кортеж		+	
Выкуп невесты		+	
Свадебный каравай		+	
Письмо в будущее		+	
«Похищение» невесты		+	
Клятва		+	
Навешивание замков на мосты		+	
Свадебный торт		+	
Клятва		+	
Похищение невесты		+ ($p \leq 0.01$)	
Танец жениха и невесты			+
Свадебное путешествие			+
Венчание			+
Семейный очаг			+
Дерево жизни			+
Письма			+
Навешивание замка			+
Танец новобрачных			+
Свадебный торт			+
Свадебное путешествие			+

Отметим ключевые черты свадьбы как фактора успешности брака:

- Среди особенностей организации свадьбы нет статистически значимых связей и только две слабо положительные (ее бюджет и использование услуг дизайнера).
- Отдельной задачей было проследить возможные взаимосвязи между удовлетворенностью браком и использованием различных ритуалов в ходе свадебного торжества. Значимо положительная связь была обнаружена в отношении относительно нового «западного» ритуала бросания букета невестой, а отрицательная – применительно к ее «похищению».
- Вновь отметим, что в обеих подгруппах факторов количество положительных связей невелико. Доминирует их отсутствие или слабые отрицательные связи.

Выводы.

В социологических исследованиях успешности брака (операционализируемой через соответствующую удовлетворенность) при использовании прямых вопросов, возможно, следует предусмотреть средства контроля социальной желательности даваемых ответов.

Пол респондентов в подобных исследованиях является важной переменной (наряду с возрастом и продолжительностью брака).

При использовании онлайн опроса в качестве метода исследования остро стоит проблема контроля качества получаемой информации.

Сама исследовательская традиция изучения факторов успешности брака, с одной стороны, требует более тщательной методической проработки, а с другой, – содержательной перепроверки ранее выявленных факторов.

Дополнительного внимания исследователей требуют изменившиеся социально-экономические реалии современной России (существенное расслоение населения по доходам, изменившаяся жилищная политика, положение молодежи на рынке труда (в т.ч. распространение прекарной занятости), распространение потребительских установок и ценностей и т. п.). В этих условиях возможно не только изменение характера связей ранее выявленных факторов успешности брака, но и возникновение новых.

Видимо, особенности организации свадьбы (включая как использование услуг профессионалов, так и устойчиво воспроизводимые различные ритуалы) являются менее существенными факторами (за редким исключением) последующей удовлетворенности браком молодых жен в сравнении с социально-демографическими параметрами супругов и особенностями их отношений до брака и (или) в браке.

Список литературы и источников

1. Столин В. В., Бутенко Г. П., Романова Т. Л. Опросник удовлетворенности браком. Вестник МГУ. Серия 14. Психология. 1984. № 2. С.16–20.
2. Гозман Л. Я., Алешина Ю. Е., Еремичева О. О. Тест на уровень удовлетворенности браком // Методические программы и методики исследования брака и семьи / Отв. ред. Мацковский М. С. – М.: ИСИ АН СССР, 1986. – Вып. 5. – С.16–24.
3. Адмиральская И. С. Отношение супругов к себе и друг другу и удовлетворенность браком // Психологическая наука и образование. 2008. Т. 13. № 5. С. 5–11.
4. Мельникова Д. А., Ильинский С. В. Психологические факторы удовлетворенности браком супругов в молодой семье // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия «Психология». 2016. №2 (20). С.112–125.
5. Солонников В. В. Лонгитюдная стратегия исследования качества и изменений браков: отечественная традиция и зарубежный опыт (Обзор теорий, методов и исследований) // Мониторинг общественного мнения. 2016. № 1 (131) С. 3–20. DOI: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2016.1.01>.
6. Левкович В. П. Особенности добрачных отношений супругов как фактор дестабилизации семьи // Психологический журнал. 2009. Т. 30. № 2. С.87–91.
7. Левкович В. П. Добрачная беременность как один из факторов дестабилизации семьи // Психологический журнал. 2011. Т. 32. № 2. С. 109–115.
8. Социальная психология: Учеб. пособие для студентов вузов / Под ред. А. Н. Сухова и А. А. Деркача. – М.: Academia, 2001. – 599 с. ISBN: 5-7695-0627-X.
9. Мацковский М. С., Гурко Т. А. Успешность функционирования молодой семьи в крупном городе // Программы социологических исследований молодой семьи / Отв. ред. Мацковский М. С. – М.: ИСИ АН СССР, 1986. – Вып.2. – С.12–34.

ПЕРСПЕКТИВЫ РОСТА РОЖДАЕМОСТИ: АНАЛИЗ ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ НИЖЕГОРОДСКОГО РЕГИОНА

Судьин С. А., доктор социологических наук, доцент, заведующий кафедрой общей социологии и социальной работы факультета социальных наук Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского, Нижний Новгород, Россия, e-mail: sudjin@mail.ru.

Егорова Н. Ю., доктор социологических наук, доцент, доцент кафедры общей социологии и социальной работы факультета социальных наук Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского, Нижний Новгород, Россия, e-mail: nadegorova@yandex.ru.

Курамшев А. В., старший преподаватель кафедры общей социологии и социальной работы факультета социальных наук Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского, Нижний Новгород, Россия, e-mail: kuramshew@rambler.ru.

***Аннотация.** Ситуация рождаемости анализируется в разрезе демографических характеристик (численность и динамика городского и сельского населения, возрастно-половой состав, миграционные процессы, структура брачности) Нижегородского региона.*

***Ключевые слова:** рождаемость, возрастно-половой состав, миграция, брачность, разводимость.*

PROSPECTS OF FERTILITY GROWTH: ANALYSIS OF THE DEMOGRAPHIC SITUATION OF THE NIZHNY NOVGOROD REGION

Sudin S. A., Doctor of Sociological Sciences, Docent, Head Department for General Sociology and Social Work, Faculty of Social Sciences, National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russia, e-mail: sudjin@mail.ru.

Egorova N. Yu., Doctor of Sociological Sciences, Docent, Associate Professor, Department for General Sociology and Social Work, Faculty of Social Sciences, National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russia, e-mail: nadegorova@yandex.ru.

Kuramshev A. V., Senior Lecturer, Department for General Sociology and Social Work, Faculty of Social Sciences, National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russia, e-mail: kuramshew@rambler.ru.

***Abstract.** The situation of the birth rate is analyzed in the context of demographic characteristics (the number and dynamics of the urban and rural population, age and sex composition, migration processes, the structure of marriage) of the Nizhny Novgorod region.*

***Keywords:** fertility, age-sex composition, migration, marriage and divorce rate.*

Как и любая социальная проблема, проблема воспроизводства населения является регионально специфичной. Она в меньшей степени беспокоит столичные регионы, являющиеся основными пунктами назначения для большинства мигрантов, кавказские республики с традиционно высокими показателями рождаемости. Все остальные регионы в той или иной мере сталкиваются с проблемой и вынуждены принимать шаги для ее решения. Но и здесь есть своя дифференциация, поскольку озабоченность может проявляться в разной степени и быть вызвана совокупностью различных факторов. Здесь речь пойдет о Нижегородской области, регионе, демонстрирующим, к сожалению, крайне неблагоприятную динамику всех возможных показателей демографического развития.

В течение трех последних десятилетий население области неуклонно сокращалось. Согласно данным Нижегородстата [1], на 1 января 2021 г. в регионе проживало 3 176 тыс. человек, что на 604 тыс. человек (или на 16%) меньше, чем в 1990 г. При этом сокращение населения в большей степени характерно для села, численность которого уменьшилась на четверть (с 862 тыс. человек в 1990 г. до 642 тыс. в 2021 г.), тогда как городское население области сократилось на 13%. Учитывая тот факт, что условия села в целом более благоприятны для расширенного воспроизводства, это не может не вызывать опасений.

Важным показателем, позволяющим оценить не только текущую демографическую ситуацию, но и построить прогнозы ее развития, является численность женщин в различных возрастных когортах. Последние данные говорят о значительном ее разбросе (см. табл. 1).

Таблица 1.

**Численность женщин в отдельных возрастных группах на 1 января 2021 г.
(Нижегородская область), человек**

Возрастная группа	Всего население	Городское население	Сельское население
15–19 лет	70 858	57 674	13 184
20–24 года	68 326	54 804	13 522
25–29 лет	88 070	73 255	14 815
30–34 года	133 762	112 748	21 014
35–39 лет	129 735	109 707	20 028

Источник: [1]

Именно старшие, относительно многочисленные когорты 30–39-летних внесли самый большой вклад в формирование краткосрочного бэби-бума 2013–2016 гг., повторить который, по всей видимости, получится нескоро в силу чисто арифметических причин. В пользу этого пессимистического вывода говорит также очевидный факт, что эти группы в большинстве свой репродуктивный потенциал уже реализовали, в том числе в силу чисто физиологических причин. А значит, для его стимулирования нужны какие-то дополнительные меры, и монетарного, и социально-культурного, и медицинского характера.

Группа 25–29-летних, т. е. тех, на кого возлагаются самые большие репродуктивные надежды, в среднем количественно меньше на треть, а последующих еще почти на четверть. Даже при сохранении сравнительно высоких показателей суммарного коэффициента рождаемости (СКР), роста численности населения ожидать не приходится в силу относительной малочисленности указанных когорт. Надеяться на взрывной рост их репродуктивной активности тоже сложно в силу отсутствия пока эффективных способов ее стимулирования. Однако, учитывая постоянное смещение «календаря рождений» [2; с.52–55] к более поздним возрастам, можно ожидать незначительную позитивную коррекцию СКР во второй половине 20-х гг.

Миграционные процессы в регионе в конце 20-го – начале 21-го столетий носили разнонаправленный характер. Наиболее удачными периодами можно считать первую половину 1990-х гг., а также середину 2000-х гг., когда шло активное нарастание въезда. В последующие годы происходит снижение притока мигрантов, причина которого, по мнению специалистов, кроется в отсутствии рабочих мест с достойной оплатой труда и достаточно дорогим первичном жилье [3]. В целом положительные показатели миграционного прироста не смогли переломить пессимистический сценарий динамики численности населения. Дальнейший анализ также не дает поводов для оптимизма. Студенческий контингент, представляющий наибольший интерес с интересующих нас позиций, в структуре миграционного притока составляет не более 12%. Но даже эти цифры рискуют оказаться пустыми. Близость региона к Москве и Санкт-Петербургу способствует оттоку этой, наиболее перспективной, с точки зрения репродуктивного потенциала, части населения [4]. В силу того же географического фактора Нижний Новгород и область не являются привлекательными местами для иммигрантов, выполняя транзитную функцию в процессе смены мест жительства.

Развитие демографических процессов тесно связано с состоянием института семьи, его изменениями. В современном обществе функция воспроизводства населения по-прежнему сохраняется за официально зарегистрированной семьей, а, значит, направления ее трансформаций будут, в том числе определять ситуацию в репродуктивной сфере. Низкая брачность, высокая разводимость, распространение сожительства (незарегистрированных браков в терминах демографической статистики) становятся яркими и устойчивыми чертами семейно-брачных отношений в Нижегородском регионе.

Если учесть факт, что брак (наличие партнера) – значимый фактор рождаемости, брачная структура населения выглядит не очень обнадеживающе. Согласно данным микропереписи 2015 г., большинство мужчин и женщин, в городе и на селе состоят в браке (см. табл.2). Тем не менее, немногим меньше половины женщин (48%) и чуть больше трети мужчин, не имеют пары по тем или иным причинам, а, значит, не участвуют в процессе воспроизводства населения. Стоит также отметить, что каждый 10-ый брак не является зарегистрированным, что потенциально делает его менее детным по целому ряду причин [5].

Таблица 2.

Брачная структура населения Нижегородской области (рассчитано по данным микропереписи населения 2015 г.), %

Брачный статус	Нижегородская область			Городское население			Сельское население		
	оба пола	мужчины	женщины	оба пола	мужчины	женщины	оба пола	мужчины	женщины
Население в возрасте 16 лет и более, млн человек, в том числе:									
никогда не состоявшие в браке	16,7	21,2	13,2	16,6	20,5	13,6	17,1	22,9	12,3
состоящие в браке, в том числе:	58,2	65,9	52,1	58,4	66,5	52	57,9	64,7	52,3
зарегистрированном	90,4	90,3	90,4	91	91	91	88,9	88,7	89
незарегистрированном	9,6	9,7	9,6	9	9	9	11,1	11,3	11
Вдовы	14,3	4,5	22	13,4	4,4	20,5	16,2	4,7	25,4
разошедшиеся, разведенные	10,8	8,4	12,7	11,6	8,6	13,9	8,8	7,7	10

Источник: [6]

В течение последних трех десятилетий произошли заметные перемены в репродуктивном поведении и ориентирах россиян в сторону сокращения числа детей в семье, не стала исключением и Нижегородская область, что четко фиксируется показателями рождаемости как абсолютными, так и относительными (общим, суммарным, специальными коэффициентами рождаемости). Изменения затронули как городское, так и сельское население области. В 2020 г. показатель среднего числа детей, рожденных одной женщиной в течение ее жизни (суммарный коэффициент рождаемости), составил 1,352 против 1,88 в 1989 г. (см. таблицу 3), причем он стал практически одинаков и для города, и для села, что становится специфичной чертой региона. Стабильный медленный рост рождаемости, наблюдаемый в период с 2000 по 2015 гг. сменился с 2016 г. достаточно резким спадом, вернув среднее число рождений к показателям середины 2000-х гг. При этом стоит отметить, что, согласно данным Нижегородстата 2018 г. [7], показатели рождаемости в Нижегородском регионе – одни из самых низких в Приволжском Федеральном округе (область находится на 10-м из 14-ти возможных мест по уровню рождаемости, оставляя позади только Ульяновскую, Саратовскую, Пензенскую области, Республику Мордовия), суммарный коэффициент

рождаемости также стабильно ниже, чем в среднем по России (например, 1,352 против 1,505 в 2020 г.).

Таблица 3.

Динамика суммарного коэффициента рождаемости (число рождений, приходящихся в среднем на одну женщину за всю жизнь)

Год	Все население	Городское население	Сельское население
1989	1,88	1,78	2,31
1995	1,22	1,15	1,54
1999	1,08	1,04	1,24
2000	1,10	1,07	1,24
2006	1,212	1,165	1,421
2010	1,419	1,364	1,659
2015	1,669	1,666	1,673
2016	1,649	1,649	1,632
2017	1,502	1,499	1,502
2018	1,457	1,446	1,488
2019	1,354	1,354	1,345
2020	1,352	1,342	1,397

Современные тенденции рождаемости во многом определяются долгосрочным трендом снижения рождаемости, начавшегося в России еще в конце XIX века. Многими современными демографами эта тенденция связывается с прохождением Россией очередной фазы демографического перехода, ведущей к современному (рациональному) типу воспроизводства населения [8], не предполагающему большого количества детей в семье. В настоящее время по уровню рождаемости Россия сближается с большинством развитых стран, которые уже прошли через схожие фазы демографического перехода.

В то же время, *существенным фактором* как оздоровления, так и ухудшения демографической ситуации выступает *фактор политической и социально-экономической стабильности в обществе*. Стабильность положительно сказывается в первую очередь на динамике рождаемости, поскольку позитивно влияет на принятие решений, связанных с планированием семьи. Не случайно, на 1999 г. в Нижегородской области пришелся самый низкий за всю историю статистических наблюдений уровень рождаемости – 1,08 рождений в среднем на женщину. Некоторая стабилизация ситуации в стране в начале 21-го столетия, а также предпринятые государством меры в рамках семейной и демографической политики страны и региона, способствовали увеличению коэффициентов рождаемости, а точнее, ускорили реализацию уже имевшихся репродуктивных установок, приводя к рождению «отложенных» или «планируемых» в будущем детей, но все же не смогли переломить общей тенденции к снижению количества детей в семье.

Непростая экономическая ситуация, складывающаяся сегодня в связи с пандемией, а также «истощение» демографического ресурса, который, судя по анализируемым данным, мы наблюдаем, в ближайшее время будут обуславливать, к сожалению, негативную динамику основных показателей. Безусловно, снижение рождаемости – процесс многофакторный, нуждающийся во всестороннем анализе, и максимальное использование репродуктивного ресурса различных социально-демографических групп с учетом их установок и потребностей – единственный выход минимизировать объективные негативные последствия неблагоприятного на сегодня «демографического климата» в регионе.

Список литературы и источников

1. Население // Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Нижегородской области [сайт]. URL: <https://nizhstat.gks.ru/folder/33271> (дата обращения: 29.09.2021).
2. Жизненные миры современной российской семьи: монография / Науч. ред. З. Х. Саралиева. – Нижний Новгород: Изд-во Нижегородского госуниверситета, 2015. – 263 с. ISBN: 978-5-91326-338-4.
3. Аракчеева О. В., Кривдина, И. Ю. Миграции населения Нижегородской области // Успехи современного естествознания. 2018. №12–2. С. 339–344.
4. Судьин С. А. Воспроизводство населения: вызовы и ответы (на примере Нижегородской области) // XXII Уральские социологические чтения. Национальные проекты и социально-экономическое развитие Уральского региона. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Под общ. ред. Ю. Р. Вишневого, М. В. Певной. 2020. – С. 341–346.
5. Егорова Н. Ю., Воронин Г. Л. Модель определения формы супружества: социально-демографические факторы // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия Социальные науки. № 3(47). 2017. С.71–78.
6. Микрореперис населения 2015 // Федеральная служба государственной статистики [сайт]. URL: https://gks.ru/free_doc/new_site/population/demo/micro-perepis/finish/micro-perepis.html (дата обращения 15.03.2021).
7. Статистический ежегодник. 2018: Стат. сб. / Нижегородстат. – Нижний Новгород, 2018. – 338 с.
8. Вишневский А. Г. Воспроизводство населения и общество: История, современность, взгляд в будущее. – М.: Финансы и статистика, 1982. – 278 с.

**НАРАСТАНИЕ КРИЗИСА СЕМЬИ В КОНЦЕ 1980-Х – НАЧАЛЕ 1990-Х ГГ.
(НА МАТЕРИАЛАХ УДМУРТИИ)**

Уваров С. Н., кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой социально-гуманитарных дисциплин Ижевской государственной сельскохозяйственной академии, Ижевск, Россия, e-mail: sergey.uvarov@mail.ru.

Аннотация. В статье рассматриваются кризисные явления в семье Удмуртии, которые стали быстро нарастать на рубеже 1980–1990-х гг. Среди них: снижение рождаемости, рост числа разводов, аборт, внебрачной рождаемости. Увеличивалось число неблагополучных семей, в результате у подростков все чаще отмечались случаи самоубийств, алкоголизма.

Ключевые слова: семья, разводы, неполные семьи, неблагополучные семьи, аборты, алкоголизм.

**THE INCREASING FAMILY CRISIS AT THE LATE 1980s – EARLY 1990s
(CASE STUDY OF UDMURTIA)**

Uvarov S. N., Candidate of Historical Sciences, Docent, Head Department for Social and Humanitarian Disciplines, Izhevsk State Agricultural Academy, Izhevsk, Russia, e-mail: sergey.uvarov@mail.ru.

Abstract. The article examines the crisis phenomena in the family of Udmurtia, which began to grow rapidly at the turn of the 1980s – 1990s. Among them: a decrease in the birth rate, an increase in the number of divorces, abortions, and illegitimate births. The number of dysfunctional families increased, and as a result, adolescents were increasingly experiencing cases of suicide and alcoholism.

Keywords: family, divorces, single-parent families, dysfunctional families, abortion, alcoholism.

Смена строя в конце XX века крайне негативно отразилась на демографической ситуации в нашей стране в целом и на семье в частности. Этому посвящено уже значительное количество научных трудов, но по регионам данная проблема изучена неравномерно. К числу тех, где остается немало лакун, относится Удмуртия, для которой трансформация проходила особенно тяжело [1; 2]. В республике относительно изучены рождаемость и смертность населения, брачность [см. напр.: 3–7]. Есть работы и по семье, но в них либо рассматривается предшествующий период [8; 9], либо рубежу 1980–1990-х гг. уделено немного внимания [10].

Рассмотрим на материалах Удмуртии нарастание кризиса семьи в конце 1980-х – начале 1990-х гг. Именно в конце 1980-х гг. стало быстро нарастать неблагополучие в семьях, а в начале 1990-х гг. оно уже вылилось в настоящий кризис. Основным источником явился доклад о положении детей в Удмуртской Республике за 1993 г., обнаруженный в Центральном государственном архиве Удмуртской Республики.

Перепись 1989 г. учла в Удмуртии 426,1 тыс. семей, в которых проживало 90% населения. В том числе детей в возрасте до 18 лет имели 270,6 тыс. семей, что составило 63,5%. Среди них преобладали одно-двухдетные семьи. Все меньше рождалось третьих и более по порядку рождения детей. Если в 1987 г. их доля в общем количестве рождений составляла в городских поселениях 13,8%, в сельских – 33,1%, то в 1991 г. – уже соответственно 11,0 и 29,6%.

Число семей с тремя и более детьми за период между переписями 1979 и 1989 гг. уменьшилось на одну тысячу и с 13,2% до 12,1% в общем числе семей с несовершеннолетними

детьми. Средний размер семьи уменьшился за тот же период с 3,5 до 3,4. Сократился в общем объеме с 19% до 17% удельный вес сложных семей. Число неполных семей в 1989 г. составило 13,2% среди семей с детьми до 18 лет, за межпереписное десятилетие их стало больше на 4,9 тыс.

Наблюдался рост внебрачной рождаемости: число детей, родившихся вне брака, составило в 1991 г. 11,4% против 8,5% в 1989 г. Особенно пугающим был факт, что число рождений у матерей моложе 18 лет увеличилось по сравнению с 1985 г. в 2,5 раза [11, л. 4об.].

При этом рождаемость в республике падала, что также свидетельствовало о нарастании кризисных явлений в семье, поскольку та хуже выполняла репродуктивную функцию. Падение началось в 1988 г., когда коэффициент рождаемости снизился на 1,5‰ по сравнению с предыдущим годом и составил 18,3‰, и не останавливалось вплоть до 1996 г. (9,2‰).

Число разводов в Удмуртии до начала 1990-х гг. не превышало 3,0‰, а удельный вес – трети от заключенных браков. В 1992 г. на 1000 населения пришлось 3,1 развода, в 1993 г. – 3,3, а в 1994 г. – 3,6. Доля разводов в эти же годы составила 48,9%, 46,5% и 55,4% по отношению к числу браков [12].

Серьезной проблемой на рубеже 1980–1990-х гг. стало распространение абортов. Число зарегистрированных в учреждениях здравоохранения абортов на 1000 женщин фертильного возраста (15–49 лет) составляло в 1991 г. 126,3, в 1992 г. – 125,2, в 1993 г. – 114,3. На каждые роды приходилось практически два искусственных прерывания беременности [11, л. 6].

Если в 1991 г. не было зарегистрировано ни одного факта самоубийства среди детей в возрасте до 14 лет, то в 1992–1993 гг. покончили с жизнью 25 детей. Основными причинами в докладе назывались безнадзорность детей, возникавшая по вине родителей, многочисленных органов, на которые были возложены обязанности по воспитанию детей, охрана их жизни и здоровья, организации досуга. Как правило, трагическим случаям предшествовало неблагополучие в семье [11, л. 8].

Оно же являлось зачастую основной причиной совершения подростками правонарушений, детской беспризорности. В течение 1993 г. было расследовано 2346 преступлений подростков, или на 8% больше, чем в 1992 г. В 1993 г. число неблагополучных семей, состоящих на учете в органах внутренних дел, увеличилось по сравнению с 1990 г. в три раза, на 59% выросло число материалов, подготовленных для лишения родительских прав.

62% подростков, доставленных за 1993 г. в приемник-распределитель МВД, проживали без родителей либо в неполных семьях. Продолжало увеличиваться число детей, бежавших из семьи: в 1993 г. их было доставлено 325 против 234 в 1992 г.

Нарастала проблема алкоголизма среди подростков. В 1993 г. было доставлено 2311 несовершеннолетних (рост 11%), в том числе на 42% увеличилось число задержанных в пьяном виде подростков до 16 лет [11, л. 14].

Органы опеки и попечительства Удмуртии за 1993 г. выявили 3 524 неблагополучных семьи, в которых находилось 9 630 детей. 65% от общего числа семей было поставлено на учет из-за пьянства родителей, еще треть – из-за нежелания родителей воспитывать детей. Остальные 8% не могли в полной мере осуществлять воспитание детей по состоянию здоровья [11, л. 15об., 16].

Таким образом, приведенные факты свидетельствуют о нарастании в Удмуртии кризиса семьи в конце 1980-х – начале 1990-х гг. К сожалению, рамки настоящей статьи не позволяют детально проанализировать более длительный промежуток времени, поэтому данная задача будет поставлена в ближайшее время.

Список литературы и источников

1. *Бехтерев С. Л.* Региональный социум в переходный период российской государственности на рубеже XX-XXI вв. (историко-правовой анализ). – Ижевск: УдГУ, 2012. – 495 с. ISBN: 978-5-4312-0129-5.

2. Уваров С. Н. Исторический опыт политического реформирования в Удмуртии в 90-е гг. XX века: дис. ... канд. ист. наук. – Ижевск. 2003. – 204 с.
3. Королев С. В. Демографическое развитие Удмуртской Республики на рубеже XX – XXI века // Динамика и инерционность воспроизводства населения и замещения поколений в России и СНГ: VII Уральский демографический форум с международным участием: сборник статей. Т. 1: Социология и история воспроизводства населения России. – Екатеринбург, 2016. – С. 84–90.
4. Уваров С. Н. Демографические и ассимиляционные процессы среди удмуртов во второй половине XX века // Ежегодник финно-угорских исследований. 2018. Т. 12. № 1. С. 107–123.
5. Уваров С. Н. Причины, проведение и результаты антиалкогольной кампании 1985–1988 гг. на Урале // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. Электронный научный журнал. 2016. № 1. С. 180–189. URL: http://vestospu.ru/archive/2016/articles/20_17_2016.pdf (дата обращения: 20.09.2021).
6. Чернышева И. В. Этнодемографические процессы в Удмуртской Республике, 1989–1999 гг.: дис. ... канд. ист. наук. – Ижевск, 2001. – 247 с.
7. Эволюция смертности населения Удмуртии: социально-гигиенические и исторические аспекты: монография / [Н.Н. Ежова и др.]. –Ижевск: ИГМА, 2014. – 212 с.
8. Уваров С. Н. Удмуртская семья в 1959-1989 гг.: демографический аспект // Ежегодник финно-угорских исследований. 2021. Т. 15. № 1. С. 127–138.
9. Уваров С. Н. Этнодемографические процессы в Удмуртии в 1959–1989 гг. –Ижевск: Ижевская ГСХА, 2019. –283 с. ISBN: 978-5-9620-0333-7.
10. Королев С. В. Формирование и реализация государственной семейной политики на рубеже XX-XXI веков (на примере Удмуртской Республики): дис. ... канд. ист. наук. – Ижевск, 2007. – 217 с.
11. Доклад о положении детей в Удмуртской Республике за 1993 год // Центральный государственный архив Удмуртской Республики. Ф. Р-568. Оп. 5. Д. 113. Л. 1-33.
12. Население // Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Удмуртской Республике [сайт]. URL: <https://udmstat.gks.ru/folder/51924> (дата обращения: 30.09.2021).

САМОИДЕНТИФИКАЦИЯ СУБЪЕКТОВ РОДИТЕЛЬСКОГО ТРУДА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: ТОЧКА ОТСЧЕТА

Черешова С. В., выпускник аспирантуры кафедры социологии и технологий государственного и муниципального управления Уральского федерального университета им. первого Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия, e-mail: s.v.chereshova@yandex.ru.

***Аннотация.** В работе рассматриваются вопросы начала становления субъектности в сфере родительского труда. На основе данных собственного социологического исследования, автор анализирует взгляды субъектов родительского труда на момент осознания себя как субъекта особого вида труда и приходит к выводу что начало самоидентификации большинства субъектов родительского труда связано с младенчеством или социализацией ребенка.*

***Ключевые слова:** труд, родительский труд, субъект родительского труда, самоидентификация.*

SELF-IDENTIFICATION OF PARENTAL LABOR SUBJECTS IN MODERN RUSSIA: A REFERENCE POINT

Chereshova S. V., Postgraduate Student, Department of Sociology and Technologies of State and Municipal Administration, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin, Yekaterinburg, Russia, e-mail: s.v.chereshova@yandex.ru.

***Abstract.** The work examines the issues of the beginning of the formation of subjectivity in the sphere of parental work. Based on the data of his own sociological research, the author analyzes the views of the subjects of parental labor at the moment of realizing themselves as a subject of a special type of labor and comes to the conclusion that the beginning of self-identification of most subjects of parental labor is associated with infancy or socialization of the child.*

***Keywords:** labor, parental labor, the subject of parental labor, self-identification.*

Национальный проект «Демография» [1] еще раз подчеркнул значимость для государства вектора государственной политики, направленной на устойчивый рост численности населения. Обеспечение финансовой поддержки семей при рождении детей и создание благоприятных условий для жизнедеятельности семьи задекларировано в разделе федерального проекта «Финансовая поддержка семей при рождении детей». При этом конкретные меры, предусмотренные проектом, ограничиваются исключительно фактом рождения ребенка и не учитывают иных событий в жизни семьи. Несмотря на то, что Правительством РФ дополнительно к мерам предусмотренным проектом «Демография», активно предпринимаются меры различного характера, например, выплаты на детей от 8 до 16 лет, все они носят все же разовый характер и мало учитывают особенности включения субъектов родительского труда в процесс такого труда. Представляется, что определение момента, с которым реальные субъекты родительского труда связывают свою включенность в процесс родительского труда, может стать отправной точкой для разработки мер государственной поддержки, носящих систематический характер и учитывающих настроения и потребности конкретных субъектов родительского труда.

Учитывая, что в современном мире родители все чаще переключают часть своих функций (а в некоторых случаях и большинство) на привлеченных лиц, которыми в условиях урбанизации становятся не только родственники, но и профессиональные сотрудники (няни, воспитатели, тьюторы, педагоги и т. д.), к субъектам родительского труда может быть

причислен довольно широкий круг лиц. А. П. Багировой определено понятие делегированного родительского труда как процесс передачи части функций родителей другим субъектам родительского труда для достижения целей по воспитанию и уходу за ребенком в процессе его развития [2, с. 66]. По мнению экспертов, помимо родителей к числу субъектов родительского труда могут быть отнесены все, кому в той или иной мере родители делегируют свои обязанности – специалисты сферы образования, здравоохранения, физической культуры и спорта, социальной защиты [3].

В 2018 г. в г. Екатеринбург в рамках проводимого нами социологического исследования (квотная, половозрастная выборка по двум сегментам: «Родители» и «Профессиональные сотрудники», N 600) перед субъектами родительского труда был поставлен вопрос в том числе и о том считают ли они себя субъектами родительского труда и в какой момент ощутили, что занимаются родительским трудом.

Конечно, идентификация себя как субъектов родительского труда сильнее выражена у сегмента «Родители», чем у представителей сегмента «Профессиональные работники». Если среди родителей и ближайших родственников себя в таком качестве готовы описывать подавляющее большинство – 92%, то среди профессиональных сотрудников, принявших участие в исследовании, – только 63%¹, однако это также уверенное большинство. Вполне логично что 77% родителей (и близких родственников) ощутили себя субъектами родительского труда до совершеннолетия «своих» детей (см. рис. 1), тогда как среди сегмента профессиональных сотрудников этот показатель составляет 63%, что всего лишь на 14% меньше и позволяет сделать вывод о принципиальной схожести настроений внутри всей группы субъектов родительского труда.

Рис. 1. Мнение опрошенных о моменте, в который родители ощутили, что занимаются родительским трудом

¹ Подчеркнем: в случае респондентов, отнесенных к сегменту «Профессиональных работников», речь идет о восприятии себя как субъектов родительского труда именно по отношению к тем детям, с которыми они работают, а не по отношению к собственным детям. Этот вопрос анкеты был сформулирован для них как «Вы можете сказать, что занимаетесь родительским трудом по отношению к детям, с которыми работаете?».

Рассмотрим подробнее сегмент «Родители». Становление субъектности у родителей и близких родственников детей статистически не различается, не зависит от пола и возраста, от материального положения и т. д. Значимых различий не обнаружено, за исключением одного фактора – занятость. Среди тех, кто занят каким-либо делом помимо родительского труда (работа, общественные функции, творчество) относительно редко встречаются те, кто отрицает свою субъектность, и как правило именно они чаще всего ощущают себя субъектами родительского труда на более ранних стадиях, по сравнению с теми, кто занят только ребенком (см. рис. 2).

Рис. 2. Занятость родителей или близких родственников

Интересно что 25% из тех, кто занимается только родительским трудом, ощутили себя субъектами родительского труда только при взрослом ребенке, а 19% так и не ощутили, что занимаются родительским трудом. Эти показатели существенно ниже среди родителей/близких родственников, которые совмещают родительский труд с каким-либо еще занятием. Так родители, работающие в организациях и зарабатывающие деньги, в два раза реже ощущают себя субъектами родительского труда после вступления ребенка во взрослую жизнь, чем те, кто занимается исключительно родительским трудом, а у родителей занимающиеся творческой деятельностью помимо родительского труда, этот показатель в пять раз ниже.

На стадии планирования ребенка, беременности и родов самоидентификация в качестве субъекта родительского труда проявляется только у пятой части опрошенных, что делает иные меры, кроме поддержки физического здоровья, практически бессмысленными. В период младенчества и социализации ребенка ощутили себя субъектами родительского труда примерно одинаковое количество родителей и родственников, 30% и 27% соответственно. Как правило именно на этих стадиях в жизни родителей проявляется необходимость выполнения максимального функционала.

Государственная поддержка ограничивается монетарным подходом, ее акцент смещен в сторону семей, имеющих доход ниже прожиточного минимума. Подобный ракурс не отражает интересы основного круга субъектов родительского труда. Понимание момента

включения субъекта в процесс труда и его самоидентификации позволит разработать более адресные меры государственной поддержки и стимулировать субъектов родительского труда в зависимости от стадии, на которой происходит их самоидентификация с учетом особенностей каждой.

Список литературы и источников

1. Национальный проект «Демография» // Минтруд России сайт]. URL: <https://mintrud.gov.ru/ministry/programms/demography> (дата обращения: 30.09.2021г.)
2. *Багирова А. П., Ворошилова А. И., Ильвес Э. В. и др.* Родительский труд: возможности государственного регулирования: монография / [А. П. Багирова, А. И. Ворошилова, Э. В. Ильвес, И. В. Ковязина и др.]; под общ. ред. А. И. Ворошиловой, проф. А. П. Багировой. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2018. – 196 с. ISBN: 978-5-7996-2513-9.
3. *Ильвес Э. В.* Родительский труд как феномен прекаризированной занятости // Демографические процессы на постсоветском пространстве. сборник материалов VI Уральского демографического форума с международным участием / отв. ред. А. И. Татаркин, А. И. Кузьмин. – Екатеринбург: Ин-т экономики Уральского отделения РАН 2015. – С. 293-297.

Благодарности и финансирование:

Исследование проведено в рамках проекта «Российская пронаталистская политика: ресурсы, эффекты, возможности оптимизации», поддержанного Советом по грантам Президента Российской Федерации на государственную поддержку ведущих научных школ Российской Федерации (НШ-2722.2020.6).

ТЕНДЕНЦИИ И ПРОТИВОРЕЧИЯ В РАЗВИТИИ ИНСТИТУТА ОТЦОВСТВА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Шевченко И. О., кандидат исторических наук, доцент кафедры теории и истории социологии Российского государственного гуманитарного университета, Москва, Россия, e-mail: sheviren@yandex.ru.

Аннотация. Выявлены противоречия в развитии института отцовства. Анализируются тенденции развития отцовства: участие отцов в жизни детей с рождения («новое или «вовлеченное» отцовство); распространение раздельного проживания отца и детей вследствие развода; увеличение количества сводных и одиноких отцовских семей. Констатируется многовариантность отцовских ролей и функций, связанных с распространением разнообразных форм семейных отношений.

Ключевые слова: отец, отцовство, мать, дети, семья.

TRENDS AND CONTRADICTIONS IN THE DEVELOPMENT OF FATHERHOOD INSTITUTION IN MODERN RUSSIA

Shevchenko I. O., Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Department of Theory and History of Sociology, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia, e-mail: sheviren@yandex.ru.

Abstract. Fatherhood institution development contradictions are revealed. The following fatherhood development trends are analyzed: the fathers' participation in the life of children from birth ("new" or "involved" fatherhood); the increasing residence of the father apart from the children due to divorce; increasing number of consolidated and single paternal families. The multivariance of paternal roles and functions related to the spread of various family relations forms is stated.

Keywords: father, fatherhood, mother, children, family.

Обычно, когда говорится, пишется или думается о семье, родителях, детях, материнстве и отцовстве, нам представляется полная нормативная семья, где в наличии всегда мама, папа, ребенок (дети). Но это идеал, который далек от реальности: современные семьи разнообразны, и также многовариантно родительство, материнство, отцовство. Как изменились современные семьи? Как трансформируется институт отцовства? Какие противоречия в развитии отцовства и представлений о нем в современной России мы можем выявить? На основании проведенных авторских исследований, вторичного анализа данных и результатов других исследований были сделаны следующие выводы [1].

На наших глазах меняется модель семьи. От традиционной патриархальной семьи происходит переход к партнерской (эгалитарной). В первую очередь изменения происходят в семьях, где супруги имеют высшее образование. Стоит подчеркнуть, что отмечается движение примерно в русле развития института семьи и семейных отношений развитых западных стран. Многое, происходящее у нас, давно прослеживается в Европе и Америке. При этом наблюдается наступление альтернативных семейных стилей. Гомосексуальные семьи не приветствуются в России (хотя они определенно есть), а вот чайлд-фри заявляют о себе совершенно открыто. Одинокое материнство раньше обычно было вынужденным, теперь же «родить ребенка для себя» становится распространенной идеей и практикой.

Наблюдается также *структурное многообразие типов семей.*

- 1) Традиционная семья с двумя родителями и родными детьми (ребенком).

- 2) Семья с детьми (ребенком), где один из родителей – родной, второй – отчим или мачеха. Такие семьи часто называют сводными. Вариант – когда в этой семье есть общий ребенок (дети). Еще один вариант – когда у обоих супругов есть дети от предыдущих браков.

К этому следует добавить, что не всех семейных союзах браки являются зарегистрированными, это также вариант семей (семейных союзов) с детьми [2].

- 3) Семья с одним родителем и ребенком. Вариант – с ними проживают бабушка и/или дедушка или кто-то из других родственников.
- 4) Семья со своими родными (кровными) и приемными детьми.
- 5) Семья с приемными детьми.
- 6) Семья после развода. Ребенок после развода родителей остается жить с одним из родителей, обычно с матерью, образуется неполная (по семейной структуре) семья (3 тип) и отдельно проживающий родитель (обычно это отец). С течением времени ситуация в распавшейся семье меняется, кто-то из супругов (или оба) вступают в новый брачный союз, появляется сводная семья.

Таким образом, мы видим *многовариантность семейных структур, то есть семей разного типа*, появление которых связано с распространением разнообразных («новых») форм семейных отношений в современной России [3].

В полных (в том числе сводных) семьях мы выделяем следующие *сценарии родительства*.

1. *Равноправное партнерство*. Родители оба повседневно задействованы в уходе и воспитании детей, примерно поровну делят домашние и родительские обязанности (хотя у мамы и папы они могут быть свои, «закрепленные» за каждым). Обычно оба родителя в такой семье работают и вносят каждый свой вклад в семейный бюджет, но это не является обязательным, так как семейные ситуации могут меняться.

2. *Традиционное (патриархальное) родительство*. Мама занимается детьми и домом («хранит домашний очаг»), отец обеспечивает семью материально. В этом случае также возможны разные варианты отцовского участия в жизни детей – «вовлеченный отец» (обычно в курс всех домашних и детских дел и охотно «подключается» к решению задачи или проблемы в случае необходимости) и «отсутствующий отец» (отец-«кормилец», отец-«добытчик», отец-«авторитет» – традиционный расклад в семьях, кажется, патриархального типа, но воспроизводящийся в новых условиях на новой «буржуазной» основе). Речь идет о семьях, где отец очень занят профессиональной деятельностью (карьерой или предпринимательством) и (или) просто зарабатывает средства на жизнь семьи, а мама не работает; отцу некогда заниматься детьми, да и порой не очень хочется, поэтому повседневные дела семьи и детей полностью курирует мать.

3. *Делегирующее родительство*. Родители заняты работой или собой, дети растут «сами по себе» или перепоручаются бабушке или няням/гувернанткам. Занятость родителей работой – это такой «советский» вариант развития самостоятельности детей, а вот наличие няни (гувернантки) у детей – вариант современный (мама при этом может и не работать). Часто повышенная трудовая занятость родителей бывает вынужденной, но приходится констатировать, что дети и таких родителей часто жалуются, что им не хватило (не хватает) родительского внимания.

Необходимо также отметить, что в городских семьях чаще присутствуют равноправное партнерство родителей и равномерное распределение обязанностей по воспитанию и содержанию детей (особенно в семьях, где родители или один из них имеют высшее образование) [4], в сельских семьях чаще воспитанием детей занимаются женщины, хотя вариативность присутствует и здесь. В сельских семьях больше случаев родительских, преимущественно отцовских девиаций (алкоголизм, наркомания).

Мы можем сделать вывод о «вовлеченных», или «новых» отцах: такие отцы есть, их становится больше, но пока они не составляют большинства. Освоению практик вовлеченного отцовства мешают как социально-экономические условия в нашей стране, не способствующие

увеличению свободного времени у отцов и установлению баланса работы и семейной жизни вследствие их трудовой занятости, так и привычные социальные нормы традиционного отцовства: внедрение новых практик всегда идет после их освоения на уровне сознания, а оно происходит постепенно [5; 6].

В общественном мнении и в социальных практиках в отношении отцов и отцовства *существуют противоречия*.

1. Большинство детей про своих отцов высказываются в духе «мой отец хороший», «мой отец и есть идеальный отец», «мой отец самый лучший» и так далее. Но про отцов «вообще» часто говорят, что современные отцы «никуда не годятся» (уделяют мало внимания семье, недостаточно занимаются детьми, не платят алиментов в случае развода и тому подобное).

2. Большинство респондентов утверждают, что отцы могут присматривать за маленьким ребенком не хуже матери, могут делать буквально все по уходу за малышом. Но в некоторых семьях отцов стараются не подпускать к маленькому ребенку («не мужское это дело»). Справедливости ради скажем, что таких семей становится меньше. Тем не менее, стереотип, что отец становится нужен ребенку, когда с ребенком можно разговаривать, очень живуч. Вместе с тем, психологи говорят о более прочной эмоциональной связи детей и отцов, которые с момента рождения включились в уход за новорожденным.

3. Есть и другой парадокс. От отцов ждут, чтобы они одновременно обеспечивали семью, и много времени уделяли ребенку и жене, а это почти невозможно физически.

4. Предыдущий парадокс дополняет ролевой конфликт: отец, согласно отведенной ему роли, должен быть авторитетом для детей, достаточно жестким «дисциплинатором» и одновременно быть эмпатичным, душевным, оказывать эмоциональную поддержку жене и детям, что плохо совместимо психологически.

5. Многие отцы хотели бы участвовать в воспитании, но жизненная ситуация этого не позволяет. Не всегда такой ситуацией является развод, гораздо чаще – чрезмерная занятость на работе или отъезд на заработки и аналогичные этому обстоятельства.

6. Отцы имеют равные права на общение с ребенком и участие в воспитании при разводе. В реальности это право часто нарушается матерью. Судьи обычно принимают сторону матерей. Но даже если принимается судебное решение об участии отца в жизни ребенка, оно не воплощается в жизнь, если мать этого не хочет: механизма, поддерживающего внедрение такого решения, не существует.

7. Самым глобальным парадоксом, на наш взгляд, является то, что некоторые женщины утверждают, что ребенка можно вырастить и без отца. Но дети в большинстве своем утверждают – без отцов семья неполноценна.

8. В России практически отсутствует государственная поддержка отцовства. Государственные программы даже называются программами «по поддержке материнства и детства».

В данной работе констатируются и анализируются *тенденции развития отцовства в России*.

1. *Участие отцов в жизни детей с рождения («новое отцовство»)*, когда папы активно включаются в уход за младенцем сразу после его появления на свет. Наши исследования подтверждают обозначенную и другими авторами тенденцию, в России более распространенную в городских семьях среди родителей с высшим образованием.

2. *Распространение раздельного проживания отца и детей вследствие развода*. Большое число семей распадается, и во многих таких семьях есть дети. Большинство из отцов проживают отдельно от своих детей, и многие – лишены возможности общения с ними. Отношения в послеразводной ситуации между бывшими супругами могут складываться по-разному, и в зависимости от этого как выстраивается общение между отцом и его детьми, так и налаживается (или не налаживается) выполнение отцовских функций.

3. *Увеличение количества сводных семей*. Все чаще роль и функции вместо отца выполняют *отчимы* (иногда – совместно с отцом). Варианты такой трансформации отцовской

роли: 1) полная замена отца с принятием на себя всех отцовских функций в случае его абсолютного или подавляющего отсутствия в жизни ребенка; 2) часть отцовских обязанностей берет на себя отчим, отец при этом участвует в жизни сына или дочери. Отношения с отчимом могут складываться как конструктивно, вплоть до вполне родных, так и быть деконструктивными, но в этом случае очень вероятен вариант распада вновь образованной семьи.

4. *Распространение одиноких отцовских семей.* Причины образования таких семей разные, в любом случае, это ведет за собой особенные социальные практики отцовства. Многие, если не большинство таких отцовских семей проживают с бабушками и/или дедушками со стороны отца или другими родственниками.

5. *Распространение приемного отцовства* вследствие увеличения количества усыновленных детей и детей, взятых под опеку.

Таким образом, мы можем констатировать дифференциацию отцовства, отцовских ролей и практик. Социальное отцовство представляется нам более важным, чем биологическое. При этом мы убедились, что папа очень важен в любой ситуации в любом количестве проведенного времени – для ребенка в первую очередь. Государственная семейная политика не успевает за трансформациями семьи и отцовства и нуждается в коррекции, но это уже другая тема.

Список литературы и источников

1. *Шевченко И. О.* Социальное конструирование отцовства: трансформация социальных практик в современной России: диссертация на соиск. степени доктора социол. наук. – М.: РГГУ, 2021. – 443 с.
2. *Синельников А. Б.* Добровольное отделение супружества от родительства как симптом институционального кризиса семьи // Институты развития человеческого потенциала в условиях современных вызовов. сборник статей XI Уральского демографического форума: в 2-х томах. Институт экономики Уральского отделения Российской Академии Наук. – Екатеринбург: Ин-т экономики Уральского отделения РАН, 2020. – С. 100–107.
3. *Гурко Т. А.* Новые семейные формы: тенденции распространения и понятия // Социологические исследования. 2017. № 11(403). С. 99–110. DOI: <https://doi.org/10.7868/S0132162517110113>.
4. *Безрукова О. Н.* Модели родительства и родительский потенциал: межпоколенный анализ // Социологические исследования. 2014. № 9(365). С. 85–97.
5. *Жизненные миры современной российской семьи: монография / науч. ред. З. Х. Саралиева; М-во образования и науки РФ, Нижегородский гос. ун-т им. Н. И. Лобачевского, Нац. исслед. ун-т.* – Нижний Новгород: Изд-во Нижегородского государственного университета, 2015. – 263 с. ISBN: 978-5-91326-338-4.
6. *Ростовская Т. К., Кучмаева О. В.* Трансформация образа желаемой модели семьи у разных поколений: результаты всероссийского социологического исследования // Вестник Российского Университета Дружбы Народов. Серия: Социология. 2020. Т. 20. № 3. С. 527–545. DOI: <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2020-20-3-527-545>.

РОССИЙСКИЕ ДЕДУШКИ И ПОТЕНЦИАЛ АКТИВИЗАЦИИ ИХ ПРАРОДИТЕЛЬСКОЙ РОЛИ

Шубат О. М., кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики и управления на металлургических и машиностроительных предприятиях Института экономики и управления Уральского федерального университета им. первого Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия, e-mail: o.m.shubat@urfu.ru.

Багирова А. П., доктор экономических наук, кандидат социологических наук, профессор, заместитель директора по науке и инновациям Института экономики и управления Уральского федерального университета им. первого Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия, e-mail: a.p.bagirova@urfu.ru.

Аннотация: в статье на основании данных комплексного статистического наблюдения проведен анализ социально-демографической группы потенциальных российских дедушек. Выявлено, что те мужчины, которые более активны в социальном плане и выше оценивают состояние своего здоровья, более активны и в прародительстве. Данные могут быть учтены при совершенствовании перечня мер, реализуемых в рамках национального проекта «Демография».

Ключевые слова: дедушки, прародительство, прародительский статус, активность, прародительский труд.

RUSSIAN GRANDFATHERS AND THE POTENTIAL OF ACTIVATING THEIR PROGENITOR ROLE

Shubat O. M., Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Department for Economics and Management at Metallurgical and Machine-Building Enterprises, Institute of Economics and Management, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin, Yekaterinburg, Russia, e-mail: o.m.shubat@urfu.ru.

Bagirova A. P., Doctor of Economic Sciences, Candidate of Sociological Sciences, Professor, Deputy Director for Science and Innovation, Institute of Economics and Management, Ural Federal University named after V.I. the first President of Russia B. N. Yeltsin, Yekaterinburg, Russia, e-mail: a.p.bagirova@urfu.ru.

Abstract: The paper examines the socio-demographic group of potential Russian grandfathers based on the data of complex statistical observation. We revealed that those men who are more active socially and have a higher assessment of their health status are more active in grandparenting. The data can be taken into account to improve the list of measures implemented within the framework of the national project "Demography".

Keywords: grandfathers, grandparenting, grandparental status, activity, grandparental labor.

Демографические исследования прародительства начались в науке сравнительно недавно. Первые работы ставили вопросы о методике расчетов ключевых показателей, связанных со средним числом внуков у одного прародителя и средним числом прародителей у одного внука, возрастом вступления в прародительство, вероятностью стать прародителем в том или ином возрасте [1; 2; 3; 4]. В зарубежной демографии исследования прародительства посвящены чаще бабушкам, нежели дедушкам (см., например, [5]).

В России демография прародительства пока представлена незначительным числом исследований бабушек – сделана оценка и построен прогноз продолжительности их пребывания в данном семейном статусе, оценена и спрогнозирована их численность как в

целом по России, так и по отдельным регионам [6; 7]. Существует определенный научный запрос на поиск вариантов преодоления тех очевидных методологических сложностей, которые связаны с аналогичными расчетами по российским дедушкам. Идентификация этой категории населения позволила бы построить ее социально-демографический портрет, исследовать активность их прародительской деятельности, предложить механизмы ее повышения. Действительно, сегодня в России существуют разные модели отцовства. Так, с одной стороны, в нашей стране сильны тенденции «традиционного отцовства» [8], с другой же, как отмечают российские социологи, в последнее время появляется новый тип родителей-мужчин, «новые отцы», сосредоточенные не только на функции материального обеспечения семьи, но и принимающие активное участие в уходе, заботе о детях, проявляющие интерес к их проблемам и процессу воспитания. Для «новых отцов» семья, дети и семейные отношения приобретают все большую ценность в их жизни [9]. Вполне возможно, что аналогичные тенденции могут наблюдаться и среди дедушек. Однако для того, чтобы это понять, необходимо, во-первых, апробировать разработанные подходы к идентификации этой группы [6; 7], а, во-вторых, описать ее основные характеристики. Именно это и является целью нашего исследования.

Для его проведения нам потребовались отсутствующие на сегодняшний день в российской статистике данные, позволяющие идентифицировать социально-демографическую группу дедушек как лиц, имеющих внуков. Такие оценки возможно получить лишь на основе косвенных данных и непрямых досчетов. В наших более ранних исследованиях [6; 7] для формирования такой социально-демографической группы мы предложили использовать возрастной критерий и разработали методику оценки того возраста, в котором у среднестатистического мужчины появляется первый внук. Данная методика (с учетом имеющихся в российской статистике данных) позволила получить оценки возраста вступления в прародительство российских мужчин в период с 2007 по 2016 гг. (табл. 1).

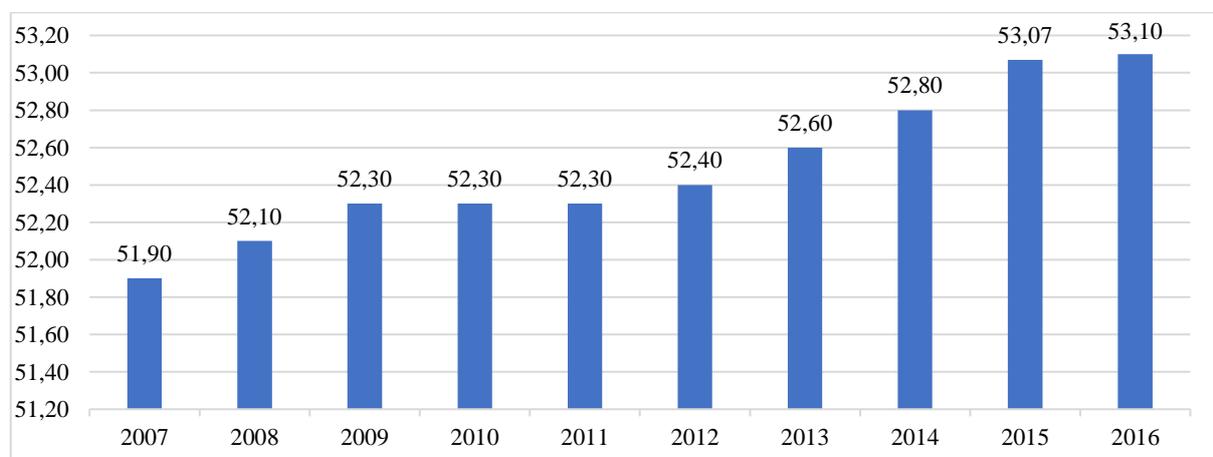

Рис. 1. Средний возраст вступления в прародительство российских мужчин

Таблица 1.

Параметры модели тренда среднего возраста вступления в прародительство российских мужчин

Показатели в модели	Нестандартизованные коэффициенты		t	Значимость t	R ²
	B	Ст. ошибка			
Константа	-130,278	42,062	-3,097	0,015	0,702
Год	0,091	0,021	4,346	0,002	

Полученные данные достаточно хорошо аппроксимируются линейным трендом (табл. 1) и позволяют получать перспективные оценки возраста вступления в прародительство

российских мужчин. К примеру, с помощью уравнивания линейного тренда можно рассчитать, что для 2018 г. этот возраст составлял 53,1 года, а в 2023 г. он увеличится до 53,6 года.

Предложенная методика позволяет идентифицировать группу потенциальных прародителей. В действительности же, не все мужчины указанного возраста являются дедушками, и не все мужчины, имеющие внуков, могут быть активно вовлечены в прародительский труд. Имеющиеся в российской статистике данные позволяют в первом приближении идентифицировать группу «активных» дедушек – тех, которые на ежедневной основе вовлечены этот вид труда. Для этого представляется возможным использовать данные комплексного обследования Росстата условий жизни населения [10]. Это обследование проводится на общенациональном уровне, а наиболее актуальные данные относятся к 2018 г. Вопрос данного обследования «Входит ли в круг Ваших ежедневных занятий уход за детьми, своими собственными или чужими (без оплаты)?», на наш взгляд, в первом приближении может быть идентификатором группы «активных» дедушек (для соответствующей возрастной группы).

Для того, чтобы данные этого обследования Росстата стали применимы к оценке численности активных дедушек, из всей совокупности респондентов прежде всего мы выделили социально-демографическую группу потенциальных дедушек – лиц в возрасте 53,1 года и старше. В дальнейшем мы исследовали переменные, характеризующие два вида активностей данной группы респондентов – общесоциальную (посещение театров, кино, кафе, спортивных и др. мероприятий) и туристическую (совершение туристических и экскурсионных поездок). Мы также исследовали переменную, отражающую самооценку респондентами состояния их здоровья.

Проведенный анализ показал, что лица, проявляющие повышенную общесоциальную, туристическую активность, склонны проявлять и повышенную активность в прародительском труде – удельный вес «активных» дедушек в группах социально-активных и активных в туристической сфере респондентов был выше (табл. 2, 3).

Таблица 2.

Удельный вес «активных» дедушек в группах респондентов в возрасте 53,1 года и старше, проявляющих различную степень общесоциальной активности, %

<i>Активность респондентов в социальной сфере</i>	<i>Доля активных дедушек</i>
Респонденты с высокой социальной активностью ¹	13,8
Социально неактивные респонденты ²	7,1

Таблица 3.

Удельный вес «активных» дедушек в группах респондентов в возрасте 53,1 года и старше, проявляющих различную степень активности в сфере туризма, %

<i>Активность респондентов в сфере туризма</i>	<i>Доля активных дедушек</i>
Совершали поездку продолжительностью более суток за последние 12 месяцев	11,7
Совершали поездку продолжительностью менее суток за последние 12 месяцев	10,5
Не совершали туристских или экскурсионных поездок за последние 12 месяцев	8,3
Никогда не совершали туристских или экскурсионных поездок	6,2

¹ Респондент проявлял 5–7 активностей (посещал театр, кино, кафе, спортивные мероприятия и пр.) за последний год.

² Респондент за последний год не проявлял социальную активность (не посещал театр, кино, кафе, спортивные мероприятия и пр.)

Проведенный анализ также показал, что самооценка респондентами своего здоровья также в определенной степени коррелирует с активностью в сфере прародительского труда: среди лиц, оценивающих свое здоровье как хорошее и очень хорошее, доля «активных» дедушек выше (табл. 4)

Таблица 4.

Удельный вес «активных» дедушек в группах респондентов с разными самооценками состояния здоровья, %

<i>Самооценка состояния здоровья</i>	<i>Доля активных дедушек</i>
Состояние здоровья хорошее или очень хорошее	10,6
Состояние здоровья плохое или очень плохое	5,3

Таким образом, мы выявили, что мужчины, проявляющие социальную активность, активны и в своей прародительской роли. Этот интересный факт может быть объяснен на основании интерпретации категории активности. Чаще всего она рассматривается как комплексное понятие, а структура и механизм ее формирования обуславливаются наличием как внутренних, так и внешних взаимодействий личности. А. Я. Кибанов отмечал, что «активность человека направлена не только на удовлетворение потребностей его организма, но главным образом тех потребностей, которые присущи ему как таковому, как социальному существу, как личности, члену определенной социальной общности, общества в целом с его ценностями, убеждениями и нормами» [11, с. 16].

Таким образом, результаты нашего исследования позволили зафиксировать взаимосвязь между различными видами активности российских дедушек, что добавляет определенные штрихи к портрету этой социально-демографической группы, позволяя более адресно разрабатывать механизмы активизации ее прародительской роли. Эти механизмы, в свою очередь, могут быть учтены при совершенствовании демографической политики в части мер, предусмотренных к реализации федеральным проектом «Старшее поколение» национального проекта «Демография».

Список литературы и источников

1. *Leopold T., Skopek J.* The Demography of Grandparenthood: An International Profile. *Social Forces*. 2015. Vol. 94. No. 2. Pp. 801–832. DOI: <https://doi.org/10.1093/sf/sov066>.
2. *Margolis R., Verdery A. M.* A Cohort Perspective on the Demography of Grandparenthood: Past, Present, and Future Changes in Race and Sex Disparities in the United States. *Demography*. 2019. Vol. 56. No. 4. Pp. 1495–1518. DOI: <https://doi.org/10.1007/s13524-019-00795-1>.
3. *Arpino B., Guma J., Julia A.* Family histories and the demography of grandparenthood. *Demographic Research*. 2018. Vol. 39. No. 1. Pp. 1105–1150. DOI: <https://doi.org/10.4054/DemRes.2018.39.42>.
4. *Margolis R., Arpino B.* The demography of grandparenthood in 16 European countries and two North American countries. *Grandparenting practices around the world / ed. by V. Timonen*. – Bristol: Policy Press, 2019. – Pp. 23–41.
5. *Chapman S. N., Pettay J. E., Lahdenperä M., Lummaa V. C.* Grandmotherhood across the demographic transition. *PLoS ONE*. 2018. Vol. 13. No. 7. Article. No. e0200963. DOI: <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0200963>.
6. *Шубат О. М., Багирова А. П.* Продолжительность прародительства в России: статистическая оценка и возможности управления в рамках национального проекта «Демография» // *Вопросы управления*. 2020. №6 (67). С. 142–155. DOI: <https://doi.org/10.22394/2304-3369-2020-6-142-155>.

7. Багирова А. П., Шубат О. М. Статистические оценки численности прародителей в российских регионах // Теория и практика общественного развития. 2020. № 12. С. 42–46. DOI: <https://doi.org/10.24158/tipor.2020.12.7>.
8. Чикалова Е. А. Содержание социальных представлений об отцовстве в тематических интернет-изданиях // Письма в Эмиссия. Оффлайн. 2014. № 4. С. 2183. URL: <https://smolsoc.ru/index.php/home/2009-12-28-13-47-51/43-2010-08-30-12-19-02/6096-2015-01-15-09-15-10> (дата обращения: 30.09.2021)
9. Янак А. Л. Новое отцовство в современной российской семье: основные тренды // Семья в современном мире: Материалы Всероссийской научной конференции. – Нижний Новгород: Изд-во ННГУ, 2019. – С. 407–409.
10. Федеральные статистические наблюдения по социально-демографическим проблемам // Федеральная служба государственной статистики [сайт]. URL: https://rosstat.gov.ru/itog_inspect (дата обращения: 30.09.2021).
11. Экономика и социология труда: учебник для студентов высших учебных заведений / под ред. А. Я. Кибанова; М-во образования и науки Российской Федерации, Гос. ун-т упр. – Москва: ИНФРА-М, 2010. – 582 с. ISBN: 978-5-16-003458-4.

Благодарности и финансирование:

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00280.

СЕКЦИЯ II
ЗДОРОВЬЕ И САМОСОХРАНИТЕЛЬНОЕ ПОВЕДЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ

УДК 314

DOI: 10.19181/forum.978-5-89697-373-7.2021.27

САНИТАРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКАЯ РАБОТА ОРГАНОВ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ
СРЕДИ НАСЕЛЕНИЯ ЮЖНОГО УРАЛА В 1920–1930-Е ГГ.

Ажигулова А. И., кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры всеобщей истории и методики преподавания истории и обществознания Оренбургского государственного педагогического университета, Оренбург, Россия, e-mail: azhigylova@mail.ru.

Аннотация. Южный Урал как важный регион сельскохозяйственного и индустриального развития оказался вовлеченным во все внутригосударственные процессы, происходившие в нашей стране в первой половине XX века. Миграции населения южно-уральского региона сопровождались распространением инфекционных заболеваний, что требовало вмешательства органов здравоохранения для создания благоприятной эпидемической обстановки, например, профилактических бесед, прививаний, медицинских осмотров и т. д.

Ключевые слова: санитарное просвещение, санитарное состояние, малярия, население Южного Урала.

SANITARY AND EDUCATIONAL WORK OF HEALTH AUTHORITIES AMONG THE
POPULATION OF THE SOUTH URALS IN THE 1920S-1930S

Azhigulova A. I., Candidate of Historical Sciences, Senior Lecturer, Department for General History and Methods of Teaching History and Social Science, Orenburg State Pedagogical University, Orenburg, Russia, e-mail: azhigylova@mail.ru.

Abstract. The South Urals, as an important region for agricultural and industrial development, was involved in all intrastate processes that took place in our country in the first half of the 20th century. The migration of the population of the South Ural region was accompanied by the spread of infectious diseases, which required the intervention of health authorities to create a favorable epidemic situation, for example, preventive talks, vaccinations, medical examinations, etc.

Keywords: health education, sanitary condition, malaria, population of the South Urals.

Практике санитарного просвещения населения в социальной и демографической политике государства отводится отдельное место. Санитарное просвещение – это раздел профилактической деятельности органов и учреждений здравоохранения, который направлен на гигиеническое обучение и воспитание населения. Санитарное просвещение в СССР сформировалось в 1920-е гг. и стало частью государственной системы здравоохранения. Это был обязательный раздел деятельности каждого лечебного учреждения и каждого медицинского работника, но кроме органов здравоохранения распространением медицинских и гигиенических знаний занимались и культурно-просветительские учреждения. Научно-исследовательскую и научно-методическую деятельность возглавлял Центральный научно-исследовательский институт санитарного просвещения Министерства здравоохранения СССР, основанный в 1928 г. Изучение и практика санитарно-просветительской работы велось

параллельно изучению и развитию работы здравоохранения или как его составная часть [1, с. 20].

Широкие урбанизационные процессы в первые десятилетия XX века сопровождались изменениями в общественной структуре, перемещением сельских жителей в города. Индустриализация требовала, в первую очередь, масштабного трудового вклада. Широкие массы людей отправляются на строящиеся заводы и фабрики, покидая села. Часть государственно политики начала XX века – сплошная коллективизация стала причиной внутренних и внешних миграций населения из одних областей и краев в другие. Вслед за ростом числа рабочего класса появляется ряд проблем, требующих срочного решения: обеспечение жильем, повышение квалификации, распределение трудящихся, исходя из нужд индустрии, обеспечение рабочих медицинской и социальной помощью. Нехватка жилья в городах и новых колхозах влекла за собой скученность и перенаселенность в квартирах и бараках. Например, в 1936 г. в Оренбургской области в одном из колхозов Соль-Илецкого района 13 семьям приходилось жить в очень плохих условиях. Более 30 человек обоего пола проживали в одной избе без перегородок. Разумеется, такие условия сопровождались грязью и скученностью [13, л. 121]. Похожий случай наблюдался в Сорочинском районе, где анализ жилищно-бытовых условий рабочих бригад показал неисправность большинства печей, что сопровождалось задымленностью, грязью. В некоторых домах из-за больших щелей помещение до конца не просушивалось и в нем было постоянно холодно [11, л. 5]. Рабочие, занятые в производстве, были просто не в силах проследить за санитарным состоянием своих жилищ. Жилищное строительство 1920–1930-х гг. преследовали серьезные проблемы. Из всего объема капиталовложений в народное хозяйство в 1928–1941 гг. 29,6% приходилось на жилищное и коммунальное хозяйство. Строительство жилья не успевало за ростом населения в городах. В среднем на одного горожанина страны в 1940 г. приходилось 6,3 квадратных метра полезной площади жилищ. На Южном Урале в среднем приходилось на одного человека в Чкалове 3,34 м кв., в Орске – 1,24 м кв., в Уфе – 3,2 м кв. В Челябинске в 1937 г. на душу населения приходилось 2,5 м кв. В конце 1930-х гг. массовое распространение получило расселение рабочих в коммунальные квартиры, бараки, полуподвальные помещения и даже в землянки [3, с.116].

Жилищный фонд, в силу перегруженности, был не в состоянии обеспечить необходимые санитарные условия, поэтому скученность и перенаселенность влекли за собой распространение инфекционных и социально-бытовых болезней. В некоторых районах Бугурусланского округа Оренбургской области наблюдалась трахома, охватившая около 80–90% населения [7, л.12].

Со стороны государства уделялось большое внимание поддержке и пропаганде санитарно-просветительской деятельности среди населения. Активно пропагандировалось постоянное, необходимое соблюдение чистоты в одежде, в помещении, мытье посуды и т. д. [6, л. 96]. Соблюдение чистоты и гигиены в местах общего пользования имеет важное значение. Например, проверка в бригадах зерносовхоза им. Яковлева Тепловского района установила, что общепит находится в хаотическом и антисанитарном состоянии, помещения кухонь и столовых грязные, отсутствуют баки для воды, кипяченая вода для питья, продукты буквально валяются по стану, кухарки нет [12, л. 1].

Следующей причиной роста эпидемий и обострения санитарной обстановки стала миграция населения. Население, перемещаясь из мест очагов эпидемии, переносило заболевания в другие населенные пункты. Важной проблемой середины 1920-х гг. являлась эпидемия малярии, брюшного и сыпного тифа, дифтерии, дизентерии. В 1926 г. в Башкирии зафиксировано 123 408 случаев заболевания малярией, в Оренбургской области 780 590 случаев, в Челябинской области – 57 054 [5, л. 18, 19, 21].

Большая роль отводилась пропаганде здоровьесбережения. Система здравоохранения только начинает развиваться, а население, задействованное в крупномасштабном строительстве государства, нуждалось в освещении самых важных для здоровья вопросов – гигиены, дезинфекции, лечения и предупреждения заболеваний. Органы здравоохранения

активно пропагандировали гигиену и предупреждение болезней. Сами больницы оснащались плакатами, уголками для посетителей, закупалась специальная литература, газеты, журналы [8, с. 4].

Местные власти вели усиленную борьбу за сохранение чистоты и санитарных норм, проводили профилактические меры по борьбе с болезнями. В Оренбургской газете «Смычка» в статье «Горздрав волокитничает» говорится о поручении Горздраву начать выполнение постановлений о соблюдении санитарии и гигиены в городе. Ведь в случае несоблюдения к весне могла начаться эпидемия [9, с. 3]. Такие статьи далеко не единичны, до начала весны необходимо было предпринять меры по улучшению санитарной обстановки. В январе 1930 г. выходит статья «О содержании в чистоте улиц, площадей, тротуаров и дворов в городе Оренбурге». В ней отмечается обязательность ежедневных уборок улиц, поддержка санитарного состояния дворов при домовладениях, запрещается «разливать по двору помой и разбрасывать кухонные отбросы и прочий мусор» [10, с. 4]. Активная пропаганда сохранения чистоты и поддержания санитарии на страницах местной периодической печати не случайна. На Южном Урале первая половина 1930-х гг. была отмечена острозаразными, инфекционными заболеваниями, особенно в летние месяцы. С 1933 по 1935 гг. наблюдался рост числа эпидемиологических заболеваний. В Чкаловской области распространенными являлись заболевания малярией в 1933 г. – 75 717 человек, к 1935 г. – уже 175 939 человек, то есть увеличилось в 2,3 раза. Число заболевших дизентерией возросло в 1,8 раза или с 2 569 и до 4 570 соответственно, дифтерией в 1,4 раза или с 1 025 до 1 469 человек, коклюшем в 2,8 раза или с 2 284 до 320 человек. [4, л. 10]. По Челябинской области в эти же годы рост таких заболеваний, как скарлатина – с 52 до 730 заболевших, брюшной тиф – с 46 до 76 человек, дифтерия – с 225 до 212, но уже в 1936 г. количество заболевших выросло до 252 [2, с. 96–97].

Мероприятия, направленные на проведение необходимого обслуживания населения с сочетанием лекций, бесед далеко не единичны в 1930-е гг. Кроме пропаганды здравоохранения, выделяются мероприятия по улучшению бытовых условий. Государство, наряду с санитарно-просветительской работой, большое внимание уделяло расширению и укреплению системы здравоохранения, обеспечению медицинских учреждений специалистами на местах. Широко вошло в практику прививание, снабжение медицинских учреждений специалистами. Данный вид работы приобрел системность и организованность, так как он действовал в масштабах всей страны.

Список литературы и источников

1. *Ажигулова А. И.* Оценка роли санитарного просвещения населения Южного Урала в 1920-30-е гг. на материалах местных и центральных архивов // Роль и значение архивов и архивных документов в сохранении исторической памяти народов России и Кавказа. Материалы международной научно-практической конференции, посвященной 100-летию государственной архивной службы России и 25-летию Государственного архива Республики Ингушетия. Магас, 2018. С. 19–25.
2. *Ажигулова А. И.* Смертность на Южном Урале в 1930-е годы // Клио. Санкт-Петербург: ООО «Полторак» 2017. №1(121). С. 94–98.
3. *Волошина Л. А., Леонтьева Е. А.* Повседневная жизнь населения страны во второй половине 1930-х годов // Россия в условиях кризисов XIX–XX веков. Международная научно-практическая конференция, посвященная 100-летию Русской революции 1917 г. и 75-летию начала Сталинградской битвы. – Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2017. С. 113–118.
4. Государственный Архив Оренбургской области (ГАОО). Ф. 1003. Оп. 3. Д. 865.
5. Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 1562. Оп. 18. Д. 4.
6. Самарский областной государственный архив социально-политической истории (СОГАСПИ). Ф. 655. Оп. 5. Д. 173.
7. СОГАСПИ. Ф. 655. Оп. 5. Д. 194.

8. В очередь к врачу // Смычка. Газета. Оренбург, 4 января 1930 г.
9. Горздрав волокитничает // Смычка. Газета. Оренбург, 1 января 1928 г.
10. О содержании в чистоте улиц, площадей, тротуаров и дворов в городе Оренбурге // Смычка. Газета. Оренбург, 9 января 1930 г.
11. Оренбургский государственный архив социально-политической истории (ОГАСПИ). Ф. 371. Оп. 1. Д. 18.
12. ОГАСПИ. Ф. 371. Оп. 1. Д. 19.
13. ОГАСПИ. Ф. 371. Оп. 1. Д. 22.

К ВОПРОСУ О ЭЙДЖИЗМЕ И ГЕНДЕРНОЙ ДИСКРИМИНАЦИИ ЖЕНЩИН ТРЕТЬЕГО ВОЗРАСТА

Астратова Г. В., доктор экономических наук, кандидат технических наук, профессор кафедры интегрированных маркетинговых коммуникаций и брендинга Уральского федерального университета им. первого Президента России Б. Н. Ельцина; профессор Кафедры социально-экономических дисциплин Уральского юридического института МВД России, Екатеринбург, Россия, e-mail: astratova@yahoo.com.

***Аннотация.** Приводятся некоторые положения многолетних исследований в России, посвященных качеству жизни и расширению прав и возможностей женщин в третьем возрасте. Выявлено, что права и возможности женщин имеют широкие перспективы, если в обществе будут устранены барьеры эйджизма, а также проведена соответствующая государственная политика поддержки и социальной реабилитации пожилых женщин.*

***Ключевые слова:** гендерная дискриминация, эйджизм, третий возраст, рынок труда, качество жизни, расширение прав и возможностей женщин, активное долголетие.*

ON THE ISSUE OF AGEISM AND GENDER DISCRIMINATION OF THIRD AGE WOMEN

Astratova G. V., Doctor of Economic Sciences, Candidate of Technical Sciences, Professor, Department for Integrated Marketing Communications and Branding, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin; Professor, Department for Social and Economic Disciplines, Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Ekaterinburg, Russia, e-mail: astratova@yahoo.com.

***Abstract.** Some provisions of long-term research in Russia on the quality of life and empowerment of women in the third age are given. The research revealed that the rights and opportunities of women have broad prospects if the barriers of ageism are eliminated in society, as well as an appropriate state policy of support and social rehabilitation of elderly women is carried out.*

***Keywords:** gender discrimination, ageism, third age, labor market, quality of life, empowerment of women, active longevity.*

Одной из восьми целей развития тысячелетия, провозглашенных ООН, является обеспечение равенства мужчин и женщин, а также расширение прав и возможностей женщин [1]. Это особенно актуально в связи с тем, что в ряде стран (например, в России) имеет место так называемая скрытая, а не прямая гендерная дискриминация [1]. Немаловажно и то, что одной из весьма актуальных проблем гендерной дискриминации является проблема «третьего возраста».

«Третий возраст»¹ – это довольно новое понятие, обусловленное тем, что во всем мире одной из наиболее распространенных демографических тенденций, выявленных в конце XX – начале XXI века, является старение населения большинства стран [2; 3–11 и др.]. Так, с начала 90-х годов XX столетия численность населения старше 65 лет ежегодно возрастает на 2,7%, в то время как общий прирост мирового населения составлял лишь 1,7%. Вместе с увеличением численности пожилого населения отмечается дальнейшее старение населения, обусловленное ростом количества людей, живущих 80 лет и более [12]. По оценке экспертов ООН, к 2025 г. каждый шестой землянин будет старше 50 лет, а к 2055 г. – старше 65 лет [4]. Как отмечают

¹ Иначе «третий возраст» еще называют «серебряным возрастом» или «старшей возрастной когортой».

российские эксперты [3–6; 10–11 и др.], принцип отнесения к «третьему возрасту» широко варьируется, поскольку минимальным «порогом» является достижение возраста 50 лет, а в ряде случаев – 55, 60 или 65 лет. Тем не менее при любом из этих значений констатируется мировая тенденция возрастания доли старших возрастов в общей численности населения.

Это приводит, в том числе, и к тому, что компании во всем мире начинают адаптировать свои рыночные стратегии к потребностям клиентов старшего возраста [8]. Более того, в развитых странах потребители «третьего возраста» являются весьма активными покупателями товаров и услуг, относящимся к категории фитнеса, красоты и молодости, здоровья, образования, туризма, и т. п. [3; 9; 13–16 и др.]. Вместе с тем, в отличие от США и стран Европы, в России люди старше 50, и особенно находящиеся на пенсии не живут, а «доживают» [13–16] и, соответственно, не могут «похвастаться» активным потреблением.

Немаловажно и то, что для всех стран мира характерна гендерная дискриминация в «третьем возрасте», поскольку структура населения наиболее сильно отличается в старших возрастах. Например, в России высокая смертность и низкая ожидаемая продолжительность жизни мужчин привели к тому, что в 2021 г. среди населения РФ в возрасте 65–69 лет женщины составляют больше половины (61,6%), а в возрасте 85–89 лет число женщин составляет две трети от числа их сверстников-мужчин (76,1%) [17, с. 10–11]. Однако в России экономисты стали обращать внимание на аудиторию «третьего возраста» относительно недавно: по разным оценкам, исследования «серебряных потребителей» начались в РФ не раньше 2000-х годов [3–6; 10–11; 13–16 и др.]

Анализ доступной нам литературы показывает, что, во-первых, *потенциал пожилого населения на текущий момент до конца не оценен ни как довольно большой сегмент рынка труда, ни как интересная и весьма платежеспособная покупательская аудитория*. Во-вторых, *проблемы гендерной дискриминации и эйджизма применительно к женщинам третьего возраста приводят к проблемам устройства на работу и реализации прав и возможностей женщин, особенно имеющих высшее образование и высокую профессиональную квалификацию*. В-третьих, *сегментирование населения только на основе возраста не может служить надежным базисом как для изучения возможностей рынка труда и управления «пожилой» рабочей силой, так и для эффективной стратегии продвижения и сбыта товаров и услуг для «серебряных потребителей»* [2; 3–6; 7; 10 и др.] В то же время, комплексных исследований по заявленной проблематике на текущий момент явно недостаточно, поскольку научная школа в этом направлении только формируется. В связи с вышеизложенным считали актуальным рассмотреть проблему гендерной дискриминации и эйджизма женщин как ключевого сегмента населения третьего возраста.

При рассмотрении вышеуказанных вопросов неизбежно встает и проблема оценки качества жизни населения третьего возраста. Качество жизни (quality of life; life quality) является сложнейшей категорией современной науки, поскольку затрагивает все отрасли знания и сферы деятельности человека. Вместе с тем мы можем сказать, что качество жизни может быть представлено как интегральный показатель и функция трех ключевых переменных: 1) жизненные ценности; 2) здоровье; 3) благосостояние (материальные возможности, личное имущество) [15, с. 15].

Необходимо отметить, что применительно к населению третьего возраста качество жизни – это достаточно новое понятие, которое рассматривается исследователями по-разному, но, как мы выявили, преимущественно в следующих двух основных аспектах:

1) *в контексте социального обеспечения*, то есть, как государственная программа помощи неработающим пожилым людям. Например, в Концепции «Новое качество жизни уральцев» декларируется необходимость развития системы социальной поддержки пожилых граждан, «повышение доступности и качества предоставляемых им социальных услуг, создание условий для активного долголетия, работа Школ пожилого возраста» [18, п.3, п.5];

2) *в контексте клинической медицины как степень облегчения страданий пациентов пожилого возраста, имеющих тяжелые заболевания* [19; 20]. Иными словами, здесь качество

жизни понимается как «независимая прогностическая ценность» и «главный критерий оценки эффективности лечения в клинических исследованиях» [20, с. 4].

На наш взгляд, это обусловлено, прежде всего, тем, что увеличение продолжительности жизни несет целый ряд дополнительных социально-экономических проблем [16], среди которых одной из наиболее актуальных является проблема существующего «эйджизма» и дискриминации человека на основании его возраста. Близкие позиции по данному вопросу высказывают и другие исследователи [3; 21 и др.]

Необходимо отметить, что дискриминация по возрасту широко распространена во всех сферах жизни общества, как в формальных, так и в неформальных. Она проявляется в готовности воспринимать адекватно и сотрудничать лишь с теми людьми, кто соответствует некоему стереотипу «молодости» или заранее установленному критерию возраста. Например, мы видим, что в рекламе, СМИ и Интернете преимущественно «мелькают» молодые лица, и на работу охотнее принимают лиц до 30–40 лет. Соответственно, в России, например:

а) легко могут назвать «старым» любого человека и в особенности женщин после 30 лет;

б) появляются тематические анекдоты, афоризмы и прочие народные выражения, типа: «что делать, если на работу не берут, потому что старая, а пенсию не дают, потому что молодая?»

Об этом говорит и тот факт, что уже в 2000 г. большинство женщин и мужчин разделяли позицию, что мужчины имеют лучшие шансы при трудоустройстве, особенно в старшей возрастной группе [1].

В чем причины такого положения? Главная причина – это сложившиеся стереотипы и традиционные представления о распределении гендерных ролей в обществе, где 71% респондентов считают, что главное предназначение женщины – быть хорошей матерью и хозяйкой, а 89% представительниц прекрасного пола полагают, что семью должен обеспечивать мужчина [22].

Во-вторых, мы считаем, что одной из ключевых причин является, по выражению Михаила Батина², отсутствие идеи «радикального продления жизни». Смысл этой идеи – максимально увеличить трудоспособный возраст; более того, необходимо научиться «омоложению» человека³. Исследования в этой области создадут новые технологии, новые продукты и сервисы, новые рынки, которые и станут драйвером экономики двадцать первого века.

Третьей причиной, как мы уже отмечали ранее [13–16], является отсутствие общепринятых четких критериев понятия «старости» как в медико-биологическом, так и в социально-экономическом аспекте. Соответственно, если в XVIII–XIX веках возраст 35–40 лет трактовался как «женская старость» (возраст «бальзаковских молодящихся старушек»⁴), то в XIX–XX веках возраст 45–50 лет – это уже олицетворение «мужской» старости⁵. К концу XX века и по настоящее время мы видим, что уже становится нормой, когда в возрасте за 30 лет женщины начинают задумываться о семье и детях, а в возрасте 45–50 лет многие мужчины образуют и новые семьи и заводят новых детей.

Таким образом, чтобы снизить риски гендерной дискриминации, становится необходимым, в том числе, пересмотреть градации возрастов и понятия «старость». Исходя из результатов наших многолетних исследований [13–16], мы предлагаем следующую авторскую периодизацию возраста человека в XXI веке: до 45 лет – молодые люди, молодость; 46–59 лет

² Михаил Батин – руководитель российского Благотворительного фонда поддержки научных исследований «Наука за продление жизни».

³ Благотворительный фонд «Наука за продление жизни». URL: <https://scienceagainstaging.com>.

⁴ Выражение стало общеупотребительным после появления романа «Тридцатилетняя женщина» (1831) французского писателя Оноре де Бальзака (1799–1850).

⁵ Выражение стало общеупотребительным после появления романа «Обломов» русского писателя И. А. Гончарова, где герой Илья Ильич Обломов был вялым в возрасте после 33 лет, и совсем дряхлым через 10–12 лет.

– опытные люди, возраст опыта; 60 лет – 74 года – зрелые люди, возраст зрелости; 75–99 лет – пожилые люди, пожилой возраст; 100 лет и более – долгожители, возраст старости. Соответственно, можно полагать, что «третий возраст» наступает в период накопления опыта, то есть, от 50 лет и старше.

Считаем необходимым подчеркнуть, что для борьбы с «эйджизмом» и возрастной дискриминацией необходима пропаганда государством и обществом, что «третий возраст» – это не «предпенсионное дожитие» и не «выход на пенсию» с дальнейшим пассивным ожиданием социальной помощи от государства и (или) смерти. Необходима работа с населением при помощи СМИ, Интернета, создания клубов по интересам, образовательных Институтов «третьего возраста» и т. п. мероприятий, чтобы превратить период от 50 лет и старше в период активной и полноценной жизни. Именно в «третьем возрасте» мужчины и женщины в цивилизованных странах более всего путешествуют, ездят на выставки и концерты в другие города и даже в другие страны, занимаются хобби, обретают новые интересы. При этом одни пенсионеры занимаются пением и танцами, другие – записываются на курсы по истории музыкальных инструментов, третьи – начинают что-то коллекционировать, четвертые – изучают искусство каллиграфии, пятые – осваивают новое для себя ремесло, шестые – изучают языки, седьмые – путешествуют, восьмые – прыгают с парашютом, девятые – открывают новый бизнес, и т. д.

Таким образом, можно сказать, что права и возможности женщин имеют широкие перспективы, если в обществе будут устранены барьеры эйджизма, а также проведена соответствующая государственная политика поддержки и социальной реабилитации пожилых женщин. Наше исследование не претендует на полноту изложения и будет продолжено в самом ближайшем будущем.

Список литературы и источников

1. *Рощин С. Ю., Зубаревич Н. В.* Гендерное равенство и расширение прав и возможностей женщин в России в контексте целей развития тысячелетия. – М.: Информационный центр ООН, 2005. – 73 с.
2. *Moscardo G.* Third-Age Tourism // *Tourism Business Frontiers* / D. Buhalis, C. Costa, F. Ford (eds.) London: Routledge, 2005. Pp. 30–39. ISBN: 9780080455914.
3. *Шерешева М. Ю.* Маркетинг услуг для людей зрелого возраста: мифы и реальные ценности // Все плюсы зрелого возраста. Сборник статей. М.: Парад, 2014. Вып. 3. С. 91–94.
4. *Шерешева М. Ю., Калмыкова Н. М., Колкова К. М.* Старение населения и проблемы поколения «сэндвич»: социально-экономические и психологические аспекты // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. 2015. № 3. С. 5–14.
5. *Шерешева М. Ю., Валитова Л. А., Березка С. М.* Потребительское поведение россиян возрастной категории 50+: пилотное исследование // Вестник Санкт-Петербургского университета. Менеджмент. 2017. Т. 16. № 2. С. 242–267.
6. *Шерешева М. Ю., Калмыкова Н. М., Валитова Л. А., Березка С. М.* Создание ценностного предложения для потребителей 50+ с учетом их когнитивного возраста // Вестник Московского университета. Серия 6: Экономика. 2017. № 1. С. 147–168.
7. *Wolfson M. C.* Population Ageing and Health – Empirical Needs for Effective Foresight. *The Lancet*. 2012 Vol. 379. No. 9823. Pp. 1295–1296.
8. *Wong Y.* *The Glittering Silver Market: The Rise of Elderly Consumers in Asia.* Singapore: John Wiley & Sons (Asia), 2007. 455 p.
9. *Swindell R., Thompson J.* An International Perspective of the University of the Third Age. *Educational Gerontology*. 1995. Vol. 21. No. 5. Pp. 429–447. DOI: <https://doi.org/10.1080/0360127950210505>.

10. *Асташова Ю. В.* Теория поколений в маркетинге // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Экономика и менеджмент. 2014. Т. 8. № 1. С. 108–114.
11. *Шамис Е., Антипов А.* Теория поколений // Маркетинг. Менеджмент. 2007. № 6, с. 42–46.
12. The World Health Report 2013: Research for Universal Health Coverage. Luxembourg: World Health Organization, 2013. 146 p. ISBN: 9789240690837.
13. *Астратова Г. В.* Качество жизни населения «третьего возраста» в Уральском федеральном округе // Устойчивое развитие Российских регионов: экономическая политика в условиях внешних и внутренних шоков. Сборник материалов XII Международной научно-практической конференции. 2015. С. 1060–1069.
14. Качество жизни в XXI веке: актуальные проблемы и перспективы / М-во образования и науки Российской Федерации, Уральский гос. лесотехнический ун-т, Ин-т качества жизни; [общ. и науч. ред.: Г. В. Астратова]. – Екатеринбург: Стратегия позитива, 2014. – 542 с. ISBN 978-5-94984-445-8.
15. Управление качеством жизни. (Курс лекций и практических занятий). В двух частях. Часть I. Учебное пособие / ФГБОУ ВО «Урал. гос. экон. ун-т»; под общ. и науч. ред. д-ра экон. наук, проф. Г. В. Астратовой. – Екатеринбург: Изд-во УрГЭУ, 2017. – 93 с.
16. *Astratova G. V., Ozkan B., Gladkova E. A.* Women of the Third Age: Life Quality Key Problems from the Perspective of the Labor Market // Women Empowerment in the World (International E-Conference). New Delhi, Hindistan, 26–27 December 2020. Pp.134–151 ISBN: 978-93-5437-392-3.
17. Численность населения Российской Федерации по полу и возрасту на 1 января 2021 года. (Статистический бюллетень) / Федеральная служба государственной статистики (Росстат). – Москва, 2021. – 443 с.
18. Указ Губернатора Свердловской области от 29 января 2014 г. N 45-УГ «О Концепции повышения качества жизни населения Свердловской области на период до 2030 года – “Новое качество жизни уральцев”» (с изменениями на 10 июня 2020 года) // Консорциум Кодекс. Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/412303921> (дата обращения: 06.01.2021).
19. *Новик А. А., Ионова Т. И.* Руководство по исследованию качества жизни в медицине. 2-е изд. / Под ред. Академика РАМН Ю. Л. Шевченко. М.: ЗАО «ОЛМА Меди Групп», 2007. – 320 с. ISBN: 978-5-373-01011-5.
20. *Процаев К. И., Горелик С. Г., Притчина А. И.* Качество жизни пациентов старческого возраста // Вестник новых медицинских технологий. Электронное издание. 2013. № 1. С. 47.
21. *Зорина Е. Н.* Старение населения и уровень жизни населения третьего возраста // Вестник Института экономических исследований. 2017. № 4 (8). С. 102–108.
22. *Дуэль А.* Исследование: В России женщины зарабатывают на 28% меньше, чем мужчины // Российская газета. Газета. 14.05.2020. URL: <https://rg.ru/2020/05/14/issledovanie-v-rossii-zhenshchiny-zarabatyvaiut-na-28-menshechem-muzhchiny.html/> (дата обращения: 06.01.2021).

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ И СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПРЕВЕНЦИИ СУИЦИДОВ В РОССИИ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

Богданов И. Я., доктор экономических наук, профессор, заведующий Отделом социально-экономической безопасности Института социально-политических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия, e-mail: bogdanov5757@gmail.com.

Розанов В. А., доктор медицинских наук, профессор кафедры психологии здоровья и отклоняющегося поведения Факультета психологии Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербург, Россия, e-mail: vsevolod.rozanov.53@gmail.com.

Аннотация. В статье обсуждается смертность от суицидов в России в контексте демографических проблем и задачи превенции на современном этапе. Имеются расхождения между статистическими данными из различных источников (национальная статистика, данные ВОЗ). Ситуация, складывающаяся во время пандемии, является основанием для того, чтобы активизировать меры превенции.

Ключевые слова: самоубийства, суицидальные попытки, демографические процессы, программы превенции, пандемическая ситуация.

DEMOGRAPHIC AND SOCIO-ECONOMIC ASPECTS OF SUICIDE PREVENTION IN RUSSIA UNDER MODERN CONDITIONS

Bogdanov I. Y., Doctor of Economic Sciences, Professor, Head Department for Socio-Economic Security, Institute for Socio-Political Research FCTAS RAS, Moscow, Russia, e-mail: bogdanov5757@gmail.com.

Rozanov V. A., Doctor of Medical Sciences, Professor, Department for Health Psychology and Deviant Behavior, Faculty of Psychology, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia, e-mail: vsevolod.rozanov.53@gmail.com.

Abstract. The article discusses mortality from suicides in Russia in the context of demographic problems and the tasks of prevention at the present stage. There are discrepancies between statistics from different sources (national statistics, WHO data). The situation that develops during a pandemic is the basis for stepping up preventive measures.

Keywords: suicide, suicidal attempts, demographic processes, prevention programs, pandemic situation.

XXI век в истории человечества отличается небывалой противоречивостью развития. Наряду с величайшими достижениями в науке, технике и культуре мир пережил бесчисленные региональные конфликты, экологические и техногенные катастрофы. Эти и множество других негативных факторов мирового общественно-политического и социально-экономического развития привели к настоящей необходимости поиска нового мирового порядка в интересах выживания не отдельных человеческих сообществ, а всего рода человеческого.

Понимание того, что жизнь государств и народов во всем ее многообразии обусловлена географическим окружением и факторами естественной среды, – отнюдь не открытие нашего времени. Однако, качественный скачок в осмыслении этих взаимосвязей произошел на рубеже XX–XXI веков. Скачок этот не был случайным, он предопределен глубокими, существенными переменами в самом объективном мире, который переходит от состояния разрозненности отдельных своих частей и регионов к единому, взаимосвязанному и взаимозависимому целому в масштабах всей планеты. Вместе с этим переходом несвязанные частные концепции географического детерминизма обрели сначала вид науки политической географии, а затем и геополитики. Геополитика порождена уплотнением жизненного пространства, научно-

техническим прогрессом, созданием глобального рыночного пространства и осложнением международной конкуренции.

Нынешний взаимосвязанный мир представляет единое силовое политическое поле. Распределение и баланс сил в одном регионе неизбежно влияет на распределение и баланс сил в других регионах. Любой регион мира не настолько отдален от других, чтобы не представлять для них стратегической значимости, и не настолько изолирован, чтобы оставаться вне силовых расчетов. Роль и место любого государства в системе международных отношений также во многом определяются его геополитическим положением, т. е. его размещением в мировой системе государств, с учетом геополитических факторов.

Таким образом, приоритетность геополитических факторов, установления тем или иным государством, составляет базу для выработки его национальных интересов и целей, а объективная оценка ресурсов, которыми оно располагает, способствует приведению его потребностей в соответствие с возможностями, правильной ориентации государства в мировом сообществе, помогает в создавшейся геополитической обстановке найти наиболее адекватный ей путь проведения внешней и внутренней политики в интересах обеспечения национальной безопасности. Иными словами, национальные интересы, цели и приоритеты вторичны по отношению к ее геополитическому статусу, и во многом следуют из него.

Понятие безопасности включает обеспечение гражданам данного общества необходимых условий для нормальной цивилизованной жизни, свободного развития и самовыражения. Поэтому политический, экономический, военный, социальный, экологический и иные внутренние и внешние аспекты национальной безопасности, поддержание оптимальных условий, обеспечивающих развитие общества, составляют важнейшие и неотъемлемые ее компоненты. Таким образом, понятие «национальная безопасность» имеет иерархическую структуру [1].

В данном контексте весьма актуальной для России является проблема превенции суицидов. С одной стороны, за последние 10 лет, по данным официальной статистики, наблюдается постепенное снижение уровня суицидов, и это, конечно, не может не вызывать удовлетворения. Так, согласно данным портала государственной статистики ЕМИСС, с 2011 по 2017 гг. общий индекс смертности от самоубийств снизился с 21,8 до 13,8 на 100 тыс. населения [2]. Таким образом, Россия уже вышла из категории стран с «высоким» уровнем суицидов согласно классификации ВОЗ, а уровень суицидов в России приблизился к среднеевропейскому. Однако эта позитивная динамика не должна стать основанием для самоуспокоения. Прежде всего, индексы суицидов в России остаются все-таки выше, чем во многих странах западной Европы, и также в США и Канаде [3]. Некоторые авторы считают, что значительная часть суицидов (до 30%) может скрываться в категориях «самоповреждений с неопределенными намерениями», следовательно, на самом деле самоубийств больше, чем мы видим на официальных сайтах. В связи с этим заметим, что относительно недавний отчет ВОЗ приводит для России в 2019 г. среднегодовое значение 25,1 на 100 тыс. населения, а стандартизованное по возрасту значение 21,6 на 100 тыс. [4] Нужно также отметить, что наблюдаемое по официальным данным снижение индексов в России затрагивает прежде всего женщин (на 50%), уровень суицидов среди которых и так невысок. В меньшей степени снизились индексы среди мужчин (примерно на 40%). Что касается возрастных групп, то самое большое беспокойство вызывает тот факт, что среди самой молодой части населения (подростки и молодые взрослые) индексы самоубийств практически не снижаются, а в некоторые годы наблюдения даже растут. В итоге в абсолютном выражении общие потери населения РФ от самоубийств по национальным оценкам составляют около 20 тыс. чел. в год, в то время как ВОЗ оценивает общую смертность в пределах 36 тыс. чел.

Рассматривая эти цифры, можно с позиций демографии и народосохранения оценивать их по-разному. С одной стороны, самоубийство в общей структуре смертности занимает место даже не в первой десятке. Однако для молодых людей это одна из приоритетных причин преждевременной смертности. Поскольку основную массу погибающих от собственных рук составляют лица трудоспособного возраста (33–35 лет, преимущественно мужчины [5]),

можно рассматривать экономические потери от самоубийств. Так, проведенные расчеты дают значение суммарных экономических потерь от суицидов в РФ в 145,8 млрд. руб., при этом речь идет только о потерянных годах жизни (Years of Life Lost, YLL) и обусловленных этим потерях ВВП [6]. Наибольшие потери YLL при этом приходятся, вполне естественно на подростков и т. н. молодых взрослых (возрастная группа 15–24 года). В то же время, в эти потери следовало бы включить расходы здравоохранения на оказание медицинской помощи и лечение лиц, совершивших суицидальные попытки и поступающих в соматические отделения больниц. При этом нужно иметь в виду, что обычно число попыток превышает число завершённых суицидов в несколько раз (более всего в молодом возрасте, поскольку к периоду зрелости соотношение между попытками и суицидами постепенно выравнивается).

Все это является основанием для разработки и широкого внедрения мер суицидальной превенции, ориентированных на различные группы – от всего населения до относительно узких групп риска. Следует отметить, что в России существуют и успешно реализуются различные инициативы в сфере превенции суицидального поведения, однако в основном они носят локальный характер. В то же время, как показывает практика других стран (многие страны ЕС, США, Канада и др.) сам факт наличия национальной программы превенции, закреплённой в виде программного документа, поддержанного Правительством, может оказать влияние на снижение числа самоубийств. В России до настоящего момента пока не созданы условия для формулирования основных положений государственной программы. Препятствиями, на наш взгляд, остаются сложности межведомственного взаимодействия в этой сфере и отсутствие крупных научно-практических проектов, которые бы объединили регионы при реализации масштабных превентивных программ, включающих сразу несколько направлений, например, совершенствование способов учета, статистических подходов, проведение опросов населения с целью выявления нарушений психического здоровья, организацию психо-социальных вмешательств с участием не только психиатрической службы, но и более широких медицинских кругов, психологических служб и волонтерских движений.

В настоящее время в связи с пандемией в России, как и во многих других странах, наблюдается повышенная смертность населения. В этих условиях вполне обоснованно стало уделяться больше внимания психическому здоровью населения, активизировались публикации и инициативы по превенции суицидов. На начальной стадии пандемии, к счастью, как показывают исследования, не наблюдается роста суицидов, скорее наоборот, отмечается их снижение [7]. Однако то, как разворачиваются новые волны заболевания, как складывается социально-психологическое напряжение в обществе, как идут процессы в экономике, не внушает большого оптимизма. Сейчас важно было бы активизировать и объединить усилия в сфере превенции суицидов, что является задачей и медицины, и демографии, и всего общества в целом. Суицидальная превенция – это не самая затратная деятельность в сфере общественного здоровья, но как для любой комплексной задачи, ей несомненно нужна поддержка государства, бизнеса, крупных финансовых структур, а также широкое лоббирование этой идеи в самых разных кругах, от государственных кабинетов, до социальных сетей и общественных движений.

Список литературы и источников

1. *Богданов И. Я.* Экономическая безопасность России: теория и практика. Рос. акад. наук. Ин-т соц.-полит. исслед., Центр социологии экономики. – М., 2001. – 351 с. ISBN 5-7556-0186-0.
2. Смертность от самоубийств // Единая межведомственная информационно-статистическая система (ЕМИСС). URL: <https://fedstat.ru/indicator/58547> (дата обращения: 17.07.2021).

3. Suicide rates // World Health Organization. URL: <https://www.who.int/data/gho/data/themes/mental-health/suicide-rates>. (дата обращения: 17.07.2021).
4. Suicide Worldwide in 2019: Global Health Estimates. Geneva: World Health Organization; 2021. 28 p. ISBN: 978-92-4-002665-0.
5. Семенова В. Г., Иванова А. Е., Сабгайда Т. П., Евдокушкина Г. Н. Смертность трудоспособного населения России от суицидов: официальные и реальные уровни // II Всероссийский демографический форум с международным участием. Материалы форума. Москва, 2020. С. 70–73.
6. Любов Е. Б., Морев М. В., Фалалеева О. И. Экономическое бремя суицидов в Российской Федерации // Суицидология. 2012. Т. 3. № 3(18). С. 3–9.
7. Розанов В. А., Семенова Н. В., Каменщиков Ю. Г., Вукс А. Я., Фрейзе В. В., Малышко Л. В., Захаров С. Е., Каменщиков А. Ю., Исаков В. Д., Кривда Г. Ф., Ягмуров О. Д., Незнанов Н.Г. Самоубийства во время пандемии – сравнение частот среди трех групп населения общей численностью 9,2 млн человек // Анализ риска здоровью. 2021. № 2. С. 132–144. DOI: <https://doi.org/10.21668/health.risk/2021.2.13>.

СПЕЦИФИКА ДЕТЕРМИНАЦИИ САМОСОХРАНИТЕЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ В ОБЩЕСТВЕ РИСКА

Вангородская С. А., кандидат социологических наук, доцент кафедры социальных технологий и государственной службы Белгородского государственного национального исследовательского университета, Белгород, Россия, e-mail: vangorodskaya@bsu.edu.ru

Аннотация. На основе анализа универсальных теорий (демографического перехода, эпидемиологического перехода, обратного эпидемиологического перехода) выделены основные особенности, определяющие детерминацию самосохранительного поведения в обществе риска. Сделан вывод о том, что обоснование ведущей роли социально-экономического и медицинского фактора имеет принципиальное значение для смены приоритетов государства в реализации политики по охране здоровья россиян.

Ключевые слова: самосохранительное поведение, общество риска, модели поведения, детерминация самосохранительного поведения, теория демографического перехода, теория эпидемиологического перехода.

SPECIFIC DETERMINATION OF SELF-PRESERVATION BEHAVIOR IN RISK SOCIETY

Vangorodskaya S. A., Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Department for Social Technologies and Civil Service, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia, e-mail: vangorodskaya@bsu.edu.ru.

Abstract. Based on the analysis of universal theories (demographic transition, epidemiological transition, reverse epidemiological transition), the main features that determine the determination of self-preservation behavior in a risk society are identified. It is concluded that the justification of the leading role of the socio-economic and medical factors is of fundamental importance for changing the priorities of the state in the implementation of the policy on the protection of the health of Russians.

Keywords: self-preservation behavior, risk society, behavior models, determination of self-preservation, theory of demographic transition, theory of epidemiological transition.

В условиях динамично меняющейся социальной реальности [1] становится нормой высокая скорость трансформации поведенческих моделей различных групп населения России. Разнообразие стратегий и моделей самосохранительного поведения в современном российском обществе складывается под влиянием множества глобальных и локальных факторов, воздействующих на изменение отношения к здоровью и продолжительности жизни как на индивидуальном, так и на популяционном уровнях. При этом, по словам А.Г. Вишневого, «все факторы не просто существуют параллельно, а теснейшим образом взаимосвязаны, изменение одного сразу же меняет и все остальные, и образуется новый, непредсказуемый, как в калейдоскопе, узор» [2].

Несмотря на существование множества зачастую противоположных и противоречивых взглядов на детерминацию самосохранительного поведения, изучение данного вопроса представляет особую важность, поскольку, по справедливому замечанию В.Н. Архангельского, «без выявления закономерностей демографического поведения, осознания механизмов его детерминации невозможно понять, почему демографические процессы развиваются тем или иным образом, а следовательно, невозможно и разработать меры, направленные на изменение их характера, достижение более позитивной демографической динамики» [3, с.5].

Еще в XVIII веке Ж. О. Ламетри создал «вертикальную» модель здоровья, построенную на основе идеи о двойственной природе человека, формирующейся под воздействием как биологических, так и социальных групп факторов [4, с. 420]. В дальнейшем все исследователи, затрагивающие в своих работах проблематику здоровья, признавали взаимную детерминацию внутренних и внешних факторов с акцентом на ту или иную группу.

В качестве примера можно привести «многослойную» модель социальных детерминант здоровья, авторы которой, G. Dahlgren и M. Whitehead, объединили всю совокупность детерминант в четыре основных группы: макросоциальные факторы (социально-экономические, социально-политические, социокультурные, экологические); условия труда и быта; социальные сети; индивидуальный стиль жизни [5]. Аналогичная модель предложена Л. В. Пановой в качестве основы многоуровневой методологии изучения здоровья и включает в себя три блока факторов (социально-политический контекст, структурные детерминанты, индивидуальные характеристики населения), оказывающих влияние на здоровье [6]. Обе модели фактически используются Всемирной организацией здравоохранения для изучения различий в состоянии здоровья населения Европейского региона [7].

Детерминация самосохранительного поведения в обществе риска имеет свою специфику, обусловленную в первую очередь отсутствием «территориальных, временных или социальных границ, которые могли бы служить преградой современных опасностей» [8, с. 70]. Наглядным примером может служить охватившая мир в 2020 г. эпидемия (пандемия) коронавируса, заставившая переосмыслить как значимость индивидуальных усилий, так и эффективность государственных систем охраны здоровья населения.

Как отмечает А. И. Субетто, «человечество вошло в какую-то особую историческую эпоху, которая ставит под сомнение все сложившиеся механизмы воспроизводства населения стран мира, в том числе и России...» [8, с. 78]. В этих условиях особое значение имеет осмысление универсальных теорий, возникших с целью осмысления специфики различных видов демографического поведения в отдельные исторические периоды. К их числу относятся теории демографического перехода, эпидемиологического перехода, обратного эпидемиологического перехода, получившие развитие в научных публикациях А. В. Вишневого, В. А. Ионцева, Д. ван де Каа и Р. Лестега, М. А. Клупта, Д. Коулмена, А. Р. Омрана, Ю. А. Прохоровой, Д. Реэра, В. Г. Семеновой.

Значение этих теоретических конструкций, по мнению М. А. Клупта, состоит в том, что «данные теории... включают перспективы демографического развития в более общую систему взглядов на то, в каком направлении движется современный мир» [9, с. 139], и, следовательно, позволяют подойти к рассмотрению детерминант самосохранительного поведения в контексте общецивилизационного развития.

Особенно важными в осмыслении специфики детерминации самосохранительного поведения в обществе риска представляются положения концепции эпидемиологического перехода А. Омрана [10], согласно «пророчеству» которого одной из характеристик последней – пятой – стадии перехода будет появление «загадочных» заболеваний, которые «как минимум на некоторое время станут вызовом существующим способностям диагностики и терапии» [11, с. 208] и будут связаны с возникновением новых вирусов, «обладающих особенной способностью мутировать, изменять вирулентность и находить пути подорвать иммунитет хозяина, часто игнорируя и нейтрализуя медицинские инновации» [11].

Рассмотрение основных положений концепций демографического и эпидемиологического перехода позволяет выделить следующие особенности, определяющие детерминацию самосохранительного поведения в обществе риска:

1) увеличение числа факторов, оказывающих разнонаправленное (подчас противоречивое и сложно вычлняемое) влияние на формирование индивидуальных стратегий и коллективных моделей самосохранительного поведения представителей различных социально-демографических групп;

2) исторически обусловленное уменьшение влияния религиозных и иных нормативно обусловленных «внешнепринудительных» факторов (канонов, традиций и пр.),

опосредующих и ограничивающих выбор стратегий самосохранительного поведения в традиционном обществе;

3) трансформация системы ценностей в сторону индивидуалистически ориентированных, что предопределило изменение ценностно-нормативных и диспозиционно-мотивационных основ самосохранительного поведения;

4) расширение вариативных форм самосохранительного поведения, обусловленных диверсификацией социальных характеристик населения, и имеющих различные основания и последствия для индивида и общества;

5) обострение противоречия между увеличением степени свободы индивидуального выбора стратегий самосохранительного поведения (как следствия свободы «выбора жизненного пути» [12]) и объективными, а также субъективными ограничениями, диктуемыми условиями существования, имеющимися ресурсами, уровнем доступности получения медицинских услуг, ценностными, мотивационными и диспозиционными рассогласованиями и т. д.;

6) повышение зависимости индивидуальных стратегий самосохранительного поведения от степени контроля государства над эпидемиологической ситуацией в стране в конкретный период времени;

7) зависимость индивидуального и популяционного «локуса контроля» в отношении здоровья от уровня стабильности общества, степени «стрессогенности» социально-экономических и политических преобразований (трансформаций), происходящих в конкретном обществе на различных этапах его исторического развития;

8) повышение роли экономического фактора, выступающего в качестве как внешней (условия жизни, уровень материального благосостояния и пр.), так и внутренней (здоровье как экономическая ценность и инвестиционный ресурс) детерминанты формирования индивидуальных стратегий и коллективных моделей самосохранительного поведения;

9) обострение противоречия между экономическими и демографическими интересами государства, предопределяющее «декларативность» и непоследовательность мер в отношении сохранения здоровья населения;

10) повышение роли техногенных, медицинских (в первую очередь научно-технических и медицинских инноваций), биосферных факторов и амбивалентность их воздействия на установки и стратегии поведения в отношении здоровья и продолжительности жизни.

Учитывая многообразие воздействующих на самосохранительное поведение детерминант, целесообразно особое внимание уделять исследованию и корректировке тех из них, которые имеют больший «вес» в формировании стратегий самосохранительного поведения населения конкретной территории. При этом, обоснование ведущей роли социально-экономического и медицинского фактора имеет принципиальное значение для смены приоритетов государства в реализации политики по охране здоровья, низкая эффективность которой на сегодняшний день во многом обусловлена преимущественной ориентацией на изменение индивидуальных детерминант самосохранительного поведения.

Список литературы и источников

1. Чупров В. И., Зубок Ю. А., Романович Н. А. Доверие в саморегуляции изменяющейся социальной реальности / Российская академия наук, Институт социально-политических исследований. – Москва: Норма, 2019. – 207 с. ISBN: 978-5-91768-995-1.
2. Вишневский А. Г. Время демографических перемен: избранные статьи. – Москва: Издательский дом Высшей школы экономики, 2015. – 516 с. ISBN: 978-5-7598-1264-7.
3. Архангельский В. Н., Елизаров В. В., Зверева Н. В., Иванова Л. Ю. Демографическое поведение и его детерминация (по результатам социолого-демографического исследования в Новгородской области). – Москва: ТЕИС, 2005. – 352 с. ISBN: 5-7218-0743-1.
4. Ламетри Ж. О. Сочинения. Философское наследие. – Москва: Мысль, 1983. – 507 с.

5. *Dahlgren G., Whitehead M.* Policies and strategies to promote social equity in health. Background document to WHO – Strategy paper for Europe. Stockholm: Arbetsrapport, Institute for Futures Studies. 2007. 67 p. ISSN: 1652-120X.
6. *Панова Л. В.* Модель социальных детерминант здоровья как основа многоуровневой методологии изучения здоровья // Петербургская социология сегодня. 2013. № 4. С. 221–252.
7. Промежуточный отчет о социальных детерминантах и различиях по показателям здоровья в Европейском регионе ВОЗ – Исполнительное резюме. Европейский обзор социальных детерминант и различий по показателям здоровья. – Копенгаген: Всемирная организация здравоохранения, 2010. – 39 с.
8. *Субетто А. И.* Ноосферная парадигма стратегии восходящего воспроизводства населения России // Уровень жизни регионов России. 2018. № 1(207). С. 77–94.
9. *Клунт М. А.* Теория демографического развития: институциональная перспектива // Общественные науки и современность. 2005. № 2. С. 139–149.
10. *Omran A. R.* The Epidemiologic Transition: A Theory of the Epidemiology of Population Change // The Milbank Memorial Fund Quarterly. 1971. Vol. 49. No. 4. P. 509–538. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1468-0009.2005.00398.x>.
11. *Омран А. Р.* Теория эпидемиологического перехода: взгляд 30 лет спустя // Демографическое обозрение. 2019. Т. 6. № 1. С. 177–216.
12. *Синельников А. Б.* Возможна ли полная свобода выбора жизненного пути? // Социология. 2020. № 1. С. 52–65.

Благодарности и финансирование:

Исследование выполнено в рамках государственного задания НИУ «БелГУ» на 2020 г., проект № FZWG-2020-0027 «Социально-демографические детерминанты развития сельских территорий Центрально-Черноземного экономического района»

ПОТЕНЦИАЛ НЕПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ В МЕДИКО-СОЦИАЛЬНОЙ ПОМОЩИ НАСЕЛЕНИЮ СТРАН – ЧЛЕНОВ ЕАЭС

Волкова О. А., доктор социологических наук, профессор, главный научный сотрудник Института демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия, e-mail: volkovaoa@rambler.ru.

Аннотация. Пандемия COVID-19 обострила проблемы стран – членов ЕАЭС, а также актуализировала необходимость в их социально-экономическом преобразовании и социокультурном сближении. Неугасающая пандемия требует задействования новых структур для борьбы с инфекцией. Такой потенциал видится в объединении усилий неправительственных организаций, функционирующих в странах, который позволит раскрыть новые возможности в оказании медико-социальной помощи населению.

Ключевые слова: неправительственные организации, общественные организации, общественные объединения.

POTENTIAL OF NON-GOVERNMENTAL ORGANIZATIONS IN MEDICAL AND SOCIAL ASSISTANCE TO THE POPULATION OF THE EURASIAN ECONOMIC UNION MEMBER STATES

Volkova O. A., Doctor of Sociological Sciences, Professor, Chief Researcher, Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia, e-mail: volkovaoa@rambler.ru.

Abstract. The COVID-19 pandemic has exacerbated the problems of the EAEU member states, as well as actualized the need for their socio-economic transformation and socio-cultural rapprochement. The ongoing pandemic requires the involvement of new structures to combat infection. We see the potential in combining the efforts of non-governmental organizations operating in the countries, which will open up new opportunities in providing medical and social assistance to the population.

Keywords: non-governmental organizations, public organizations, public associations.

В настоящее время пандемия COVID-19 обострила проблемы стран – членов Евразийского экономического союза (ЕАЭС), а также актуализировала необходимость в социально-экономическом преобразовании и социокультурном сближении с целью интеграции. Но очевидным стало и то, что для обеспечения здоровья населения достаточно лишь финансовых мер. В 2020 г., в период быстрого распространения коронавируса, стало понятно, что в некоторых государствах «вообще отсутствуют противоэпидемиологические службы» [1, с. 30], что усугубило ситуацию. Ведь развитие стран и их интеграция не могут осуществляться лишь на экономической основе, игнорируя социокультурную составляющую взаимодействия. То же самое можно сказать и об обозначенных стратегических направлениях развития евразийской экономической интеграции [2], поскольку лишь финансовое сотрудничество не может привести к сближению народов, обладающих различной социальной и культурной спецификой.

Анализ практик поддержания самосохранительного поведения населения посредством привлечения неправительственных организаций [3, с. 5] показал эффективность такой деятельности. Но, к сожалению, не во всех странах подобная деятельность была развита во время распространения пандемии. Тем более, не существовали налаженные и действующие договоренности между странами. А это позволило бы повысить показатели сформированности самосохранительного поведения у населения.

Безусловно, финансовые мероприятия дали свои положительные результаты в Республике Армения, Республике Беларусь, Республике Казахстан, Кыргызской Республике и Российской Федерации. В 2020 г., в период развития пандемии COVID-19, государственная поддержка населения в странах – членах ЕАЭС была оказана в основном в экономической, медицинской и социальной сферах (таблица 1).

Таблица 1.

Показатели государственной поддержки во время пандемии в 2020 г.

Показатели	Армения	Беларусь	Казахста н	Кыргызста н	Россия
Выплаты из бюджета, % от ВВП	3,7	1,1	8,7	2,4	4,5
Компенсация потерь ВВП, %	1,8-2,2	0,2-0,5	2,0-3,0	0,5-1,0	1,3-2,3
ВВП, млрд долл. (данные МВФ)	12,813	57,708	165,730	7,480	1464

Источник: [4, с. 38]

Безусловно, страны – члены ЕАЭС обладают разными финансовыми ресурсами для поддержки населения. Речь идет, в первую очередь, о Евразийском Банке развития и о Евразийском фонде стабилизации и развития.

К сожалению, не все страны – члены ЕАЭС использовали внутренние ресурсы национальных неправительственных организаций и филиалов международных общественных организаций. Ведь развивающееся цифровое пространство [5, с. 46] позволяет налаживать и осуществлять сотрудничество быстрыми темпами и на высоком качественном уровне. Цифровые трансформации [6, с. 45] не могут полностью заменить процессы, протекающие в объективно реальном социальном пространстве. При этом, все страны – члены ЕАЭС в той или иной степени имеют законодательные документы, регламентирующие деятельность неправительственных организаций на своей территории. Так что нормативно-правовая база для осуществления медико-социальной деятельности со стороны НПО в государствах имеется.

В Республике Армения функционируют следующие законы: «О государственных некоммерческих организациях» и «Об общественных организациях», «О благотворительности». Общественная организация создается в целях удовлетворения гражданами своих «нерелигиозных духовных или нематериальных потребностей, защиты прав и интересов, обеспечения материального и нематериального содействия общественности, ее отдельным группам» [7]. Одной из целей благотворительности является «предоставление материальной помощи лицам, пострадавшим от «инфекционных заболеваний, эпидемий»; содействию реализации программ в сфере здравоохранения [8]. Фондом является некоммерческая организация, преследующая, в том числе здравоохранительные цели [9]. Так что в Республике Армения имеется законодательная основа для медико-социальной работы, осуществляемой НПО.

В Республике Беларусь общественным объединением признано «добровольное объединение граждан, в установленном законодательством порядке объединившихся на основе общности интересов для удовлетворения нематериальных потребностей и достижения уставных целей» [10]. Так что любое общественное объединение, в уставе которого записана медико-социальная работа, может оказывать населению помощь данного вида. Другое дело, что, как и в других странах, в Республике Беларусь государство субсидирует лишь структуры, «лояльные к власти» [11], что также вносит некоторые ограничения в медико-социальную работу НПО. Для зарубежных НПО сложно учитывать особенности регулирования благотворительной деятельности в Республике Беларусь, поэтому ввоз гуманитарной помощи [1, с. 355] от зарубежных общественных структур значительно сокращен.

В Республике Казахстан некоммерческие организации создаются, кроме прочего, для охраны здоровья граждан» [13]. Законодательство устанавливает монополию на распределение всех имеющихся грантов на территории Республики Казахстан единым «Оператором» [14]. И не важно, каков источник средств. Сложность в том, что в стране осуществляли реальную практическую деятельность лишь 30–40% организаций [15, с. 18], имеющих официальную регистрацию.

В Кыргызской Республике, согласно законодательным документам, некоммерческая организация создается «для реализации духовных или иных нематериальных потребностей в интересах своих членов и (или) всего общества» [16]. Такая трактовка не противоречит оказанию медико-социальной помощи населению со стороны НПО. В Кыргызской Республике, как и в других странах – членах ЕАЭС действуют зарубежные неправительственные организации (к примеру, «Фонд Евразия»).

В Российской Федерации действуют законы «О некоммерческих организациях» [17] и «Об общественных объединениях» [18]. Во время коронавируса был объявлен и осуществлен специализированный грант, направленный на развитие некоммерческих организаций в период пандемии [19]. Это способствовало объединению НКО [20], которые при государственной поддержке совместили собственные усилия по противодействию пандемии.

В настоящее время не угасающая пандемия коронавируса требует задействования новых структур для борьбы с данной инфекцией. Такой потенциал видится в объединении усилий неправительственных организаций, функционирующих в странах – членах ЕАЭС, что позволит раскрыть новые возможности в оказании медико-социальной помощи населению.

Список литературы и источников

1. В поисках новой архитектуры многополярности: международное сотрудничество ЕАЭС: докл. к XXI Апр. межд унар. науч. конф. по проблемам развития экономики и общества, Москва, 2020 г. / Ю. А. Белоус, Т. В. Бордачев, М. К. Глазатова и др.; под научн. ред. Т. А. Мешковой; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2020. – 132 с. – ISBN 978-5-7598-2189-2.
2. Решение Высшего Евразийского экономического совета от 11.12.2020 N 12 «О Стратегических направлениях развития евразийской экономической интеграции до 2025 года» // КонсультантПлюс. Компьютерная справочная правовая система. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_375194/ (дата обращения: 12.09.2021).
3. Волкова О. А. Некоммерческие организации в условиях пандемии: развитие структур гражданского общества в контексте саморегуляции и государственного управления // Труд и социальные отношения. 2020. № 4. С. 5–18. DOI: <https://doi.org/10.20410/2073-7815-2020-31-4-5-17>.
4. Селищева Т. А. Влияние пандемии COVID-19 на экономику стран – членов Евразийского экономического союза и перспективы ее восстановления // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2021. № 3 (129). С. 36–43.
5. Дятлов С. А., Трунин В. И. Формирование институционально-правовых основ цифровой трансформации стран ЕАЭС // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2021. № 3 (129). С. 43–48.
6. Цифровая повестка Евразийского экономического союза до 2025 года: перспективы и рекомендации / Группа Всемирного банка, Евразийская экономическая комиссия. URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/dmi/pages/digital_agenda.aspx (дата обращения: 12.09.2021).
7. Закон Республики Армения «Об общественных организациях». Принят 04.12.2001 // Национальное собрание Республики Армения [официальный сайт]. URL:

- <http://www.parliament.am/legislation.php?ID=1295&lang=rus&sel=show> (дата обращения: 29.09.2021).
8. Закон Республики Армения «О благотворительности». Принят 08.10.2002 // Национальное собрание Республики Армения [официальный сайт]. URL: <http://www.parliament.am/legislation.php?sel=show&ID=1332&lang=rus> (дата обращения: 29.09.2021).
 9. Закон Республики Армения «О фондах». Принят 26.12.2002 // Национальное собрание Республики Армения [официальный сайт]. URL: <http://www.parliament.am/legislation.php?sel=show&ID=1346&lang=rus> (дата обращения: 29.09.2021).
 10. Закон Республики Беларусь от 4 октября 1994 г. № 3254-ХІІ «Об общественных объединениях» // Pravo.by. Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=v19403254> (дата обращения: 10.09.2021).
 11. *Стецко Е. В.* Неправительственные организации ЕАЭС: проблемы и перспективы // Уральский федеральный университет [сайт]. URL: https://urgi.uafu.ru/fileadmin/user_upload/site_15503/000_subpages_projects/Konvent/2016/disparity/novoe/Stecko_E.V._-_Tezisy__NPO-EAHS_.pdf (дата обращения: 23.09.2021).
 12. *Мицкевич М. М.* Неправительственные организации и их роль в решении социально-гуманитарных проблем // Минский инновационный университет [сайт]. URL: http://media.miu.by/files/store/items/uses/xix/mim_uses_xix_11014.pdf (дата обращения: 03.09.2021).
 13. Закон Республики Казахстан от 16 января 2001 года № 142-ІІ «О некоммерческих организациях» (с изменениями и дополнениями по состоянию на 06.07.2021 г.) // Юрист. Информационно-правовой портал Республики Казахстан. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=1021519 (дата обращения: 21.09.2021).
 14. Закон Республики Казахстан от 2 декабря 2015 года № 429-V ЗРК «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам деятельности неправительственных организаций» // // Әділет. Информационно-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z1500000429> (дата обращения: 27.09.2021).
 15. Обзорный доклад о состоянии неправительственного сектора в Казахстане: проблемы и перспективы / VII Гражданский форум Казахстана. – Астана, 2016. – 46 с.
 16. Закон Кыргызской Республики от 15 октября 1999 года № 111 О некоммерческих организациях // Централизованный банк данных правовой информации Кыргызской Республики / Министерство юстиции. URL: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/274> (дата обращения: 04.09.2021).
 17. Федеральный закон «О некоммерческих организациях» от 12.01.1996 N 7-ФЗ (последняя редакция) // КонсультантПлюс. Компьютерная справочная правовая система. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8824/ (дата обращения: 01.07.2021).
 18. Федеральный закон «Об общественных объединениях» от 19.05.1995 N 82-ФЗ // КонсультантПлюс. Компьютерная справочная правовая система. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_6693/ (дата обращения: 01.07.2021).
 19. Фонд Президентских грантов. URL: <https://президентскиегранты.рф> (дата обращения: 01.07.2020).
 20. Пять российских НКО объединились в проект «Что делать» для помощи больницам во время пандемии коронавируса. // Такие дела. Электронный журнал благотворительного фонда «Нужна помощь». 24.04.2020. URL: <https://takiedela.ru/news/2020/04/24/chto-delat-covid> (дата обращения: 01.07.2021).

РЕЗУЛЬТАТЫ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ОПРОСА ОБ ОТНОШЕНИИ НАСЕЛЕНИЯ К ПРОФИЛАКТИКЕ COVID-19

Гололобова Т. В., доктор медицинских наук, доцент, врио директора ФБУН «Научно-исследовательский институт дезинфектологии Роспотребнадзора», Москва, Россия, e-mail: 1915544@mail.ru.

Суранова Т. Г., кандидат медицинских наук, доцент, профессор кафедры инфекционных болезней и эпидемиологии Академии постдипломного образования ФГБУ ФНКЦ ФМБА России Москва, Россия, e-mail: suranovatatiana@mail.ru.

Филатова М. Н., доктор медицинских наук, доцент, заведующий кафедрой философии и социально-политических технологий, ФГАОУ ВО «РГУ нефти и газа (НИУ) имени И.М. Губкина», Москва, Россия, e-mail: vrach315@yandex.ru.

Орлова С. Ю., соискатель кафедры философии и социально-политических технологий, ФГАОУ ВО «РГУ нефти и газа (НИУ) имени И. М. Губкина», Москва, Россия, e-mail: osonik@yandex.ru.

***Аннотация.** Ключевым звеном профилактики коронавирусной инфекции является вакцинация. На отказ от вакцинации влияют социологические факторы. Анкетирование определило социологический портрет противников вакцинации: возраст моложе 30 лет; отсутствие высшего образования; низкий уровень дохода; предыдущий отказ от вакцинации от гриппа, табакокурение. Выявлено значительное влияние административного ресурса на принятие положительного решения о вакцинации.*

***Ключевые слова:** COVID-19, иммунопрофилактика, социологические факторы, причины отказа от вакцинации.*

THE RESULTS OF A SOCIOLOGICAL SURVEY ON THE ATTITUDE OF THE POPULATION TO THE PREVENTION OF COVID-19

Gololobova T. V., Doctor of Medical Sciences, Docent, Acting Director, Research Institute of Disinfectology, Rospotrebnadzor, Moscow, Russia, e-mail: 1915544@mail.ru.

Suranova T. G., Candidate of Medical Sciences, Docent, Professor, Department for Infectious Diseases and Epidemiology, Academy of Postgraduate Education, Federal Research and Clinical Center, Federal Medical and Biological Agency of Russia, Moscow, Russia, e-mail: suranovatatiana@mail.ru.

Filatova M. N., Doctor of Medical Sciences, Docent, Head Department for Philosophy and Socio-Political Technologies, Gubkin Russian State University of Oil and Gas, Moscow, Russia, e-mail: vrach315@yandex.ru.

Orlova S. Y., Degree-Seeking Student, Department for Philosophy and Socio-Political Technologies, Gubkin Russian State University of Oil and Gas, Moscow, Russia, e-mail: osonik@yandex.ru.

***Abstract.** Vaccination is the key to preventing coronavirus infection. Sociological factors influence vaccine refusal. The survey determined the sociological portrait of the opponents of vaccination: age under 30; no higher education; low income; previous refusal of influenza vaccination, smoking. The significant influence of the administrative resource on the adoption of a positive decision on vaccination was revealed.*

***Keywords:** COVID-19, immunoprophylaxis, sociological factors, reasons for refusal of vaccination.*

Введение. В борьбе с инфекционными заболеваниями применяют меры специфической и неспецифической профилактики [1]. Методом с доказанной эффективностью является иммунопрофилактика [2; 3]. Вакцинация против гриппа и COVID-19 позволяет снизить риск инфицирования, предотвратить тяжелое течение и развитие осложнений [4]. Для формирования популяционного иммунитета необходима вакцинация не менее 60% населения, а лиц групп риска – 75% [5]. В настоящее время в ведущих странах мира созданы вакцины против COVID-19, проведены клинические исследования, которые доказали их эффективность и безопасность. Российская вакцина «Спутник V» прошла три фазы клинических испытаний, которые подтвердили, что препарат безопасен и эффективен. Результаты исследований опубликованы в ведущем медицинском журнале The Lancet. В профилактике COVID-19 вакцина «Спутник V» применяется не только в России, но и во многих других странах, включая отдельные страны Евросоюза. Исследования также подтвердили безопасность и эффективность других российских вакцин. Однако во многих странах, в т. ч. в России часть населения отказывается от проведения вакцинации [6]. Со времен создания первых вакцин человечество относилось к прививкам неоднозначно. Опасения в первую очередь были связаны с возможной неэффективностью вакцин, с потенциальным риском развития осложнений. Среди причин отказа от вакцинации также присутствовали религиозные убеждения [7]. В настоящее время по всему миру прокатилась волна массовых протестов против вакцинации от COVID-19 и против введения «ковид-паспортов» [8]. Имеют место протесты населения против локдауна и антиковидных карантинных мер [9]. На отношение к профилактическим мероприятиям значительно влияют социальные, политические и культурные факторы [10].

Цель исследования: изучение социальных факторов, влияющих на отношение к вакцинации против COVID-19.

Материалы и методы. Для проведения социологического опроса нами была разработана анкета, включающая вопросы об отношении к вакцинации против COVID-19. Анкета состояла из двух блоков и включала 80 вопросов: первый блок включал вопросы о социальном статусе: пол, возраст, уровень образования, должностная позиция, уровень дохода, семейное положение, наличие несовершеннолетних детей, религиозная и этническая принадлежность, наличие хронических заболеваний, вредных привычек; второй блок состоял из вопросов об отношении к вакцинации против COVID-19. Анкетирование проводилось в центрах вакцинации ЮВАО г. Москвы, ГКБ № 13 г. Москвы, учебных учреждениях (ФГАОУ ВО РНИМУ им. Н. И. Пирогова), на предприятиях. Участвовать в опросе было предложено 955 респондентам, согласились заполнить анкеты 430 человек (45%), 525 человек (55%) от участия в опросе отказались, преимущественно отказы были в пунктах вакцинации. Основная указанная причина отказа – дефицит времени. В исследовании приняли участие граждане с различными социальными характеристиками и различным отношением к вакцинации. Анонимное анкетирование проводилось однократно с 1 июня по 20 сентября 2021 г. В пунктах вакцинации было опрошено 100 человек, на предприятиях – 100 человек, в стационаре (отделения терапии и кардиологии) – 50 человек, на дому – 100 человек, в учебных учреждениях – 80 человек.

Применены методы статистического анализа данных анкетирования: дескриптивные статистики, методы сравнения средних (t-критерий Стьюдента). Результаты данного этапа исследования стали: мода; относительная частота признака в процентах.

Исследование выполнено в соответствии с Хельсинской декларацией. Финансовая поддержка исследования не осуществлялась. Авторы сообщают об отсутствии конфликта интересов.

Полученные результаты. Среди респондентов преобладали женщины – 68%. Средний возраст опрошенных составил $39,8 \pm 8,1$ лет. По статусу социального положения преобладали предприниматели (33%), служащие (29%), учащиеся (23%), меньший процент составили неработающие пенсионеры и безработные/домохозяйки. Среди опрошенных было 20% медиков, включая учащихся по медицинскому профилю. Среди опрошенных был высокий

процент вакцинированных от COVID-19: вакцинированы – 53%, планируют сделать вакцину – 26%, не планируют – 21%.

Среди противников вакцинации чаще присутствовали женщины, люди моложе 30 лет, лица без высшего образования, граждане с низким уровнем дохода, лица, которые ранее не вакцинировались от гриппа, курильщики.

Среди причин отказа от вакцинации респонденты указали: страх осложнений после прививки, в т. ч. влияние на репродуктивное здоровье, риск инфицирования COVID-19 после прививки. На формирование негативного мнения к вакцинопрофилактике преимущественно оказывали влияние такие факторы, как мнение знакомых, информация из интернета. Среди причин, повлиявших на решение сделать прививку, при опросе в центрах вакцинации, на предприятиях и в учебных учреждениях граждане на первом месте указали приказ руководства организации. На принятие решения также влияли: страх перед возможным инфицированием, мнение родных и знакомых, возможность посещения мест досуга.

Заключение. Социологический портрет противников массовой вакцинации против COVID-19: люди моложе 30 лет; лица без высшего образования; граждане с низким уровнем дохода; лица, которые ранее не вакцинировались от гриппа, курильщики. Анкетирование выявило значительную эффективность влияния на решение о вакцинации административного ресурса. Полученные результаты показывают необходимость повышения уровня информированности различных социальных групп населения об эффективности, безопасности вакцин против COVID-19 и других профилактических мер, в т. ч. с широким использованием ресурсов интернета и телевидения.

Список литературы и источников

1. *Сторожаков Г. И., Чукаева И. И., Александров А. А. и др.* Поликлиническая терапия: учебник для студентов учреждений высшего профессионального образования (2-е изд., перераб. и доп.) – Москва: ГЭОТАР Медиа, 2011.– 636 с. ISBN 978-5-9704-1772-0.
2. *Орлова Н. В., Чукаева И. И.* Современные подходы к терапии острых респираторных вирусных инфекций верхних дыхательных путей // Медицинский совет. 2017. № 5. С. 58–64. DOI: <https://doi.org/10.21518/2079-701X-2017-5-58-64>.
3. *Орлова Н. В.* Острые респираторно-вирусные инфекции в практике врача терапевта // Трудный пациент. 2013. Т.11. № 4. С. 22–27.
4. *Орлова Н. В., Суранова Т. Г.* Современные подходы к лечению и профилактике острых респираторных вирусных инфекций // Медицинский алфавит. 2018. Т. 2. № 21 (358). С. 29–34.
5. *Никифоров В. В., Суранова Т. Г., Орлова Н. В., Кардонова Е. В., Сметанина С. В.* Алгоритмы оказания медицинской помощи больным ОРВИ // Медицинский алфавит. 2019. Т. 2. № 27 (402). С. 6–13. DOI: [https://doi.org/10.33667/2078-5631-2019-2-27\(402\)-6-13](https://doi.org/10.33667/2078-5631-2019-2-27(402)-6-13).
6. *Orenstein W. A., Ahmed R.* Simply Put: Vaccination Saves Lives // Proceedings of the National Academy of Sciences. 2017. Vol. 114. No. 16. Pp. 4031–4033. DOI: <https://doi.org/10.1073/pnas.1704507114>.
7. *Larson H. J., de Figueiredo A., Xiaohong Z., Schulz W. S., Verger P., Johnston I. G., Cook A. R., Jones N. S.* The State of Vaccine Confidence 2016: Global Insights Through a 67-Country Survey. EBioMedicine. 2016. Vol. 12. Pp. 295–301. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.ebiom.2016.08.042>.
8. *de Figueiredo A., Simas C., Karafillakis E., Paterson P., Larson H. J.* Mapping Global Trends in Vaccine Confidence and Investigating Barriers to Vaccine Uptake: A Large-Scale Retrospective Temporal Modelling Study. The Lancet. 2020. Vol. 396. No. 10255. Pp. 898–908. DOI: [https://doi.org/10.1016/S0140-6736\(20\)31558-0](https://doi.org/10.1016/S0140-6736(20)31558-0).
9. *Larson H. J., Smith D. M., Paterson P., Cumming M., Eckersberger E., Freifeld C. C., Ghinai I., Jarrett C., Paushter L., Brownstein J. S., Madoff L. C.* Measuring vaccine confidence:

- analysis of data obtained by a media surveillance system used to analyse public concerns about vaccines. *The Lancet. Infectious diseases*. 2013. Vol. 13. No. 7. Pp. 606–613. DOI: [https://doi.org/10.1016/S1473-3099\(13\)70108-7](https://doi.org/10.1016/S1473-3099(13)70108-7).
10. *Conner M., Norman P.* Predicting Health Behaviour: Research and Practice with Social Cognition Models (2nd ed.) London: Open University Press, 2005. 385 p. ISBN: 13-978-0335-21176-0.

**ПРОДОЛЖИТЕЛЬНОСТЬ ЖИЗНИ В РАМКАХ
ИЗУЧЕНИЯ ФЕНОМЕНА ДОЛГОЖИТЕЛЬНОСТИ**

Дмитриева Ю. В., доктор экономических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Института социально-экономических проблем народонаселения ФНИСЦ РАН, Москва, Россия, e-mail: julia9770@mail.ru.

***Аннотация.** В статье раскрываются возможности увеличения продолжительности жизни и сокращения смертности, используя исследования в области долгожительства как своего рода модели естественного физиологического старения. Определено, что в современный период практически нет исследований как в регионах группового долголетия, так и в других регионах. Исследования долгожительства представлены преимущественно медико-биологическими науками. Отсутствуют конкретные социолого-демографические исследования долгожительства человека, которые позволили бы рассмотреть долгожительство как потенциал для увеличения продолжительности активной жизни и сокращения показателей смертности. Обоснованы основные факторы влияния на феномен долгожительства, при этом особо выделяется поведенческий фактор; показана необходимость комплексного подхода к изучению феномена долгожительства. Кроме того, сделаны выводы о биологической и социальной программах человека, которые, действуя совместно, естественным путем могут отодвигать момент старения организма и увеличивать возможность стареть в радость, что в свою очередь будет способствовать увеличению продолжительности жизни и сокращению смертности населения.*

***Ключевые слова:** долгожительство, продолжительность жизни, смертность, самосохранительное поведение.*

**LIFE EXPECTANCY WITHIN THE FRAMEWORK
OF RESEARCH ON THE PHENOMENON OF LONGEVITY**

Dmitrieva Yu. V., Doctor of Economic Sciences, Docent, Leading Researcher, Institute of Socio-Economic Studies of Population FCTAS RAS, Moscow, Russia, e-mail: julia9770@mail.ru.

***Abstract.** The article reveals the possibilities of increasing life expectancy and reducing mortality, using research in the field of longevity as a kind of natural physiological aging model. It was determined that in the modern period there is practically no research both in the regions of group longevity and in other regions. Longevity studies are represented primarily by the life sciences. There are no specific sociological and demographic studies of human longevity that would allow considering longevity as a potential for increasing active life expectancy and reducing mortality rates. The main factors influencing the phenomenon of longevity have been substantiated, with a special emphasis on the behavioral factor; shows the need for an integrated approach to the study of the phenomenon of longevity. In addition, conclusions were drawn about the biological and social programs of a person that act together and can naturally postpone the moment of human body's aging and increase the possibility of aging with joy, which in turn will contribute to an increase in life expectancy and a reduction in mortality.*

***Keywords:** longevity, life expectancy, mortality, self-preservation behavior.*

Борьба с преждевременной смертностью за долгую жизнь – это основная цель всего исторического развития человечества. Несмотря на некоторые успехи в увеличении продолжительности жизни в России, данная проблема остается центральной темой социально-демографических исследований.

Определение проблемы. Явления долгожительства издавна привлекали пристальное внимание людей, что нашло свое отражение, например, в фольклоре. Когда только зарождалась наука, исследованием этой проблемы занимались ученые, прежде всего, медики. В медицинской науке даже выделилась отдельная специальная научная отрасль «геронтология», которая изучает закономерности, механизмы и проявления старения, устанавливает влияние среды и социально-гигиенических факторов на ход возрастных изменений, разрабатывает и проводит мероприятия по увеличению жизни. Частью геронтологии является гериатрия – это научная дисциплина, которая изучает особенности развития, течения, диагностики, лечения и профилактики заболеваний в пожилом возрасте. В нашей стране у истоков этой науки стоял И. И. Мечников, а продолжал и развивал его дело А. А. Богомолец. В начале исследователи работали исключительно на личном уровне, т. к. процессы старения очень индивидуальны, как и сам человек в целом. Долгожительство для антропологов достаточно долгое время не представляло особого интереса. Этнографы же, наоборот, занимались изучением старших возрастных групп и их социальных ролей, а также давали характеристику особенностей жизни пожилых людей. Их не интересовало долгожительство как феномен.

Изменение ситуации в исследовании феномена долгожительства произошло тогда, когда началось постепенное увеличение средней продолжительности жизни людей, когда под влиянием достижений медицинской науки внешние факторы смертности встали на второе место после эндогенных причин смертности. В ряде экономически развитых стран уже в 1960-х гг. отмечался рост продолжительности жизни выше 70 лет, а население старших возрастных групп начало стремительно увеличиваться, т. е. начался процесс старения населения. Однако необходимо подчеркнуть, что наблюдаемое снижение смертности было отмечено в большей степени в молодых возрастных группах. А вот смертность в старших возрастах, где основными причинами является естественное изнашивание организма, снижалась не так заметно. Таким образом, ситуация с возрастающей численностью пожилых и старых людей создала специфические экономические потребности, что потребовало от научного сообщества исследований в области увеличения продолжительности активной жизни людей.

Вопросы увеличения продолжительности жизни и снижением показателей смертности населения тесно связаны, на наш взгляд, с изучением феномена долгожительства, который стали центральным вопросом в ряде исследований в области этнографии и других общественных наук. Особую роль в изучении феномена долгожительства сегодня играет геронтология, которая выходит за рамки собственно медицинской науки и начинает социализироваться.

В этой связи интерес представляет, в частности, одно исследование, проведенное советскими и американскими учеными. В 1977 г. было подписано соглашение между Академией наук СССР и соответствующими научными организациями США о совместном изучении народов и этнических групп с высоким процентом долгожителей, среди которых абхазы занимают, пожалуй, особое место. Тема исследования – «Комплексное биолого-антропологическое и социально-этнографическое исследование народов и этнических групп с повышенной долей долгожителей» [1, с. 7]. От проводившихся ранее исследований оно отличается тем, что долгожительство стало изучаться не на индивидуальном, а на групповом или популяционном уровне, и изучением его стали заниматься не только медики-геронтологи, но и многие другие специалисты: этнографы, социологи, психологи, антропологи, демографы и др. Биолого-медицинские гипотезы происхождения долгожительства были дополнены гипотезами, связанными с особенностями образа жизни исследуемых групп, их обычаями и традициями [2].

Однако в современный период практически нет исследований как в регионах группового долголетия, так и в других регионах. Исследования долгожительства представлены преимущественно медико-биологическими науками. Отсутствуют конкретные социолого-демографические исследования долгожительства человека, которые позволили бы

рассмотреть долгожительство как феномен для увеличения продолжительности активной жизни и сокращения показателей смертности. В связи с этим в исследованиях, посвященных проблемам увеличения продолжительности жизни и сокращения показателей смертности, необходимо, прежде всего, руководствоваться комплексным подходом к выявлению большего числа разнородных факторов долгожительства. Такие исследования должны охватывать длительные периоды времени и широкие группы населения. Практические результаты подобных исследований должны выражаться в индивидуальных рекомендациях, касающихся жизненного режима, питания, лекарств и т. д. Только при таком подходе научная работа будет востребована и широко применима.

Описание механизма исследования. Анализируя основные причины смертности, такие как сердечно-сосудистые заболевания, злокачественные опухоли и болезни нервной системы, отметим, что все перечисленные причины являются, по сути, поведенческими причинами (особенности жизни людей, их трудовая деятельность, питание, семейно-бытовые отношения, социально-психологические установки и т. п.) На протяжении всей жизни человек подвержен влиянию эндогенных и экзогенных факторов смертности, однако роли поведенческого фактора уделяется недостаточно внимания в исследованиях. Роль этого фактора недооценена, хотя влияние его именно в период трудоспособности возрастает в разы по сравнению с эндогенными и экзогенными влияниями. Роль эндогенных факторов на протяжении всей жизни человека постоянна, тогда как роль факторов экзогенного характера начинает свое снижение именно с началом трудоспособного периода и увеличивается только после 60 летнего возраста. Поведенческий фактор на протяжении всего существования человека играет свою роль в создании условий здоровой и продолжительной жизни, а после 60 лет поведенческая компонента выходит на первый план в этом процессе. И действительно, увеличение продолжительности жизни, несмотря на продолжающиеся развитие медицинской науки и здравоохранения, идет невысокими темпами, а где-то даже замедляется, и ожидаемый эффект от снижения количества сердечно-сосудистых заболеваний и злокачественных опухолей не столь уж велик.

Фактор влияния климата на возраст человека не является базовым показателем высокого места в рейтинге продолжительности жизни. Так, в Японии, которая в рейтинге стран по продолжительности жизни занимает первое место в мире с показателем 84,6 года, – климат мягкий, а в таких северных странах как Исландия (83 года), Норвегия (82,4 года), Швеция (82,8 года) климат намного суровее, но долгожителей много. Так, по итогам Международного арктического научного саммита было заявлено, что в Норвегии доля людей, доживающих до 80-летнего возраста, значительно превышает российский показатель [3]. В России за период 2013–2015 гг. только 16% мужчин дожили до этого возраста. Экономическое развитие страны также нельзя назвать определяющим фактором увеличения продолжительности жизни. Например, экономики Греции (средняя продолжительность жизни – 82,2 года), Кубы (78,8 года) и Исландии (83 года), в которых средний возраст достаточно высок, не входят в двадцатку сильнейших экономик мира, а вот Япония в этом списке на третьем месте. Казалось бы, факторы, касающиеся наследственной детерминации продолжительности жизни, должны играть решающую роль при исследовании долголетия. Генетики утверждают, что жизнь ограничена генетически, а внутриклеточный механизм сегодня уже настолько ясен, что возможны экспериментальные попытки искусственно тормозить этот процесс у животных [4], достигая продления жизни последних. При всем этом считать феномен долгожительства только проблемой генетической, или экономической, или климатической было бы ошибочным. Кроме того, если в прошлом на генные различия в продолжительности жизни населения ученые отводили 15–30% всех факторов, то в современных исследованиях этот показатель оценивается лишь в 7%, что говорит о признании ведущей роли других факторов [5].

Средняя продолжительность жизни человека пока еще точно не определена. Хотя уже сегодня существует ряд исследований, которые экспериментальным путем пришли к выводу, что максимальная продолжительность жизни человека составляет от 120 до 150 лет, после чего

устойчивость организма приближается к нулю [6]. В настоящее время в развитых странах мира средняя (ожидаемая при рождении) продолжительность жизни составляет от 82–85 лет (в двадцати ведущих странах из рейтинга стран мира по уровню продолжительности жизни) [7]. Согласно данным ООН, если в начале 1950-х годов доля населения, живущего в странах с продолжительностью жизни более 70 лет, составляла только 1% от общей численности населения мира, то в начале 2000-х годов она превысила 50% [7]. Таким образом, получается, что ожидаемая продолжительность жизни в большинстве стран за последние десятилетия существенно увеличилась, но этот показатель не учитывает, были ли прожитые годы активными и здоровыми. По результатам исследования «Индекс продолжительности здоровой жизни» (Healthy Life Expectancy Index) [8], в среднем люди по всему миру сохраняют относительно хорошее здоровье в течение первых 88% процентов времени своей жизни, но сталкиваются с проблемами в так называемом «возрасте дожития». Однако, некоторые исследователи утверждают, что нет никаких биологических и генетических барьеров для увеличения продолжительности жизни [1, с. 35–47], уровень смертности можно снизить в любом возрасте.

С биологической точки зрения, человек – это организм, который принадлежит к типу хордовых, подтипу позвоночных, классу млекопитающих, отряду приматов, семейству гоминид [9, с. 10]. Организм – это «в высочайшей степени саморегулирующаяся, сама себя поддерживающая, восстанавливающая, поправляющая и даже совершенствующая» система [10, с. 188]. Компонентами такой системы являются система органов, ткани, клетки. Вся биология в человеке изменяется достаточно медленно, а вот социальное в человеке меняется стремительно. Одним из основных источников преобразования является информация, которая дала возможность от рабовладения через феодализм и капитализм прийти к современной личности, к современному человеку. Здесь основную роль играет не наследственность, а социальная информация, которая обеспечивает накопление, хранение и передачу существенно важной, программирующей поведение индивидов информации от поколения к поколению, а также обмен информацией между людьми одного поколения [9, с. 13]. Академик Н. П. Дубинин, крупнейший ученый в области общей и молекулярной генетики, отмечал, что человек как вид, *homo sapiens*, в отличие от животных, «наряду с генетической программой имеет благодаря наличию сознания вторую программу, определяющую его развитие в каждом последующем поколении. Эту вторую программу можно назвать программой социального наследования» [11, с. 36]. Используя программу «социального наследования» возможно программирование поведения на долгие годы, что в свою очередь запустит биологическую программу человека. Организм начнет сам регулировать процессы, которые позволят системе восстанавливаться и даже совершенствоваться, естественным путем отодвигая момент старения организма и увеличивая возможность стареть в радость.

Выводы исследования. Таким образом, наше поведение возможно запрограммировать на долгие годы, используя систему социальной информации о возможностях увеличения продолжительности жизни и долголетия. В этом случае всякое новое поколение людей благодаря этой системе будет наследовать не только достижение производства, социально-политической и духовной жизни, но и потребности в сохранении жизни, целостности организма, потребности в здоровье, которое необходимо на протяжении всего жизненного цикла человека, а вместе с тем потребности в длительном сроке жизни.

Одним из важных факторов влияния или инструментов влияния на возможность увеличить продолжительность жизни и осознание значимости долголетия является самосохранительное поведение. Поэтому введения понятия самосохранительного поведения как особого государственного понятия, как нам кажется, обусловлено сегодня не только ситуационным пониманием того, что детерминантами высокой заболеваемости и смертности населения являются в первую очередь поведенческие нормы, которые связаны с отношением человека к своему здоровью и продолжительности собственной жизни, но и возможностью обозначить долголетие как объект «социального наследия», тем самым обосновать и закрепить его ценность для общества, семьи и личности.

Список литературы и источников

1. Феномен долгожительства. Антрополого-этнографический аспект исследования / ред. Брук, С. – М.: Наука, 1982. – 240 с.
2. Чанба С. В. Из истории и методологии изучения феномена долгожительства абхазов // Вестник Карачаево-Черкесского государственного университета. 2007. № 22. С. 66–76.
3. Почему норвежцы живут дольше россиян // БНК. Информационное агентство. 27.05.2019. URL: <https://www.bnkomi.ru/data/news/94971/> (дата обращения: 27.10.2021).
4. Как научиться жить 200 лет, не боля // Русская служба Би-би-си. 29.09.2015. URL: https://www.bbc.com/russian/science/2015/09/150929_vert_fut_secrets_of_living_to_200_years_old (дата обращения: 27.10.2021).
5. Ruby J. G., Wright K. M., Rand K. A., Kermany A., Noto K., Curtis D., Varner N., Garrigan D., Slinkov D., Dorfman I., Granka J. M., Byrnes J., Myres N., Ball C. Estimates of the Heritability of Human Longevity Are Substantially Inflated due to Assortative Mating. *Genetics*. 2018. Vol. 210. No.3. Pp. 1109–1124. DOI: <https://doi.org/10.1534/genetics.118.301613>.
6. Pyrkov T. V., Avchaciov K., Tarkhov A. E., Menshikov L. I., Gudkov A. V., Fedichev P. O. Longitudinal Analysis of Blood Markers Reveals Progressive Loss of Resilience and Predicts Human Lifespan Limit. *Nature Communications* 2021. Vol. 12. Article No. 2765. DOI: <https://doi.org/10.1038/s41467-021-23014-1>.
7. Life expectancy at birth (years) // Human Development Reports / United Nations Development Programme. URL: <http://hdr.undp.org/en/indicators/69206> (дата обращения: 27.10.2021).
8. Healthy life expectancy (HALE) at birth // World Health Organization. URL: <https://www.who.int/data/gho/indicator-metadata-registry/imr-details/66> (дата обращения: 27.10.2021).
9. Кибернетика живого: Человек в разных аспектах. [Сб. ст.] / АН СССР; [Ред.-сост. В. Д. Пекелис]. – М.: Наука, 1985. – 174 с.
10. Павлов И. П. Полное собрание сочинений: [т. 1-6] / АН СССР. – Изд. 2-е, доп. – М.: Изд-во АН СССР, 1951–1952. Т. 3, кн. 2.
11. Дубинин Н. П. Философские и социальные аспекты генетики человека // Вопросы Философии. 1971. №1. С. 36–45.

**ДЕМОГРАФИЧЕСКОЕ СТАРЕНИЕ РОССИИ
В ПЕРИОД ВТОРОГО ЭТАПА ДЕПОПУЛЯЦИИ**

Доброхлеб В. Г., доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник Института социально-экономических проблем народонаселения ФНИСЦ РАН и Института демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия, e-mail: vdobrokhleb@mail.ru.

***Аннотация.** Россию шестой год захлестывает вторая волна депопуляции. В 2020 г. продолжительность жизни в стране впервые с 2003 г. сократилась. По ожидаемой продолжительности жизни, как считают аналитики, Россия сможет вернуться к уровню 2019 г. в 2024 г., а в 2021 г. ожидаемая продолжительность жизни составит 71,7 года. Для решения проблем, возникающих в связи со старением населения, важно исследовать как статические, так и динамические особенности старения населения. При этом все большее число ученых рассматривают демографическое старение не только как угрозу, но и как новую возможность для развития. В этой связи стали говорить о втором демографическом дивиденде.*

***Ключевые слова:** старение населения, депопуляция, второй демографический дивиденд.*

**POPULATION AGING IN RUSSIA DURING
THE SECOND WAVE OF DEPOPULATION**

Dobrokhleb V. G., Doctor of Economic Sciences, Professor, Chief Researcher, Institute of Socio-Economic Studies of Population FCTAS RAS, and Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia, e-mail: vdobrokhleb@mail.ru.

***Abstract.** For the sixth year Russia is being overwhelmed by the second wave of depopulation. In 2020, life expectancy in the country fell for the first time since 2003. As analysts say, in terms of life expectancy, Russia will be able to return to the 2019 level in 2024, and in 2021 life expectancy will be 71.7 years. To address the problems arising from population aging, it is important to investigate both the static and dynamic characteristics of population aging. At the same time, an increasing number of scientists view demographic aging not only as a threat, but also as a new opportunity for development. In this regard, they began to talk about the second demographic dividend.*

***Keywords:** population aging, depopulation, the second demographic dividend.*

Россию шестой год захлестывает вторая волна депопуляции [1]. Несмотря на предпринимаемые меры – как организационные, так и финансовые – убыль населения нарастает. В 2020 г. потери из-за превышения смертности над рождаемостью составили 688,7 тыс. человек, продолжительность жизни в стране впервые с 2003 г. сократилась. По ожидаемой продолжительности жизни (ОПЖ), как считают аналитики, Россия сможет вернуться к уровню 2019 г. в 2024 г., а в 2021 г. ОПЖ составит 71,7 года [2]. Продолжительность жизни – важнейший показатель. Однако все большее значение приобретает не только продление, но и возможность продления здоровой жизни. Именно это становится главным критерием оценки эффективности социальной политики и охраны здоровья.

По результатам выборочного наблюдения состояния здоровья населения, проведенного Росстатом в 2019 г., около 7% респондентов всех возрастов определили свое здоровье как «плохое», в том числе около 1% – как «очень плохое». С возрастом самооценка здоровья существенно ухудшается. Пожилые женщины оценивают его более негативно, чем их

ровесники мужчины. 22,6% мужчин и 23,9% женщин старше трудоспособного возраста указали, что их здоровье «плохое» и «очень плохое».

Росстат рассчитал ожидаемую продолжительность здоровой жизни (число лет, которые предстоит прожить без каких-либо серьезных проблем со здоровьем). Этот показатель составил по стране 60,3 года. Были выявлены региональные различия ожидаемой продолжительности здоровой жизни (ОПЗЖ). Например, ОПЗЖ жителей Чукотки – 49,1 года, Республики Ингушетия – 67,2 года. Росстат не приводит данных по полу и возрасту. К сожалению, и в показателях Национальных проектов ОПЗЖ не предусматривает учета его гендерной специфики. По майскому указу Президента России 2018 г. [3] ожидаемая продолжительность здоровой жизни россиян к 2024 г. должна достигнуть 67 лет. Этим же указом предусмотрено повышение ожидаемой продолжительности жизни к 2024 г. до 78 лет (к 2030 г. – до 80 лет).

В России в связи с пенсионной реформой 2018 г. в законодательном порядке была изменена граница возрастных групп: до 1 января 2019 г. включительно мужчины в возрасте 60 и более лет, женщины в возрасте 55 и более лет относились к возрастной группе старше трудоспособного возраста. С 1 января 2020 г. к этой группе стали относиться мужчины в возрасте 61 и более лет, женщины в возрасте 56 и более лет. В 2020 г. численность населения старше трудоспособного возраста составляла 36,6 млн человек. По сравнению с 2019 г. эта возрастная группа сократилась почти на 1,4 млн человек. Инициаторы данной реформы обосновывали необходимость ее проведения тем, что продолжительность жизни пожилых граждан выросла, а их здоровье улучшилось настолько, что они могли бы трудиться дольше и выходить на пенсию позже. Согласно данным обследования Росстата, проведенного в августе 2020 г., численность рабочей силы составила 75,3 млн человек, или 51% от общей численности населения страны: 70,5 млн человек были заняты в экономике и 4,8 млн человек были безработными. Занятость населения составила 97,3% к соответствующему периоду прошлого года, а безработица – 147,6% соответственно. В определенной степени на занятость повлияла пандемия COVID-19. При этом наиболее высокий уровень безработицы наблюдался среди предпенсионеров. Таким образом, цель пенсионной реформы по изменению соотношения между ресурсами Пенсионного фонда Российской Федерации и его обязательствами перед пенсионерами не была достигнута.

Россия относится к странам с низким уровнем дохода на душу населения. В этих условиях неотъемлемой частью жизни россиян пожилого возраста становится стратегия выживания. Следует отметить, что сокращение смертности, улучшение качества жизни людей этой категории определяется далеко не только качеством медицинской помощи. Существенное значение имеют здоровое питание, здоровые привычки, что зависит как от общей экономической ситуации, так и от материального благополучия граждан. Однако трудно говорить о предпосылках к долгой жизни в условиях падения реальных доходов населения, экономической нестабильности, международных санкций. Исследователи подчеркивают, что пандемия COVID-19 внесла существенные коррективы в рассмотрение динамики массовых заболеваний в XXI веке, поскольку этот период стал эпохой новых пандемий и стареющего населения. Для решения проблем, возникающих в связи со старением населения, важно исследовать как статические, так и динамические особенности старения населения.

При этом все большее число ученых рассматривают демографическое старение не только как угрозу, но и как новую возможность для развития. В этой связи стали говорить о втором демографическом дивиденде [4].

По мере старения населения широко распространяются мнения, что сокращение рабочей силы и снижение показателей поддержки приводят к замедлению экономического роста и бюджетной напряженности. Не учитывают возможность «второго демографического дивиденда», который может быть получен в условиях низкой рождаемости и увеличения продолжительности жизни. При соответствующих стратегиях это может вести к увеличению инвестиций и сбережений и, в конечном счете, к повышению производительности.

Хотя старение населения безусловно создает экономические проблемы, исследователи Р. Ли и А. Мейсон предположили, что дополнительный вклад в экономический рост после периода первого дивиденда, может внести «второй демографический дивиденд», который формируется в условиях низкой рождаемости и увеличения продолжительности жизни [5]. Рост продолжительности жизни может вести к увеличению человеческого капитала и физических инвестиций, что, в свою очередь, повышает производительность труда и доходы на душу населения. Это проблема была рассмотрена с точки зрения неоднородности массовых когорт пожилых и старых людей, в том числе при формировании «третьего» и «четвертого» возрастов, а также с позиций сохранения ресурсного потенциала старшего поколения.

Чтобы лучше понять экономические последствия двух демографических дивидендов, необходимо более внимательно изучить коэффициент экономической поддержки. При этом первый демографический дивиденд может быть выражен количественно как увеличение коэффициента экономической поддержки, второй демографический дивиденд быть выражен количественно не может. Реальный дивиденд долголетия может быть создан в результате эффектов второго порядка, обусловленных изменением поведения, структурными экономическими переменными, корректировкой институциональных договоренности и др. Действительно, второй демографический дивиденд не имеет четкой демаркации и зависит от инвестиций в человеческий капитал.

Список литературы и источников

1. *Рязанцев С. В., Рыбаковский Л. Л.* Демографическое развитие России в XX–XXI веках: историческое и геополитическое измерения // Вестник Российской Академии Наук. 2021. Т. 91. № 9. С. 810–819. DOI: <https://doi.org/10.31857/S0869587321090085>.
2. Ожидаемая продолжительность жизни в России в пандемию снизилась на 2 года // РБК. Газета. 11.03.2021. URL: <https://www.rbc.ru/economics/11/03/2021/604a3c099a7947c4afb996b7> (дата обращения 14.03.20).
3. Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2018 г. № 204 // Президент России [сайт]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/43027> (дата обращения 09.03.2021).
4. *Mejido M.* Harnessing the Second Demographic Dividend: Population Ageing and Social Protection in Asia and the Pacific. Social Development Working Papers. Bangkok: United Nations Economic and Social Commission for Asia and the Pacific (ESCAP), 2019. 75 p.
5. *Mason A., Lee R.* Reform and Support Systems for the Elderly in Developing Countries: Capturing the Second Demographic Dividend. *Genus*. 2006. Vol. 62. No. 2. Pp. 11–35.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО НЕРАВЕНСТВА ДОМОХОЗЯЙСТВ И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ

Дорофеев М. Л., кандидат экономических наук, доцент Департамента общественных финансов Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия, e-mail: dorofeevml@yandex.ru.

Аннотация. Область научных интересов на стыке экономического неравенства, бедности и устойчивого экономического роста можно назвать одной из наиболее приоритетных и актуальных в современных условиях в контексте достижения целей устойчивого развития ООН. В работе рассматриваются проблемы регулирования социально-экономического неравенства как фактора обеспечения устойчивого экономического роста.

Ключевые слова: экономическое неравенство, богатство, бедность, экономический рост, прогрессивное налогообложение, налоги, государственное регулирование.

CURRENT PROBLEMS OF REGULATING HOUSEHOLD ECONOMIC INEQUALITY AND THE WAYS TO THEIR SOLUTION

Dorofeev M. L., Candidate of Economic Sciences, Professor, Public Finance Department, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia, e-mail: dorofeevml@yandex.ru.

Abstract. The area of scientific interests at the intersection of economic inequality, poverty and sustainable economic growth can be called one of the most priority and relevant in modern conditions in the context of achieving the UN sustainable development goals. The work addresses the problems of regulating socio-economic inequality as a factor in ensuring sustainable economic growth.

Keywords: economic inequality, wealth, poverty, economic growth, progressive taxation, taxes, government regulation.

Под социально-экономическим неравенством понимают различия между отдельными лицами в группе, между группами населения или между странами по таким критериям как: (1) уровень жизни (проявляется в объеме расходов, которые тратятся на поддержание конкретного уровня жизни); (2) уровень доходов (как правило, речь идет про трудовые доходы и доходы от использования собственности, в т.ч. финансовых активов), (3) уровень богатства (накопления и сбережения, находящиеся в собственности и распоряжении домохозяйства) [1–3]. Считается, что из перечисленных составляющих социально-экономического неравенства домохозяйств особая роль принадлежит дифференциации общества по уровню доходов.

Существует много видов экономического неравенства, которые отражают различные аспекты этого явления. Это важно иметь ввиду, поскольку корректное измерение социально-экономического неравенства оказывает большое влияние на разработку государственной политики по его регулированию [4].

К показателям и относительным коэффициентам измерения экономического неравенства относят: индекс Джини, а также его вариации; кривую Лоренца как графическую иллюстрацию распределения доходов (богатства); децильный коэффициент фондов; анализ долей верхнего дециля или перцентилей домохозяйств по распределению национального дохода. Каждый из них имеет свои достоинства и недостатки, которые следует учитывать при оценке уровня и динамики социально-экономического неравенства [5].

Обзор научных дискуссий по причинам и драйверам динамики экономического неравенства указывает на то, что это комплексный и многофакторный процесс, поэтому

отдельные причины и драйверы не позволяют давать ему достаточно полное обоснование и характеристику [1–5; 6; 9; 10].

На долгосрочные изменения неравенства оказывает влияние совокупность политических, экономических и социальных шоков, приводящих к изменениям общественных настроений, ожиданий и поведения инвесторов, а также ответной реакции и соответствующих реформ регуляторов, что в целом изменяет настройку финансового механизма экономики и перераспределения национального дохода и приводит к перелому долгосрочного тренда в динамике неравенства [2].

Под настройкой финансового механизма экономики и перераспределения национального дохода мы имеем ввиду параметры экономической политики (налоговую и монетарную составляющие), а также другие условия (приоритеты государственных расходов), оказывающие влияние на темпы изменения доходов и богатства различных групп населения.

К часто упоминаемым причинам и драйверам экономического неравенства относят общие и частные причины, среди которых: изменения политического режима, технологический прогресс; финансиализация и глобализация мировой экономики; ослабление профсоюзов; трудовая миграция и прочее. Все факторы можно классифицировать по критериям первичности (внешние и внутренние шоки различного характера) и вторичности (реактивные действия регуляторов по перенастройке финансового механизма перераспределения доходов и богатства между группами населения) причин изменения социально-экономического неравенства, основную роль среди которых играют вторичные причины [1–5].

Долгосрочная динамика экономического неравенства и теории цикличности экономического обуславливают гипотезу цикличности изменения социально-экономического неравенства [7]. Наилучшим образом динамику неравенства по имеющимся данным за 120 лет позволяет описать теория инновационного Кондратьевского цикла. Данная теория хорошо дополняется концепцией циклического развития межстранового и внутристранового экономического неравенства, предложенной П. Тридикко, с соответствующими переключениями режимов международной кооперации и глобализации мировой экономики [6–8].

Исследование влияния экономического неравенства на темпы роста экономики показывает неоднозначные результаты. Теоретически неравенство может как положительно, так и отрицательно влиять на экономический рост. Около двух третей эмпирических исследований указывают на негативную зависимость, но с учетом оставшейся трети, общая картина не выглядит достаточно убедительной. Базы данных о неравенстве и росте продолжают наполняться информацией, а исследователи ищут более совершенные эконометрические подходы для корректной оценки данных явлений [2–5; 8–10].

Причиной, по которой в одних странах рост экономического неравенства положительно влияет на темпы экономического роста, а в других – отрицательно, может быть положение текущего уровня неравенства в стране относительно критического. Рост экономического неравенства при условии, что его исходный уровень выше 0,4, приводит к замедлению темпов экономического роста и наоборот. Максимальный темп роста экономики соответствует критическому уровню социально-экономического неравенства на уровне 0,4. Данная зависимость и концепция критического уровня неравенства, предложенная Всемирным банком [11], также представляется нам весьма полезной для дальнейших исследований.

Разработку эффективной государственной финансовой политики регулирования социально-экономического неравенства различных групп домохозяйств необходимо проводить, отталкиваясь от текущего уровня экономического неравенства, уровня развития страны и отдавать себе отчет, что разные группы домохозяйств чувствительны к разным комбинациям инструментов и методов регулирования. Практически для всех стран имеет значение уровень и качество государственного управления и коррупции. В странах со средним и низким уровнем качества государственного управления и высоким уровнем коррупции

бюджетная система не способна генерировать высокие бюджетные мультипликаторы и это снижает экономическую эффективность регулятора. Дополнительные налоги на богатых, собираемые в бюджет, могут быть частично разворованы и потрачены не самым эффективным образом, в т.ч. возвращены в руки богатых домохозяйств, контролирующей власть в стране через элементарные экономические схемы государственных закупок и заказов. В развивающихся странах в первую очередь следует сосредоточиться на выстраивании эффективной системы общественных институтов, решать проблему коррупции, ликвидации теневой экономики и заниматься ускорением экономического роста для первичного накоплением капитала и богатства, создавая условия для снижения коррупции, теневое сектора и возможностей избегания налогов.

Список литературы и источников

1. *Дорофеев М. Л.* Экономическое неравенство в России: проблемы и пути их решения // Вестник Государственного университета управления. 2020. № 9. С. 85–93. DOI: <https://doi.org/10.26425/1816-4277-2020-9-85-93>.
2. *Дорофеев М. Л.* Анализ причин долгосрочных изменений экономического неравенства в мировой экономике // Финансы: теория и практика. 2020. Т. 24. № 6. С.174–186. DOI: <https://doi.org/10.26794/2587-5671-2020-24-6-174-186>.
3. *Дорофеев М. Л.* Влияние монетарной политики на уровень экономического неравенства в США // Вестник МГИМО-Университета. 2020. Т. 13. № 5. С. 97–114. DOI: [10.24833/2071-8160-2020-5-74-97-114](https://doi.org/10.24833/2071-8160-2020-5-74-97-114).
4. *Капелюшников Р. И.* Неравенство: как не примитивизировать проблему // Вопросы экономики. 2017. № 4. С.117–139. DOI: <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2017-4-117-139>.
5. *Лившиц В. Н., Лившиц С. В.* Бедность и неравенство доходов населения в России и за рубежом. Часть 1 // Экономическая наука современной России. 2017. №3 (78). С. 70–86.
6. *Alvaredo F., Chancel L., Piketty T., Saez E., Zucman G.* World inequality report 2018. Paris: World Inequality Lab; Paris School of Economics, 2018. 296 p.
7. *Kuznets S.* Economic growth and income inequality. The American Economic Review. 1955. Vol. 45. No. 1. Pp. 1–28.
8. *Perez C.* Technological Revolutions and Financial Capital: The Bubbles and Dynamics of Golden Ages. Northampton, UK: Edward Elgar Publishing, Inc., 2002. 198 p. ISBN: 1 84064 922 4.
9. *Piketty T.* Capital in the Twenty-First Century. Cambridge, MA: Belknap Press, 2014. 816 p. ISBN: 9780674979857.
10. *Tridico P.* Inequality in Financial Capitalism. London: Routledge, 2017. 252 p. DOI: <https://doi.org/10.4324/9781315672083>.
11. World Development Report 2006: Equity and Development. Washington, DC: World Bank, 2005. 320 p. DOI: <https://doi.org/10.1596/978-0-8213-6249-5>.

АНАЛИЗ ПОМЕСЯЧНОЙ ДИНАМИКИ СМЕРТНОСТИ В МОСКВЕ И САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ В ПЕРИОД ПАНДЕМИИ COVID-19

Землянова Е. В., кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник, Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия, e-mail: zem_lena@mail.ru.

***Аннотация.** Столицы и мегаполисы во всем мире стали центрами повышенного риска в период пандемии COVID-19. В России основной удар пандемии приняли на себя Москва и Санкт-Петербург. Помимо избыточных смертей от коронавируса, существенно возросла смертность от болезней системы кровообращения как из-за снижения доступности кардиологической помощи, так и из-за осложнений COVID-19.*

***Ключевые слова.** COVID-19; столицы и мегаполисы; смертность; болезни системы кровообращения.*

ANALYSIS OF MONTHLY MORTALITY DYNAMICS IN MOSCOW AND ST. PETERSBURG DURING COVID-19 PANDEMIC

Zemlyanova E. V., Candidate of Economic Sciences, Leading Researcher, Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia, e-mail: zem_lena@mail.ru.

***Abstract.** All over the world capitals and megalopolises became centers of increased risk during COVID-19 pandemic. In Russia, Moscow and St. Petersburg took the brunt of the pandemic. In addition to excess deaths from coronavirus, mortality from diseases of the circulatory system has increased significantly, both due to a decrease in the availability of cardiological care and due to complications of COVID-19.*

***Keywords.** COVID-19; capitals and megalopolises; mortality; diseases of the circulatory system.*

Пандемия COVID-19 привела к высоким уровням избыточной смертности по всему миру. Безусловно, крупные города и, в частности, столицы лучше остальной части стран оснащены для противодействия COVID-19, поскольку располагают более развитыми и хорошо оборудованными лечебными учреждениями. В то же время именно жители крупных городов и столиц, которые одновременно являются центрами экономической и инновационной активности и, как следствие, центрами притяжения миграционных потоков, подвергаются повышенному риску распространения вируса из-за близких контактов и сложностей обеспечения социального, а вернее, физического дистанцирования. Высокая концентрация населения в городах делает их уязвимыми к различным стрессовым воздействиям, как природным, так и техногенным катастрофам [1]. Собственно, COVID-19 и явился такой катастрофой.

Цель исследования – проанализировать месячную динамику смертности в двух крупнейших городах России и оценить воздействие пандемии на рост числа умерших по причинам смерти.

Материалы и методы. Используются оперативные данные Росстата о месячной динамике родившихся и умерших, в том числе от COVID-19 и других причин за 2020- 2021 гг. по Москве, Санкт-Петербургу и в целом по России [2].

Результаты. В 2020 г. общая смертность в России возросла по сравнению с 2019 г. на 19,2% – с 12,3 до 14,6 на 1000 населения. На фоне роста показателей смертности снизилась рождаемость с 10,1 до 9,8 на 1000 населения и усилилась депопуляция. Естественная убыль

населения составила в 2020 г. -4,8 на 1000 населения по сравнению с -2,2 на 1000 населения в 2019 г.

Столь существенный рост смертности был обусловлен не только смертями от ковида, но и ростом числа смертей от других причин. Согласно данным Росстата, доля смертей, вызванных COVID-19, в общем числе смертей, произошедших в 2020 г. составила 6,8% или 144 691 потерянных жизней.

Общее число смертей от болезней системы кровообращения выросло в России на 4,0% (рис. 1). Из числа умерших от всех основных причин в данном классе болезней также выросли следующие показатели: от ишемической болезни сердца – на 15,0%, от цереброваскулярных болезней – на 6,9%, от острых нарушений мозгового кровообращения – на 4,5%. Существенный рост чисел умерших наблюдался в классе болезней органов дыхания (на 63,1%, или 37 351 дополнительных случаев смерти). Также отмечался рост числа умерших от болезней органов пищеварения, неточно обозначенных состояний и других причин. Незначительное снижение числа смертей отмечено только в классе новообразований (рис. 1).

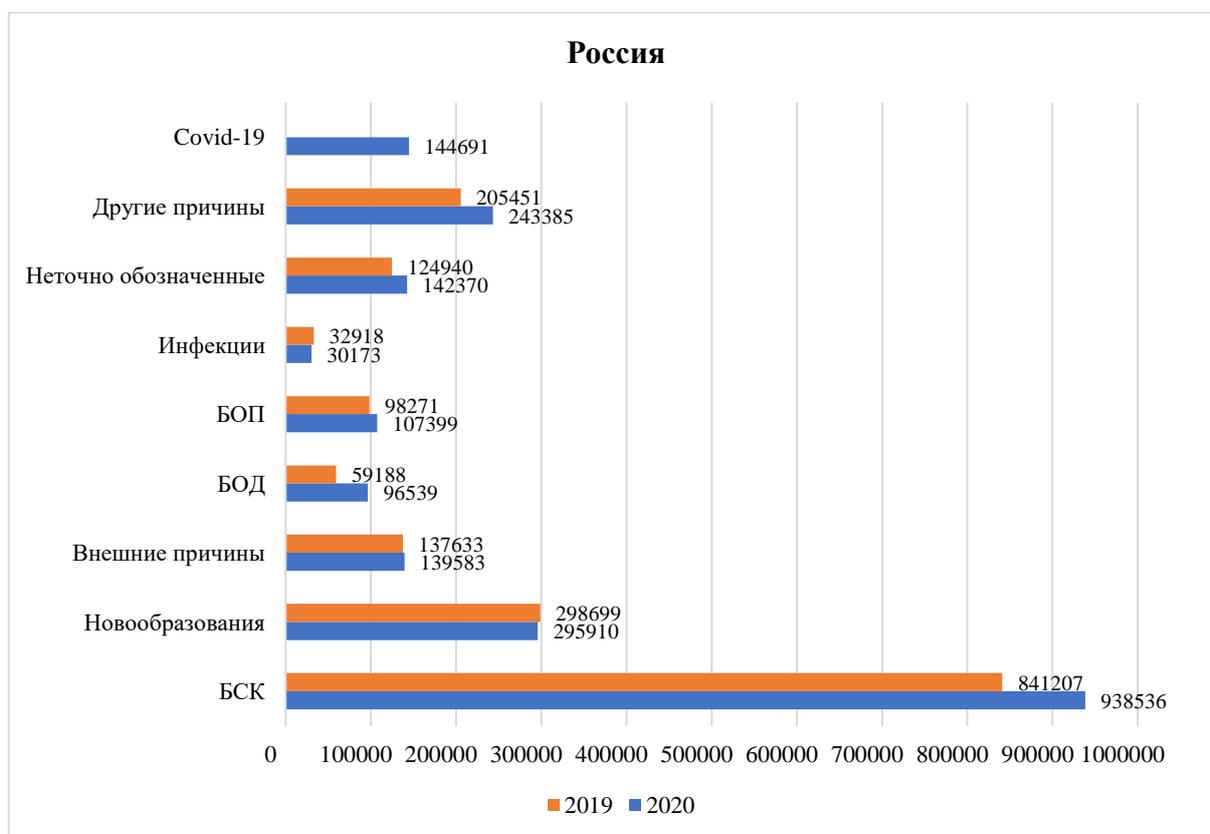

Рис.1. Сравнение чисел умерших по классам причин смерти в 2019 и 2020 гг. в России
 Источник: данные Росстата [2]

Москва как столица и крупнейший город Российской Федерации в наибольшей степени пострадала от пандемии. Общее число смертей в столице в 2020 г. по сравнению с 2019 г. возросло почти на четверть – на 24,7% (или дополнительно 29 783 умерших). Из них 64,5% пришлось на смерти, вызванные COVID-19. Среди остальных причин наибольшая доля избыточных смертей приходится на болезни системы кровообращения – прирост числа умерших от данного класса причин составил 5,5% или на 3 436 случаев смерти. На 13,5% выросла смертность от внешних причин, на 5,4% – от болезней органов пищеварения. Очень существенно выросла смертность от других причин (на 75,5%). В то же время почти на четверть снизилась смертность от неточно обозначенных состояний, незначительное снижение смертности отмечено от новообразований и инфекций (рис.2).

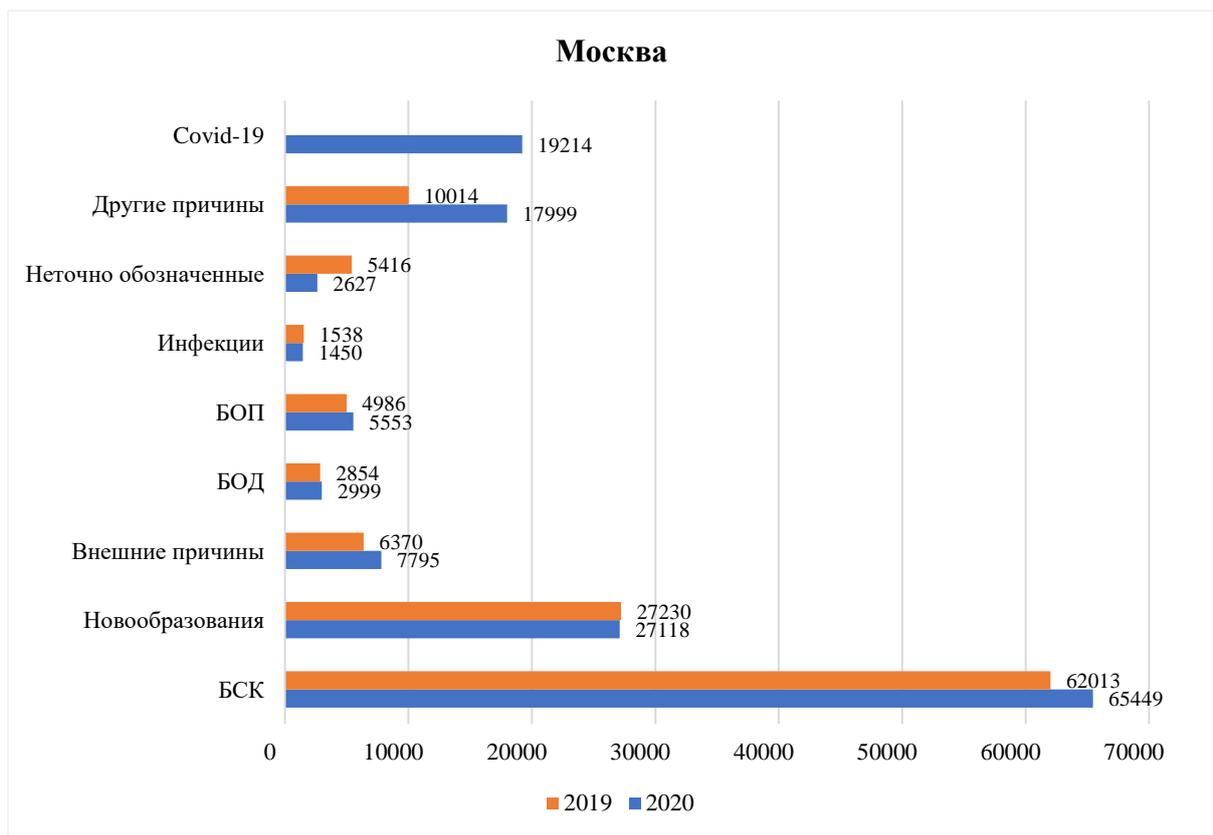

Рис. 2. Сравнение чисел умерших по классам причин смерти в 2019 и 2020 гг. в Москве
 Источник: данные Росстата [2]

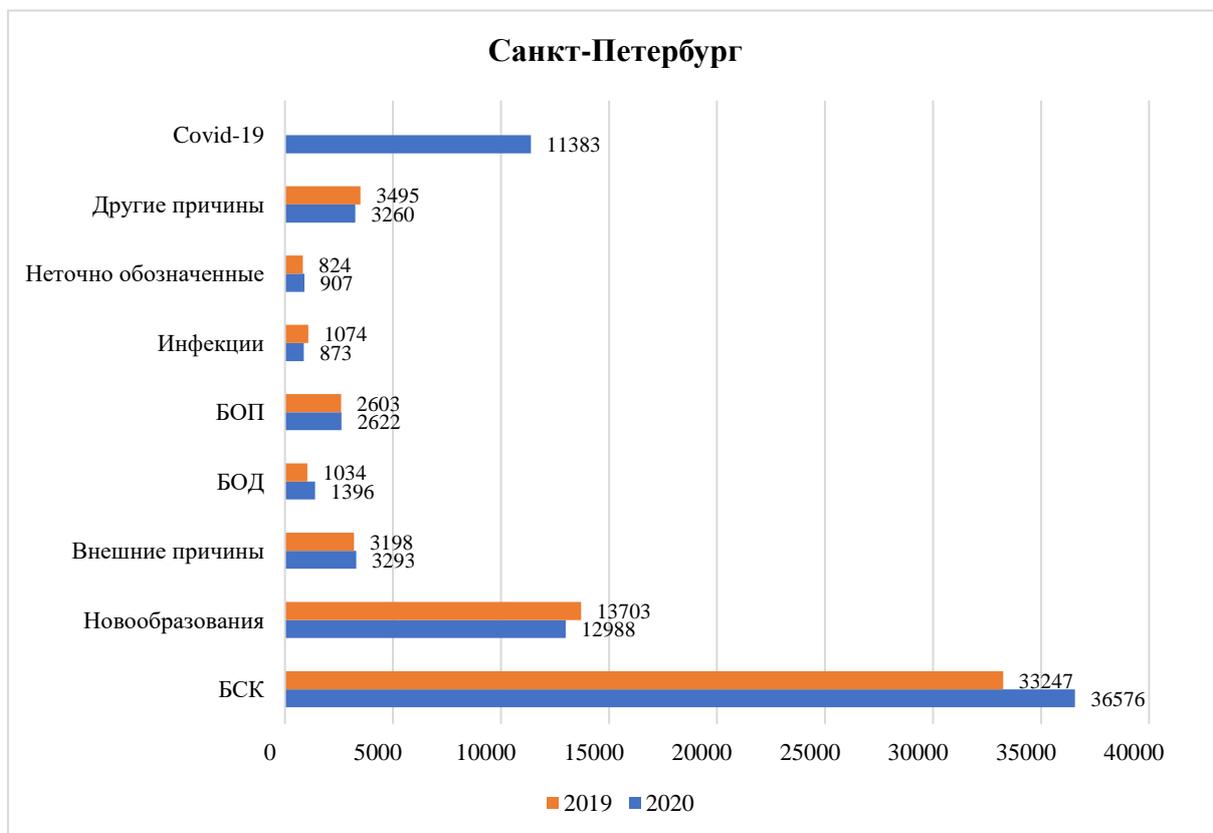

Рис. 3. Сравнение чисел умерших по классам причин смерти в 2019 и 2020 гг. в Санкт-Петербурге
 Источник: данные Росстата [2]

В Санкт-Петербурге общее число смертей в 2020 г. по сравнению с 2019 г. возросло на 23,9% (или дополнительно 14 120 умерших). Из них 80,6% пришлось на смерти, вызванные COVID-19. Так же, как и в Москве среди остальных причин подавляющее число дополнительных смертей на болезни системы кровообращения – 3329 случаев. При этом прирост случаев смерти от БСК в Санкт-Петербурге в 2020 г. перекрыл снижение смертности от новообразований, инфекций и других причин (рис. 3).

На рисунке 4 представлена помесечная динамика абсолютных чисел умерших в Москве, Санкт-Петербурге и России в целом.

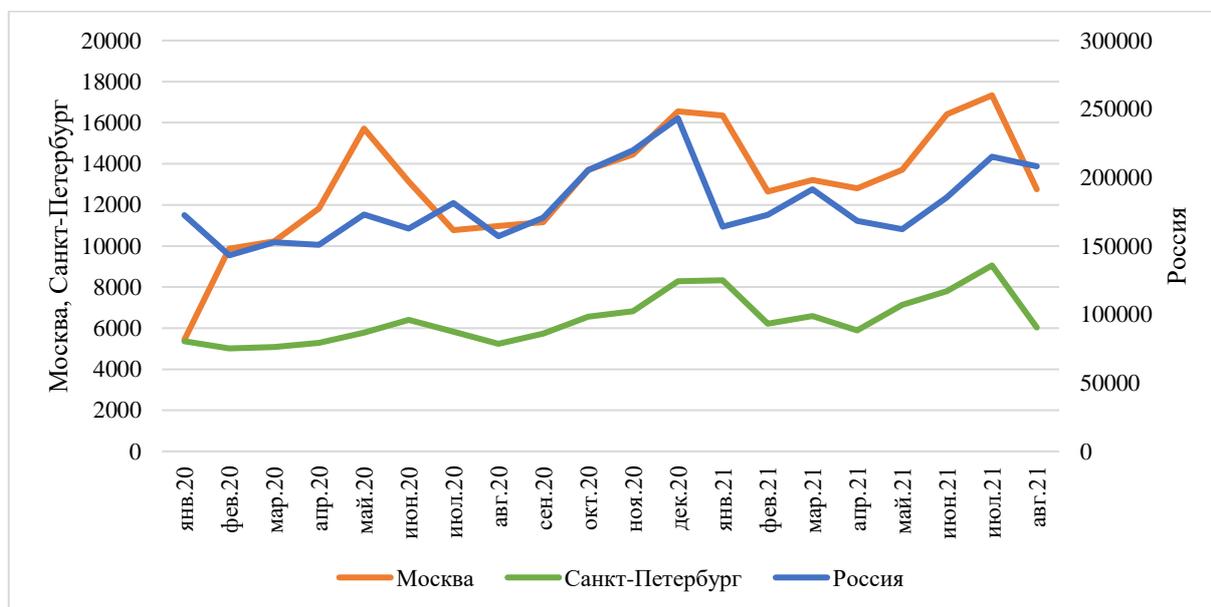
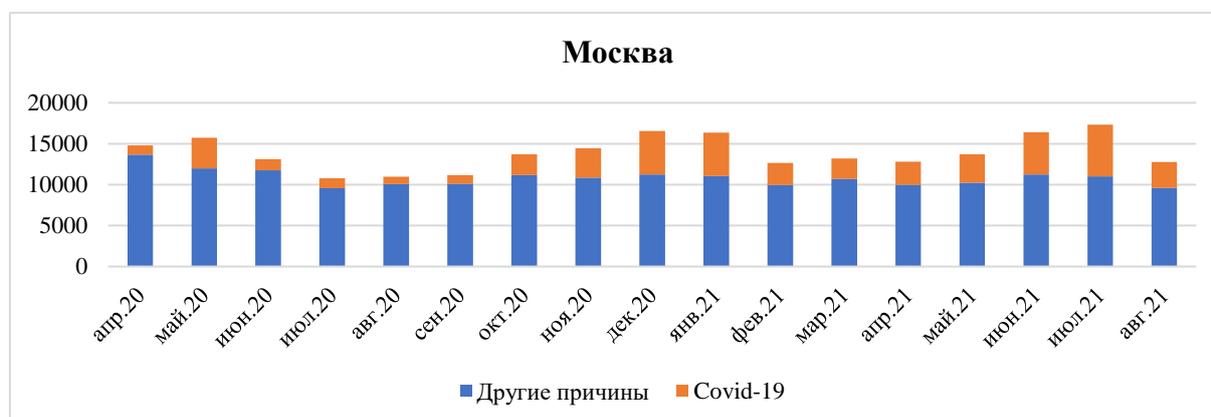

Рис. 4. Сравнение помесечной динамики числа смертей в Москве, Санкт-Петербурге и России с января 2020 г. по август 2021 г.

Источник: данные Росстата [2]

Как видно на представленных графиках, в целом характер динамики чисел умерших за период с января 2020 г. по август 2021 г. совпала, однако в Москве в апреле-июне 2020 г. наблюдался «взрывной» рост числа смертей на фоне относительно плавного прироста в Санкт-Петербурге и России в целом.

В значительной степени избыточная смертность, как в Москве и Санкт-Петербурге, так и в целом по России была вызвана потерями от коронавирусной инфекции (рис. 5–7). В них мы включаем потери от COVID-19 (как основной причины смерти) и потери, когда COVID-19 не являлся основной причиной смерти, но оказал существенное влияние на развитие смертельных осложнений заболевания.

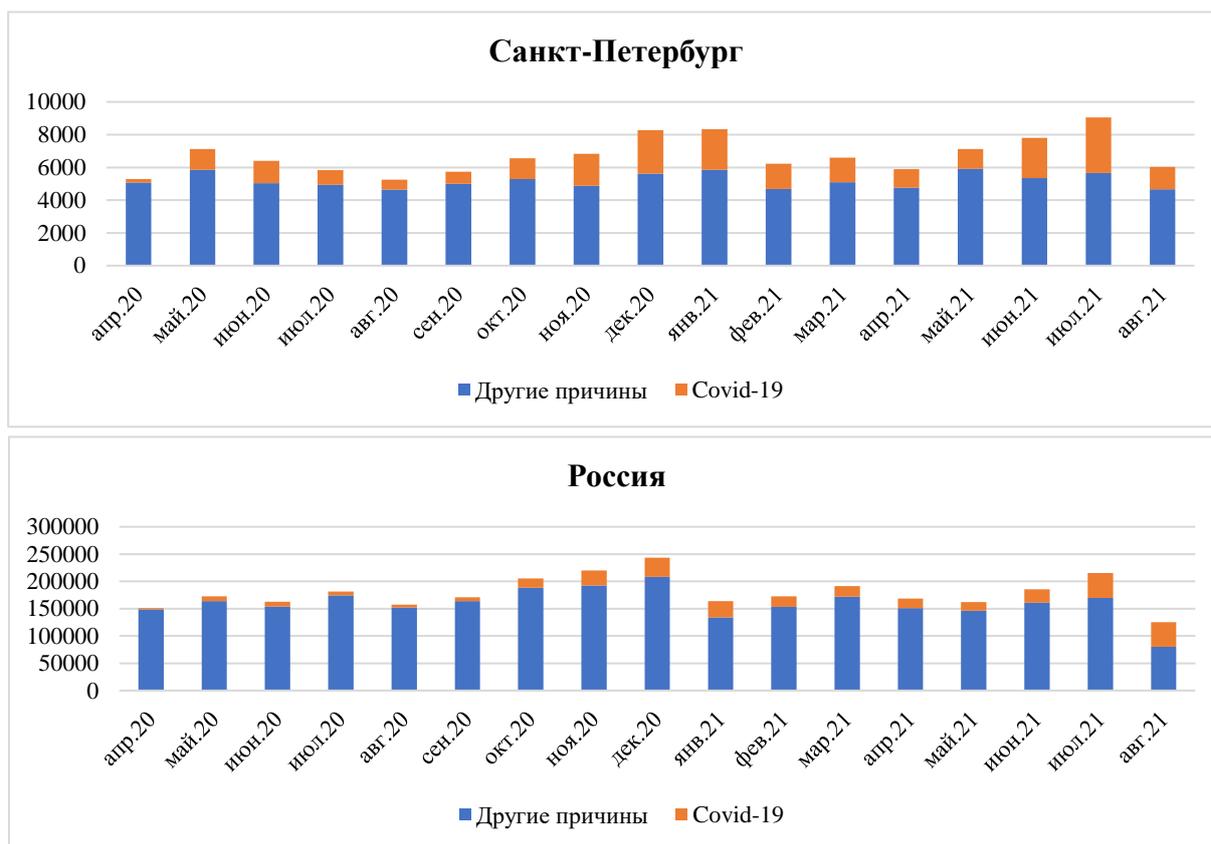

Рис. 5–7. Помесячная динамика структуры смертности в Москве, Санкт-Петербурге и России за весь период пандемии с апреля 2020 г. по август 2021 г.

Источник: данные Росстата [2]

Как уже говорилось выше, высокая плотность населения, наличие крупных аэропортов и железнодорожных узлов, загруженность системы общественного транспорта, миграционная нагрузка и другие особенности и проблемы мегаполисов привели к тому, что именно Москва и Санкт-Петербург приняли на себя основной удар пандемии в России. Так, если по стране в целом доля коронавирусной инфекции в структуре смертности составляла в разные месяцы от 1,4% до 21,2%, то в столице эти показатели оказались значительно серьезнее – от 8,1% до 36,6%. В Санкт-Петербурге разброс доли умерших от COVID-19 составлял за весь период наблюдения от 4,1% до 37,5%. Причем максимальные значения по всей территории России и в столицах отмечены в июле 2021 г.

При сравнении месячного числа смертей от COVID-19 с числом избыточных смертей по сравнению аналогичными периодами предыдущего года оказывается, что в Москве и Санкт-Петербурге доля коронавирусной инфекции в дополнительных потерях составляла в разные месяцы от 40% до 98%, в то время как в России в целом – от 22% до 65%.

Обсуждение. Ситуация, сложившаяся с избыточной смертностью в Москве и Санкт-Петербурге, не является уникальной. С этой проблемой столкнулись многие страны и столичные города и крупные мегаполисы. Введение локдауна повлекло за собой неблагоприятные последствия для здоровья населения (снижение физической активности, частоты сердечных сокращений и качества сна, но увеличение продолжительности сна), что было показано в статье китайских ученых по ситуации в Ухане и четырех ближайших столичных городах [3].

Во время пандемии COVID-19 смертность от болезней системы кровообращения возросла во всех крупных городах Бразилии [4], избыточное число смертей, не связанных с COVID-19, и от сердечно-сосудистых заболеваний было зарегистрировано в Великобритании

[5]. Существенное снижение деятельности кардиологической службы в период пандемии вероятно внесло ощутимый вклад в негативные косвенные ее последствия.

Заключение. Москва впервые за многие годы в 2020 г. зафиксировала естественную убыль населения, в Санкт-Петербурге наметившая в 2019 г. тенденция естественной убыли населения существенно усилилась, да и в целом по стране потери значительно увеличились. Судя по первому полугодю 2021 г., проблема не только сохранится, но и усугубится. Источником естественной убыли оказалось, прежде всего, увеличение числа умерших, и в меньшей степени – падение числа рождений. Наряду с умершими от COVID-19 как первоначальной причины, выросла смертность практически от всех причин (кроме новообразований), в том числе и за счет тех случаев, когда COVID-19 явился сопутствующим заболеванием. Значимо возросла смертность от болезней системы кровообращения – как из-за сниженной доступности кардиологической помощи, так и из-за осложнений COVID-19. Поскольку медицинская помощь в условиях пандемии оказалась вынужденно ограничена для лиц с другими заболеваниями, можно ожидать, что последствия этого будут влиять на масштабы и характер смертности в будущем.

Список литературы и источников

1. *Sharifi A., Khavarian-Garmsir A. R.* The COVID-19 Pandemic: Impacts on Cities and Major Lessons for Urban Planning, Design, and Management. *The Science of the Total Environment*. 2020. Vol. 749. Article No.142391. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.scitotenv.2020.142391>
2. Естественное движение населения в разрезе субъектов Российской Федерации // Федеральная служба государственной статистики [сайт]. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/edn08_2021.htm (дата обращения: 11.10.2021).
3. *Li J. W., Guo Y. T., Di Tanna G. L., Neal B., Chen Y. D., Schutte A. E.* Vital Signs During the COVID-19 Outbreak: A Retrospective Analysis of 19,960 Participants in Wuhan and Four Nearby Capital Cities in China. *Global Heart*. 2021. Vol. 16. No. 1. P. 47. DOI: <https://doi.org/10.5334/gh.913>.
4. *Brant L. C. C., Nascimento B. R., Teixeira R., et al.* Excess of Cardiovascular Deaths During the COVID-19 Pandemic in Brazilian Capital Cities. *Heart*. 2020. Vol. 106. Pp. 1898–1905. DOI: <https://doi.org/10.1136/heartjnl-2020-317663>.
5. *Ball S., Banerjee A., Berry C., et al.* Monitoring indirect impact of COVID-19 pandemic on services for cardiovascular diseases in the UK. *Heart*. 2020. Vol. 106. No. 24. Pp. 1890–1897. DOI: <https://doi.org/10.1136/heartjnl-2020-317870>.

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ДИНАМИКИ ПРИЧИН НАСИЛЬСТВЕННОЙ СМЕРТНОСТИ (НА ПРИМЕРЕ НОВГОРОДСКОЙ ОБЛАСТИ)

Лисицин В. И., кандидат медицинских наук, доцент, доцент кафедры общественного здоровья, здравоохранения и общей гигиены Новгородского государственного университета имени Ярослава Мудрого, Великий Новгород, Россия, e-mail: novgor57@mail.ru.

***Аннотация.** Представлен анализ общих и стандартизованных показателей насильственной смертности, остающейся ведущей причиной общей смертности в одном из регионов Северо-Западного Федерального округа – Новгородской области. Дальнейшее снижение уровня насильственной смертности может быть достигнуто повсеместным созданием травмобезопасной среды, снижением криминализации общества, социальной напряженности, воспитания травмобезопасного поведения всех членов общества, совершенствования системы оказания экстренной помощи при травмах и отравлениях.*

***Ключевые слова:** насильственная смертность; общие и стандартизованные показатели насильственной смертности; динамика показателей смертности; причины насильственной смертности.*

REGIONAL TRENDS IN CAUSES OF VIOLENT DEATHS (A CASE STUDY OF THE NOVGOROD REGION)

Lisitsin V. I., Candidate of Medical Sciences, Docent, Associate Professor, Department for Public Health and General Hygiene, Yaroslav-the-Wise Novgorod State University, Velikiy Novgorod, Russia, e-mail: novgor57@mail.ru.

***Abstract.** This article presents the analysis of general and standardized violent death rate which is the major element of overall mortality rate in one of the regions of Northwestern Federal District – the Novgorod Region. A significant reduction in violent death rate can be achieved due to widespread organization of injury prevention environment, reducing the criminalization of society and social tensions, educating the proper behavior of all members of society, and improving the system of emergency care for injuries and poisonings.*

***Keywords:** violent death rate, general and standardized violent death rate, death rate dynamics, causes of violent deaths.*

Актуальной задачей анализа современного экономического и социального состояния Российской Федерации продолжает оставаться изучение состояния общественного здоровья населения и, прежде всего, его важнейшего критерия – смертности, которая является одним из наиболее надежных и достоверных показателей, поскольку регистрируются практически все случаи [1; 2]. В Новгородской области (НО), как и в Российской Федерации (РФ) в целом сформировался тренд снижения как общего уровня смертности населения, так и отдельных ее причин. Благоприятные тенденции связаны со стабилизацией социально-экономической ситуации в России в начале текущего столетия, а также с формированием новой политики охраны здоровья населения на федеральном и региональном уровнях [3–6]. Повышает актуальность дальнейших исследований всех аспектов смертности то обстоятельство, что как показатель общей смертности, так и уровни смертности от основных причин в НО продолжают оставаться высокими и превышают соответствующие показатели как в целом по РФ, так и по Северо-Западному Федеральному округу (СЗФО), которые намного выше европейских стран [7; 8]. Проблема насильственной смерти (от внешних причин), имеющей высокий удельный вес в структуре смертности населения продолжает оставаться актуальной и во втором десятилетии нового века.

Для характеристики насильственной смертности в НО использовались данные государственной статистики. Анализ проводился на основе данных за 2000–2019 гг. [6]. Причины смерти даны в полном соответствии с Международной статистической классификации болезней и проблем, связанных со здоровьем, десятого пересмотра (МКБ-10) [9]. Все статистические показатели (коэффициенты) рассчитаны на 100 тыс. населения. Общие и стандартизованные коэффициенты насильственной смертности даны в сравнении с соответствующими показателями за аналогичный период по РФ в целом и СЗФО.

Насильственная смертность (НС) – включающая травмы, отравления, ожоги, убийства, самоубийства – существенно отличается от причин смертности от заболеваний тем, что возможность снижения уровня насильственных причин определяется не только состоянием системы здравоохранения, но и социально-экономическим, морально-правовым, техническим развитием страны [4].

Уровень данной причины смертности в РФ превышает показатели европейских стран, где ею обусловлено 6%–8% общей смертности (для обоих полов), причем этот показатель отличается высокой стабильностью. Проигрывает Россия не только благополучным странам Западной Европы, но и странам Центральной и Восточной Европы, а также бывшим республикам Советского Союза [10].

При ретроспективном анализе динамики показателей насильственной смертности отмечается изменение ее уровней по годам. В первый год нового века рост показателя НС, начавшийся в 1999 г., продолжился. Максимальный уровень зарегистрирован в РФ и СЗФО в 2002 г. (237,4 и 262,3 на 100 тыс. населения соответственно), а в НО максимум отмечен в 2003 г. – 338,1 на 100 тыс. Уровень в НО выше на 29,8% российского показателя и на 22,4% – показателя по СЗФО. Среди мужского (579,9 на 100 тыс. мужчин) и женского (140,8 на 100 тыс. женщин) населения в этом году был также зарегистрирован максимальный уровень НС, который в НО превышал аналогичные показатели, как по РФ (в 1,5 раза – у мужчин и в 1,4 раза – у женщин), так и по СЗФО (в 1,3 раза – у мужчин и в 1,2 раза – у женщин).

2004 г. оказался первым годом отчетливых позитивных сдвигов снижения НС во всех изучаемых регионах, который сохранился в течение всего исследуемого периода. Позитивные сдвиги 2004 г. получили дальнейшее развитие, что привело к снижению НС во всех изучаемых регионах.

Однако данный процесс в изучаемых регионах проходит с неодинаковой интенсивностью: в НО идет медленнее, чем и в РФ в целом, и в СЗФО.

При устойчиво сохраняющемся тренде снижения насильственной смертности в 2019 г. она достигла уровня 93,8 в РФ и 91,0 на 100 тыс. населения в СЗФО, обусловив от 7,3 до 7,6% всех причин смерти населения.

Уровень смертности в 2019 г. в области снизился до 116,0 на 100 тыс. населения, однако он остается на 27,5% и на 23,6% выше по сравнению с СЗФО и РФ соответственно. За все время наблюдения смертность в НО превышала таковые показатели по РФ в целом и по СЗФО.

Стандартизованные коэффициенты также демонстрируют значительное превышение насильственной смертности в НО, несмотря на сформировавшийся тренд снижения во всех изучаемых регионах.

Снижается и вклад насильственной смертности в общую смертность, однако в области он незначительно отличается (в сторону уменьшения) от сравниваемых регионов (таблица 1).

Таблица 1.

Вклад насильственной смертности в общую смертность населения субъектов Российской Федерации в 2003-2019 гг.

	2003		2010		2015		2019	
	на 100 тыс.	%	на 100 тыс.	%	на 100 тыс.	%	на 100 тыс.	%
НО	338,1	14,4	207,8	10,4	155,5	8,9	116,0	7,1

СЗФО	262,3	14,2	156,3	10,5	120,6	9,0	91,0	7,3
РФ (2002 г.)	237,4	14,5	151,8	10,7	121,3	9,3	93,8	7,6

Из всех ведущих причин смертности, НС является единственной, которая имеет выраженную тенденцию снижения на протяжении последних пятнадцати лет. Это свидетельствует об определенной стабилизации социально-экономической обстановки в современном российском обществе.

Однако и при таких изменениях, область остается одним из анти-лидеров в СЗФО (вместе с Ненецким автономным округом и Псковской областью) по насильственной смертности [6].

Начиная с 2000 г. НС среди мужчин занимает стабильно второе место после болезней системы кровообращения (БСК), однако в 2017 г. она переместилась на третье место после БСК и злокачественных новообразований (ЗН). В женской популяции на протяжении всего исследуемого периода НС стабильно занимала третье место после БСК и ЗН.

В 2019 г. произошло сокращение и уровней смертности как среди мужского, так и среди женского населения (соответственно до 192,8 и 47,7 на 100 тыс. населения соответствующего пола). Мужская смертность в четыре раза превышает женскую. Стандартизованные коэффициенты насильственной смертности наглядно показывают значительное превышение смертности в мужской популяции над смертностью в женской популяции за весь период наблюдения (таблица 2).

Таблица 2.

Изменение вклада ведущих причин в насильственную смертность населения

	2000		2010		2015		2019	
	на 100 тыс.	%						
мужчины								
насильственная смертность	513,2	100,0	356,3	100,0	265,3	100,0	198,2	100,0
случайное отравление и воздействие алкоголем	59,9	11,7	37,3	10,5	36,7	13,8	23,6	11,9
транспортные несчастные случаи	70,2	13,7	59,5	16,7	40,6	15,3	22,5	11,4
самоубийство (преднамеренное самоповреждение)	95,1	18,5	53,5	15,0	48,5	18,3	33,9	17,1
убийства (нападение)	51,6	10,0	30,6	8,6	20,8	7,8	12,9	6,5
повреждение с неопределенными намерениями	63,1	12,3	18,3	5,1	22,6	8,5	20,6	10,4
падения	24,5	4,8	26,0	7,3	13,7	5,2	11,8	6,0
случайное утопление	33,2	6,5	40,8	11,5	18,3	7,0	16,9	8,5
воздействие дыма, огня, и пламени	26,4	5,1	12,6	3,5	10,4	3,9	9,2	4,6
женщины								
насильственная смертность	113,5	100,0	88,9	100,0	65,2	100,0	47,7	100,0
случайное отравление и воздействие алкоголем	14,9	13,1	8,3	9,3	7,0	10,7	4,3	9,0

транспортные несчастные случаи	23,7	20,9	16,1	18,1	14,1	21,6	7,6	15,9
самоубийство (преднамеренное самоповреждение)	11,8	10,4	9,5	10,7	6,5	9,9	3,3	6,9
убийства (нападение)	16,2	14,3	10,3	11,6	7,0	10,7	4,9	10,3
повреждение с неопределенными намерениями	14,7	13,0	4,9	5,5	5,6	8,6	3,9	8,2
падения	4,4	3,9	3,2	3,6	7,6	11,7	3,9	8,2
случайное утопление	6,4	5,6	7,5	8,4	1,5	2,3	3,6	7,5
воздействие дыма, огня, и пламени	5,7	5,0	7,5	8,4	5,3	8,1	3,6	7,5

В течение исследуемого двадцатилетия среди населения трудоспособного возраста НС стабильно занимает второе место после БСК, но в мужской и женской популяциях отмечены некоторые различия: у мужчин указанная причина на стабильном втором месте, даже при уменьшении ее уровня от 620,0 в 2000 г. до 233,9 на 100 тыс. в 2019 г. – снижение в 2,6 раза; у женщин до 2019 г. – второе место, в этот год НС переместилась на третье место. Также ее уровень снизился в 2,5 раза с 115,0 до 44,9 на 100 тыс. населения. Следует отметить, что за весь исследуемый период уровень смертности в мужской популяции превышал уровень в женской в 5,3 раза в 2000 г., и в 5,1 – в 2019 г.

Анализ материала выявил значимые причины, определяющие картину насильственной смертности: транспортные несчастные случаи, самоубийство (преднамеренное самоповреждение), случайное отравление и воздействие алкоголем, убийство (нападение), на долю которых приходится более 65% случаев. Динамика данных показателей у мужского и женского населения НО в изучаемые годы весьма изменчива и характеризуется определенными различиями. Все названные причины имеют ярко выраженную тенденцию к снижению уровней (таблица 2).

За весь рассматриваемый период уровни показателей всех ведущих причин насильственной смерти в НО превышали значения соответствующих показателей по РФ в целом и в СЗФО.

Самоубийство (преднамеренное самоповреждение). В течение исследуемого периода в мужской популяции занимает I–II ранговое место с изменением вклада данной причины в общую насильственную смертность: от 18,5% в 2000 г. до 17,1% в 2019 г. Уровень показателя уменьшился в 2,8 раза (95,1 и 33,9 на 100 тыс. населения). Среди женщин самоубийства не входят в ведущую причину НС, занимая пятое место (2000 г.) и шестое – в 2019 г. Вклад данной причины составил: максимальный в 2010 г. – 10,7%, минимальный – 6,9% в 2019 г. Уровень самоубийств в 2019 г. у мужчин в 10,2 раза выше, чем у женщин (33,9 и 3,3 на 100 тыс. населения соответствующего пола).

Транспортные несчастные случаи – ведущая причина смерти среди женщин. При сложившемся тренде сокращения уровня (в 3,1 раза), в течение всего периода наблюдения занимает первое место. Максимум вклада достиг в 2015 г. – 21,6%. У мужчин данная причина в 2019 г. переместилась на третье место. Отмечено выраженное снижение уровня с 70,2 в 2000 г. до 22,5 в 2019 г. на 100 тыс. населения. В мужской и женской популяции отмечен неодинаковый вклад в общую НС – максимальные значения 16,7% и 21,6%, минимальные – 11,4% и 15,9% соответственно.

Убийство (нападение) – вторая по значимости причина НС в женской популяции и шестая – в мужской (2019 г.) В обеих группах сформировался устойчивый тренд снижения уровня показателя, однако, если у мужчин произошло снижение в 4 раза, то у женщин – в 3,3 раза. Различен и вклад убийств в общую насильственную смертность: среди мужчин – 10% и 6,5%, среди женщин – 14,3% и 10,3%. Если самоубийства (преднамеренное самоповреждение)

входят в число ведущих причин смерти населения большинства цивилизованных государств, то высокий уровень смертности от убийств – чисто российская черта [11].

Случайное отравление и воздействие алкоголем остается значимым как в структуре мужской и женской НС. Анализ данных показал значительное превышение уровня смертности – в 4 раза в 2000 г. и в 5,4 – в 2019 г. мужчин. Вклад причины в общую насильственную смертность у лиц мужского пола выше, чем у женщин – от 13,8% до 10,5% и от 13,1% до 9% соответственно.

НО отнесена к ареалу максимального неблагополучия по алкогольной смертности [12]. Следует подчеркнуть, что смертность от случайных отравлений алкоголем является главным индикатором проблемы алкоголизации российского населения, вершиной айсберга.

Повреждения с неопределенными намерениями имеют выраженные гендерные различия. И в мужской и женской популяции «пик» уровня и вклада в общую НС отмечен в 2000 г. 63,1 (12,3%) и 14,7 (13%) на 100 тыс. соответствующего населения (в 4,3 раза больше), после чего уровень и вклад менялся, не имея четких тенденций динамики. Такое обозначение причины смерти маскирует истинный уровень насильственной смертности.

Падения; случайное утопление; воздействие дыма, огня и пламени занимают 5–8 места в общей структуре мужской и женской НС. Однако в определенные годы данные причины демонстрировали рост. В 2010 г. случайное утопление у мужчин имело третье место (40,8 на 100 тыс.), вклад составил 11,5%. В женской популяции в 2015 г. падение оказалось на втором месте – 7,6 на 100 тыс., вклад – 11,7%.

Проведенное исследование позволило выявить специфические черты насильственной смертности населения Новгородской области, отличающиеся по выраженности от общероссийской, и от региональной, и характеризующиеся высокими уровнями транспортной и суицидальной компонент. Поэтому выбор приоритетных направлений в разработке комплексных программ снижения насильственной смертности на региональном уровне должен учитывать выявленные специфические особенности.

Список литературы и источников

1. *Вайсман Д. Ш.* Использование международной классификации болезней в практике врача. – Тула: Гриф и К; 2007. – 152 с.
2. *Комаров Ю. М.* Концептуальные основы совершенствования медицинской статистики в стране // Совершенствование статистики здоровья и здравоохранения в Российской Федерации: Материалы 6-й ежегодной российской науч.-практич. конфер. НПО «МедСоцЭкономИнформ». – М., 1999. – С. 16–25.
3. *Здоровье населения региона и приоритеты здравоохранения / под ред. акад. РАМН, проф. О.П. Щепина, чл.-корр. РАМН, проф. В. А. Медика.* – М.: ГЭОТАР-Медиа, 2010. – 384 с. ISBN: 97875797047171276.
4. *Милле Ф., Школьников В. М., Эртриш В., Валлен Ж.* Современные тенденции смертности по причинам смерти в России 1965–1994. Serie: Données Statistiques, 2, INED, Paris, 1996.
5. *Иванова А. Е., Семенова В. Г., Сабгайда Т. П., Евдокушкина Г. Н.* Проблемы и резервы снижения смертности в Липецкой области // Социальные аспекты здоровья населения. 2008. № 1 (5). С. 7.
6. *Статистический ежегодник Новгородской области: статистический сборник / Федеральная служба гос. статистики, Территориальный орган Федеральной службы гос. статистики по Новгородской обл.; [редкол.: Н. Е. Зимина (пред.) и др.].* – Великий Новгород: Новгородстат, 2013. – 333 с. ISBN: 978-5-9903770-2-8.
7. *Здоровье населения России в социальном контексте 90-х годов: проблемы и перспективы / [В.И. Стародубов, Ю.В. Михайлова, А.Е. Иванова и др.]; Под ред. В.И. Стародубова [и др.].* – М.: Медицина, 2003. – 287 с. ISBN: 5-225-04124-8.

8. Семенова В. Г., Окунев О. Б., Антонюк В. В., Евдокушкина Г. Н. Возрастные и нозологические особенности смертности населения России на фоне западноевропейских государств в 1990 – 2009 гг. // Социальные аспекты здоровья населения. 2012. № 4 (26). С. 2.
9. ICD-10 Version: 2019 // World Health Organization [site]. URL: <https://icd.who.int/browse10/2019/en> (дата обращения 17.09.2021).
10. Богоявленский Д. Д. Смертность от внешних причин в России с 1870 года // Электронная версия бюллетеня «Население и общество». 13–26 августа 2001. № 29–32. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/029/tema01.php> (дата обращения 17.09.2021).
11. Дубровина Е. В. Медико-социальная эволюция смертности от внешних причин в период экономических реформ (на примере Кировской области) – Москва: ЦНИИОИЗ, 2006. – 281 с. ISBN: 5-94116-001-9.
12. Развитие человеческого потенциала в России сквозь призму здоровья населения / [Антонова О. И. и др.]; под ред. В. И. Стародубова, А. Е. Ивановой. – М.: ЛитТерра, 2012. – 357 с. ISBN: 978-5-4235-0056-6.

ФАКТОРНАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ ПРОДОЛЖИТЕЛЬНОСТИ ЖИЗНИ В РЕГИОНАХ

Лопалева В. А., кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики и управления на металлургических и машиностроительных предприятиях Института экономики и управления Уральского федерального университета им. первого Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия, e-mail: v.a.lopaeva@urfu.ru

***Аннотация.** Статья посвящена факторам продолжительности жизни в российских регионах. Рассматриваются статистические данные по показателям: ожидаемая продолжительность жизни по субъектам Российской Федерации за 2020 г. (результативный показатель), среднедушевые денежные доходы населения, состав домохозяйства и семейные ячейки, население регионов по уровню образования и состоянию в браке (группа факторов). Изучается влияние климата регионов на результативный показатель. Проведена оценка корреляционной зависимости результативного показателя от определяющих факторов, сформулированы выводы.*

***Ключевые слова:** демографическое развитие, демографический потенциал, продолжительность жизни, корреляционный коэффициент, факторная зависимость, старшее поколение.*

FACTOR COMPONENT OF LIFE EXPECTANCY IN RUSSIAN REGIONS

Loopaeva V. A., Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Department for Economics and Management at Metallurgical and Machine-Building Enterprises, Institute of Economics and Management, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin, Yekaterinburg, Russia, e-mail: v.a.lopaeva@urfu.ru.

***Abstract.** The article is devoted to the factors of life expectancy in Russian regions. The article considers statistical data on the following indicators: life expectancy for the constituent entities of the Russian Federation for 2020 (effective indicator), average per capita money income of the population, household composition and family units, population by education level and marital status (group of factors). The influence of the climate in the regions on the effective indicator is being studied. The assessment of the correlation dependence of the effective indicator on the determining factors is carried out, conclusions are drawn.*

***Keywords:** demographic development, demographic potential, life expectancy, correlation coefficient, factor dependence, older generation.*

Продолжительность жизни населения принято считать одним из ключевых показателей демографического развития. Показатель применяется для оценки индекса развития человеческого потенциала, используется как индикатор развития системы здравоохранения и социального обеспечения, входит в перечень показателей национальных проектов и программ социально-экономического развития, определен Президентом России В. В. Путиным в качестве стратегической задачи «добиться к 2025 г. средней продолжительности жизни в стране 75 лет» [9].

Также считается, что формированию данного показателя способствуют ментальные и физиологические особенности человека, специфика его воспитания и условий жизни, заложенные в нем установки воспитания и традиции. Иными словами, человек в определенной степени способен сам определять продолжительность своей жизни, а значит, может принимать меры, способствующие ее увеличению, либо сокращению. Вместе с тем человечество на

протяжении всей своей жизни обитает в социумной и природной среде и вынуждено адаптироваться к ее проявлениям.

Попытаемся проанализировать возможность такой адаптации для жителей России через показатель продолжительности жизни в ее регионах. В качестве источников информации использованы данные статистических наблюдений Федеральной службы государственной статистики Российской Федерации (Росстат) по показателям: оценка ожидаемой продолжительности жизни при рождении по субъектам Российской Федерации за 2020 г., среднедушевые денежные доходы населения по субъектам, состав домохозяйства и семейные ячейки, население регионов по уровню образования и состоянию в браке [4]. Также использованы данные Федеральной службы по гидрометеорологии и мониторингу окружающей среды (Росгидромет) об особенностях климата на территории Российской Федерации за 2020 г. [2].

Для изучения зависимости между явлениями использован метод сопоставления параллельных рядов по исследуемым показателям и оценка степени согласованности отклонений индивидуальных значений факторного и результирующего признаков от средних значений факторного и результирующего признаков (Коэффициент корреляции знаков Фехнера, Кф) [3].

По результатам сопоставления данных по продолжительности жизни и факторов, оказывающих влияние на данный показатель по регионам России, были выявлены факторы, влияние которых можно расценивать как весомое, проведен анализ этих явлений и сформулированы выводы. В первую очередь, факторы должны обладать выраженной устойчивой степенью влияния на результирующий показатель. В иерархии основных ценностей для продолжительности жизни определилась следующая зависимость (семейные ценности и уровень образования, климатические условия и доходы населения). На рисунке 1 приведена совокупность факторов.

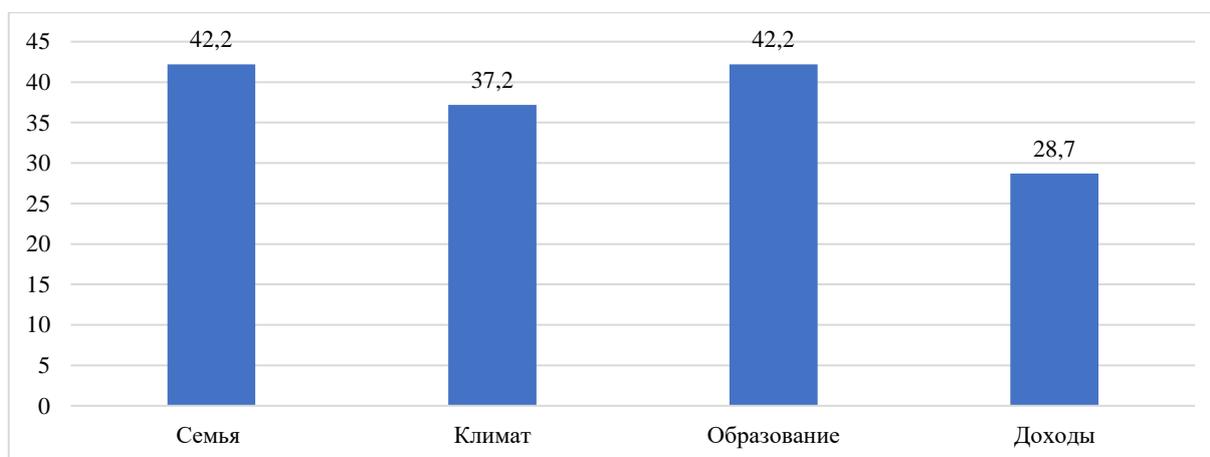

Рис. 1. Значение коэффициента Фехнера по показателям (по всем регионам России), %

На следующем этапе исследования данная совокупность факторов была проанализирована среди группы регионов с продолжительностью жизни выше средней. Были выявлены четыре группы регионов по количественной оценке влияния факторов. Так, в первой группе влияние оказывает только один из четырех перечисленных выше факторов, во второй группе – два фактора, в третьей группе – три фактора, в четвертой группе – ни одного из четырех факторов. По каждой группе произведен расчет среднего показателя продолжительности жизни по формуле средней арифметической. Средняя продолжительность жизни населения в первой группе составила 72,4 года (1 регион), во второй группе данный показатель составил 73,7 года (13 регионов), в третьей группе продолжительность жизни оказалась ниже, чем во второй – 73,4 года (6 регионов), и в 4 группе – 71,7 лет (4 региона). Результаты исследования представлены в таблице 1.

Таблица 1.

Продолжительность жизни в регионах России и факторы ее определяющие

Наименование региона	Продолжительность жизни в регионе, лет	Уровень образования (высшее и ср. профессиональное), %	Количество частных домохозяйств состоящих из двух и более человек, %	Средний душевой доход на человека в месяц, тыс. руб.	Отнесение к климатической зоне
Республика Ингушетия	81,2	25,4	97	16,9	1
Республика Дагестан	76,4	24,4	91	27,6	1
г. Москва	76,2	50	73	75,6	2
Карачаево-Черкесская Республика	74,8	30,6	86	18,5	1
Кабардино-Балкарская Республика	74,4	26,6	86	21,7	1
Республика Северная Осетия – Алания	74,1	33,4	82	23,9	1
г. Санкт Петербург	74	43,9	71	48,4	2
Республика Адыгея	73,3	25,4	77	29,8	1
Ставропольский край	73,2	25,7	78	23,8	1
Ханты-Мансийский авт. округ-Югра	72,9	30,6	80	53,9	3
Калининградская область	72,9	29,6	75	28,9	2
Республика Калмыкия	72,9	27	82	19,8	1
Республика Татарстан	72,6	27,4	77	35,7	2
Белгородская область	72,4	25,8	75	32,8	2
Тюменская область	72,3	28,9	78	49,4	2
Краснодарский край	72,2	25	78	36,2	1
Чеченская Республика	72,1	16,3	92	24,4	1
Волгоградская область	72	25,1	76	25,3	1
Ростовская область	72	26,5	76	31,3	1
Астраханская область	72	22,6	78	25,2	1
Ямало-Ненецкий авт. округ	71,9	32,2	81	88,1	3
Воронежская область	71,9	26	72	32,0	2
Тамбовская область	71,8	21,6	72	27,8	2
Московская область	71,7	36,2	73	46,5	2
Республика Мордовия	71,6	25,3	73	20,6	2
Ленинградская область	71,5	25,5	71	33,0	2
Среднее значение показателя по России	71,5	28	74	35,7	2

Таким образом, количество задействованных факторов, не всегда результативно, поэтому необходимо выявить наиболее весомые из них с выраженным эффектом влияния. Рассмотрим интенсивность влияния факторов на результативный показатель на рисунке 2.

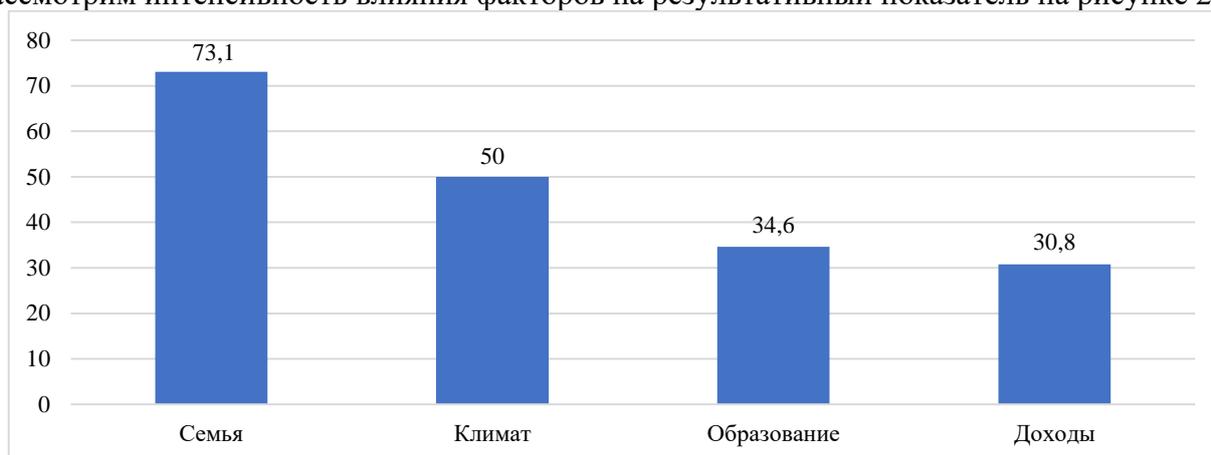

Рис. 2. Степень преобладания факторов среди регионов России с показателями продолжительности жизни выше средней, %

По результатам, полученным в ходе нашего исследования, были обнаружены следующие зависимости между показателем продолжительности жизни и стимулирующими факторами. Так, в регионах с высокой продолжительностью жизни приверженность к семейным ценностям ставится на приоритетное место, доля семейственности составила свыше 73%. Людей особенно в пожилом возрасте, не на столько тяготит их возраст и состояние здоровья, как одиночество. Семья является основной ценностью человека, именно в ней осуществляется взаимодействие поколений, определяется смысл жизни, формируется ответственность. Не случайно, на вопрос, что для вас является основным стимулом жить долго, большинство граждан отвечают «желание подольше оставаться рядом с близкими и родными людьми».

Семейные ценности хорошо выражены в менталитете человека, его отношении к старшему поколению, традициях. Не удивительно, что крепкие семейные узы становятся важными и нужными для продолжительности жизни. Кроме того, крепкие семейные связи обеспечивают поддержку и защиту и в материальном, психологическом и физиологическом плане. Очень большое значение имеет взаимоотношение разных поколений в семье, по мере старения пожилого человека роль семьи в его жизни возрастает, как и зависимость от других ее членов. Вместе с тем активное участие старших членов семьи в ведении домашнего хозяйства и воспитании молодого поколения позволяет им лучше адаптироваться к периоду старости. Для молодежи и детей важна поддержка бабушек и дедушек и эта связь поколений имеет высокий потенциал для демографического развития общества [6].

Следующим весомым фактором, оказывающим влияние на продолжительность жизни регионе, стала степень образованности населения, т. е. количество людей, имеющих высшее или среднее профессиональное образование (уровень образованности населения в регионах составил 34,6%). Образованное население является более умеренным и рациональным, понимает важность образа жизни для здоровья, обладает самосохранительным поведением, вовремя проходит периодическую диспансеризацию, участвует в программах вакцинации, интересуется инновационным разработкам в области медицины, более требовательна к качеству медицинского обслуживания.

Образованные люди стараются вести активный образ жизни, заниматься физическим и умственным трудом, развивать культурные и интеллектуальные способности. Проведенное японскими геронтологами изучение уровня удовлетворенности жизнью старых людей показало, что оно выше при наличии какого-либо хобби, большей социальной активности [5,7]. Отмечена важность продолжения образования и в пожилом возрасте, для этой цели

Европе и в США созданы специальные заведения — «Университеты третьего возраста». Зависимость прогресса в умственном развитии и долголетию установлено, в частности, на основе анализа 866 биографий выдающихся деятелей науки и искусства (Американский социолог Г. Л. Меддокс) [1].

Одним из определяющих факторов в продолжительности жизни является климат и территориальные особенности регионов. Большая часть регионов России (60 регионов, 68%) расположены в зоне умеренного климата, летом средние температуры колеблются от +12 градусов до +24 градуса, зимой от – 6 градусов до – 11 градусов, отличительными особенностями является нестабильность в продолжительности зимы и лета [2].

Северная часть России (12 регионов, 15%), расположена в зоне холодного климата с продолжительными морозными зимами, пронизывающими ветрами и снегопадами. Температура варьируется от –10 до –48 градусов зимой и от +4 до +12 летом. Регионы северной части имеют крайне мало предпосылок для роста продолжительности жизни, но и в регионах с умеренным климатом продолжительность жизни выше средней фиксируется только у 16,7% регионов. Средний уровень продолжительности жизни варьирует в этих регионах от 65,8 и 66,3 лет в Чукотском автономном округе и Тыве до 76,2 и 74 лет в городах Москве и Санкт-Петербурге [2].

Южная часть России находится в теплой, субтропической зоне (15 регионов, 17%) положительные средние температуры января: от +1 до +6 °С, средние температуры июля — от +22 до +24 °С. Мягкий климат, теплое море и достаточное количество осадков – важнейшие особенности природы этой местности и создают наиболее благоприятные условия для проживания [2]. Так, во всех регионах южной зоны, за исключением республики Крым средняя продолжительность выше среднероссийского показателя (в целом отклонение, превышающее среднюю продолжительность жизни, варьируется от 0,5 лет в Волгоградской, Ростовской и Астраханской областях до 9,7 лет в Республике Ингушетии). Вероятность прожить дольше в южных регионах России составляет 87%, а общая зависимость продолжительности жизни от степени климатического благополучия региона составила 50%.

Доходы населения не являются приоритетным фактором продолжительности жизни, но обеспечивают качество жизни, комфорт и уверенность в завтрашнем дне. В период демографической нестабильности уровень доходов населения может оказывать стимулирующее воздействие на осуществление демографических планов, способствовать укреплению материального благополучия семей с детьми, обеспечить поддержку старшего поколения [3,6].

Выводы. Данные официальной статистики и расчеты, произведенные на их основе, свидетельствуют о выделении четырех основных факторов в стимулировании продолжительности жизни в российских регионах. Так, в числе основных факторов, влияющих на продолжительность жизни, являются условия проживания (климат, расположение региона, экологическая безопасность), они в среднем дают возможность прожить на 2,5–3 года дольше, наличие крепкой и заботливой семьи в среднем увеличивает жизнь на 1,5–2 года, образование и интеллектуальное развитие населения дает возможность добавить к жизни в среднем еще 2,5 года, материальное благополучие увеличивает жизнь в среднем на 1,5 года.

Список литературы и источников

1. *Хрисанфова Е. Н.* Основы геронтологии (Антропологические аспекты): Учебник для студентов вузов. – М.: Владос, 1999. – 151 с. ISBN: 5-691-00398-4.
2. Доклад об особенностях климата на территории Российской Федерации за 2020 год. – Москва: Росгидромет, 2021. – 104 с.
3. *Меркулова Е. Ю.* Общая экономическая безопасность: учебник и практикум для вузов. – М.: Издательство Юрайт, 2021. – 525 с. ISBN: 978-5-534-13867-2.

4. Демография // Федеральная служба государственной статистики [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/12781> (дата обращения: 10.10.2021).
5. Распоряжение Правительства РФ №164-р от 5 февраля 2016 г. «Об утверждении Стратегии действий в интересах граждан старшего поколения в Российской Федерации до 2025 года» // Минтруд России [сайт]. URL: <https://mintrud.gov.ru/docs/government/173> (дата обращения: 10.10.2021).
6. Реализация целей Международного года семьи и связанных с ним последующих процессов: Доклад Генерального секретаря Организации Объединенных Наций. A/75/61–E/2020/4. URL: <https://undocs.org/pdf?symbol=ru/A/75/61> (дата обращения: 10.10.2021).
7. Концепция политики активного долголетия: научно-методологический доклад к XXI Апр. междунар. науч. конф. по проблемам развития экономики и общества, Москва, 2020 г. / под ред. Л. Н. Овчаровой, М. А. Морозовой, О. В. Синявской; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2020. – 40 с. ISBN: 978-5-7598-2173-1.
8. Мадридский международный план действий по проблемам старения 2002 года // Декларации / Организация Объединенных Наций [сайт]. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/ageing_program.shtml (дата обращения: 10.10.2021).
9. Перечень поручений по итогам заседания Совета по стратегическому развитию и национальным проектам // Президент России [сайт]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/assignments/orders/66331> (дата обращения: 10.10.2021).

СОЦИАЛЬНОЕ САМОЧУВСТВИЕ МОЛОДЕЖИ В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ

Медведева Е. И., доктор экономических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Института социально-экономических проблем народонаселения ФНИСЦ РАН, Москва, Россия, e-mail: e_lenam@mail.ru.

Крошилин С. В., кандидат технических наук, доцент, старший научный сотрудник Института социально-экономических проблем народонаселения ФНИСЦ РАН; доцент кафедры математики, физики и медицинской информатики Рязанского государственного медицинского университета им. академика И. П. Павлова, Москва, Россия, e-mail: krosh_sergey@mail.ru.

***Аннотация.** Пандемия дала значительный толчок для развития и всеобщего применения коммуникационных технологий. Процессы информатизации, которые происходили в обществе и до COVID-19, усилили свое влияние на все информационные процессы и на мироощущение различных когорт населения. В материале приведены результаты нескольких авторских исследований. Целью исследований являлось изучение специфики общения молодежи и качественного изменения возможности формирования социального капитала.*

***Ключевые слова:** молодежь, социальное самочувствие, COVID-19, социальный капитал, информационные технологии, социально-экономические проблемы.*

SOCIAL WELL-BEING OF YOUTH IN THE PANDEMIC

Medvedeva E. I., Doctor of Economic Sciences, Docent, Leading Researcher, Institute of Socio-Economic Studies of Population FCTAS RAS, Moscow, Russia, e-mail: e_lenam@mail.ru.

Kroshilin S. V., Candidate of Technical Sciences, Docent, Senior Researcher, Institute of Socio-Economic Studies of Population FCTAS RAS; Associate Professor, Department for Mathematics, Physics and Medical Informatics, Ryazan State Medical University named after academician I. P. Pavlov, Moscow, Russia, e-mail: krosh_sergey@mail.ru.

***Abstract.** The pandemic has given a significant boost to the development and universal application of communication technologies. The informatization processes that took place in society before COVID-19 have increased their influence on all information processes and on the attitude of various population cohorts. The material contains the results of several author's studies. The aim of the research was to study the specifics of youth communication and qualitative changes in the possibility of forming social capital.*

***Keywords:** youth, social well-being, COVID-19, social capital, information technology, socio-economic problems.*

Современные технологии и до пандемии значительно расширяли круг общения людей, а в период жестких локдаунов стали основным способом общения, без которого современная молодежь уже не может «нормально» ощущать себя в социуме. Пандемия выявила и значительное неравенство в информационных возможностях нашего общества. Однако возможность использования мобильных устройств для доступа во Всемирную паутину осложняется неравномерным покрытием территорий сотовой связью.

В период пандемии увеличилась доля тех, кто использует Интернет для выполнения заданий по учебе – 76%. Почти половина респондентов на самоизоляции стала больше общаться с друзьями с помощью информационно-коммуникационных технологий (ИКТ). 13% опрошенных, считают, что им проще общаться с помощью ИКТ. 90% используют социальные

сети для общения. Во многих процессах общения возникли элементы дистанцирования, которые были вызваны необходимостью соблюдения требований эпидемиологической обстановки. Последствия таких изменений требуют значительного внимания и дальнейшего изучения. Авторское исследование представляет собой лишь некую итерацию по изучению данного вопроса, так как задача сложна и многогранна и требует дальнейшего изучения.

Совместные исследования Института социально-экономических проблем народонаселения ФНИСЦ РАН (г. Москва) и авторов показали, что проблема формирования социального капитала молодежи в период пандемии COVID-19 весьма важна и многогранна: происходят изменения в формировании социального капитала. Прежде всего это связано с распространением и доступностью сети Интернет, а также влиянием социальных, экономических и политических факторов, глобальных процессов, которые происходят в нашем обществе, в том числе пандемии COVID-19. Развитие Интернета значительно расширяет круг общения, тем самым повышая «личный социальный капитал». Эта проблема требует дальнейшего глубокого изучения.

Материалы и методы. Для возможности сопоставления полученных результатов исследования были использованы данные за 2020 г. (до начала пандемии) и 2015 г., полученные в ходе авторского лонгитюдного исследования, которое реализуется более 10 лет в Московском регионе [1; 2]. Исследование проводилось среди молодых людей в возрасте от 18 до 38 лет и включало более 500 человек (46% – мужчин и 54% – женщин), которые обучаются или работают в средних и малых городах, а также сельской местности юго-востока Московской области (Россия). География опроса: города Коломна, Воскресенск, Егорьевск, Луховицы, Озеры, Кашира, Ступино, Зарайск и около 10% – проживающих в сельской местности в данном регионе. Опрос проводился в начале 2021 г. (в период после отмены жестких мер по соблюдению карантина в России). Состав респондентов был следующим: 21% старших школьников, 35% – студентов ВУЗов, 26% – учащихся колледжей и лицеев, 18% – работающей молодежи. В качестве методов использовался опрос (авторская анкета), алгоритм обработки, разработанный авторами, а также часть авторского инструментария лонгитюдного исследования «Влияния информационно-коммуникационных технологий на здоровье молодежи» [3; 4].

Авторские лонгитюдные исследования [5; 6] реализуются уже более 10 лет на данной территории, что позволяет сравнивать полученные результаты. Выбранные города (их демографические, численные, гендерные и качественные показатели) являются типичными для большинства городов России, что позволяет использовать полученные результаты для принятий различных решений и на других территориях. Изучаемые процессы, которые захватывает тематика данных исследований, в крупных городах подвержены еще большему влиянию информационных и коммуникационных технологий, однако исследования в них могут быть показательными для всей России, так как сказывается значительная разница в образовательных, трудовых и финансовых возможностях молодежи в крупных агломерациях и регионах. При формировании выборки были использованы методы квотирования по численности и составу населения исследуемых когорт. Все это позволяет аппроксимировать полученные результаты на всю страну.

«Уровень доверия» к использованию информационных технологии и Интернета для возможности получения качественных знаний в период пандемии возрос: 84% – уверены, что использование информационных (коммуникационных) технологий и Интернета дают возможность получать качественные знания. 65% – стали активно пользоваться образовательными порталами, только 46% – знали о их существовании до пандемии [6].

Пять лет назад почти треть не знала о существовании образовательных информационных ресурсов, а почти четверть (24%) не знали, как на них попасть. Сегодня, после занятий в дистанционной форме, почти половине опрошенных «все равно» какой источник читать: электронный или бумажный. Все меньше становится тех, кому проще читать с листа 34%. В 2020 г. таких было 44%. В 2015 – 47%.

Именно уверенность молодежи в том, что информационные и Интернет-технологии способны давать необходимый уровень знаний, а не просто информацию, привело к такому понятию как «гуглизация» сознания [4]. Изучаемая когорта констатирует, что все необходимые знания можно найти при помощи поисковой услуги в Интернете, не затрачивая практически никаких усилий. При этом лозунг «Яндекс – найдется все!» для большинства стал «панацеей» для выполнения любого задания и даже проблемной жизненной ситуации. Вбивание в поисковую строку нового понятия становится для многих единственной возможностью и некой нормой для получения необходимых новых знаний.

89% опрошенных, при необходимости определения нового понятия или неизвестного термина набирают его в поисковой строке (Yandex, Google и т. п.), 2020 г. (до пандемии) таких было 84% (2015 г. – 81%). Спрашивать у наставников или преподавателей считают возможным лишь 4%. Узнают у друзей 5%. Единицы из опрошенных посетят для этого библиотеку [2; 5].

Зависимость от Интернета в получении новых знаний и решении вопросов, связанных с различными ситуациями, где необходимо получить информацию, – очевидна. Современное поколение все в большей степени зависит от коммуникаций и возможности быть всегда онлайн. На вопрос: «Если бы Вы вдруг лишились возможности пользоваться Интернетом, Ваша жизнь изменилась бы?» – 58% респондентов дали ответ: «Да сильно». В 2020 г. (до пандемии) таких было 48%, а в 2015 – 42%.

В современных условиях Интернет-возможности все чаще используют для общения (почти 90%). Увеличилась доля тех, кто использует Всемирную паутину для выполнения заданий по учебе (поиск информации для подготовки рефератов и контрольных работ) – 76% в 2021 г., а в 2020 г. (до пандемии) – 54%. 42% сказали, что в условиях пандемии (самоизоляции) стали больше общаться с друзьями с помощью информационных технологий, у 40% – время не изменилось. 47% – тратили на это три часа и больше (что почти в два раза больше, чем аналогичный показатель за 2020 г.), все свободное время – указали 23% опрошенных (20% и 15% – дали респонденты соответственно в 2020 и 2015 гг.) 17% считают, что во время самоизоляции их круг общения стал больше. 19% указали на уменьшение, а 61% констатировали неизменность данного показателя.

Ответы на вопрос: «Для Вас проще общаться лично или с использованием ИКТ?» – распределились следующим образом: в 2021 г. – 13% опрошенных, считают, что им проще общаться с помощью ИКТ (в 2020 г. – 10%). Предпочтение личного общения уменьшилось на 10% – с 53% в 2015 г. до 43% в 2021 г. 90% используют мессенджеры для общения (в 2020г. – 73%). Разговаривать по сотовому телефону стали реже: 52% (в 2020 г. – 80%). Все реже пишут электронные письма, но чаще используют видео-звонки (39% в 2021 г.)

По данным исследования, респонденты стали больше времени в день тратить на общение в социальных сетях: 40% делают это по три часа и более (в 2020 г. – 26%). Все свободное время занимают таким общением 17% опрошенных, в 2020 г. таких было лишь 10%.

Причем предпочтения у российской молодежи практически не изменились. В основном это «ВКонтакте» (93%), «WhatsApp» (60%) и новый «TikTok» (22%), в меньшей степени Twitter и Facebook – 8 и 7% соответственно.

Заключение. Основываясь на результатах исследования, можно сделать вывод, что наше общество динамически меняется. Пандемия дала значительный толчок для развития и всеобщего применения коммуникационных технологий, которые оказали значительное влияние на формирование социального капитала. Процессы информатизации, которые происходили в обществе и до COVID-19, усилили свое влияние на все информационные процессы. Качественно изменились возможности в формировании социального капитала молодежи. В процессах общения возникли элементы дистанцирования, которые были вызваны необходимостью соблюдения требований эпидемиологической обстановки. Последствия таких изменений требуют значительного внимания и дальнейшего изучения. Авторское исследование представляет собой лишь некую итерацию данного вопроса, так как дальнейшей задачей сложна и многогранна.

Список литературы и источников

1. Здоровье молодежи: сравнительное исследование: Россия, Беларусь, Польша / Российская акад. наук, Ин-т социально-экономических проблем народонаселения, Науч. совет по проблемам гендерных отношений; [ред.-сост.: Н. Е. Русанова]. – Москва: Экон-Информ, 2016. – 214 с. ISBN: 978-5-9908695-4-7.
2. *Медведева Е. И., Крошилин С. В.* Негативные аспекты информатизации общества // Экономический журнал. 2013. № 4 (32). С. 108–126.
3. *Медведева Е. И., Крошилин С. В.* Отношение молодежи к информационно-коммуникационным технологиям, своему здоровью и здоровому образу жизни (по результатам опроса студентов г. Люблина и г. Коломна) // Народонаселение. 2012. № 4 (58). С. 108–116.
4. *Медведева Е. И., Крошилин С. В.* Распространение интернет-технологий в России и «гуглизация» сознания молодежи // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2014. Т. 10. № 3 (240). С. 9–19.
5. *Медведева Е. И., Крошилин С. В.* Электронное образование и развитие инновационной экономики России // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2011. № 4 (16). С. 58–72.
6. Непрерывное образование России как фактор экономического роста / В. Г. Доброхлеб, С. В. Крошилин; Российская академия наук, институт социально-экономических проблем народонаселения; Министерство образования Московской области, Государственный социально-гуманитарный университет. – Коломна: ГСГУ, 2018. – 272 с. ISBN: 978-5-98492-389-7.

ПЕРВЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ПАНДЕМИИ COVID-19 В МЕГАПОЛИСЕ: РОСТ АЛКОГОЛИЗМА И НАРКОМАНИИ КАК РЕЗУЛЬТАТ СОЦИАЛЬНОГО СТРЕССА

Семенова В. Г., доктор экономических наук, главный научный сотрудник Института демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия, e-mail: vika-home@yandex.ru.

Иванова А. Е., доктор экономических наук, главный научный сотрудник, заведующий Отделом здоровья и самосохранительного поведения Института демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия, e-mail: ivanova-home@yandex.ru.

Сабгайда Т. П., доктор медицинских наук, главный научный сотрудник Института демографических исследований ФНИСЦ РАН; главный научный сотрудник Центрального научно-исследовательского института организации и информатизации здравоохранения Министерства здравоохранения Российской Федерации, Москва, Россия, e-mail: tsabgaida@mail.ru.

Зубко А. В., кандидат медицинских наук, ведущий научный сотрудник Института демографических исследований ФНИСЦ РАН; ведущий научный сотрудник Центрального научно-исследовательского института организации и информатизации здравоохранения Министерства здравоохранения Российской Федерации, Москва, Россия, e-mail: zalexandrae@gmail.com.

Евдокушкина Г. Н., старший научный сотрудник Института демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия, e-mail: evdok@mednet.ru.

***Аннотация.** Пандемия COVID-19 привела к целому комплексу социально-экономических проблем: физической замкнутости (изоляции), экономической нестабильности, личными потерями родных и близких. Представляется, что современная ситуация укладывается в понятие социального стресса, как в силу неожиданности, так и, в силу экономических и социальных последствий, что не может не привести к росту косвенных потерь, напрямую не связанных с ухудшением соматического здоровья. Настоящее исследование посвящено оценке изменений смертности от причин, обусловленных социальным стрессом, в период пандемии, в условиях мегаполиса.*

***Ключевые слова:** социальные последствия пандемии COVID-19; смертности от причин, обусловленных социальным стрессом; суициды, смертность, обусловленная употреблением алкоголя и наркотиков.*

THE FIRST CONSEQUENCES OF THE COVID-19 PANDEMIC IN THE CITY: THE RISE IN ALCOHOLISM AND DRUG ADDICTION AS A RESULT OF SOCIAL STRESS

Semenova V. G., Doctor of Economic Sciences, Chief Researcher, Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia, e-mail: vika-home@yandex.ru.

Ivanova A. E., Doctor of Economic Sciences, Chief Researcher, Head Department For Health and Self-Preservation Behavior, Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia, e-mail: ivanova-home@yandex.ru.

Sabgaida T. P., Doctor of Medical Sciences, Chief Researcher, Institute for Demographic Research FCTAS RAS; Chief Researcher, Federal Research Institute for Health Organization and Informatics of Ministry of Health of the Russian Federation, Moscow, Russia, e-mail: tsabgaida@mail.ru.

Zubko A. V., Candidate of Medical Sciences, Leading Researcher, Institute for Demographic Research FCTAS RAS; Leading Researcher, Federal Research Institute for Health Organization and Informatics of Ministry of Health of the Russian Federation, Moscow, Russia, e-mail: zalexandrae@gmail.com.

Evdokushkina G. N., Senior Researcher, Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia, e-mail: evdok@mednet.ru.

Abstract. *The COVID-19 pandemic has led to a whole range of socio-economic problems: physical isolation (isolation), economic instability, personal loss of family and friends. It seems that the current situation fits into the concept of social stress, both due to unexpectedness and due to economic and social consequences, which cannot but lead to an increase in indirect losses that are not directly related to the deterioration of somatic health. The present study is devoted to assessing the changes in mortality from causes caused by social stress during a pandemic in a metropolitan area.*

Keywords: *the social impact of the COVID-19 pandemic; mortality from causes due to social stress; suicides; deaths attributable to alcohol and drug use.*

Актуальность проблем, обусловленных пандемией COVID-19, очевидна: в сущности, с пандемией подобного масштаба мир не сталкивался в течение столетия, со времен «испанки» 1918 г., и оказался совершенно к ней не готов.

Помимо очевидных медицинских аспектов, пандемия COVID-19 привела к целому комплексу социально-экономических проблем: с физической замкнутостью в прямом смысле этого слова, во-первых, экономической нестабильностью, во-вторых, и с личными потерями во многих семьях, в-третьих, причем все эти обстоятельства, жестко нарушившие привычную жизнь социума, оказались, с одной стороны, совершенно неожиданными (их практически невозможно было бы спрогнозировать и заранее к ним подготовиться), с другой – универсальными (они затронули весь мир) [1].

Представляется, что современная ситуация укладывается в понятие социального стресса, во-первых, в силу неожиданности, во-вторых, в силу экономических и социальных последствий, что не может не привести к росту косвенных потерь, напрямую не связанных с ухудшением соматического здоровья.

Целью настоящего исследования является оценка изменений смертности от причин, обусловленных социальным стрессом, в период пандемии, в условиях мегаполиса.

Материалы и методы. Анализ основан на данных Росстата и базы РФС-ЕМИАС г. Москвы (медицинские свидетельства о смерти, выданные в учреждениях городского здравоохранения) за 2019 – апрель 2021 гг. При анализе смертности от внешних причин потери от отравлений алкоголем (X45 и Y15), с одной стороны, а также наркотиками и психотропными препаратами (X41-X42 и Y11-Y12), с другой, учитывались совокупно, без указаний на преднамеренность инцидента. Кроме того, в число отравлений психоактивными веществами были включены инциденты, входящие в число отравлений неуточненными медикаментами (X44 и Y14) и неуточненными химическими веществами (X49 и Y19), если в качестве токсического агента по XIX классу оказались наркотики (T40), седативные (T42) и психотропные препараты (T43), а также алкоголь (T51) [2].

Результаты. Анализ данных показывает, что до апреля 2021 г. в Москве проявились две волны пандемии: судя по нарастанию избыточной смертности в столице, первая пришлась на май-июнь 2020 г., когда избыточная смертность (т. е. превышение над показателями 2019 г.) в столице составила 57,2% и 41,6% соответственно, затем последовало снижение избыточной смертности до 7,1% в июле с последующим последовательным ростом до декабря 2020 г., когда, напомним, в отличие от весны, практически никаких социальных ограничений не вводилось. Тем не менее, максимальная в Москве избыточная смертность наблюдалась в конце 2020 – начале 2021 гг., с максимумом в декабре (56,7%) и экстремальными значениями в ноябре и январе (48,6% и 49,8%), с последующим снижением до 8,2% в апреле 2021 г.

Указанное развитие эпидемии показывает, что реперными точками должны выступать апрель-июнь 2020 г. и ноябрь 2020 г. – январь 2021 г.: потери в первую и вторую волну пандемии будут оцениваться совокупно.

Обсуждая потери от суицидов, отметим достаточно неожиданное обстоятельство: судя по данным Московского бюро СМЭ, потери москвичей от суицидов в апреле-декабре 2020 г., в период развития эпидемии в России, оказались ниже соответствующих показателей предковидного 2019 г. более чем на треть.

Однако, несмотря на общее снижение числа погибших от суицидов в 2020 г. по сравнению с 2019 г., локальные максимумы 2020 г. наблюдались в двух из трех месяцев первой (апрель и июнь) и второй (ноябрь и декабрь) волны пандемии

Говоря о суицидах, нельзя забывать, что существенная их часть остается «в тени», переходя в латентную форму за счет так называемых «повреждений с неопределенными намерениями» (Y10-Y34), а также повешения и падения/прыжки с высоты с неопределенными намерениями (Y20 и Y30 соответственно).

Сравнивая потери москвичей от латентных суицидов в апреле-декабре 2020 г., в период развития эпидемии в России, с соответствующими показателями предковидного 2019 г., укажем, что, в отличие от официально зарегистрированных суицидов, они превысили предковидные показатели на 7,1%, причем это превышение формируется в основном за счет четырех месяцев (январь-февраль и октябрь-ноябрь): в январе-феврале отмечено максимальное (2,3- и 1,5-кратное) превышение потерь, в октябре-ноябре показатели 2019 г. были превышены соответственно на 25% и 34,5%.

Что касается реперных точек – первой и второй волны пандемии, отметим, что в этот период потери населения Москвы от латентных суицидов, в отличие от суицидов официально зарегистрированных, превышали показатели контрольного периода, но крайне незначительно (соответственно на 1,8% и 5,1%).

В отличие от суицидов, потери москвичей от алкогольных отравлений в апреле-декабре 2020 г., в период развития эпидемии в России, превысили соответствующие показатели предковидного 2019 г. на 15,6%.

При этом общим трендом является не всегда последовательное возрастание потерь от алкогольных отравлений, независимо от социальных ограничений в этот период, причем и в первую, и во вторую волну превышение потерь в период пандемии по сравнению с предковидным 2019 г. оказалось существенно выше среднегодового, составив 29,1% и 25,2% соответственно.

В отличие от алкогольных отравлений, отравления наркотиками характеризуются рядом сходных черт помесечного распределения смертности от этих причин: можно констатировать, что помесечные потери москвичей от наркотических отравлений растут в начале года, выходят на достаточно высокий уровень и стабилизируются летом – осенью и снижаются в конце года, причем подобный помесечный профиль в 2019–2021 гг. сохранялся независимо от развития пандемии и обусловленных ей социальных ограничений. Еще одно, достаточно важное обстоятельство: в отличие от алкогольных отравлений, потери от наркотических отравлений не продемонстрировали сколько-нибудь отчетливой тенденции к росту в ходе пандемии.

Таким образом, ситуация в Москве в 2020 г. выглядит достаточно парадоксально: несмотря на все признаки социального стресса, наиболее очевидные медико-демографические маркеры его (потери от суицидов, алкогольных и наркотических отравлений) не демонстрируют сколько-нибудь выраженных проявлений этого феномена.

Однако картина резко меняется, если, учитывая потери, обусловленные употреблением психоактивных веществ, не ограничиваться отравлениями, а обратить внимание на психические расстройства, смертность среди которых в основном определяется разнообразными последствиями употребления алкоголя (F10) и наркотиков (F10-F14, F16, F19).

Потери москвичей от психических расстройств, связанных с употреблением алкоголя в первую волну пандемии, превышали соответствующие показатели 2019 г. в 2,3 раза, а во вторую волну этот проигрыш вырос до 3,1-кратного. В целом же эти потери в апреле-декабре 2020 г. в 2,2 раза превысили соответствующие показатели 2019 г.

Что же касается психических расстройств, связанных с употреблением наркотиков, то, в первую, и во вторую волну пандемии показатели 2020 г. превышали уровни 2019 г. кратно, при этом менее чем за год этот проигрыш вырос с 5,7 – до 6,5-кратного

В целом же укажем, что потери москвичей от психических расстройств, связанных с употреблением алкоголя, в апреле-декабре 2020 г. превысили соответствующие показатели 2019 г. в 2,2 раза (против 15,6%-ного роста потерь от алкогольных отравлений), от психических расстройств, связанных с употреблением наркотиков – в 6,2 раза (против 4%-ного снижения смертности от наркотических отравлений).

Таким образом, помесечное распределение последствий употребления психоактивных веществ в острой (отравления) или в хронической (соответствующие психические расстройства) форме характеризуется различными закономерностями: если динамика смертности от отравлений носит эволюционный характер, то эволюция потерь от психических расстройств оказалась совершенно непредсказуемой (неожиданный рост летом 2020 г. и особенно в 2021 г.).

Однако, анализируя особенности диагностики смертей от этих причин, нельзя исключать конъюнктурные факторы: если алкогольные и наркотические отравления входят в число причин социально значимых и мониторируемых, то психические расстройства остаются «в тени» и социальной нагрузки не несут. Поэтому представляется, что масштабы потерь, обусловленных употреблением психоактивных веществ, корректно оценивать как совокупную смертность от этих причин.

При таком подходе помесечное распределение совокупных потерь от употребления алкоголя и наркотиков приобретает гораздо более осмысленный характер: так, можно отметить тренд к росту показателей до августа 2020 г. со снижением в сентябре-октябре с ростом до максимума в декабре 2020 г. и снижением в первые месяцы 2021 г. При этом если в первую волну пандемии превышение смертности от употребления алкоголя и его последствий над соответствующими месяцами 2019 г. составило 63,1%, то во вторую волну приблизилось в двухкратному.

Что же касается последствий наркомании, первое, что следует отметить – это «ступенчатый» характер динамики в период исследования (первая ступень – показатели 2019 г., вторая (очень нестабильная – 2020 г., третья – с декабря 2019 г.), причем каждая ступень – это принципиально более высокий уровень показателей. Отметим, что в первую волну пандемии употребление наркотиков и его последствия привели к 1,5-кратному росту потерь по сравнению с соответствующим периодом 2019 г., то во вторую волну – уже к 2-кратному.

Из этого следует, во-первых, что негативные тренды, отмеченные в период пандемии, будут актуальными и при анализе, основанном на интенсивных показателях (последствия употребления алкоголя и наркотиков), вопрос о слабо выраженных негативных и позитивных трендах (официально зарегистрированные и латентные суициды) остается открытым – расчет интенсивных показателей может дать более отчетливые результаты, особенно в возрастном контексте.

Обсуждая поведенческих рисков, то не надо забывать – сейчас не середина 1990-х, и Москва стала респектабельным европейским городом. Тем не менее, рост потерь вследствие алкоголизма и наркомании в столице в период пандемии сомнений не вызывает. Более того, можно констатировать, что рост алкоголизма в период пандемии – проблема не только российская, но универсальная [2]. При этом нельзя забывать, что в ходе настоящего исследования зафиксированы наиболее очевидные показатели. Между тем, говоря о последствиях алкоголизма, нельзя забывать, что масштабы их гораздо шире, в частности, в настоящее время 2/3 их обусловлены такими соматическими причинами, как алкогольная кардиомиопатия (I42.6) и алкогольный цирроз печени (K70) [3; 4]. Более того, не только в Москве, но и во всей России алкогольные отравления обусловлены уже не суррогатами, а превышением дозы выпитого.

Последствия наркомании также далеко не исчерпываются очевидными причинами: недавнее исследование показало, что масштабы их существенно превышают последние за счет смертности от неуточненной кардиомиопатии (I42.9). В свою очередь, потери от неуточненной кардиомиопатии в Москве в значительной мере минимизируются за счет уже упомянутых симптомов, признаков и неточно обозначенных состояний, а именно, диагноза «причина смерти не установлена» (R99), по потерям от которых столица устойчиво входит в число аутсайдеров среди российских регионов [1].

Таким образом, с уверенностью можно утверждать, что масштабы потерь, обусловленных алкоголизмом и наркоманией, в столице значительно выше, нежели от отравлений психоактивными веществами и психических расстройств, ими обусловленных.

Выводы. Смертность от психических расстройств, связанных с употреблением алкоголя и наркотиков, в период пандемии выросла кратно, при этом максимальные уровни потерь отмечается в 2021 г. – период отсутствия социальных ограничений.

Поскольку диагностика смертей, обусловленных употреблений алкоголя и наркотиков, является достаточно размытой, представляется корректным оценивать эти потери совокупно (как от отравлений, так и от психических расстройств).

В Москве сформировалась картина социального стресса, с острой реакцией (самоубийства) на первом этапе пандемии и ее длительными социально-экономическими последствиями (алкоголизм и наркомания) на последующих этапах, которые не удалось избежать, несмотря на внешнюю стабилизацию жизни в столице.

Список литературы и источников

1. Семенова В. Г., Иванова А. Е., Зубко А. В., Сабгайда Т. П., Запорожченко В. Г., Евдокушкина Г. Н., Гаврилова Н. С. Факторы риска роста смертности молодежи и особенности их учета в Москве // *Здравоохранение Российской Федерации*. 2019. Т. 63. № 6. С. 322–330. DOI: <https://doi.org/10.18821/0044-197X-2019-63-6-322-330>.
2. Немцов А. В., Гридин Р. В. Косвенные показатели потребления алкоголя во время эпидемии коронавируса в России // *Эпидемиологические аспекты наркологии*. 2020. № 10 (139). С. 16–33. DOI: https://doi.org/10.47877/0234-0623_2020_10_16.
3. Семенова В. Г., Сабгайда Т. П., Михайлов А. Ю., Запорожченко В. Г., Евдокушкина Г. Н., Гаврилова Н. С. Смертность населения России от причин алкогольной этиологии в 2000-е годы // *Социальные аспекты здоровья населения [электронный научный журнал]*. 2018. № 1(59). 29 с. DOI: <https://doi.org/10.21045/2071-5021-2018-59-1-3>.
4. Немцов А. В. *Алкогольная история России: Новейший период*. – М.: Книжный дом «Либроком», 2009. – 320 с. ISBN: 978-5-397-00304-9.

СМЕРТНОСТЬ МУЖСКОГО НАСЕЛЕНИЯ В СТРАНАХ ЕС И РОССИИ

Тихонова Г. И., доктор биологических наук, ведущий научный сотрудник, заведующий Лабораторией социально-гигиенических исследований Научно-исследовательского института медицины труда им. академика Н. Ф. Измерова, Москва, Россия, e-mail: gtikhonova@yandex.ru.

Горчакова Т. Ю., кандидат биологических наук, старший научный сотрудник Научно-исследовательского института медицины труда им. академика Н. Ф. Измерова, Москва, Россия, e-mail: gorchakova.t@gmail.com.

***Аннотация.** В статье представлены стандартизованные и повозрастные коэффициенты смертности мужского населения России и стран Евросоюза в 1990 г. и 2019–2018 гг. и рассмотрена динамика соотношений этих показателей за период. Оценена кратность отношения повозрастных коэффициентов смертности мужского населения в двух регионах России и промышленном моногороде относительно общероссийских показателей.*

***Ключевые слова:** смертность, трудоспособный возраст, международные сравнения, промышленные моногорода, промышленные регионы.*

MORTALITY OF THE MALE POPULATION IN THE EU COUNTRIES AND RUSSIA

Tikhonova G. I., Doctor of Biological Sciences, Leading Researcher, Head Laboratory of Social and Hygienic Research, Izmerov Research Institute of Occupational Health, Moscow, Russia, e-mail: gtikhonova@yandex.ru.

Gorchakova T. Y., Candidate of Biological Sciences, Senior Researcher, Izmerov Research Institute of Occupational Health, Moscow, Russia, e-mail: gorchakova.t@gmail.com.

***Abstract.** The article presents the standardized and age-specific mortality rates of the male population of Russia and the EU countries in 1990 and 2019–2018 and examines the dynamics of the ratios of age coefficients for the period. The multiplicity of the ratio of age-specific mortality rates of the male population in two regions of Russia and an industrial monotown relative to the all-Russian indicators is estimated.*

***Keywords:** mortality, working age, international comparisons, industrial monotowns, industrial regions.*

***Введение.** Одной из наиболее актуальных социальных и демографических проблем современной России является сверхсмертность мужского населения.*

***Материалы и методы исследования.** На основе данных Росстата (форма С-51) и базы данных Всемирной организации здравоохранения WHO Mortality Database [1] о числе умерших по полу, возрасту и причинам смерти и численности населения были рассчитаны возрастные и стандартизованные по возрасту (Евростандарт, пересмотр 2013 г.) коэффициенты смертности для мужского населения в России за 1990 г. и 2019 г. и в среднем по странам Европейского союза (ЕС) за 1990 г. (страны ЕС-27) и 2018 г. (ЕС-28, по ряду стран данные за 2017 г.). Были представлены кривые отношения повозрастных показателей смертности мужчин в России к аналогичным показателям в ЕС в 1990 г. и в 2018–2019 г. (Россия, 2019; ЕС, 2018 г.).*

По такому же принципу было выполнено сравнение повозрастных показателей смертности в двух регионах страны: г. Москве с самым низким уровнем смертности и Иркутской области, которая на протяжении последних лет входит в пятерку регионов с наиболее высокой смертностью, а также г. Усолъе-Сибирское, одного из промышленных

городов Иркутской области с наиболее высоким уровнем смертности в области. При сравнении повозрастные коэффициенты смертности мужчин в регионах и городе соотносились с возрастными показателями по стране в целом.

Учитывая относительную малую численность населения г. Усолье-Сибирское и, следовательно, сильные колебания уровня смертности в отдельные годы, расчет показателей проводился в среднем за 10 лет (2010–2019 гг.). Для обеспечения сопоставимости данных аналогичные расчеты были проведены для России в целом и Иркутской области. Возрастные коэффициенты смертности мужчин в Москве представлены по состоянию на середину интервала – 2015 г.

Результаты исследования. Анализ динамики смертности в России и ЕС за период с 1990 по 2019 гг. свидетельствовал, что стандартизованные по возрасту коэффициенты смертности мужского населения в РФ для всех возрастов в совокупности снизились на 24,1%. За этот же период в странах ЕС снижение составило 36,6% (рис.1). Более быстрые темпы снижения смертности в странах ЕС обусловили еще большее отставание России. Если в 1990 г. стандартизованный коэффициент смертности мужского населения России был выше по сравнению со странами ЕС в 1,3 раза, то к 2019 г. разрыв возрос до 1,5-кратного.

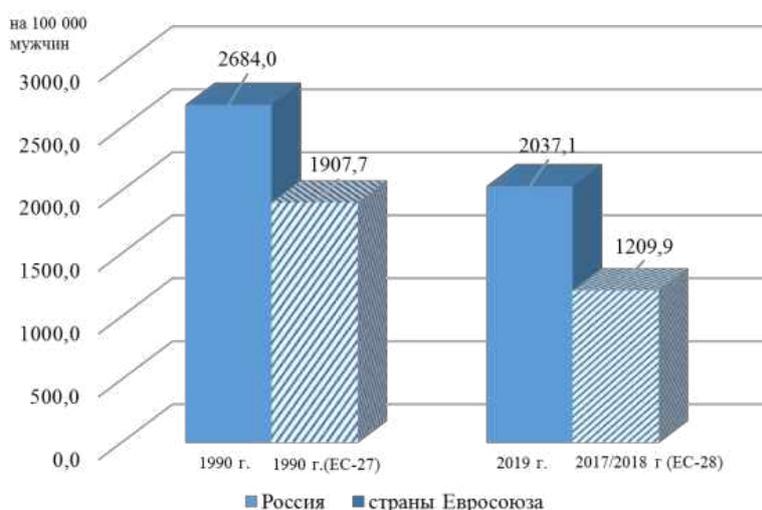

Рис. 1. Стандартизованные коэффициенты смертности мужского населения в России и странах Европейского союза (ЕС-27) в 1990 г. и в России (2019) и ЕС-28 (2017–18 гг.), на 100 000 мужчин соответствующего возраста

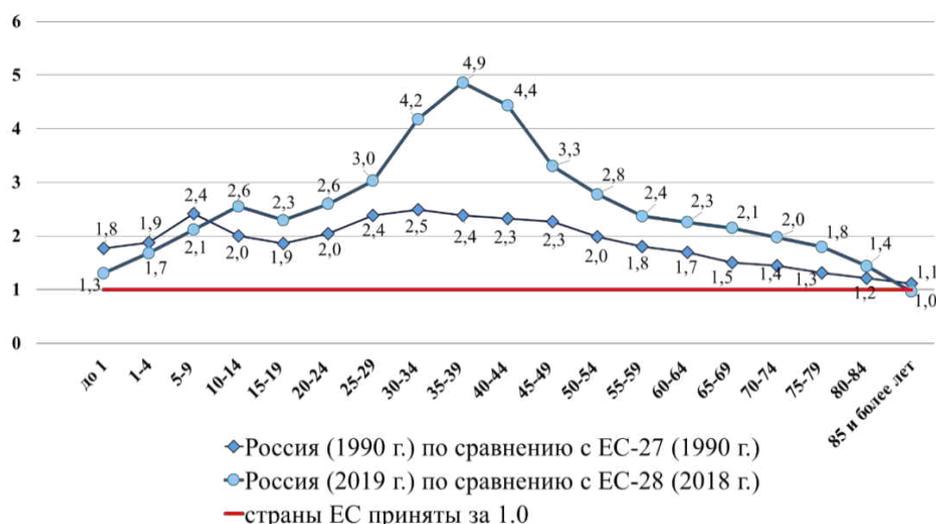

Рис. 2. Соотношение возрастных коэффициентов смертности мужчин в России и странах Европейского союза (ЕС-27) в 1990 г. и в России (2019) и ЕС-28 (2017-18 гг.) (повозрастные показатели смертности в ЕС приняты на графике за 1.0)

Сопоставление повозрастных коэффициентов смертности мужского населения России и стран ЕС в 1990 г. (на рис. 2 повозрастные коэффициенты смертности в ЕС в 1990 и 2018 гг. приняты за 1) и в 2019 г. показало, что трудоспособный возраст является самой неблагоприятной возрастной группой по динамике смертности российских мужчин (рис.2).

За период с 1990 г. разрыв в уровне смертности между Россией и странами ЕС увеличился почти во всех возрастных группах, за исключением детского населения в возрасте до 10 лет и возраста 85 лет и старше. Самое значительное увеличение разрыва в уровнях смертности наблюдалось в возрасте от 25 до 55 лет, где кратность возросла с 2,0–2,4 раз до 2,6–4,9 раз. При этом пик приходился на возраст 30–44 лет, в котором смертность россиян была выше в 4–5 раз.

Аналогичный анализ был выполнен для сопоставления возрастных коэффициентов смертности у мужчин в регионах России, максимально различающихся по уровню смертности по сравнению с общероссийскими показателями, которые приняты за 1 (рис. 3). Были выбраны два региона: столица России – Москва с самым низким уровнем смертности в стране и промышленный регион – Иркутская область, а также промышленный моногород Иркутской области – г. Усолье-Сибирское.

Обоснованием для оценки характеристик смертности в промышленном моногороде г. Усолье-Сибирское послужила необходимость оценить уровни смертности в наиболее неблагоприятных по социально-экономическим характеристикам населенных пунктах страны. Г. Усолье-Сибирское входит в перечень городов с наиболее сложным социально-экономическим положением, отличается высоким уровнем безработицы в связи с ликвидацией градообразующего предприятия «Усольехимпром» и является зоной экологического бедствия [2].

Еще одним мотивом выбора для анализа промышленного моногорода явился тот факт, что по подсчетам Института региональной политики, около 40% от общего числа городов в России являются моногородами. На них приходится четверть городского населения страны (25 млн человек) [3].

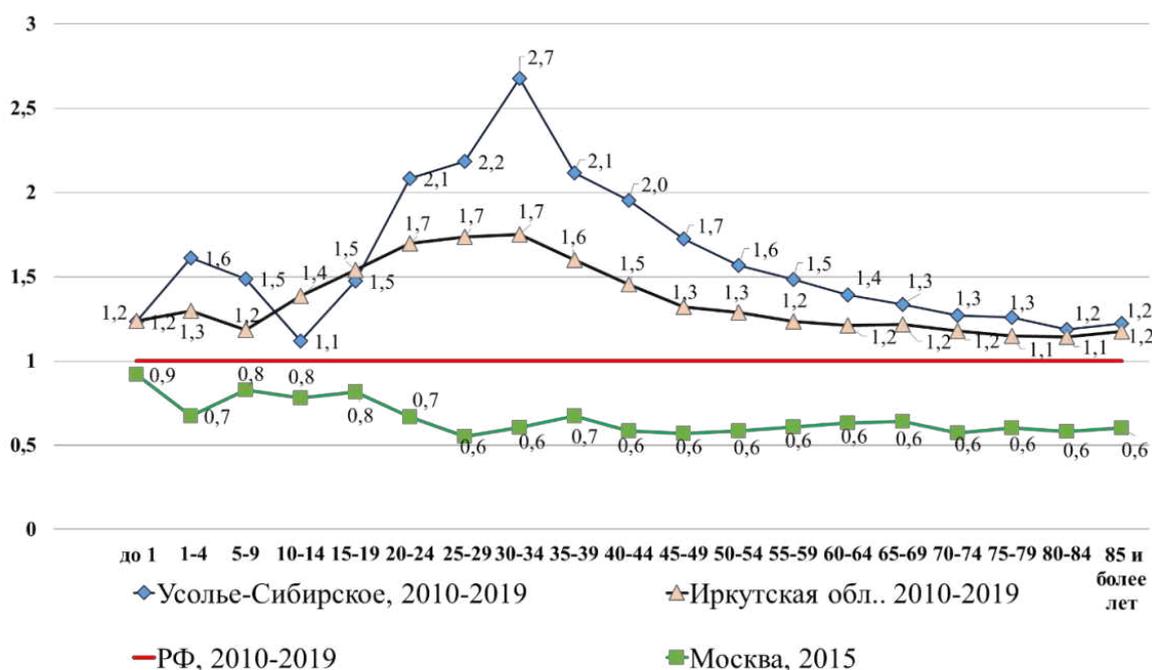

Рис. 3. Соотношение возрастных коэффициентов смертности у мужчин в г. Москве, Иркутской области и г.Усолье-Сибирское по сравнению с Россией (Россия принята на графике за 1.0)

Москва – это экономический, научный и культурный центр, город с развитой инфраструктурой, самой современной системой здравоохранения и с наиболее высоким уровнем жизни населения. Среднемесячная оплата труда в 2019 г. в Москве составляла почти 95 тыс. руб. Доля занятых на работах с вредными и (или) опасными условиями труда в Москве не превышает 25%, преимущественно это работники, занятые в видах деятельности транспорт и связь (у мужчин этот показатель составлял 29,2%).

На рисунке 2 видно, что уровни смертности в Москве во всех возрастных группах, начиная с возраста 20–24 года были на 30–40% ниже, чем по стране в целом. Несколько меньше были выражены различия в смертности детского населения и подростков.

Иркутской область – один из наиболее развитых промышленных центров не только Сибири, но и страны. В Иркутской области развитие получили практически все виды промышленности – добыча нефти и газа, железной руды, угля, цветная металлургия, производство алюминия, химических веществ и нефтепродуктов, деревообработка и др. Доля занятых во вредных условиях труда в 2019 г. составляла у мужчин почти 60%, что выше, чем по стране в целом (46,0%). В Иркутской области экологическая обстановка является крайне напряженной. В 2018 г. промышленные города с высоким и очень высоким загрязнением атмосферного воздуха составляли 56% от всех обследованных населенных пунктов региона [4]. Среднемесячная заработная плата была на 1,5 тыс.руб. ниже общероссийской и составляла в 2019 г. 46,4 тыс. руб. (в России – 47,9 тыс.руб.)

Усредненные за 10 лет возрастные коэффициенты смертности мужчин в Иркутской области были выше в 1,1–1,7 раза общероссийских. Наименьшие различия были в детских и пенсионных возрастах.

В г. Усолье-Сибирское из-за экстремальной экологической ситуации в связи с загрязнением воздуха, воды и почвы ртутью и другими вредными веществами с октября 2018 г. действует режим чрезвычайной ситуации. Высокий уровень безработицы является одной из причин низкой стоимости рабочей силы. Среднемесячная заработная плата населения города (38,5 тыс. руб.) значительно отстает от показателей по стране и области.

Сравнение повозрастных коэффициентов смертности свидетельствовало о еще большем разрыве в показателях, чем при сравнении Иркутской области со страной в целом. В г.Усолье-Сибирское коэффициенты были выше в 1,2–2,7 раза, чем в России. Максимальные различия приходились на возрастные группы от 20 до 39 лет.

Заключение. Проведенный сравнительный анализ стандартизованных и повозрастных коэффициентов смертности мужского населения России и стран Европейского союза показал, что наибольшие демографические потери в России фиксировались в трудоспособном возрасте (30–44 лет).

Результаты оценки диапазона разброса повозрастных коэффициентов смертности в регионах России показали значительное неравенство жителей страны перед смертью.

На фоне среднероссийских показателей ситуация в Москве была благополучной. Вместе с тем, необходимо учитывать, что по сравнению со странами Европы в Москве регистрировались от 1,2 до 3,5 раз более высокие уровни смертности в отдельных возрастных группах, преимущественно трудоспособного возраста.

На другом полюсе находились Иркутская область и ряд других промышленных регионов, характеризующихся высокими коэффициентами смертности. Наиболее тяжелая ситуация регистрировалась в промышленных моногородах с обанкротившимся или резко сократившим объемы производства градообразующим предприятием, которое составляет системное единство с городом. Характерно, что при сравнении с российскими показателями смертности, как и с европейскими, максимальные уровни смертности регистрировались в возрастных группах от 25 до 40 лет, и таким образом по сравнению со странами Европы превышение могло достигать 10-кратного и более размера. Следует подчеркнуть и особо отметить, что максимальные потери приходятся на возраст, который должен быть самым продуктивным с точки зрения возврата и преумножения тех ресурсов, которые были вложены в поколение.

Список литературы и источников

1. WHO Mortality Database // World Health Organization [site]. URL: <https://www.who.int/data/data-collection-tools/who-mortality-database> (дата обращения: 13.11.2019).
2. *Ревич Б. А.* «Горячие точки» химического загрязнения окружающей среды и здоровье населения России / под ред. В.М. Захарова. – М.: Акрополь, Общественная палата РФ, 2007. – 192 с. ISBN: 978-5-98807-024-5.
3. *Моногорода России: как пережить кризис? Анализ социально-экономических проблем моногородов в контексте мирового финансово-экономического кризиса, влияющего на состояние градообразующих корпораций.* – М.: Институт региональной политики, 2008. – 80 с.
4. *Государственный доклад «О состоянии и об охране окружающей среды Иркутской области в 2018 году».* – Иркутск: ООО «Мегапринт», 2019 г. – 307 с. ISBN: 978-5-907095-82-3.

ЗАБОЛЕВАЕМОСТЬ ТУБЕРКУЛЕЗОМ СРЕДИ ТРУДОВЫХ МИГРАНТОВ В РОССИИ

Цыбикова Э. Б., доктор медицинских наук, главный научный сотрудник Центрального научно-исследовательского института организации и информатизации здравоохранения Минздрава России, Москва, Россия, e-mail: erzheny2014@yandex.ru.

Гадирова М. Э., аспирант Центрального научно-исследовательского института организации и информатизации здравоохранения Минздрава России, Москва, Россия, e-mail: mira_mir_007@mail.ru.

***Аннотация.** Стабильно снижающийся уровень заболеваемости туберкулезом среди постоянного населения России не оказывает прямого влияния на распространение туберкулеза среди трудовых мигрантов. Высокий уровень заболеваемости туберкулезом среди трудовых мигрантов, многократно превышающий таковой среди постоянного населения, создает угрозу для его распространения среди постоянного населения тех субъектов РФ, в которых наблюдается наиболее высокий приток трудовых мигрантов.*

***Ключевые слова:** туберкулез, трудовые мигранты, заболеваемость.*

INCIDENCE OF TUBERCULOSIS AMONG LABOR MIGRANTS IN RUSSIA

Tsybikova E. B., Doctor of Medical Sciences, Chief Researcher, Federal Research Institute for Health Organization and Informatics of Ministry of Health of the Russian Federation, Moscow, Russia, e-mail: erzheny2014@yandex.ru.

Gadirova M. E., Postgraduate Student, Federal Research Institute for Health Organization and Informatics of Ministry of Health of the Russian Federation, Moscow, Russia, e-mail: mira_mir_007@mail.ru.

***Abstract.** The steadily decreasing incidence of tuberculosis among the resident population of Russia does not directly affect the spread of tuberculosis among labor migrants. The high incidence of tuberculosis among labor migrants, which is many times higher than that among the resident population, poses a threat to its spread among the resident population of those constituent entities of the Russian Federation, in which the highest inflow of labor migrants is observed.*

***Keywords:** tuberculosis, labor migrants, morbidity.*

***Введение.** За последние 10 лет в России возросла иммиграция трудовых мигрантов, что с одной стороны, имело важное социально-экономическое значение, поскольку способствовало компенсации естественной убыли трудоспособного населения и созданию новых рабочих мест, однако, с другой стороны, с притоком трудовых мигрантов возрос риск распространения туберкулеза (ТБ), ввозимого из тех стран, где в настоящее время наблюдается его значительное распространение [1; 2].*

***Цель исследования:** изучение заболеваемости ТБ среди трудовых мигрантов в России в динамике за период с 2010 по 2019 гг.*

***Материалы и методы:** сведения из форм федерального статистического №8 и №33 за 2010–2019 гг., данные Федеральной миграционной службы [3] и Росстата о численности трудовых мигрантов и населения России. Для анализа использован метод Хи-квадрат (χ^2) Пирсона.*

***Результаты.** Распространение ТБ среди трудовых мигрантов в субъектах Российской Федерации (РФ) за последние 10 лет характеризовалось выраженной неравномерностью, при этом наибольшее число таковых, впервые заболевших ТБ в 2019 г., составлявшее 1529 человек*

(74% от их общего числа), было зарегистрировано в 16 субъектах РФ (19% от их общего числа). Например, в трех субъектах РФ: Москве, Санкт-Петербурге и Московской области, – в которых имелся наибольший спрос на рабочую силу, в 2019 г. было зарегистрировано 59% случаев заболевания ТБ среди трудовых мигрантов.

Изучение структуры общей заболеваемости ТБ в субъектах РФ показало, что за последние 10 лет в ней произошли существенные изменения, обусловленные возрастанием доли заболеваемости ТБ среди трудовых мигрантов. В 2019 г. доля субъектов РФ, в которых наблюдался высокий и средний уровень заболеваемости ТБ среди трудовых мигрантов достигла 25% от их общего числа. В данных субъектах РФ наблюдалось замедление темпов снижения общего показателя заболеваемости ТБ, по сравнению с таковыми среди постоянного населения, которые оставались стабильными на протяжении всего периода наблюдения.

Сравнение возрастного профиля впервые выявленных пациентов с ТБ среди постоянного населения и трудовых мигрантов показало, что максимальная концентрация пациентов с ТБ из числа мигрантов приходилась на наиболее молодые возрастные группы 18–24 и 25–34 лет, в то время как в старших группах (≥ 55 лет) наблюдалось их полное отсутствие. Среди постоянного населения, напротив, наибольшее число пациентов с ТБ приходилось на средние и старшие группы (≥ 35 лет), а в молодых группах их доля была наименьшей.

Сравнение значений показателей заболеваемости ТБ среди постоянного населения и трудовых мигрантов в 10 субъектах РФ с наиболее высоким уровнем распространения ТБ среди трудовых мигрантов показало, что во всех без исключения субъектах РФ значения показателя заболеваемости ТБ среди трудовых мигрантов многократно превышали таковые среди постоянного населения ($p < 0,0001$).

Обсуждение. Для предотвращения распространения ТБ среди трудовых мигрантов 21 ноября 2014 г. Госдума приняла законопроект [4], согласно которому мигрант для заключения трудового договора в РФ должен иметь полис добровольного медицинского страхования (ДМС), который он покупает самостоятельно, или договор с медицинской организацией о предоставлении платных медицинских услуг, который заключает работодатель. Однако данный полис или договор не предусматривают оплату медицинских услуг по диагностике и лечению ТБ. В соответствии с Постановлением главного государственного врача [5] трудовые мигранты при обращении за получением разрешения на временное проживание на территории РФ, вида на жительство, гражданства или разрешения на работу, должны во внеочередном порядке проходить периодический осмотр на ТБ, а далее повторно не реже одного раза в год. Однако, как показали результаты социологического опроса [6], несмотря на обязательность ежегодного прохождения флюорографии, за два последних года не обследовался каждый десятый трудовой мигрант. Кроме того, значительная часть трудовых мигрантов длительное время или никогда не проходили рентгеновское обследование для выявления ТБ в своей стране. В связи с вышесказанным, трудовых мигрантов, прибывающих в Россию из государств с высокой распространенностью ТБ, особенно из республик Центральной Азии и Закавказья, необходимо относить к группе высокого риска заболевания ТБ и проводить скрининг для выявления ТБ в те же сроки, которые предусмотрены для постоянного населения [7,8].

Заключение. Стабильно снижающийся уровень заболеваемости ТБ среди постоянного населения не оказывает прямого влияния на распространение ТБ среди трудовых мигрантов в субъектах РФ. Высокий уровень заболеваемости ТБ среди трудовых мигрантов, многократно превышающий таковой среди постоянного населения, создает угрозу для его распространения среди постоянного населения в тех субъектах РФ, в которых наблюдается наиболее высокий приток трудовых мигрантов.

Список литературы и источников

1. Ершова А. В., Стерликов С. А. Оценка заболеваемости туберкулезом вновь прибывших трудовых иммигрантов с учетом их возрастно-полового состава //Туберкулез и болезни

- легких. 2018. Т. 96. № 1. С. 24–30. DOI <https://doi.org/10.21292/2075-1230-2018-96-1-24-30>.
2. *Лапина И. С., Марапов Д. И., Костромцов С. И., Мякишева Т. В., Салихов Б. У.* Вклад трудовой миграции в эпидемическую ситуацию по туберкулезу в Калужской области // Туберкулез и болезни легких. 2018. Т. 96. № 11. С. 45–51. DOI: <https://doi.org/10.21292/2075-1230-2018-96-11-45-51>.
 3. Статистические сведения по миграционной ситуации // Министерство внутренних дел Российской Федерации [сайт]. URL: <https://мвд.рф/deyatelnost/statistics/migracionnaya> (дата обращения: 12.10. 2021).
 4. Федеральный закон от 01.12.2014 г. № 409-ФЗ «О внесении в Трудовой кодекс Российской Федерации и статью 13 Федерального закона “О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации” изменений, связанных с особенностями регулирования труда работников, являющихся иностранными гражданами или лицами без гражданства» // Президент России [сайт]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/39123> (дата обращения: 12.10. 2021).
 5. Об утверждении санитарно-эпидемиологических правил СП 3.1.2.3114-13 от 22 октября 2013 г. №60 «Профилактика туберкулеза» // Федеральная служба по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека (Роспотребнадзор) [сайт]. URL: https://www.rospotrebnadzor.ru/documents/details.php?ELEMENT_ID=3566 (дата обращения: 12 октября 2021).
 6. *Журавлева И. В., Иванова Л. Ю.* Мигранты: социально-экономические условия жизни, влияющие на здоровье, и обращаемость в российские медицинские учреждения (по результатам опроса в Санкт-Петербурге) // Социальные аспекты здоровья населения [Электронный научный журнал]. 2015. Т. 43. № 3. URL: <http://vestnik.mednet.ru/content/view/686/30/lang,ru/> (дата обращения: 12 октября 2021)
 7. *Исаева Н. Ю., Гришко А. Н., Майорова О. А.* Система выявления туберкулеза у мигрантов в г. Санкт-Петербурге // Туберкулез и болезни легких. 2015. № 7. С.59–60.
 8. *Амирханян А. Г.* Доступ трудовых мигрантов к услугам здравоохранения // Современные тенденции развития науки и технологий. 2016. № 5–2. С. 93–96.

THE AGE STRUCTURE OF IRAN: IS IRAN AGING?

Mehdi Afzali, Candidate of Sociological Sciences, Senior Researcher, Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia, e-mail: mehdiafzali1991@gmail.com.

Ali Shakeri, Research Assistant, Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia, e-mail: alishakeri3834@gmail.com.

Abstract. *While the population of Iran is increasing, the concerns about the population aging are growing. In 2050, the population of people 65 years old and over will consist 21% of the population; and the cohort of Iranians, 0–14 years old will decrease and will consist 17% of the population.*

Keywords: *Iran, age structure, aging, population aging, population, elderly population, dependency ratio.*

ВОЗРАСТНАЯ СТРУКТУРА ИРАНА: СТАРЕЕТ ЛИ ИРАН?

Афзали Мехди, кандидат социологических наук, старший научный сотрудник Института демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия, e-mail: mehdiafzali1991@gmail.com.

Шакери Али, стажер-исследователь Института демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия, e-mail: alishakeri3834@gmail.com.

Аннотация. *В то время как население Ирана увеличивается, опасения по поводу старения населения растут. В 2050 г. население в возрасте 65 лет и старше будет составлять 21% населения; а когорта иранцев в возрасте от 0 до 14 лет уменьшится и составит 17% населения.*

Ключевые слова: *Иран, возрастная структура, старение, старение населения, население, пожилое население, коэффициент зависимости.*

Introduction. Aging is a process of continuous decline in the physiological capacity of the body after age 30 [1]. While the population is aging, it imposes many socio-economic burdens on countries such as living arrangements for the elderly population, pensions, insurance, healthcare, etc. Today, the world's population is aging, and every country is experiencing the implication of aging in its different socio-economic sectors. Therefore, governments need to design new policies addressing the welfare of the elderly population. The number of people who are 65 years old and over, reached 727 million persons in 2020, and since women live longer than men, they comprise most of the older persons. In 2050, it is expected that number of older persons in the world reaching over 1.5 billion people, which shows that the share of the population aged 65 years or over in the world will increase from 9.3% in 2020 to 16% in 2050. However, the population aging is occurring with other socio-economic factors, low fertility rate, decrease in the number of marriages, increase in the number of divorces, change in the pattern of marriage and divorce, international migration, rural-urban migration, etc. [2].

Iran has been experiencing few drastic changes in its population structure since 1950 after World War II, following by 1979 (the Islamic revolution) and 1980–1988 (Iran–Iraq war). The Total Fertility Rate (TFR) has decreased from 9.6 in 1960 and reached 2.1 in 2019 [3]. In 2020, life expectancy for men and women has reached 76.2 and 78.6 years old respectively, the crude death rate in 2019 is 4.8 (in 1,000 population). Moreover, the infant mortality rate and Under-five years old mortality rate has drastically decreased from 220 and 298 respectively to 2 and 3 (per 1,000 live births). [4]. These indicators show that the country's health reforms in the last few decades have positively affected life prolongation.

Methodology. This paper uses the secondary data provided by the Population Division of the United Nations. To understand and illustrate the country's demographic changes and age structure, we use the Total dependency ratio, Child dependency ratio, Old-age dependency ratio, and Potential support ratio that helps us understand the impact of population aging.

Results. The following two pyramids show that out of the 83 million population in 2020, around 10 % will be more than 60 years old and almost 6.5% are 65 years old and more. However, the UN forecasts show that in 2050 the population of 60 years old and more will be more than 27%, and the people of 65 years old and more will be around 21% of the 103 million population of Iran.

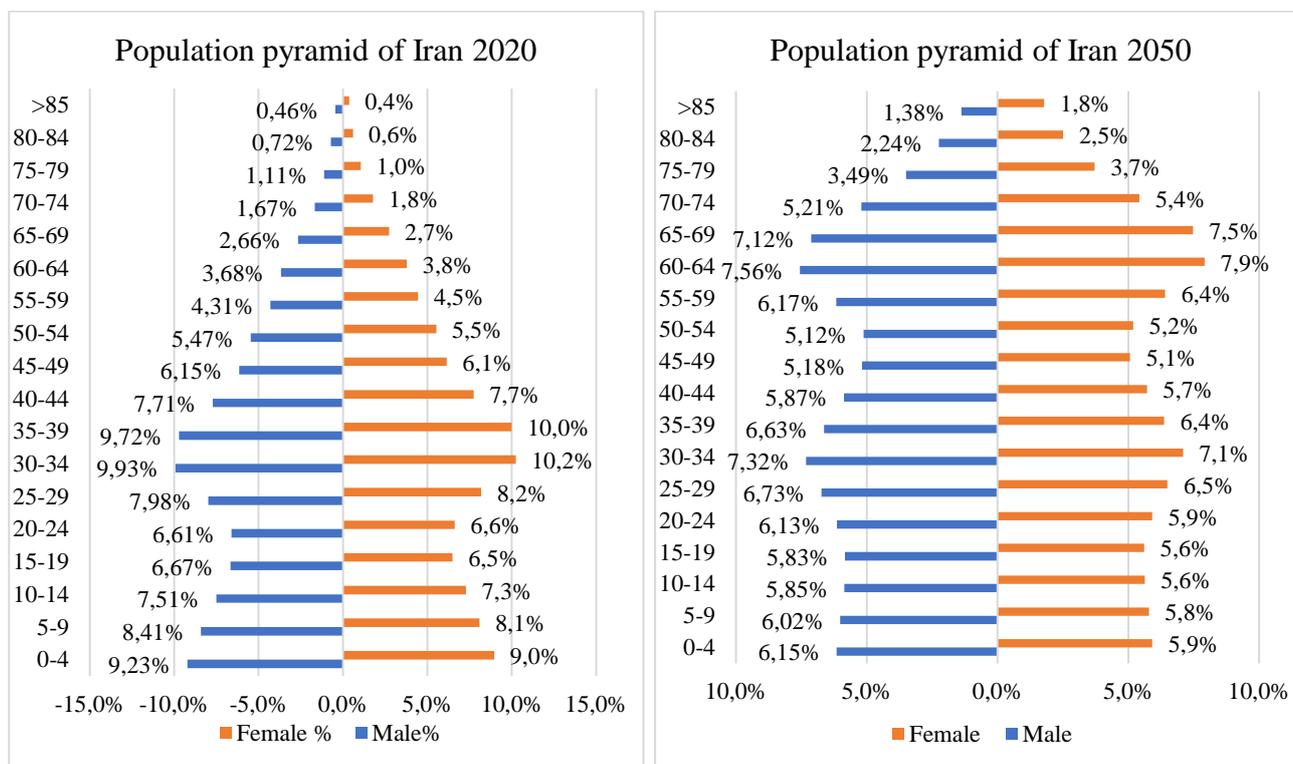

Fig. 1. Population pyramids of Iran 2020 and 2050

Source: [4]

Moreover, the UN forecasts for 2050 show that the cohort of Iranians, 0–14 years old, which in 2020 consisted around 24.5% of the population, will include almost 17.5% of the total population in 2050, which shows the 7% decrease. This is due to a decline in marriages, an increase in divorces, and a low fertility rate. One of the essential factors helping us to understand the impact of demographic changes is the dependency ratio (child dependency ratio, old-age dependency ratio, and total dependency ratio). The following graph shows that, although Iran's total dependency ratio per 100 population 15-64 years old has decreased from 71.1 in 1950 to 45.6 in 2020, it will increase to 60.9 in 2050, and it will reach 79.3 in 2100, which is higher than the same rate in 1950.

In addition, the child dependency ratio, which is the ratio of population 0–14 per 100 population 15–64 in Iran is continuously decreasing since 1950, from 62.1 to 36 in 2020. Based on the forecasts of the UN, the rate will continue to decline to 28.4 in 2050 and 26.8 in 2100. The old-age dependency ratio, which is the ratio of population 65+ per 100 population 15–64, continuously increases from 9 since 1950 to 9.6 in 2020. However, it is expected to have a significant increase up to 2100. The percentage will reach 32.4 in 2050 and 52.5 in 2100.

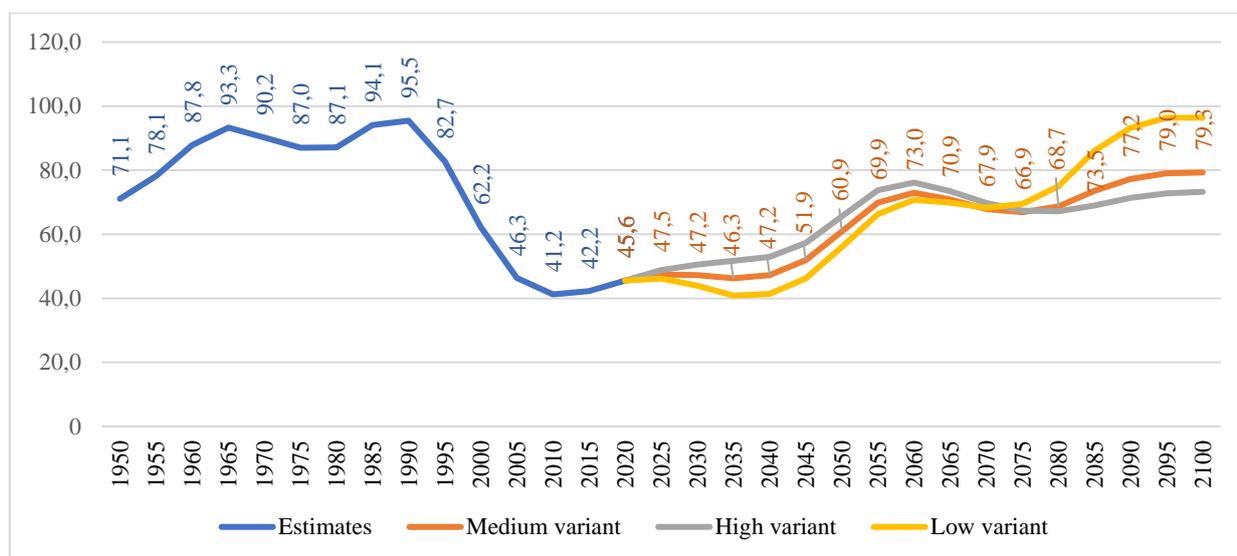

Fig. 2. Total dependency ratio (<15 & 65+)/ (15–64) (ratio of population 0 –14 and 65+ per 100 population 15–64), 1950–2100

Source: [4]

Another critical factor helping us understand the impact of demographic changes is the potential support ratio; this index describes the burden that the population has imposed on the labor force (15–64 years old). As illustrated in graph 3, the ratio has increased from 11.1 in 1950 to the highest level in 1980 at the beginning of the Iran-Iraq war. By the end of the war in 1988, this ratio has been decreasing continuously, and it reached 10.5 in 2020.

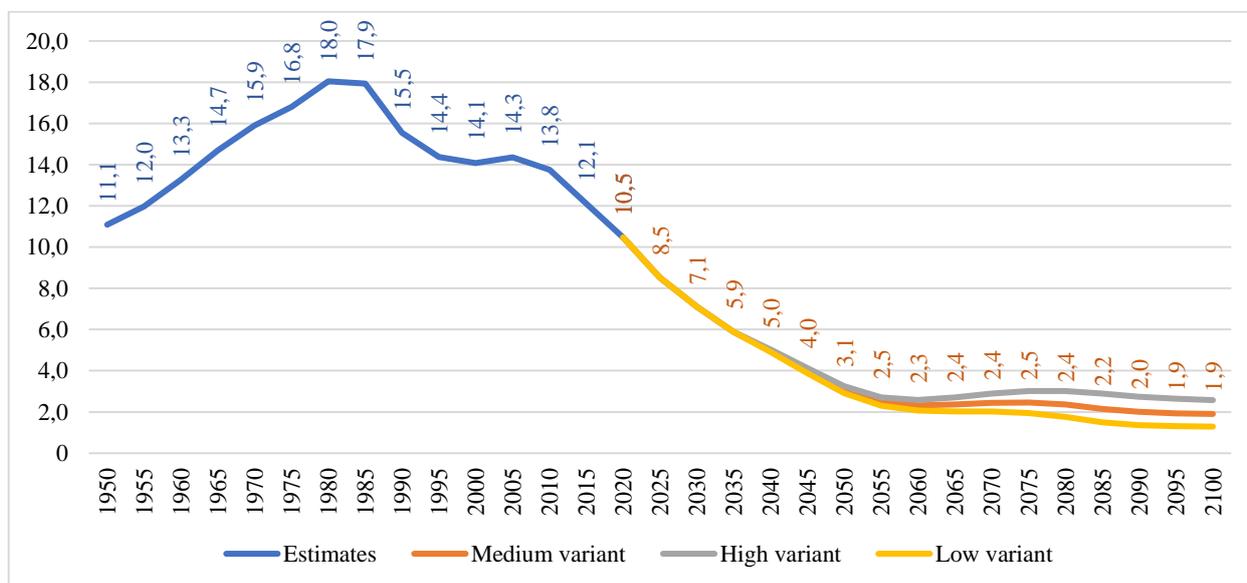

Fig. 3. Iran's Potential support ratio (15-64/65+), (ratio of population 15-64 per population 65+), 1950–2100

Source: [4]

Moreover, the UN forecasts show that this ratio will decrease to 3.1 in 2050, and it continues decreasing up to 2100 when it reaches 1.9 people in age 15–64 per one person more than 65 years old.

Conclusion. In Iranian culture, just as many as in eastern countries, older people are expected to receive emotional and financial support from their children. From Iranian and Islamic perceptions, caring for the elderly is a must and is considered a moral virtue [5]. However, due to financial and economic problems in Iran, where inflation and unemployment rate are high, many young people

cannot meet their own needs. They cannot provide the daily necessities, healthcare, and treatment for their parents or older adults. Hence, in many Iranian families, parents must support their children through their education, marriage, place of living, etc. The wealth and money saved through their lives go for nurturing and supporting their children. When they reach 60 years old or 65 years old, they are with no money and wealth in hand.

Therefore, they experience health and financial challenges, and the burdens and pressure will be on the government, the country's health system, etc. In the end, with the process of population aging, the government, families, and elderly population will face crucial economic, financial and health challenges in future, which will strongly influence on the socio-economic environment of the country in the next upcoming decades.

References and sources

1. Farhud D., Aghasi M., Sadighi H. Gene and Aging. *Iranian Journal of Public Health*. 2008. Vol. 37. No. 3. Pp. 1–8.
2. United Nations Department of Economic and Social Affairs, Population Division. *World Population Ageing 2020 Highlights: Living arrangements of older persons* (ST/ESA/SER.A/451). New York: United Nations, 2020. 40 p. ISBN: 978-92-1-148347-5.
3. Fertility rate, total (births per woman) - Iran, Islamic Rep. // World Bank Data. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/SP.DYN.TFRT.IN?locations=IR> (accessed on 16.09.2021).
4. World Population Prospects 2019 // United Nations Department of Economic and Social Affairs. URL: <https://population.un.org/wpp/Download/Standard/Population/> (accessed on 16.09.2021).
5. Tajvar M., Arab M., Montazeri A. Determinants of Health-Related Quality of Life in Elderly in Tehran, Iran. *BMC Public Health*. 2008. Vol. 8. Pp. 323-331. DOI: <https://doi.org/10.1186/1471-2458-8-323>.

СЕКЦИЯ III
МИГРАЦИЯ И МИГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ

УДК 314

DOI: 10.19181/forum.978-5-89697-373-7.2021.44

ТРАНСФОРМАЦИЯ СИСТЕМЫ РАССЕЛЕНИЯ В ДАЛЬНЕВОСТОЧНОМ
И СИБИРСКОМ ФЕДЕРАЛЬНОМ ОКРУГЕ: СЦЕНАРИИ РАЗВИТИЯ

Безвербный В. А., кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник, заведующий Отделом георбанистики и пространственного развития Института демографических исследований ФНИСЦ РАН; доцент кафедры демографической и миграционной политики МГИМО (У) МИД России, Москва, Россия, e-mail: vadim_ispr@mail.ru.

Фомин М. В., кандидат политических наук, ведущий научный сотрудник Института демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия, e-mail: mvfomin@mail.ru.

Мирязов Т. Р., младший научный сотрудник Института демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия, e-mail: miryazov_timur@mail.ru.

Аннотация. Глубинные диспропорции в пространственном развитии России оказывают серьезное влияние не только на сдерживание социально-экономического, технологического, инфраструктурного роста регионов страны, но и во многом определяют состояние национальной безопасности российского государства. В значительной степени эти проблемы обусловлены демографическими причинами, в том числе продолжающейся депопуляцией населения, неравномерным размещением населения, устаревшей системой расселения, масштабным оттоком трудоспособного населения из регионов Сибири и Дальнего Востока и усилением центростремительных внутренних миграционных потоков, низкой заселенностью большей части территории страны, снижающимся уровнем человеческого капитала и дефицитом высококвалифицированных специалистов на региональных рынках труда Российской Федерации.

Ключевые слова: Дальневосточный федеральный округ, Дальний Восток, Сибирский федеральный округ, Сибирь, система расселения, пространственное развитие, демография, население, миграция.

SETTLEMENT SYSTEM TRANSFORMATION IN THE RUSSIAN FAR EAST
AND SIBERIA: DEVELOPMENT SCENARIOS

Bezverbny V. A., Candidate of Economic Sciences, Leading Researcher, Head Department for Geo-Urban Studies and Spatial Development, Institute for Demographic Research FCTAS RAS; Associate Professor, Department for Demographic and Migration Policy, MGIMO University, Moscow, Russia, e-mail: vadim_ispr@mail.ru.

Fomin M. V., Candidate of Political Sciences, Leading Researcher, Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia, e-mail: mvfomin@mail.ru.

Miryazov T. R., Junior Researcher, Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia, e-mail: miryazov_timur@mail.ru.

Abstract. Deep imbalances in the spatial development of Russia have a serious impact not only on restraining the socio-economic, technological, and infrastructural growth of the country's regions, but also largely determine the state of national security of the Russian state. To a large

extent, these problems are caused by demographic reasons, including the continuing depopulation of the population, uneven distribution of the population, an outdated settlement system, a large-scale outflow of the working-age population from the regions of Siberia and the Far East and the strengthening of centripetal internal migration flows, low population of most of the country's territory, the declining level of human capital and the shortage of highly qualified specialists in the regional labor markets of the Russian Federation.

Keywords: *Far Eastern Federal District, Far East, Siberian Federal District, Siberia, settlement system, spatial development, demography, population, migration.*

Введение. Процесс оттока населения из восточных регионов страны на запад остается одной из важнейших проблем социально-экономического развития России. Несмотря на то, что этому вопросу повсеместно уделяется большое внимание, жители Дальневосточного и Сибирского федеральных округов продолжают переезжать в более перспективные для жизнедеятельности районы страны. Взятый курс на развитие агломераций сегодня не может оставаться единственно верным решением. В перспективе мы можем получить на огромной площади два или три крупных города, которые в любом случае будут терять население, если не по причине миграции, то в связи с естественной убылью. В такой ситуации важно оценить и изучить внутрирегиональные демографические процессы и тенденции.

Отрицательные миграционные тенденции обусловлены, как правило, дефицитом хорошо оплачиваемых мест приложения труда в большинстве регионов страны. В половине регионов России имеют место тенденции естественной убыли, обусловленные постаревшей структурой населения. В этой ситуации сложившиеся диспропорции в пространственном развитии Сибири и Дальнего Востока становятся серьезной проблемой, от решения которой зависит ее территориальная целостность и перспективы дальнейшего экономического развития. Требуется «прорывной» подход для перелома негативных демографических тенденций в приграничных районах страны. Отсутствие работы, перспектив для жизни, заброшенность социальной и транспортной инфраструктуры, суровые климатические условия – это те ключевые факторы, которые определяют негативные демографические тенденции в Сибири и на Дальнем Востоке.

Методы и теоретическая основа работы. В данной работе анализировались статистические данные Федеральной службы государственной статистики (Росстат). Были выбраны данные муниципальной статистики за 2011–2018 гг. В процессе исследования использовался в первую очередь картографический метод, который позволил комплексно оценить демографическую ситуацию внутри регионов. Данные статистики по муниципальным образованиям удобнее всего изучать, используя именно карты – они лаконично дают представление о ситуации на рассматриваемой территории [1].

Изучением современных демографических и миграционных процессов в регионах Дальневосточного федерального округа занимается большое количество исследователей.

Одной из наиболее значимых является работа Мотрич Е.Л. «Население Дальнего Востока России» [2], в которой автор рассматривает этапы формирования населения Дальнего Востока и исследует современные социальные процессы в регионе. Свою оценку социально-экономическому потенциалу городов ДФО дают Найден С.Н. и Колбина Е.О. в статье «Города Дальнего Востока: социально-экономический потенциал и перспективы развития опорных центров расселения» [3].

Особенности трансформации системы расселения в Дальневосточном и Сибирском федеральных округах.

В большинстве исследований, в рамках изучения демографической ситуации в России рассматриваются данные региональной статистики. Во многом такой подход имеет смысл, когда речь идет о глобальных проблемах, рассматриваемых в масштабах всей страны. В настоящее время приоритет отдается вопросам сохранения населения в регионах, в то время как демографические проблемы на уровне муниципальных образований отходят на второй план.

Рассмотрим демографическую ситуацию в Дальневосточном федеральном округе. Как видно на рисунке 1, численность населения с 2011 г. сокращается повсеместно, в большинстве муниципальных образований. Исключение составляют районы, прилегающие к региональным столицам, или крупнейшим экономическим центрам.

Подобная ситуация характерна не только для районов Дальнего Востока. Пространственные сдвиги в системе расселения имеют место на всей территории России, включая центральную часть, в том числе Московский регион. Субъекты федерации, которые в последние годы показывали рост численности населения или незначительный спад (Республика Саха, Чукотский АО, Бурятия), на большей части территории продолжают убывать.

Характерным является и то, что население значительно сокращается не только в отдаленных и труднодоступных районах, но часто и в непосредственной близости к «центрам притяжения». Неблагоприятная социально-экономическая ситуация в муниципальных образованиях, расположенных дальше 50 км от развитого центра, вместе с относительно высокой транспортной связанностью влечет за собой еще больший отток населения.

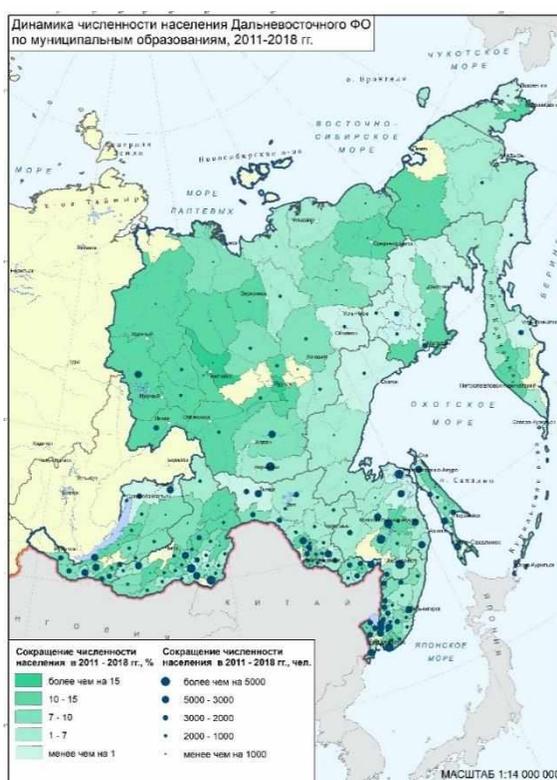

Рис 1. Динамика численности населения ДФО, 2011–2018 гг.

Таким образом становится очевидным, что на данном этапе пространственного развития страны упор на экономическую поддержку крупнейших агломераций приводит к потере альтернативных точек развития. Население, концентрируясь в региональных центрах покидает не самые отсталые и бесперспективные территории [4].

Обращаясь к карте динамики численности населения ДФО (Рис. 1), и карте плотности населения ДФО (рис. 2), можно заметить, что частые обращения к сложной климатической обстановке, как одному из ключевых факторов потери населения в регионе, оказываются не столь оправданными. Численность населения по большей части сокращается в густонаселенных районах основной полосы расселения, с относительно благоприятным климатом.

Ключевым фактором, влияющим на демографическую ситуацию в муниципальных районах ДФО, остается миграционный отток, который может провоцировать и снижение рождаемости, так как территорию покидает в первую очередь молодое поколение.

В контексте перемещения жителей Дальневосточных регионов имеет смысл рассматривать только внутрироссийскую миграцию, так как растущая международная иммиграция размывает общую картину.

В 2018 г. большая часть регионов Дальневосточного Федерального Округа имела отрицательное сальдо миграции, в то время как естественный прирост наблюдался в большинстве муниципальных образований Якутии, во многих районах Забайкалья, Бурятии и Хабаровского края.

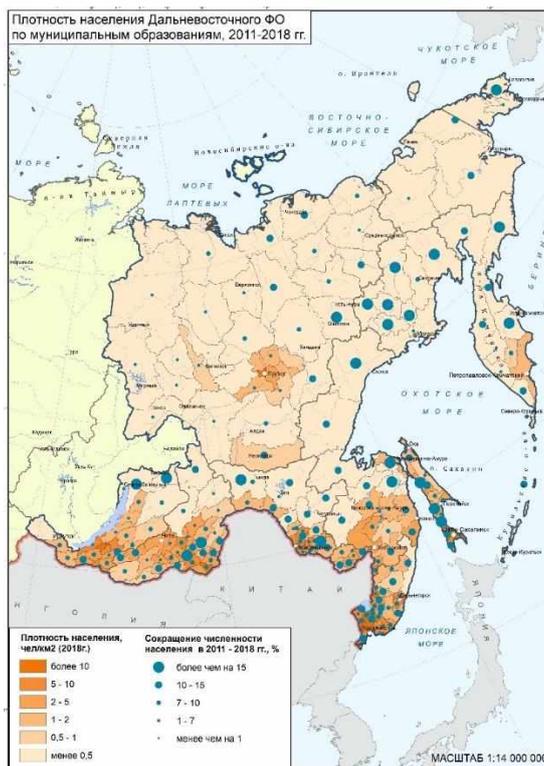

Рис 2. Плотность населения ДФО, 2018 г.

Сравнивая показатели миграции и естественного прироста (рис. 3), становится очевидным, что на сокращение численности населения в большей степени влияет именно миграционный отток (данный показатель заметно коррелирует с показателями динамики численности населения). В 2018 г. население активно прибывало только в региональные центры и прилегающие к ним районы.

Многоуровневость оттока из регионов Дальневосточного федерального округа отчетливо видна при рассмотрении межрегионального сальдо миграции административных центров. Очевидно, что в то время, как населения региона стремятся в столицу, жители столицы стремятся перебраться в другой регион. На данный момент, даже аккумуляция населения в региональных центрах не решает проблемы миграционной убыли в регионах Дальнего Востока.

В перспективе процесс неконтролируемого притока населения в региональные столицы не только не способен эффективно решать проблему переселения людей на запад страны, но и может провоцировать снижение рождаемости.

Рассмотрим тенденции демографической динамики в регионах Сибирского федерального округа на муниципальном уровне. Интересна как ситуация в каждом из регионов в отдельности, так и общая картина процесса трансформации системы расселения, а также факторы ее обуславливающие.

Для Иркутской области характерен типичный для подавляющего большинства регионов России процесс стягивания населения в агломерацию регионального центра. Большинство районов Иркутской области характеризуется естественной и миграционной убылью населения.

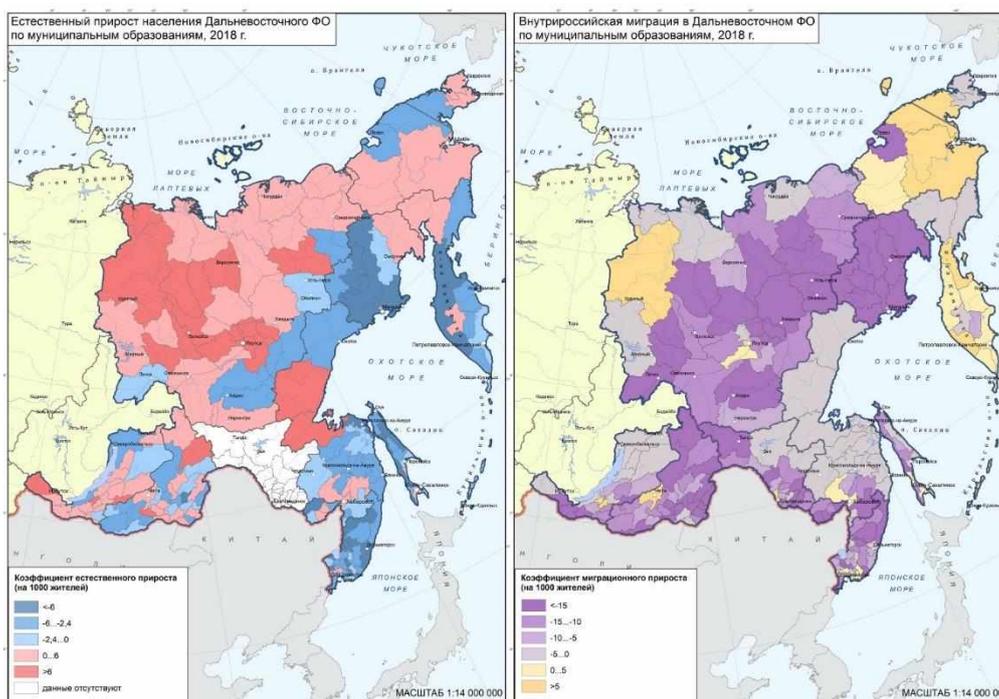

Рис. 3. Естественный прирост населения и внутрироссийская миграция в ДФО, 2018 г.

В районах Иркутской области преобладает внутрирегиональная миграция, прежде всего в Иркутскую агломерацию. Исключение составляют города Иркутск, Братск, Усть-Илимск, Зима, Саянск, откуда уезжают преимущественно в другие регионы. Приграничные с Красноярским краем Тайшетский и Нижнеудинский районы также характеризуются преобладанием межрегиональной эмиграции по всей видимости в Красноярский край. Ряд районов центра Иркутской области отличаются эмиграцией населения и приездом мигрантов из стран СНГ: таковы Киренский, Усть-Илимский, Усть-Кутский, Казачинско-Ленский, Нижнеилимский, Аларский, Боханский районы и города Зима, Усолье-Сибирское, Усть-Илимск.

В Красноярском крае ситуация схожа, но имеет индивидуальные особенности. Ростом населения характеризуется Красноярская агломерация (г. Красноярск, окружающие его Емельяновский и Березовский районы, г. Дивногорск, г. Сосновоборск). В самом Красноярске, с 2017 г. начинается отток населения в другие регионы. Рост агломерации связан с переездом населения из удаленных районов и городов Красноярского края, что говорит о его экстенсивном характере и исчерпаемости в будущем.

В Хакасии рост населения к 2018 г. отмечается только в г. Абакан. Замещающая миграция характерна, как и в Красноярском крае для промышленного города Саяногорска, а также для Ширинского района возможно из-за золотодобычи на Коммунарском руднике.

Республика Тыва отличается от других регионов прежде всего высоким уровнем естественного прироста. В большинстве районов данный показатель опережает миграционный отток населения, обеспечивая рост населения в целом.

В Кемеровской области к 2018 во всех городах и районах отмечалась демографическая убыль. Даже агломерация регионального центра не отличалась трендом устойчивого роста, в некоторые годы демонстрируя сокращение населения, в том числе в связи со снижением

миграционного притока. При этом международная миграция из стран СНГ в регионе имеет положительное сальдо, особенно она высока в Кемерово и Новокузнецке.

Сплошная отрицательная динамика отмечается во всех городах и районах Омской области, особенно по миграционной убыли населения в пределах России.

В Новосибирской области положительную демографическую динамику имеют только районы и города Новосибирской агломерации (Новосибирск, Новосибирский район, города Бердск, Обь, поселок Кольцово, Ордынский район).

В Алтайском крае рост отмечался только в прилегающих к Барнаульской агломерации территориях – Первомайском районе, городах Новоалтайске и Алейске. Все они растут за счет внутрирегиональной миграции.

В Томской области росли только город Томск и прилегающий к нему Томский район.

Дифференцированная картина демографической динамики наблюдается в Республике Алтай, где население растет в приграничном Кош-Агачском районе, а также в Майминском, Улаганском, Чемальском и в городе Горно-Алтайске.

На рисунке 4 представлена карта демографических процессов в регионах Сибирского федерального округа.

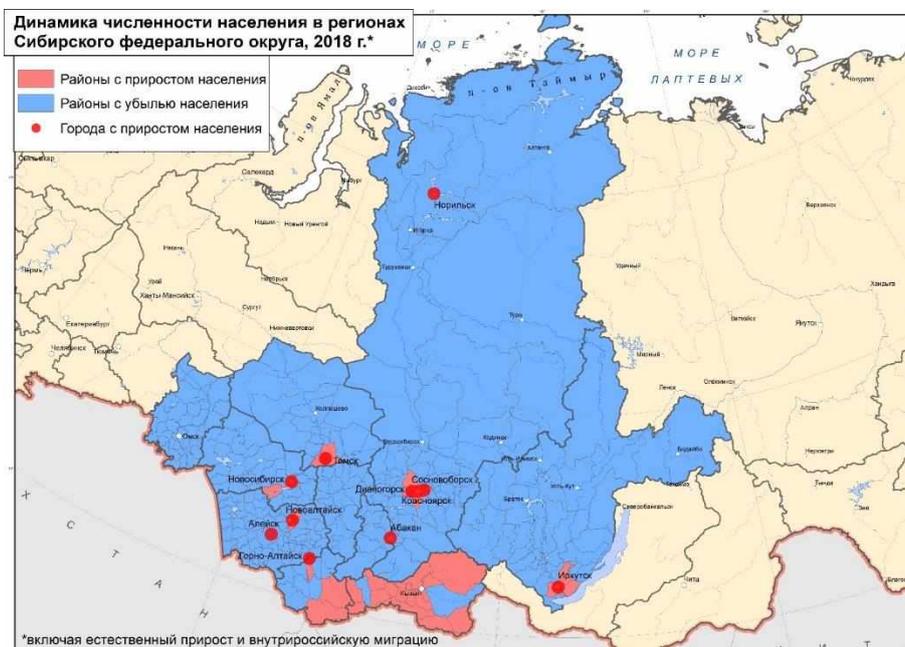

Рис. 4. Карта динамики роста и убыли населения в регионах СФО

Повсеместно в Сибирском федеральном округе рост численности населения отмечается только в агломерациях региональных центров. В регионах отсутствуют какие-либо точки роста, которые могут прибавлять за счет внутрирегионального демографического ресурса. Исключение составляет только Норильск в Красноярском крае, растущий за счет естественного прироста и город Алейск Алтайского края, чей рост обусловлен переездом жителей из близлежащего района. Экстенсивная модель роста ведет к истощению демографического потенциала регионов, а также к исчерпанию демографического ресурса в самом ближайшем будущем.

Имеют место усиливающиеся процессы сжатия населения, деградации всей системы расселения Сибири. Миграционные тренды обусловлены градиентами в уровне заработной платы. Система муниципального развития ведет к тому, что рост, за редким исключением, может быть лишь в столицах и то лишь за счет наличия демографического ресурса внутри региона. Необходима активизация локальных экономик городов и сельской местности, иная система муниципального развития с большим распределением налоговых и неналоговых доходов на муниципальный уровень.

Сценарии развития систем расселения СФО и ДФО. В ходе исследования были разработаны матрицы перспективных сценариев развития систем расселения СФО и ДФО (таблица 1): «Приоритетный» (активное государственное регулирование расселения); «Прогрессивный» (свободная самоорганизация расселения) и «Инерционный» (смешанная трансформация систем расселения).

Таблица 1.

Матрица сценариев развития систем расселения СФО и ДФО

Категории поселений	Перспективные сценарии		
	«Приоритетный»	«Прогрессивный»	«Инерционный»
«Точки роста»	Норильск, Канск, Братск, Железногорск, Северск, Мирный, Большой Камень, Комсомольск-на-Амуре, Свободный, Холмск, Оха	Майма, Бийск, Калачинск, Бердск, Палатка	Чадан, Ангарск, Ленск, Елизово, Уссурйск
«Зоны равновесия»	Кош-Агач, Усть-Илимск, Саяногорск, Вилючинск, Находка, Советская Гавань, Корсаков, Облучье, Билибино, Певек, Кяхта	Новокузнецк, Туран, Искитим, Тара, Исилькуль, Называевск, Алдан, Борзя, Нерчинск, Белогорск, Зея, Ола	Ак-Довурак, Рубцовск, Ачинск, Минусинск, Ленинск-Кузнецкий, Стрежевой, Северобайкальск, Артем, Тында, Сусуман, Николаевка
«Депрессивные территории»	Усолье-Сибирское, Краснокаменск, Арсеньев, Закаменск	Новоалтайск, Куйбышев, Тюкалинск, Амурск	Шагонар, Черногорск, Прокопьевск, Анжеро-Судженск, Междуреченск, Нерюнгри, Петровск-Забайкальский, Сокол, Гусиноозерск

«Приоритетный» сценарий предполагает основной целью государственной политики закрепление населения и стимулирование миграционного притока бюджетными и внебюджетными инвестициями в производственную сферу и инфраструктуру. Безусловно, это достаточно консервативный вариант, предполагающий сжатие освоенного пространства, концентрацию населения – как в наиболее, так и в наименее благополучных поселениях (ЗАТО, порты, города присутствия оборонных заводов и крупных ресурсных и экспортно-ориентированных предприятий, приграничные территории), консервацию распределения экономической активности.

«Прогрессивный» сценарий – это модель поляризованного развития, с высоким уровнем открытости экономики – основывается на конкуренции поселений за человеческий капитал (туристические центры, стабильные моногорода и обладающие перспективным потенциалом поселения). Причем, рост внешних инвестиций прямо пропорционален уровню бизнес-климата, качеству трудовых ресурсов и эффективности инфраструктуры, а рост внутренних инвестиций зависит от уровня образования и активности населения.

Что же касается «Инерционного» сценария, то его смысл заложен уже в самом названии – сохранение текущих тенденций функционирования систем расселения и экономики,

сдержанное инвестиционное развитие, рамочное регулирование миграционных потоков (транзитные поселения, города-спутники региональных столиц и агломераций, моногорода с рисками ухудшения социально-экономического положения).

Заключение. Таким образом Российский Дальний Восток и Сибирь продолжают активно терять население и большинство реализуемых инициатив не всегда решает проблемы естественной убыли и отрицательного сальдо миграции. В условиях второй волны депопуляции численность населения в макрорегионах будет сокращаться быстрее. Активная поддержка относительно развитых центров и недостаточное внимание к перспективным, но более проблемным точкам роста провоцирует стягивание населения в крупные агломерации, которые на межрегиональном уровне также имеют миграционный отток.

Вопросу межмуниципальной миграции уделяется не так много внимания. Между тем понимание причин, по которым люди переезжают из малых городов и сельской местности, может дать ответ на вопрос о переселении людей с Дальнего Востока и Сибири в целом.

Пока что нельзя дать однозначную оценку процессам трансформации системы расселения. Становится очевидным, что нынешний подход к управлению не дает полных гарантий решения уже существующих проблем. В таком случае имеет смысл искать альтернативный путь, подразумевающий развитие в регионах новых перспективных экономических центров, которые будут концентрировать значительную часть населения. Следует также развивать современную модель расселения и пространственного развития Российской Федерации, адаптированную под природно-климатические и демографические условия в регионах Сибири и Дальнего Востока.

Список литературы и источников

1. *Фомин М. В., Рязанцев С. В., Безвербный В. А., Мирязов Т. Р.* Геоинформационное моделирование тенденций пространственного развития Сибири и Дальнего Востока // ИнтерКарто. ИнтерГИС. 2019. Т. 25. № 1. С. 374–387. DOI: <http://doi.org/10.35595/2414-9179-2019-1-25-374-387>.
2. *Мотрич Е. Л.* Население Дальнего Востока России. Владивосток. – Хабаровск, ДВО РАН, 2006. – 224 с. ISBN: 5-7442-1413-5.
3. *Найден С. Н., Колбина Е. О.* Города Дальнего Востока: социально-экономический потенциал и перспективы развития опорных центров расселения // Регионалистика. 2014. № 4. С. 23–35. DOI: <http://doi.org/10.14530/reg.2014>.
4. *Фомин М. В., Безвербный В. А.* Пространственный каркас Сибири и Дальнего Востока России в условиях демографического сжатия: «вторые» и «третьи» города // Научное обозрение. Серия 2: Гуманитарные науки. 2018. № 6. С. 33–53.
5. *Мкртчян Н.В.* Переселенческое общество Азиатской России: миграции, пространства, сообщества / Науч. ред. В. И. Дятлов, К. В. Григоричев. – Иркутск: «Отгиск», 2013. – 624 с. ISBN: 978-5-905847-49-3.

Благодарности и финансирование: статья подготовлена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проект № 19-010-00836)

ОБРАЗ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ В ГЛАЗАХ МОЛОДЕЖИ: РЕЗУЛЬТАТЫ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Брагин А. Д., младший научный сотрудник Института демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия, e-mail: braginalex2@gmail.com.

Аннотация. В данной работе представлены результаты серии очных глубинных интервью российской молодежи, проведенных в рамках социологического исследования «Формирование перспективного образа России среди молодого поколения». По результатам проведенных интервью выделены основные факторы, формирующие текущий образ России среди молодежи по вопросам получения высшего образования, построения карьеры, создания семьи и эмиграции.

Ключевые слова: молодое поколение, образ России, семья, депопуляция, эмиграция, карьера, демография.

THE IMAGE OF MODERN RUSSIA IN THE EYES OF YOUTH: RESULTS OF A SOCIOLOGICAL SURVEY

Bragin A. D., Junior Researcher, Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia, e-mail: braginalex2@gmail.com.

Abstract. This paper presents the results of a series of personal in-depth interviews of Russian young generation conducted within the framework of a sociological research "Formation of a promising image of Russia among young generation". Based on the results of conducted interviews, there are highlighted main factors that form current image of Russia among young people on issues of higher education, career growth, family creation and emigration.

Keywords: young generation, image of Russia, family, depopulation, emigration, career, demography.

Благодаря процессу депопуляции, который имеет место в современном российском обществе, молодое поколение стало рассматриваться как основной катализатор будущего развития страны [1]. Данное суждение имеет научное подтверждение, так как сегодняшняя молодежь способна повлиять как на демографическое, так и на экономическое развитие страны в ближайшем будущем [2]. Однако, чтобы молодое поколение действительно приносило вклад в развитие российского общества, необходимо, чтобы данный процесс стал следствием желания самой молодежи. Важную роль в данном процессе играет образ государства, для развития которого молодежь должна использовать свой потенциал. Чем привлекательней выглядит страна в глазах молодого человека, тем сильнее он готов вложиться в ее развитие. Несмотря на то, что в Российской Федерации имеются все необходимые условия для получения качественного высшего образования, построения успешной карьеры и создания семьи, среди молодежи нередко встречаются эмиграционные настроения, которые являются следствием отрицательного образа страны. Целью проведенных глубинных интервью стало выделение текущего образа Российской Федерации у молодежи, а также механизма влияния имиджа страны на настроения молодежи и эмиграцию. На основании полученных данных будет создан инструментарий по формированию перспективного образа России среди молодежи.

Структура интервью. При составлении плана для проведения индивидуальных полуформализованных интервью особое внимание уделено целевой выборке респондентов. Нашей целью является молодое поколение россиян, склонное к эмиграции. Наиболее подвержены эмиграции представители так называемого «переходного поколения», т. е.

совершеннолетние молодые люди, вступающие во взрослую жизнь, не имеющие достаточного опыта работы, не обремененные семейными обязательствами, но имеющие достаточные перспективы, выраженные в получении высшего образования и желании построения успешной карьеры [3]. Также, руководствуясь теоретической основой, больше всего к эмиграции склонны молодые люди, проживающие в крупных городах [4]. Данный тип молодежи является наиболее амбициозным и финансово ориентированным, а также, в большинстве случаев, обладает всеми вышеописанными атрибутами «переходного поколения».

Таким образом, мы заинтересованы в 18–25-летних студентах и в тех, кто получил высшее образование в последние два года (т. е. находится в самом начале построения карьеры). Респондент должен проживать в мегаполисе и не иметь детей. Наличие супруга или супруги не сильно влияет на эмиграционные настроения, в то время как дети существенно подавляют желание серьезных жизненных перемен, тем самым осложняя данный процесс [5]. Так как мы заинтересованы в глубинном исследовании образа России, целью интервью является качественный анализ развернутых ответов респондентов. В данной связи, выборка является небольшой (n=11), с интенсивным зондированием темы. Интервью проводились с 5 по 17 сентября 2021 г.

Результаты исследования. Глубинные интервью состояли из пяти вопросов скринеров и девяти основных открытых вопросов, составленных в соответствии с планом и теоретической основой исследования. Всего было опрошено одиннадцать представителей молодого поколения (шестеро девушек и пятеро юношей) в возрасте от 18 до 25 лет, проживающих в г. Москва, из которых девять были холостыми, двое состояли в браке. Оконченное высшее образование имели четыре респондента, семь находилось в процессе его получения. Трудоустроены были шестеро из одиннадцати опрошенных.

В целом, опрошенная молодежь склоняется к тому, что текущий образ Российской Федерации является отрицательным, что напрямую сказывается на их эмиграционных настроениях. На вопрос: «Как Вы считаете, сегодня Россия имеет больше положительный или отрицательный образ среди молодежи вашего возраста?» – 7 из 11 ответили: «Отрицательный». Среди основных причин было указано то, что в последние годы в Российской Федерации происходят перемены, контрастирующие с либеральным мировоззрением молодежи, а также, сложившийся образ страны на мировой арене.

Среди факторов, формирующих имидж России, респонденты выделили отношения России с другими государствами, публичные высказывания и поведение политиков, а также, внутреннюю и внешнюю политику, которая непосредственно затрагивает права и свободы граждан. Основными источниками информации, путем которых формируется текущий образ России, стали интернет СМИ и социальные сети и блоггеры. Более того, 5 из 11 опрошенных заявили, что их ближайшее окружение (родители, друзья) также формирует их представление о образе страны.

Говоря о образе России в вопросах создания семьи, построения карьеры и получения высшего образования, мнения респондентов расходятся. Так, 7 из 11 опрошенных считают, что в России довольно сложно построить успешную карьеру молодому специалисту, если у него нет «связей». Интересно отметить то, что 5 из 7 респондентов при этом не имели опыта работы. В то же время, большинство респондентов выделили перспективы получения российского высшего образования (9 из 11). Они считают, что российские ВУЗы являются конкурентоспособными и не уступают по качеству европейским. Образ России в вопросах создания семьи получился наиболее неоднозначным. Половина опрошенных считает, что комфортные условия для создания семьи созданы только в больших городах. Остальные опрошенные считают, что в России или есть все условия, либо их нет совсем. Те, кто ответили «нет», выделили отсутствие различных бесплатных услуг для беременных и неуверенность в завтрашнем дне.

В целом, на вопрос: «Каким Вы видите свою будущее в современной России?» – лишь 4 респондента ответили: «Перспективным и оптимистичным». Более того, 6 из 11 опрошенных

заявили, что задумывались об эмиграции (все те, кто ответил, что Россия имеет отрицательный образ). Определяющими факторами в вопросах эмиграции стали низкий уровень поддержки государством молодежи, сложности с построением карьеры, неуверенность в завтрашнем дне и менталитет.

Выводы. В ходе проведения глубинных интервью удалось выделить сформировавшийся образ России у молодого поколения москвичей. Данный образ не соответствует ожиданиям многих респондентов как образ идеальной в их понимании страны. Опрошенная молодежь пессимистично настроена относительно своего будущего в России. В связи с этим, у представителей молодого поколения появляются эмиграционные настроения. Несмотря на выявленную отрицательную динамику, данную тенденцию возможно изменить. Для этого, в ходе интервью были определены основные факторы и источники информации, формирующие образ России у молодого поколения. Таким образом, при воздействии на данные механизмы возможно сформировать перспективный образ России. Данная методика найдет отражение в инструментарии, созданном в рамках исследовательского проекта.

Список литературы и источников

1. Демографическое развитие России: тенденции, прогнозы, меры. Национальный демографический доклад – 2020 / С. В. Рязанцев, В. Н. Архангельский, О. Д. Воробьева [и др.]; Отв. ред. С. В. Рязанцев. – М.: ООО «Объединенная редакция», 2020. – 156 с. DOI: <http://doi.org/10.25629/НС.2020.13.01>.
2. Социально-демографический потенциал российской молодежи: Материалы Всероссийской научно-практической конференции (Ялта, 22–24 апреля 2021 года) / Отв. ред. Т. К. Ростовская. – М.: ФНИСЦ РАН, 2021. – 189 с. DOI: <http://doi.org/10.19181/conf.978-5-89697-348-5.2021>.
3. *Ионцев В. А., Рязанцев С. В., Ионцева С. В.* Новые тенденции и формы эмиграции из России // Экономика региона. 2016. Т. 12. № 2. С. 499–509. DOI: <http://doi.org/10.17059/2016-2-15>.
4. *Пальников М. С.* Четвертая волна эмиграции: особенности и последствия // Русское зарубежье: История и современность: Сб. ст. / РАН. ИНИОН. Центр комплексных исслед. рос. эмиграции; Ред. кол.: Мухачев Ю.В. (гл. ред.) и др. – М., 2014. – Вып. 3 / Ред.-сост. вып. Мухачев Ю.В., Петрова Т.Г. – 246 с. ISBN: 978-5-248-00744-8.
5. *Рязанцев С. В., Лукьянец А. С.* Эмиграция молодежи из России: формы, тенденции и последствия // Вестник Таджикского государственного университета права, бизнеса и политики. Серия общественных наук. 2016. № 1. С. 59–72.

Благодарности и финансирование:

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках научного проекта № 21-011-32099.

РЫНОК ТРУДА В СТРАНАХ ЕВРАЗИЙСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОЮЗА В ПЕРИОД МАКРОЭКОНОМИЧЕСКОЙ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ

Варганова М. Л., кандидат экономических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Института демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия, e-mail: m.l.vartanova@mail.ru.

Аннотация. В период роста макроэкономической неопределенности возрастают требования к адекватности и координации экономической политики, которая становится не только условием восстановления экономики, но и важнейшим драйвером структурных изменений, необходимых для реализации долгосрочного технологического, социального и институционального потенциала развития. Воздействие пандемии COVID-19 негативно отразилось на динамике показателей евразийской интеграции и численности населения, включая рынок труда и миграционную мобильность.

Ключевые слова: безработица, Евразийский экономический союз (ЕАЭС), занятость, макроэкономическая неопределенность, пандемия COVID-19, рынок труда, численность населения.

THE LABOR MARKET IN THE COUNTRIES OF THE EURASIAN ECONOMIC UNION DURING THE PERIOD OF MACROECONOMIC UNCERTAINTY

Vartanova M. L., Candidate of Economic Sciences, Docent, Leading Researcher, Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia, e-mail: m.l.vartanova@mail.ru.

Abstract. During the period of growing macroeconomic uncertainty, the requirements for the adequacy and coordination of economic policy are increasing, which becomes not only a condition for economic recovery, but also the most important driver of structural changes necessary for the realization of long-term technological, social and institutional development potential. The impact of the COVID-19 pandemic has negatively affected the dynamics of indicators of Eurasian integration, and population, including the labor market and mobility.

Keywords: unemployment, Eurasian Economic Union (EAEU), employment, macroeconomic uncertainty, COVID-19 pandemic, labor market, population.

Стремительное развитие пандемии в 2020 г. привело к ряду беспрецедентных вызовов, с которыми столкнулись мировая и региональная экономики. Экономические, социальные, гуманитарные последствия пандемии COVID-19 стали серьезным вызовом для всех государств мира с точки зрения как решения неотложных задач жизнеобеспечения населения, так и разработки и реализации мер макроэкономической политики для восстановления экономики. Основными факторами макроэкономической неопределенности для государств – членов Евразийского экономического союза (ЕАЭС) являются угрозы глобального финансового кризиса, торговых войн между крупнейшими государствами, новых санкций, волатильности цен на биржевые товары, нарастающего инфляционного давления, а также внутренние риски ужесточения денежно-кредитной политики, волатильности национальных валют, а также роста дефицита бюджета и долга СГУ. Реализация мер поддержки экономик привела к ухудшению бюджетных балансов и нарастанию долга, что становится критическим для Армении и Кыргызстана.

В результате снижения цен на ключевые товарные позиции экспорта объем экспорта во внешней торговле государств – членов ЕАЭС в 2020 г. по сравнению с предыдущим годом сократился на 20,9% до 364,4 млрд долларов США, взаимная торговля – на 11% до 54,9 млрд долларов США. Введение мер социальной изоляции и карантинных мер, нарушение цепочек

добавленной стоимости, снижение потребительской активности домашних хозяйств оказали негативное влияние на сектора экономики и отрасли.

Закрытие государственных границ привело к снижению трансграничной мобильности населения и масштабному сокращению миграции внутри Союза. В частности, миграционный прирост России из других государств – членов ЕАЭС сократился более чем в десять раз (табл. 1).

Таблица 1.

Сальдо международной миграции (зарегистрировано в органах внутренних дел при перемене постоянного места жительства)

<i>ЕАЭС</i>	<i>2015</i>	<i>2016</i>	<i>2017</i>	<i>2018</i>	<i>2019</i>	<i>2020</i>
	Человек					
Армения	-25 906	-24 792	-23 962	18 286	15 400	3 300
Беларусь	18 494	7 940	3 874	9 362	13 870	...
Казахстан	-13 466	-21 145	22 130	-29 121	-32 970	-17 718
Кыргызстан	-4 229	-3 965	-3 925	-5 390	-6 160	-4 861
Россия	245 384	261 948	211 878	124 854	285 103	106 496
	На 1000 человек населения (‰)					
Армения	-0,3	-0,0	0,1	0,2	0,5	0,4
Беларусь	2,0	0,8	0,4	1,0	1,5	...
Казахстан	-0,8	-1,2	-1,2	-1,6	-1,8	-0,9
Кыргызстан	-0,7	-0,7	-0,7	-0,9	-1,0	-0,7
Россия	1,7	1,8	1,4	0,9	1,9	0,7

Источник: [1].

Говоря о безработице и численности занятого населения в государствах – членах ЕАЭС следует отметить, что по последним имеющимся данным в соответствии с методологией Международной организации труда (МОТ) уровень безработицы в целом по ЕАЭС составил в среднем 5,0% численности экономически активного населения (рабочей силы). Однако, несмотря на предпринимаемые меры поддержки рынка труда, безработица возросла в Казахстане, Кыргызстане и России. Согласно оценкам МОТ, безработица в мире в 2020 г. выросла на 1,1 п. п. – до 6,5% [1]. Отличительной особенностью данного кризиса стал значительный рост официально зарегистрированных безработных в Казахстане и России

Численность безработных стран – членов ЕАЭС отражена в соответствии критериями МОТ (табл. 2), а также динамика уровня безработицы в странах ЕАЭС отражены в результатах мониторинга (табл. 3).

Таблица 2.

Численность безработных (в соответствии критериями МОТ; тыс. человек)

	2015	2016	2017	2018	2019	2020
ЕАЭС	5 426,8	5 394,6	5 095,2	4 748,7	4 500,4	...
Армения	243,7	220,2	219,0	245,4	240,7	218,6
Беларусь	272,8	301,8	293,4	244,9	213,3	206,2
Казахстан	454,2	445,4	442,3	443,6	440,7	448,8
Кыргызстан	192,2	183,7	174,0	156,3	140,9	...
Россия	4 263,9	4 243,5	3 966,5	3 658,5	3 464,8	4 321,3

Источник: [2]

Таблица 3.

Уровень безработицы (в процентах)

	2015	2016	2017	2018	2019	2020
ЕАЭС	5,4	5,7	5,4	5,0	4,8	5,7
Армения	18,5	18,0	17,8	19,0	18,3	18,1
Беларусь	5,2	5,8	5,6	4,8	4,2	4,0
Казахстан	5,1	5,0	4,9	4,9	4,8	4,9
Кыргызстан	7,6	7,2	6,9	6,2	5,5	...
Россия	5,2	5,5	5,2	4,8	4,6	5,8

Источник: [2]

Отмечается, что численность безработных, зарегистрированных в службах занятости населения государств ЕАЭС по состоянию на конец июня 2021 г. составила 1,6 млн человек и сократилась на 50,2% по сравнению с аналогичной датой прошлого года (табл. 5). Значительная разница в динамике экономической активности между государствами-членами связана с различиями в подходах и объемах средств, направленных на поддержку экономики, а также карантинных мер. Общие негативные последствия для экономики ЕАЭС, по оценке Евразийской экономической комиссии (ЕЭК), в 2020 г. составили 4,8% ВВП в целом по ЕАЭС. При этом глобальная экономическая активность уже в мае–июне 2020 г. начала демонстрировать признаки восстановления. Однако осторожное поведение потребителей и инвесторов, социальное дистанцирование и возросшая безработица остаются факторами, оказывающими сдерживающее влияние на восстановление глобальной деловой активности.

Таблица 5.

Трудоустройство незанятых граждан, зарегистрированных в службах занятости населения (тыс. человек)

	2015	2016	2017	2018	2019	2020
ЕАЭС	3 155,1	3 155,0	3 106,0	3 006,6	3 002,9	3 111,7
Армения	10,1	9,5	9,3	12,0	13,5	10,1
Беларусь	151,8	159,8	173,1	152,2	135,3	117,6
Казахстан	303,1	362,7	368,6	481,9	449,3	579,0
Кыргызстан	50,7	45,6	43,1	28,0	27,0	15,2
Россия	2 639,4	2 577,4	2 511,9	2 332,5	2 377,8	2 389,8

Источник: [2]

Инфляция в странах – участниках Евразийского банка развития (ЕАБР) в 2019–2020 г. не превысила целевых ориентиров центральных (национальных) банков. Ее существенное снижение в конце 2020 г. отмечено в России, в том числе под воздействием укрепления рубля. При этом рост средней заработной платы отмечался в национальной валюте отмечался во всех странах (табл. 6).

Таблица 6.

Среднемесячная номинальная заработная плата

	2015	2016	2017	2018	2019	2020
	Единиц национальной валюты ¹					
Армения ²	171 615	174 445	177 817	172 727	182 673	189 716
Беларусь	6 715	723	823	971	1 093	1 251

¹ Армения – армянских драмов; Беларусь – белорусских рублей; Казахстан – тенге; Кыргызстан – сомов; Россия – российских рублей.

² С 2018 г. данные приведены в соответствии с новой методологией и не сопоставимы с данными за предыдущие годы.

Казахстан	126 021	142 898	150 827	162 673	186 815	212 634
Кыргызстан	13 483	14 847	15 670	16 427	17 232	18 493
Россия	34 030	36 709	39 167	43 724	47 468	51 352
	2015	2016	2017	2018	2019	2020
	Долларов США ³					
Армения	359	363	368	358	380	388
Беларусь	413	361	426	476	523	508
Казахстан	568	418	463	472	488	515
Кыргызстан	209	212	228	239	247	239
Россия	561	549	671	699	740	714

Источник: [2]

В течение всего 2020 г. страны ЕАЭС стремились сохранить стимулирующую бюджетную политику для поддержки и достижения устойчивого восстановления экономик. Так, государствами-членами были разработаны пакеты мер поддержки экономики. Были предоставлены значительные кредитные и налоговые льготы, снижена административная нагрузка и упрощены административные процедуры на граждан и субъекты хозяйствования, снижена регуляторная и надзорная нагрузка на банки и некредитные финансовые организации. Была оказана целевая помощь населению как посредством назначения прямых выплат наиболее уязвимым категориям граждан, а также семьям, так и сохранения занятости.

В условиях резкого сокращения экономической активности, потери рабочих мест и риска развития глубокого экономического кризиса центральными банками были приняты определенные меры по смягчению денежно-кредитной политики: снижены ключевые процентные ставки, временно были смягчены меры пруденциального и макропруденциального регулирования. При этом снижение ключевых процентных ставок было сдержанным, а продолжительность цикла снижения короткой.

В отличие от ведущих стран мира, власти государств ЕАЭС не прибегали к масштабной денежной эмиссии для финансирования дефицита бюджета и поддержки экономической активности. В условиях неблагоприятной внешней конъюнктуры и сокращения реальных доходов населения наблюдалось сжатие внутреннего спроса, что на фоне возросших ввиду необходимости поддержки экономики и населения расходов государственных бюджетов привело к пересмотру бюджетных параметров.

Рост государственных заимствований автоматически стал сокращать возможности финансового рынка для финансирования займов предприятий, а также способствовал искусственному завышению доходности облигаций государств ЕАЭС. Это ухудшало условия кредитования реального сектора экономики, с одной стороны, и привлекало международный спекулятивный капитал, с другой стороны (табл. 7).

Таблица 7.

Инвестиции в основной капитал (млрд долларов США)

	2016	2017	2018	2019	2020
ЕАЭС	255 297	315 552	332 119	348 519	323 603
Армения	855	891	902	938	846
Беларусь	9 356	10 879	12 256	13 788	11 673
Казахстан	22 686	26 904	32 430	32 859	29 841
Кыргызстан	1 938	2 109	2 201	2 324	1 588
Россия	220 462	274 769	284 330	298 610	279 655

Источник: [2]

³ Показатель рассчитан по курсам валют национальных (центральных) банков за год: по Беларуси – по средневзвешенному курсу белорусского рубля к доллару США, по Армении, Казахстану, Кыргызстану и России – по средним курсам национальных валют к доллару США.

В результате падение инвестиций в основной капитал сопровождалось ростом валютно-финансовых спекуляций и вывозом капитала. Вывоз капитала частным сектором составил 3,3% ВВП в целом по ЕАЭС, в том числе 0,7% ВВП в Армении, 5,8% в Беларуси, 1,9% ВВП в Казахстане, 7,7% в Кыргызстане и 3,4% в России. По итогам 2020 г. реальные доходы населения снизились в России на 3,5%, а в Казахстане на 4,8%. Аналогичный показатель в Кыргызстане упал на 5% в январе-октябре, после чего статистика не публиковалась [3].

Экономическое развитие в государствах – членах ЕАЭС демонстрирует спад за 2020 г. Так, по итогам 2020 г. реальный ВВП ЕАЭС уменьшился на 2,9% по сравнению с 2019 г., объем промышленного производства – на 2,7%. Это объясняется рядом таких факторов, как: пандемия COVID-19, неблагоприятная внешнеэкономическая конъюнктура, общее состояние мировой экономики и торговлей и др. (табл. 8).

Таблица 8.

Валовый внутренний продукт на душу населения

	2015	2016	2017	2018	2019	2020
	В текущих ценах; единиц национальной валюты ⁴					
Армения	1 679	1 693	1 868	2 027	2 209	2087
Беларусь	9	10	11	13	14	16
Казахстан	2 330	2 640	3 015	3 382	3 756	3771
Кыргызстан	76	82	89	94	100	95
Россия	568	584	625	707	744	730
	Долларов США ⁵					
ЕАЭС	8 919	8 097	9 892	10 448	10 626	9 440
Армения	3 512	3 524	3 869	4 196	4 597	4269
Беларусь	5 829	5 014	5 783	6 352	6 848	6369
Казахстан	10 510	7 715	9 248	9 813	9 813	9 131
Кыргызстан	1 163	1 179	1 296	1 364	1 430	1 224
Россия	9 356	8 725	10 723	11 310	11 499	10 152

Источник: [2]

Эпидемия коронавируса, на время остановившая глобальную экономику, привела к снижению ВВП всех участвующих в этом интеграционном объединении государств: спад составил от минимальных 0,9% в Беларуси до 7,5% в Армении и 8,6% в Кыргызстане (таблица 9). Официальная оценка чиновниками Евразийской экономической комиссии снижения совокупного ВВП ЕАЭС составляет 3,9% [4].

Таблица 9.

Объем и динамика валового внутреннего продукта (млн долларов США)

	2016	2017	2018	2019	2020
ЕАЭС	1 481,9	1 815,3	1 920,7	1 956,4	1 738,3
Армения	10,5	11,5	12,4	13,6	12,7
Беларусь	47,5	54,7	60,0	64,5	59,8
Казахстан	137,3	166,8	179,3	181,8	171,2
Кыргызстан	6,8	7,7	8,3	8,9	7,7
Россия	1 279,8	1 574,6	1 660,7	1 687,6	1 486,9

Источник: [2]

⁴ Армения – армянских драмов, Беларусь – белорусских рублей, Казахстан – тенге, Кыргызстан – сомов, Россия – российских рублей

⁵ Показатель рассчитан по курсам валют национальных (центральных) банков за год: по Беларуси – по средневзвешенному курсу белорусского рубля к доллару США, по Армении, Казахстану, Кыргызстану и России – по средним курсам национальных валют к доллару США.

Меры политики и стратегии борьбы с пандемией и поддержки экономики в государствах ЕАЭС были разными и адаптировались к изменяющимся условиям. Чем более жесткими были меры социальной изоляции, тем, как правило, глубже было падение экономической активности. Наибольшее падение ВВП наблюдалось в Армении и Кыргызстане (на 7,6% и 8,6% соответственно), наименьшее в Беларуси – 0,9%. Таким образом, краткосрочные индикаторы экономической активности с 2015 по 2019 гг. указывают на завершение фазы активного подъема и постепенное замедление экономик в 2020 г. Данное замедление обусловлено как глобальными факторами (постепенным ужесточением денежно-кредитной политики в ряде развитых и развивающихся странах в ответ на нарастающие дисбалансы, эскалацией напряженности в торговой сфере), так и усилением торговых споров на региональном уровне, сокращением влияния локальных факторов.

Подобное положение возникших вопросов рисков и угроз в условиях глобальной нестабильности предполагает естественную организационную связь экономики и политики и необходимость уяснения того, как эти экономические процессы детерминируют то, что происходит в политике и реагируют на изменения в ней. И здесь важно подчеркнуть значимость проблемы не только в производственном, но и в общественном отношении.

Стратегическими направлениями развития евразийской экономической интеграции до 2025 г. предусматривается [1] создание условий для опережающего развития экономик государств-членов, включая разработку и выполнение совместных программ и проектов. В случае последовательной реализации данных документов прирост ВВП ЕАЭС должен составить 4,5% – 5,5% в год при сближении государств-членов по уровню экономического развития.

Список литературы и источников

1. Евразийский экономический союз в цифрах: краткий статистический сборник – М.: Евразийская экономическая комиссия, 2020. – 213 с.
2. Евразийский экономический союз в цифрах: краткий статистический сборник. – М.: Евразийская экономическая комиссия, 2021. – 188 с.
3. Годовой доклад за 2020 год. Об итогах и перспективах социально-экономического развития государств-членов Евразийского экономического союза и мерах, предпринятых государствами-членами в области макроэкономической политики. – М.: Евразийская экономическая комиссия, 2021. – 80 с.
4. ЕАЭС во время пандемии // Российский совет по международным делам [сайт]. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/comments/eaes-vo-vremya-pandemii/> (дата обращения 01.01.20).

**РОССИЙСКИЙ ОПЫТ ЦЕЛЕВОГО НАБОРА ИНОСТРАННЫХ РАБОЧИХ
В СТАТИСТИКЕ 2020–2021 ГГ.**

Исповедников Д. Ю., кандидат исторических наук, председатель экспертного совета Группы компаний «Аксиома», Москва, Россия, e-mail: d.ispovednikov@gk-aksioma.

***Аннотация.** В статье изучается целевая форма внешней трудовой миграции в субъекты России во время пандемии COVID-19. На основе анализа официальной статистики устанавливается возможная корреляция данного процесса с динамикой регионального социально-экономического развития. Сделаны выводы о перспективах целевого набора иностранных рабочих как одного из инструментов управления миграционными процессами.*

***Ключевые слова.** Внешняя трудовая миграция, локдаун, целевой набор, строительная отрасль.*

**RUSSIAN EXPERIENCE OF FOREIGN WORKERS' TARGET RECRUITMENT
IN STATISTICS FOR 2020-2021**

Ispovednikov D. Yu., Candidate of Historical Sciences, Chairman, Expert Council, Aksioma Company Group, Moscow, Russia, e-mail: d.ispovednikov@gk-aksioma.

***Abstract.** The article examines the target form of external labor migration to the constituent entities of Russia during the COVID-19 pandemic. A possible correlation of this process with the dynamics of regional socio-economic development is established, based on the official statistic's analysis. Conclusions about the prospects for the targeted recruitment of foreign workers as one of the tools for migration processes managing are made.*

***Keywords.** External labor migration, lockdown, target recruitment, construction industry.*

Тема управления процессами внешней трудовой миграции неразрывно сопряжена с решением геополитических, социально-экономических и демографических задач России. Ее изучение проводится в рамках двух пересекающихся парадигм, основанных на полярных идеях наращивания и ограничения доли иностранной рабочей силы (ИРС) в национальной экономике. В данных плоскостях рабочий-нерезидент рассматривается глобально как безальтернативный источник дефицитных человеческих ресурсов и как фактор многочисленных рисков.

Высказываясь о пользе внешней трудовой миграции, ученые отмечают, что без этого ключевого драйвера России грозят внушительные потери ВВП, стагнация крупных инвестиционных проектов и рост инфляции [1; 2; 3]. В противовес выдвигаются примеры негативных последствий. Привлечение дешевой рабочей силы из соседних стран влечет снижение уровня и качества жизни россиян, препятствует рационализации производства, обостряет межнациональные отношения [4; 5]. К этому перечню можно добавить вымывание денежной массы из России, а также изменения рынка организаций, занятых в реализации национальных проектов. Так турецкие строительные компании на территории РФ получают преимущества перед российскими не только за счет более мобильной и децентрализованной структуры, но и за счет более эффективного привлечения трудовых мигрантов.

Сам по себе объем ИРС не определяет взлеты и спады экономики России, а лишь откликается на них. Таково заключение М. А. Карцевой, Н. В. Мкртчян и Ю. Ф. Флоринской, которые по итогам эконометрического анализа констатируют отсутствие значимого статистического воздействия внешней трудовой миграции на показатели развития субъектов РФ при отчетливой обратной взаимосвязи: чем выше индекс экономического развития того или иного региона, тем он притягательнее для иностранных граждан [6].

Исходя из научной дискуссии, балансу между выгодой и рисками от внешней трудовой миграции мешает ряд крайностей: в части законодательно установленной легализации ИРС на территории России (высокий уровень нелегалов), в части регионального распределения ИРС (избыточное привлечение в экономически развитые регионы с достаточными трудовыми ресурсами), в части повышения качества ИРС (тотальное преобладание низкой квалификации).

Подобные крены отражают слабую согласованность миграционной стратегии государства с экономической, что указывает на бедность не только управленческого арсенала, но и на бедность знания. Пробелы в исследованиях, оперативная нехватка пронизательных мониторингов, оценок и прогнозов по внешней трудовой миграции объясняются отсутствием единообразной и сопоставимой ведомственной статистики, о чем напоминают характеристики источников базы научных работ. Без конкретных показателей невозможно объективное понимание структуры целей и задач иностранного гражданина, а значит, цитируя В. В. Комаровского, нельзя говорить и о взвешенной миграционной политике, о совершенствовании отбора различных категорий ИРС [7]. Между тем, даже элементарное отслеживание колебаний в соотношении между ежемесячным вмененным налогом на патент и уровнем зарплаты его обладателя в разных регионах позволяет оперативно управлять географией въезда.

Не менее важно изучение и малоразвитых в России организованных форм трудовой миграции, когда вместо рынка, задающего импульс для стихийного индивидуального въезда рабочих-нерезидентов, запрос на конкретную численность ИРС формирует работодатель или непосредственно принимающее государство. Данный механизм нашел применение в РФ во время пандемии COVID-19 – вынужденный эксперимент по остановке массовой международной мобильности упростил четырехсторонние переговоры. Перекрыв глобальный и региональные рынки труда, локдаун вызвал частичный отток занятых из разных отраслей российской экономики от сельского хозяйства до сферы услуг. Одновременно прекратились поставки техники и оборудования из других стран, что повысило роль ручного труда.

Исключительного решения в этой обстановке потребовала кадровая поддержка стратегических инвестиционных проектов. Их подрядчики – крупнейшие строительные компании – получили возможность использовать целевой набор иностранных рабочих из Узбекистана, с учетом норм российского миграционного законодательства, адаптированных к новым санитарным правилам.

Цель настоящей статьи состоит в выявлении последствий целевого набора ИРС во время закрытия государственных границ России. Объект исследования – процесс привлечения трудовых мигрантов для реализации крупнейших инвестиционных проектов в отдельных российских регионах. Предметом выступают социально-экономические показатели официальной статистики за 2020–2021 гг.

В актуальных работах российских ученых, которые подводили промежуточные итоги влияния пандемии на рынок труда РФ, данный сюжет не рассматривался [8; 9]. При этом установление корреляции между целевым набором ИРС и различными индексами регионального развития, как объем выполненных строительных работ, уровень безработицы, потребительских цен, важно для понимания перспектив организованных форм трудовой миграции и их роли в условиях глобального кризиса, а также для совершенствования статистики и внедрения изменений в систему управления миграционными процессами в России.

Целевой набор ИРС в цифрах. Весной 2020 г. Правительство РФ приняло комплекс мер по борьбе с распространением коронавирусной инфекции, включая закрытие границ и отмену международного транспортного сообщения. Введение локдауна накануне сезона строительных и сельскохозяйственных работ сократило масштабы внешней трудовой миграции. По данным МВД России за 2020 г. на миграционный учет встало вдвое меньше

иностранных граждан, чем за 2019 г., а категория прибывших с целью трудоустройства сократилась на 57%.

Российский рынок труда столкнулся с двумя проблемами: если в регионах с наиболее развитой сферой услуг произошел всплеск безработицы, в первую очередь среди иностранных граждан, то в регионах с масштабными строительными проектами образовался дефицит ИРС. В первую очередь это касалось проектов в удаленных районах, вокруг которых сформировалась миграция вахтового типа. Перераспределение трудовых мигрантов внутри страны не стало исчерпывающим решением из-за межотраслевого фактора (вчерашие таксисты и официанты не были готовы покидать мегаполисы для работы на стройках), а также из-за усложнившейся в период пандемии транспортной логистики и соответственно возросших издержек.

Угроза приостановки инвестиционных проектов в стратегических регионах страны, включая Арктическую зону и Дальний Восток, привела к внедрению в 2020 г. механизма целевого набора ИРС. В его основу легли положения действующего Соглашения Российской Федерации и Республики Узбекистан об организованном наборе узбекских рабочих для осуществления временной трудовой деятельности на территории России от 5 апреля 2017 г.

Механизм целевого набора включил коллективный въезд ИРС в Россию строго под заявленные вакансии, двухнедельную самоизоляцию нерезидентов, медицинское освидетельствование и оформление пакета разрешительных документов в период проживания в так называемых обсервациях. С российской стороны участниками процесса стали крупнейшие подрядчики, занятые в проекте «Центр строительства крупнотоннажных морских сооружений» (ЦСКМС) в районе села Белокаменка Мурманской области (срок реализации: 2015–2022 гг.), а также в строительстве газоперерабатывающего завода (ГПЗ) в районе г. Свободный Амурской области (срок реализации: 2015–2025 гг.). Первые группы рабочих из Узбекистана в рамках целевого набора начали прибывать в эти регионы с июля-августа 2020 г.

Отчасти результаты целевого набора отражены в базах МВД России. Необходимо оговорить, что данная статистика учитывает фактически только тех иностранных граждан, кто обращался в территориальные Управления по вопросам миграции за услугой по оформлению пакета разрешительных документов на приобретение законного статуса. При этом на время локдауна, как известно, была введена миграционная амнистия, и те, кто не успел вернуться на родину, в соответствии с Указом Президента России № 274 «О временных мерах по урегулированию правового положения иностранных граждан и лиц без гражданства» (от 18 апреля 2020 г.) получили право не продлевать патент на работу и не выплачивать ежемесячный вмененный налог, что исключило необходимость обращения в органы внутренних дел. Таким образом, базы МВД России за 2020 г. отражают численность той части ИРС – перераспределенной внутри РФ и прибывшей в рамках целевого набора – которая продолжала оформлять и оплачивать патенты по настоянию своего работодателя, опасавшегося очередных непредвиденных событий.

Проследим изменения в итоговой учтенной численности ИРС по Дальневосточному (ДВФО) и Северо-Западному (СЗФО) федеральным округам за 2019-2020 гг. и за первое полугодие 2021 г. Также сопоставим показатели по Амурской и Мурманской областям с показателями по регионам, которые являлись точками притяжения внешней трудовой миграции до пандемии – Приморский край, Санкт-Петербург и Ленинградская область соответственно.

Как следует из таблицы 1, в регионах-участниках целевого набора сохранился более высокий уровень ИРС. По итогам 2020 г. на территории СЗФО на миграционный учет с целью трудоустройства встало на 39% меньше иностранных граждан, чем за 2019 г. Аналогичное снижение показателя зафиксировано в г. Санкт-Петербурге и Ленинградской области – данная агломерация традиционно лидирует как наиболее привлекательная для иностранных рабочих. На этом фоне по Мурманской области сокращение составило лишь 0,5%.

По ДВФО за 2020 г. рассматриваемый показатель снизился на 58,3%. Приморский край, являвшийся точкой притяжения ИРС до пандемии, потерял 73% трудовых мигрантов, тогда как Амурская область – только 33%.

Таблица 1.

**Въезд ИРС по отдельным субъектам СЗФО и ДВФО за сопоставимые периоды
2019-2021 гг.**

	Северо-Западный ФО			Дальневосточный ФО		
	Всего по округу	С.-Петербург и Ленинградская область	Мурманская область	Всего по округу	Приморский край	Амурская область
2019 г.	1 121 808	1 032 422	19 150	251 483	55 702	55 095
2020 г.	685 403	629 462	19 041	104 845	15 228	36 723
Январь-июль 2021 г.	517 150	416 949	31 795	309 696	59 769	104 822

Источник: Составлено по данным МВД России

Показатель въезда ИРС за январь-июль 2021 г., приближенный или значительно превышающий итоговые годовые показатели прошлых лет, отражает совокупную постановку на миграционный учет как новоприбывших, так и тех трудовых мигрантов, кто уже находился на территории России и после неоднократного продления миграционной амнистии обязан оформить все законодательно утвержденные документы до 30 сентября 2021 г.

Процесс целевого набора ИРС находит отражение в показателях МВД России о миграционной ситуации в распределении по странам. Если в 2019 г. доля граждан Узбекистана, въехавших с целью трудоустройства составляла 38,5% от общего числа, то в 2020 г. выросла до 43%. Увеличилась и их доля среди фактов снятия с миграционного учета в связи с различными причинами изменения места пребывания: с 24% в 2019 г. до 35,6% в 2020 г. Приведенные цифры указывают на то, что граждане Узбекистана, в том числе в качестве участников целевого набора, оставались в период пандемии наиболее мобильной категорией мигрантов на территории России.

В разрезе рассматриваемых регионов данный показатель также указывает на повышение мобильности ИРС. От общего по России числа фактов снятия иностранных граждан с миграционного учета процент, приходящийся на Амурскую область, вырос с 1% в 2019 г. до 1,9% в 2020 г. По Мурманской области показатель увеличился с 0,5% в 2019 г. до 0,6% в 2020 г.

Резюмируя, механизм целевого набора ИРС в Амурской и Мурманской областях на протяжении второго полугодия 2020 г. обеспечил строительным подрядчикам крупных инвестиционных проектов необходимое число трудовых мигрантов.

Целевой набор ИРС и региональные показатели социально-экономического развития. Установим возможную корреляцию между привлечением ИРС в Амурскую и Мурманскую область в рамках целевого набора 2020 г. и изменениями социально-экономических индексов данных регионов.

В первую очередь сравним годовую динамику объема работ, выполненных по виду экономической деятельности «строительство» до и во время пандемии. Индекс включает стоимость подрядных работ по строительству новых объектов по генеральным, прямым и субподрядным договорам за счет всех источников финансирования.

Определим несколько контрольных точек динамики: апрель 2020 г. – показатель отрасли на момент введения локдауна в РФ, август 2020 г. – показатель на момент начала применения целевого набора ИРС в Амурской и Мурманской областях, май 2021 г. –

показатель на момент открытия транспортного сообщения между РФ и странами Центральной Азии.

Сопоставим статистику в разрезе федеральных округов (СЗФО и ДВФО), регионов-участников целевого набора ИРС (Амурская и Мурманская области), а также регионов-лидеров по числу трудовых мигрантов до пандемии (СПб, Ленинградская область, Приморский край).

Таблица 2.

Объем работ, выполненных по виду экономической деятельности «строительство» в отдельных субъектах СЗФО и ДВФО за сопоставимые периоды 2019–2021 гг.

	Объем работ в отношении к аналогичному периоду прошлого года (в %)						
	СЗФО	СПб	Ленинградская область	Мурманская область	ДВФО	Приморский край	Амурская область
за 2019 г.	87	77	146	135,2	95,3	112,3	209,1
январь-апрель 2020 г.	–	103,5	91,9	150,4	–	117,6	58,5
январь-август 2020 г.	–	95,5	88,3	138,6	–	115	102,7
за 2020 г.	90	90,7	82	121	91,4	99	111,3
январь-май 2021 г.	–	84,7	81,6	90,3	–	93,5	121
январь-июль 2021 г.	–	85,5	82,2	115,4	–	79	102,9

Источник: Составлено по данным Росстата, Петростата, Мурманскстата, Приморскстата, Амурстата

Исходя из приведенных в таблице 2 цифр можно сделать следующие наблюдения:

1. Как показывает годовая статистика, объемы выполненных строительных работ по СЗФО и ДВФО в последние годы постепенно сокращаются. В региональном разрезе все субъекты, кроме СПб, показали за 2019 г. рост показателей по отношению к 2018 г.

2. Отрезок январь-апрель 2020 г., который включил введение локдауна и жестких санитарных ограничений в России, все рассматриваемые субъекты за исключением Ленинградской и Амурской областей прошли на подъеме в сравнении с динамикой за сопоставимый период 2019 г.

3. На отрезке январь-август 2020 г. в сравнении с январем-августом 2019 г. показатели в СПб и Ленинградской области снизились. По Приморью и Мурманской области сохранился рост. Положительная динамика наметилась и в Амурской области.

4. По итогам 2020 г. объемы выполненных строительных работ превысили показатели 2019 г. только в Мурманской и Амурской областях. Данная тенденция сохранилась и на июль 2021 г.

Сопоставление тенденций таблицы 1 и таблицы 2 указывает на следующую корреляцию. Регионы-участники целевого набора ИРС в 2020 г. показали прирост объема выполненных строительных работ относительно 2019 г. в том числе за счет реализации в плановом режиме проектов ЦСКМС и ГПЗ.

Значение динамики по нежилому сектору подтверждает сравнение со статистикой по жилому фонду. Амурская область, которая в прошлом году по объему ввода в эксплуатацию жилой площади (в тыс. кв. метров) показала лишь 76% от объемов 2019 г. – вышла на первое место по своему федеральному округу в абсолютном исчислении объема выполненных строительных работ. Этот показатель составил по Амурской области – 291305,9 (млн руб.). У следующего за ней Приморского края – 110649,2 (млн руб.). При этом доля выполненных работ и услуг собственными силами крупных и средних предприятий и организаций по

договорам строительного подряда (в млн руб.) по городскому округу г. Свободный, где расположен ГПЗ, составила 78% от общего объема строительства по Амурской области [10].

Мурманская область по вводу в эксплуатацию жилых домов (в тыс. кв. метров) за 2020 г. также показала отрицательную динамику – 53,6% от объемов 2019 г. В абсолютном исчислении по объему строительных работ (75 247,8 млн руб.) регион по своему федеральному округу занял 4 место после Санкт-Петербурга (436926,0 млн руб.), Ленинградской области (206 823,2 млн руб.) и Вологодской области (113 017,5 млн руб.).

В свою очередь регионы СЗФО и ДВФО, которые на 2019 г. продемонстрировали положительную динамику в строительной отрасли (Ленинградская область и Приморье), столкнувшись среди прочих проблем с дефицитом ИРС в 2020 г., завершили год с отрицательными показателями.

Целевой набор ИРС и региональные рынки труда. Изучим корреляцию рассматриваемой практики привлечения трудовых мигрантов в период пандемии с положением на рынках труда Амурской и Мурманской областей.

Таблица 3.

Характеристики местных рынков труда

	Амурская область		Мурманская область	
	2019 г.	2020 г.	2019 г.	2020 г.
Численность рабочей силы (тыс. чел.)	407 402	403 400	421 300	410 500
Из них безработных	в тыс. чел.	21 878	24 000	31 800
	в %	5,4	6	5,4
Безработных со средним профессиональным и со средним общим образованием	7 000	–	18 693	–
Выпускников, прошедших программы среднего профобразования	4 558	4 389	3 516	–
Заявленная предприятиями и организациями на конец года потребность в работниках (рабочие профессии)	28 434	29 956	21 200	9 461 ¹

Источник: Составлено по данным Амурстата и Мурманскстата

Таблица 3 отражает тенденцию последних лет к сокращению численности рабочей силы в Амурской и Мурманской областях по мере сокращения численности трудоспособного населения. При этом уровень безработицы, который в регионах также снижался, за время пандемии 2020 г. вырос.

Заявленная предприятиями и организациями потребность в рабочих кадрах, включая строительные профессии, по Амурской области несколько возросла, тогда как по Мурманской области, как можно заключить по неполным данным, скорее снизилась.

Исходя из того, что вакансии в сфере строительства занимают преимущественно люди со средним профессиональным образованием, можно выделить 3 категории безработных, способных восполнить нехватку рабочих рук в отрасли: квалифицированные и неквалифицированные рабочие, а также выпускники, освоившие программы среднего профессионального образования. Сопоставимые данные за 2019 г. свидетельствуют о том, что по Амурской области полная мобилизация незанятых внутренних трудовых ресурсов могла обеспечить немногим более 40% потребности, а по Мурманской области – 88%.

Таким образом, накануне пандемии рынок труда в рассматриваемых областях характеризовался как в различной степени дефицитный, и вакансии в строительной отрасли оставались незанятыми. Привлечение ИРС лишь незначительно пересекалось с трудовыми интересами местных жителей. В 2020 г. с учетом роста безработицы и предположительным

¹ Данные на 31 октября 2020 г.

увеличением числа безработных среди рабочих профессий, зона такого пересечения могла увеличиться, но глобально целевой набор ИРС на показатели безработицы не повлиял.

Целевой набор ИРС и социальная инфраструктура (по данным Амурской области). Организованное привлечение трудовых мигрантов на рассматриваемые строительные проекты отражается на инфраструктуре регионов.

Более детальная статистика по муниципальным образованиям Амурской области демонстрирует, что Свободненский муниципальный район занимает 2 место по региону по обороту общественного питания и 4 место по пассажирообороту автомобильного транспорта [10]. Таким образом, строительство ГПЗ наравне с рисками от повышенной нагрузки на инфраструктуру приносит выгоду, способствуя росту предпринимательства в сфере транспортных услуг и услуг общепита, что повышает экономические индексы региона.

В 1,7 раза по Свободненскому муниципальному району выросла среднемесячная начисленная заработная плата работников организаций, не относящихся к субъектам малого предпринимательства – с 87 623,5 руб. в 2019 г. до 151 259,0 руб. в 2020 г. Данный показатель внушает опасения местным жителям, которые связывают высокие зарплатные ставки на ГПЗ у приезжих рабочих – как у иностранных, так и у россиян из других регионов – как один из факторов роста потребительских цен на товары и услуги, которые за 2020 г. увеличились по Амурской области на 7,2% (за 2019 г. – на 4,8%).

Активная внешняя трудовая миграция рассматривается и как весомый фактор повышения транспортных тарифов в Амурской области за 2020 г.: эконом-класс самолета (+83%), междугородний автобус (+13,3%), а также двукратного удорожания съема жилья в государственном и муниципальном жилищных фондах. Подобные тенденции подпитывают миграционную, а вместе с ней и естественную убыль местного населения, которое стремится в более благоприятные регионы.

По итогам изучения статистики, отражающей процесс целевого набора ИРС, и социально-экономических показателей развития Амурской и Мурманской областей за 2020 г., можно заключить следующее:

Благодаря организованному привлечению трудовых мигрантов строительные компании, занятые в реализации стратегических проектов, на протяжении пандемии не испытывали дефицита трудовых ресурсов, что позволило им уложиться в намеченные сроки. Как результат, целевой набор внес существенный вклад в положительную динамику строительной отрасли в Амурской и Мурманской областях. Оба региона превысили показатели 2019 г. по объему выполненных строительных работ.

Привлечение ИРС в период пандемии лишь незначительно пересекалось с трудовыми интересами местных жителей региона, включая безработных подходящих категорий – выпускников по программам профессионального обучения, лиц, имеющих среднее общее и среднее профессиональное образование, которые не были готовы массово занимать свободные вакансии в строительной отрасли ни в 2019 г., ни в 2020 г. Целевой набор рабочих-нерезидентов повлиял на ряд показателей социально-экономического развития рассматриваемых регионов, привнося как положительные, так и негативные эффекты.

Управление внешней трудовой миграции подразумевает четкое понимание экономических выгод и рисков. В этой связи организованное привлечение ИРС в качестве основной формы, в принципе исключая стихийный массовый въезд рабочих-нерезидентов в РФ, имеет важные преимущества как инструмент государственного регулирования сложных процессов.

Во-первых, при получении работодателями заявок на согласование найма ИРС создаются условия для переноса в страны-исхода комплекса мер по пред-миграционной подготовке и проверке кандидатов на трудоустройство в России, что позволяет сократить число нелегалов.

Во-вторых, учитывается реальный региональный и отраслевой спрос на ИРС, что способствует эффективному направлению потоков трудовой миграции в субъекты РФ с дефицитом рабочих рук.

В-третьих, условие строгого соответствия иностранных кандидатов актуальным вакансиям повлечет совершенствование системы тестирования и цифрового учета. Это повысит качество ИРС при соблюдении интересов россиян, реально претендующих на трудоустройство в той или иной отрасли, а также улучшит базу статистических данных.

Вместе с тем, развитие организованных форм привлечения ИРС в РФ ставит вопрос о централизации российского миграционного сервиса, который упростит оказание иностранным рабочим законодательно установленных медицинских, образовательных и бюрократических услуг. Подобный сервис помимо формирования единой материальной и кадровой базы потребует аккумуляции опыта, уже накопленного передовыми операторами миграционных услуг в России. Реализацию подобной программы обеспечит эффективное государственно-частное партнерство, где государство отвечает за национальную стратегию, а бизнес – за оперативную реакцию на метаморфозы.

Список литературы и источников

1. *Ивахнюк И. В.* Миграция в России: экономические аспекты. – М.: Спецкнига, 2015. – 55 с. (Учебно-методические материалы / Российский совет по международным делам (РСМД); № 2/2015). ISBN: 978-5-91891-452-6.
2. *Рязанцев С. В., Письменная Е. Е.* Методы оценки вклада трудящихся-мигрантов в экономику России // В поисках утраченного роста. Т. 2. Социальные и гуманитарные факторы экономического роста: II Междунар. форум Финансового университета — 2015 (24-26 ноября, Москва): Сборник научных статей / Финуниверситет; под ред. А. В. Новикова, А. Ю. Оборского. – М.: Финуниверситет, 2016. – С. 90–94. ISBN: 978-5-7942-1340-9.
3. *Красинец Е. С.* Трудовая иммиграция в период пандемии коронавируса и ее последствия в социально-экономическом развитии современной России // Уровень жизни населения регионов России. 2021. Т. 17. № 1. С. 21–31. DOI: <http://doi.org/10.19181/lsprr.2021.17.1.2>.
4. *Калюгина С., Пьянов А., Тваронавичене М., Сорокин Г.* Депопуляция и внешняя миграция как институциональные риски кадровой безопасности // Институты российской экономики. 2018. Т. 10. № 4. С. 125–144. DOI: <http://doi.org/10.17835/2076-6297.2018.10.4.125-144>.
5. *Соболева С. В., Смирнова Н. Е., Чудаева О. В.* Миграция населения в приграничных регионах Сибири // Континент Сибирь / под ред.: академика РАН В. А. Крюкова. – Новосибирск: ИЭОПП СО РАН, 2020. – 452 с. ISBN: 948-5-89665-346-2.
6. *Карцева М. А., Мкртчян Н. В., Флоринская Ю. Ф.* Миграция в России и социально-экономическое развитие регионов: анализ взаимного влияния // Проблемы прогнозирования. 2020. № 4. С. 87–97.
7. *Комаровский В. В.* Россия и СНГ: динамика миграционных потоков // Россия и новые государства Евразии. 2020. № 2. С. 151–170. DOI: <http://doi.org/10.20542/2073-4786-2020-2-151-170>.
8. *Красинец Е. С., Герасимова И. В.* Трансформация процессов внешней трудовой миграции в период распространения инфекции COVID-19 // Народонаселение. 2020. № 4. С. 161–171. DOI: <https://doi.org/10.19181/population.2020.23.4.15>.
9. *Сивоплясова С. Ю.* Миграция из стран Азии в Россию в период пандемии COVID-19 // Научное обозрение. Серия 1: Экономика и право. 2021. № 3. С. 91–100. DOI: <https://doi.org/10.26653/2076-4650-2021-3-08>.
10. Комплексная оценка социально-экономического развития Амурской области в 2020 г. Статистический сборник / Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Амурской области. – Благовещенск, 2021. – 48 с.

ФАКТОРЫ АДАПТАЦИИ НАСЕЛЕНИЯ К СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИМ ПЕРЕМЕНАМ

Козлова О. А., доктор экономических наук, профессор, руководитель Центра исследований социоэкономической динамики Института экономики Уральского отделения РАН, Екатеринбург, Россия, e-mail: kozlova.oa@uiec.ru.

***Аннотация.** В статье рассмотрены проблемы адаптационного поведения населения в условиях изменения внешней социально-экономической среды. Цель исследования состоит в факторной идентификации адаптационных стратегий населения в различных сферах жизнедеятельности. Рассмотрены основные тенденции миграционных и репродуктивных адаптационных стратегий населения. Сделан вывод о необходимости формирования институционального пространства роста адаптационного потенциала населения в динамично меняющихся условиях.*

***Ключевые слова:** социально-экономические изменения, население, адаптационный потенциал, миграционное, репродуктивное поведение.*

FACTORS OF POPULATION ADAPTATION TO SOCIO-ECONOMIC CHANGE

Kozlova O. A., Doctor of Economic Sciences, Professor, Head Center for Socioeconomic Dynamics Research, Institute of Economics, Ural Branch of the RAS, Yekaterinburg, Russia, e-mail: kozlova.oa@uiec.ru.

***Abstract.** The article deals with the problems of adaptive behavior of the population in conditions of changes in the external environment. The purpose of the study is to identify factors in the formation of adaptation population strategies in various life spheres. The main directions of migration and reproductive adaptation strategies of the population are considered. It is concluded that it is necessary to form an institutional space for the growth of the adaptive population potential in a dynamically changing environment.*

***Keywords:** social and economic changes, population, adaptive potential, migratory behavior, reproductive behavior.*

Актуальность рассмотрения факторов, определяющих характер адаптационного поведения населения в контексте социально-экономического развития российских регионов и страны в целом продиктована несколькими причинами. Во-первых, эффективность управленческих мероприятий и принятие решений органами государственной власти, во многом полагается на системность, при которой поиск закономерностей адаптационных механизмов может служить основой для выработки стратегий, в том числе в сфере протекания демографических процессов. Во-вторых, в современной социально-экономической реальности меняются способы и интенсивность взаимодействия между средой и обществом, что приводит к возникновению новых форм взаимосвязи. Это, с одной стороны, открывает широкие перспективы для повышения уровня благополучия населения и качества человеческих ресурсов, а с другой стороны, способствует возникновению новых рисков и угроз. В-третьих, любые преобразования социального и экономического характера не принесут положительных результатов, если будут основываться на системе моделей поведения и ценностях, не отвечающих запросам общества. По этим причинам рассмотрение вопросов, связанных с оценкой адаптации населения, в том числе его демографического поведения, является крайне актуальным, как в сугубо научном смысле, так и в смысле

использования знаний о средствах и формах адаптации при решении практических задач, стоящих перед экономикой и обществом.

Экономические и социологические науки на протяжении долгого времени пытаются объяснить природу адаптации в связке «среда-общество». При осмыслении сущности процессов адаптации современные исследователи опираются на теоретические положения и устоявшиеся концепции, которые зачастую пересекаются между собой, однако в зависимости от фокуса исследования предлагают свои определения, инструменты и модели изучения. Среди устоявшихся теоретических подходов к исследованию процессов социальной и экономической адаптации следует выделить теорию социальной стратификации [1; 2], концепции демографического [3], эпидемиологического [4] переходов, рационального выбора [5], которые объясняют формирование моделей адаптации населения в различных сферах жизнедеятельности к происходящим изменениям внешней среды.

Зачастую в социально-экономических исследованиях, посвященных адаптации населения, можно встретить две позиции во взаимосвязи «среда-общество». Одна из них носит пассивный характер и называется «приспособление», а именно, общество играет роль объекта, на который воздействует различные факторы. В другом случае общество само воздействует на среду, «приспосабливая» под себя происходящие изменения, поскольку она предстает и как процесс, и как результат [6]. Процесс адаптации рассматривается в двух контекстах: взаимосвязи «индивид-среда-общество» и представлен на рисунке 1.

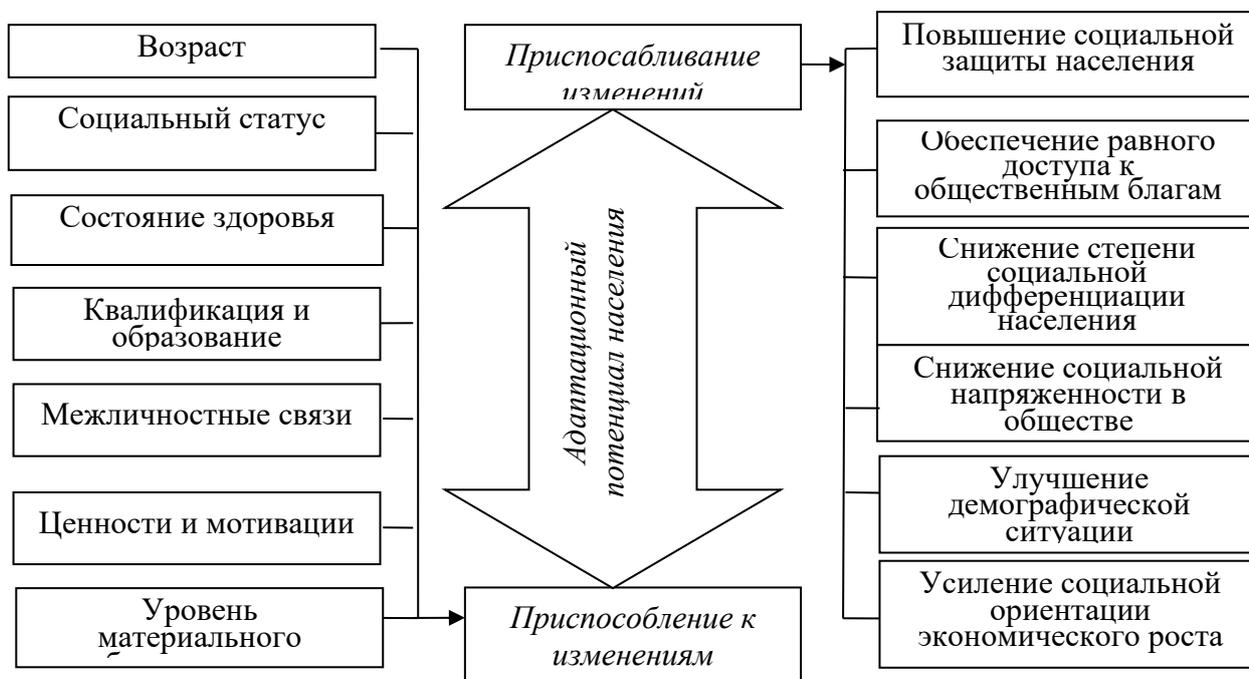

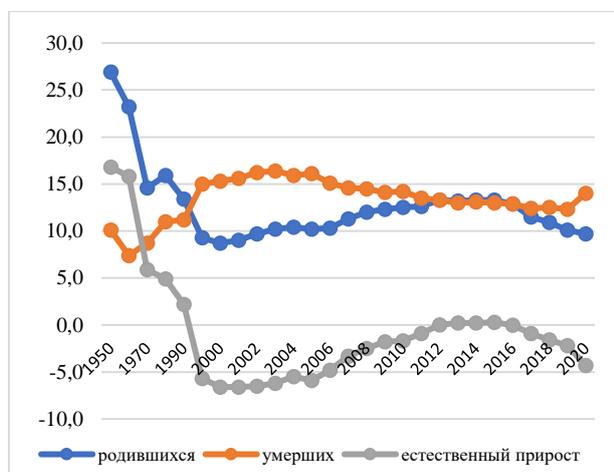
Рис. 1. Двухаспектность процесса адаптации населения к изменениям внешней среды

Адаптация населения к изменениям условий жизнедеятельности имеет структурный характер, который заложен свойством системности и определяемый особенностью человека как биосоциальной системы. Структуру адаптации можно определить как устойчивость и повторяемость связей между отдельными элементами структуры и дифференциацией элементов, входящих в структуру по уровню значимости. Из данной закономерности выводится принцип распределения адаптационных усилий населения по всем его сферам жизнедеятельности: психологической, социальной, биологической, экономической. Наиболее ярко закономерности адаптации населения к изменяющимся социально-экономическим условиям проявляются через процессы миграции населения в поисках лучших условий жизни. Анализ исследований на примере Европейских стран показывает, что интенсивность географической мобильности происходит главным образом под влиянием поиска

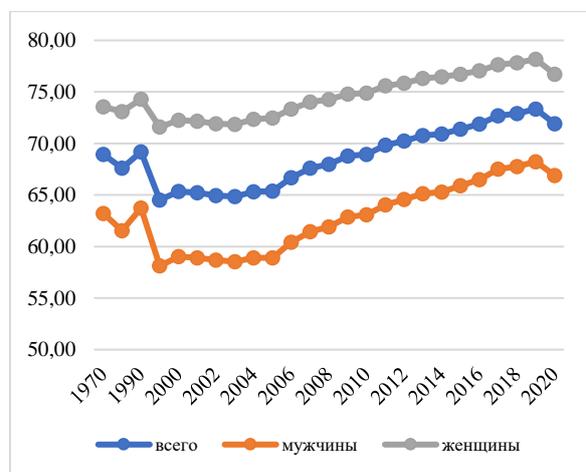
удовлетворенности работой, что, в свою очередь, зависит от баланса преимуществ и затрат, полученных от мобильности [7]. По статистическим данным Всемирного банка, стабильный отток населения в 2012–2017 гг. наблюдался в таких странах ЕС и ЕАЭС, как Армения, Болгария, Кыргызстан, Латвия, Литва, Польша, Португалия, Румыния, Хорватия, Эстония, в первые годы после кризиса 2008 г. большой отток населения наблюдался в Греции, Испании и Ирландии. Также представленные страны имели негативную динамику по другим социально-экономическим показателям.

Увеличение географической мобильности трудоспособного населения может оказывать как положительное, так и отрицательное влияние в зависимости от уровня благосостояния стран. Например, групповой анализ данных, проведенный на уровне богатых и бедных стран Европейского Союза для измерения миграционных потоков с 2000 по 2013 гг. свидетельствует о наличии структурных сходств и расхождений между европейскими богатыми и бедными странами. Эти сходства (или расхождения) показывают аналогичную реакцию на определенные экономические условия и изменения. Экономические и социальные последствия миграции могут быть очень значительны. Многие страны, в том числе и Россия, столкнулись с негативными последствиями миграции молодого образованного населения. Связь между прямыми иностранными инвестициями и миграцией является отрицательной, но она значима в случае более бедных стран [8].

Ключевую роль в процессе выявления закономерностей адаптационных процессов играет понятие «адаптационного потенциала». Исследователи приводят различные трактовки данного понятия. Так, Е. М. Аврамова рассматривает «адаптационный потенциал» как весь спектр возможностей приспособления, которые могут использоваться индивидом или группой для формирования конкурентных преимуществ во внешней среде [9]. В. А. Ядов предлагает под адаптационным потенциалом понимать «элементарные составляющие социального ресурса индивидов» [10]. К таковым он относит возраст, состояние здоровья, уровень доходов, территорию проживания (городская или сельская).

а) соответствующий коэффициент на 1000 чел. населения

б) показатель ожидаемой продолжительности жизни, лет

Рис. 2. Динамика показателей демографического развития России

Источник: [11; 12]

В этом плане различные социально-экономические события, которые имели место в истории нашей страны, так или иначе отражались и на демографическом поведении населения, изменяя основные показатели этого процесса (рис.2). На наш взгляд, довольно активное реагирование репродуктивного поведения населения и повышение смертности в кризисные состояния экономики и общества могут свидетельствовать о незначительном адаптивном потенциале российского населения к негативным изменениям.

Не вызывает сомнений, что процессы социально-экономической адаптации носят преимущественно институциональный характер. Рост адаптационных возможностей населения прослеживается в условиях накопления и развития социального и человеческого капитала, получения официального признания и, что наиболее важно, поддержки со стороны местных органов власти, гражданского общества, что способствует преодолению барьеров или проблем адаптации к происходящим изменениям. Таким образом, наличие формальных и неформальных институтов по адаптации на местном уровне, интегрированные с местными программами развития, помогают сглаживать адаптационные проблемы [13].

Список литературы и источников

1. Аврамова Е. М., Логинов Д. М. Адаптационные ресурсы населения: попытка количественной оценки // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2002. №3(59). С. 13–17.
2. Заславская Т. И. Опыт конкретных исследований социальных процессов с помощью математических моделей и методов // Моделирование социальных процессов: сборник статей / Отв. ред. Э. П. Андреев и Ю. Н. Гаврилец. – Москва: Наука, 1970. – 228 с.
3. Вишневский А. Г. Избранные демографические труды. В двух томах. Т. I. Демографическая теория и демографическая история. – М.: Наука, 2005. – 370 с. ISBN: 5-02-033776-5.
4. Омран А. Эпидемиологический аспект теории естественного движения населения // Проблемы народонаселения. О демографических проблемах стран Запада. 1997. №3. С. 57–91.
5. Simon H. A. Rationality as Process and as Product of Thought. The American Economic Review. 1978. Vol. 68. No. 2. Papers and Proceedings of the Ninetieth Annual Meeting of the American Economic Association. Pp. 1–16.
6. Пасовец Ю. М. Адаптированность населения к социальным изменениям и ее показатели // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Серия: Общественные науки. 2015. №1 (185). С. 28–35.
7. Meil G., Romero-Balsas P. Job Mobility and Subjective Well-being in Europe. Do Highly Mobile Workers Feel Worse? // Cuadernos Europeos de Deusto. 2017. № 56. P. 105–131. DOI: <https://doi.org/10.18543/ced-56-2017pp105-131>.
8. Mihi-Ramírez A., Kumpikaitė-Valiūnienė V., Cuenca-García E. An inclusive analysis of determinants of international migration. The case of European rich and poor countries // Technological and economic development of economy. 2017. Vol 23. No. 4. P. 608–626. DOI: <https://doi.org/10.3846/20294913.2017.1306726>.
9. Адаптационные стратегии населения: коллективная монография / Под. ред. Е. М. Авраамовой. – Санкт-Петербург: Компьютербур, 2003. – 196 с. ISBN: 5-93463-006-7.
10. Ядов В. А. Социальный ресурс индивидов и групп как их капитал: возможность применения универсальной методологии исследования реального расслоения в российском обществе // Кто и куда стремится вести Россию? Акторы макро-, мезо- и микроуровней современного трансформационного процесса: Междунар. симп., 19–20 янв. 2001 г. / Под общ. ред. Т. И. Заславской. – М.: Моск. высш. шк. соц. и экон. наук, 2001. – 383 с. – С. 310-319. ISBN: 5-93725-004-4.
11. Демография // Федеральная служба государственной статистики [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/12781> (дата обращения (дата обращения 30.09.2021)).
12. Информация о социально-экономическом положении России - 2020 г. // Федеральная служба государственной статистики [сайт]. URL: https://gks.ru/bgd/free/B20_00/Main.htm (дата обращения (дата обращения 30.09.2021)).
13. Deshpande T., Michael K., Bhaskara K. Barriers and enablers of local adaptive measures: a case study of Bengaluru's informal settlement dwellers // Local Environment. 2019. Vol. 24. No. 3. P. 167–179. DOI: <https://doi.org/10.1080/13549839.2018.1555578>.

**ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ И МИГРАЦИОННЫЕ ПРОБЛЕМЫ
ХАНТЫ-МАНСИЙСКОГО АВТОНОМНОГО ОКРУГА – ЮГРЫ**

Колесникова Ю. С., доктор экономических наук, доцент, главный научный сотрудник Института демографических исследований ФНИСЦ РАН, Казань, Россия, e-mail: hulia_k@mail.ru

Аннотация. В статье проанализированы демографические и миграционные показатели Ханты-Мансийского автономного округа – Югры, на основе которых выявлены основные проблемы региона: нарастающая тенденция демографического старения населения, эмиграция молодежи, дефицит кадров, слабо диверсифицированная структура занятости. Предложены варианты разрешения выявленных проблем через развитие системы высшего и среднего профессионального образования, программу привлечения молодых специалистов и стимулирование работодателей.

Ключевые слова: миграция, демография, демографическое старение населения, занятость, кадровый дефицит.

**DEMOGRAPHIC AND MIGRATION PROBLEMS OF THE KHANTY-MANSIYA
AUTONOMOUS DISTRICT – YUGRA**

Kolesnikova Yu. S., Doctor of Economic Sciences, Docent, Chief Researcher, Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Kazan, Russia, e-mail: hulia_k@mail.ru.

Abstract. The article analyzes the demographic and migration indicators of the Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug – Ugra, on the basis of which the main problems of the region are identified: the growing trend of demographic aging of the population, emigration of young people, staff shortage, poorly diversified employment structure. The options for resolving the identified problems through the development of the system of higher and secondary vocational education, a program for attracting young specialists and incentives for employers are proposed.

Keywords: migration, demography, population aging, employment, personnel shortage.

Демографические и миграционные процессы в регионах Российской Федерации развиваются неоднородно, присутствует ряд региональных особенностей. Структура населения, занятости и миграции Ханты-Мансийского автономного округа – Югры имеет значительные отличия от средних показателей по РФ, что требует разработки отдельных региональных программ направленных на нивелирование демографических и миграционных проблем автономного округа.

Ханты-Мансийский автономный округ – Югра занимает 11 место по коэффициенту рождаемости в России, который составил 12,4 чел. на 1000 в 2019 г., тогда как средний показатель по РФ составлял – 10,1. В период с 2005 по 2019 гг. наблюдается прирост населения с 1468 тыс. чел. до 1675 тыс. чел. [1]. Однако в этот же период происходит процесс демографического старения населения, снижается доля населения в трудоспособном возрасте и увеличивается доля населения в возрасте старше трудоспособного (рис. 1).

Рис. 1. Структура населения Ханты-Мансийского автономного округа –Югра по возрасту в %.

Источник: [1]

Население в трудоспособном возрасте в период 2005–2019 гг. уменьшилось с 71,9% до 61%, а доля населения в возрасте старше трудоспособного возраста выросла более чем в 2 раза, с 7,8% до 15,9%, что в абсолютном значении составило 50 тыс. чел. Коэффициент демографической нагрузки увеличился с 391 в 2005 г. до 637 в 2019 г.

Демографическое старение населения мы связываем с уменьшением оттока населения старших возрастных групп, что обусловлено стоимостью квадратного метра жилья. В 2005 г. средняя стоимость квадратного метра жилья в Ханты-Мансийском автономном округе – Югра составляла 14 000 руб., при, средней стоимости квадратного метра по РФ – 11 650 руб. Так, автономный округ в 2005 г. занимал второе место после г. Москвы по данному показателю [2]. В 2020 г. средняя стоимость квадратного метра жилья в автономном округе составила – 52 501 руб., регион занимает уже 20 место по данному показателю по РФ [3].

При этом миграционный прирост носит дискретный характер, положительный миграционный прирост наблюдался в 2010–2012 гг., 2016 г., и в 2019 г. Снижается численность иностранцев, работающих в автономном округе. В 2019 г. их было 36,8 тыс. человек [1]. Иностранные рабочие не оказывают существенного влияния на обеспечение квалифицированными кадрами автономного округа, работают на неквалифицированных должностях.

Уровень заработной платы, наличие северных льгот, уровень жизни являются конкурентными преимуществами территории и привлекают работников с других регионов и иностранцев, а также удерживает работающих в округе от переезда [4]. Так, в 2020 г. прибыло в ХМАО-Югру около 70 тыс. человек, 2/3 с территорий РФ, остальные – иностранцы. В то же время из автономного округа выехало 65 тыс. человек, миграционный прирост составил 5 тыс. человек, а на протяжении трех лет ранее была убыль [1]. Таким образом данные конкурентные преимущества позволяют лишь восполнить выбывшее население. Одной из тенденций является образовательная миграция молодежи, 60% выпускников 11 классов – это в среднем 6 тыс. человек в год – поступают в ВУЗы других регионов [5].

Занятость населения не диверсифицирована. Около четверти населения заняты в добыче полезных ископаемых, что делает рынок труда зависимым от развития отрасли, цен углеводородного сырья на рынке, деятельности ОПЕК и автоматизации рабочих мест. На рисунке 2 представлены показатели напряженности рынка труда по городам и районам автономного округа.

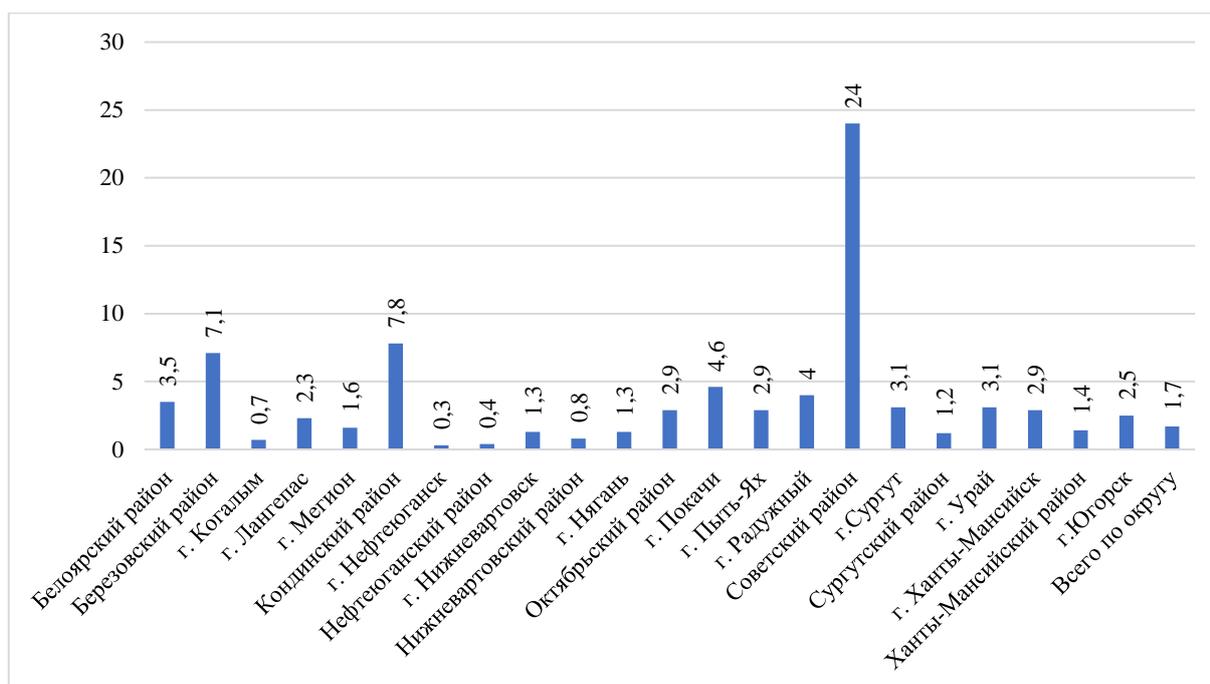

Рис. 2. Коэффициент напряженности по безработным, чел. / раб. место по территориям округа на 30.12.2020

Источник: [6]

Данные рисунка 2 свидетельствуют о дефиците кадров в ряде районов, где коэффициент напряженности меньше 1: г. Когалым, г. Нефтеюганск, Нефтеюганский район, Нижневартовский район.

Характерной особенностью автономного округа является привлечение значительного числа работников вахтовым методом.

Таким образом, в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре наблюдается процесс демографического старения населения, образовательная эмиграция молодежи, слабо диверсифицированный рынок труда с присутствием дефицита в ряде районов, восполнение занятости за счет вахтовой формы занятости, что в долгосрочной перспективе может приводить к дефициту кадров в автономном округе.

Среди рекомендаций по нивелированию проблем демографии и миграции можно выделить:

1. Увеличение бюджетных мест в образовательных организациях СПО и ВПО Ханты-Мансийского автономного округа – Югры по ряду приоритетных направлений.
2. Учреждение региональных грантов на покрытие стоимости контрактного обучения. Удержание выпускников школ путем предоставления региональных стипендий. Дифференциация стоимости обучения в зависимости
3. Создание жилищных условий для притока студентов в автономный округ.
4. Создание филиалов высших учебных заведения в г. Нефтеюганск. Высшие учебные заведения позволяют привлекать и удерживать кадры в соответствующих районах. г. Нефтеюганск и Нефтеюганский район испытывают наибольший кадровый дефицит в автономном округе, что требует дополнительных мер по привлечению человеческих ресурсов.
5. Комплексная поддержка приезжающих молодых специалистов через выплаты подъемных, социальный найм жилья, субсидирование стоимости жилья для высококвалифицированных специалистов
6. Стимулирование работодателей, привлекающих молодых специалистов из-за рубежа и из других регионов за счет регионального бюджета.

Таким образом, нами предложен ряд мер, направленных на преодоление демографических и миграционных проблем Ханты-Мансийского автономного округа – Югра.

Список литературы и источников

1. Регионы России. Социально-экономические показатели – 2020 г. // Федеральная служба государственной статистики [сайт]. URL: https://gks.ru/bgd/regl/b20_14p/Main.htm (дата обращения: 15.07.2021).
2. Приказ Министерства регионального развития РФ от 12 сентября 2005 г. N 92 «О средней рыночной стоимости 1 кв. метра общей площади жилья на IV квартал 2005 г.» // Гарант. Справочно-правовая система. URL: <https://base.garant.ru/12142380/> (дата обращения: 15.07.2021).
3. Приказ Министерства строительства и жилищно-коммунального хозяйства РФ от 19 декабря 2019 г. N 827/пр «О нормативе стоимости одного квадратного метра общей площади жилого помещения по Российской Федерации на первое полугодие 2020 года и показателях средней рыночной стоимости одного квадратного метра общей площади жилого помещения по субъектам Российской Федерации на I квартал 2020 года» // Гарант. Справочно-правовая система. URL: <https://base.garant.ru/73322601/> (дата обращения: 15.07.2021).
4. Гильтман М. А., Обухович Н. В., Ларионова Н. И. Влияние заработной платы в европейской части России на миграцию в районах Крайнего Севера // Мир России. 2020. Т. 29. № 3. С. 28–50.
5. Рособrnadzop оценил качество образования в регионах России // Федеральная служба по надзору в сфере образования и науки [сайт] URL: <http://obrnadzor.gov.ru/news/rosobrnadzor-oczenil-kachestvo-obrazovaniya-v-regionah-gossii/> (дата обращения 28.07.2021).
6. Мониторинг ситуации на регистрируемом рынке труда // Департамент труда и занятости населения Ханты-Мансийского автономного округа – Югры [сайт]. URL: <https://deptrud.admhmao.ru/monitoring-situatsii-na-registriruемом-rynke-truda/> (дата обращения: 28.07.2021).

О ПОСЛЕДСТВИЯХ ПАНДЕМИИ COVID-19 ДЛЯ ТРУДОВОЙ МИГРАЦИИ В РОССИЮ

Красинец Е. С., кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник, руководитель Лаборатории миграционных исследований Института социально-экономических проблем народонаселения ФНИСЦ РАН, Москва, Россия, e-mail: e_krasinets@mail.ru.

Шевцова Т. В., кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Института социально-экономических проблем народонаселения ФНИСЦ РАН, Москва, Россия, e-mail: gildenberg@yandex.ru.

***Аннотация.** В статье представлен анализ последствий влияния пандемии коронавируса на международную трудовую миграцию в России. На данных официальной статистики и социологических исследований показано воздействие эпидемии COVID-19 на процессы привлечения и использования иностранных работников. Особое внимание уделено решению задач в области регулирования трудовой иммиграции в условиях преодоления последствий коронавируса.*

***Ключевые слова:** международная миграция населения, трудовые мигранты, иностранная рабочая сила, пандемия коронавируса, миграционная политика.*

ON THE CONSEQUENCES OF THE COVID-19 PANDEMIC FOR LABOR MIGRATION TO RUSSIA

Krasinets E. S., Candidate of Economic Sciences, Leading Researcher, Head of the Migration Research Laboratory, Institute of Socio-Economic Studies of Population FCTAS RAS, Moscow, Russia, e-mail: e_krasinets@mail.ru

Shevtsova T. V., PhD in Economics, Leading Researcher, Institute of Socio-Economic Studies of the Population, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology RAS, Moscow, Russia, e-mail: gildenberg@yandex.ru

***Abstract.** The article presents an analysis of the impact of the coronavirus pandemic on international labor migration in Russia. Based on the use of official statistics and sociological research, the impact of the COVID-19 epidemic on the processes of attracting and using foreign workers in the Russian economy is shown. A special attention was paid to solving problems in the field of regulating labor immigration in the context of overcoming the consequences of the coronavirus.*

***Keywords:** international migration, labor migrants, foreign labor, coronavirus pandemic, migration policy.*

Российская Федерация является одним из мировых центров притяжения трудовых мигрантов. До начала пандемии коронавируса на работу в Россию ежегодно въезжало порядка 5–6 млн человек, из них более 90% – из стран СНГ.

Глобальное распространение вируса переломило действовавшие тенденции в сфере трансграничных передвижений. Ограничение пространственной мобильности населения и закрытие государственных границ превратились в ключевые проблемы международного трудового обмена [1, с. 8].

Пандемия не могла не отразиться на потоках трудовой иммиграции и в российской экономике. В связи с недостаточностью объективных данных, позволяющих оценивать в период COVID-кризиса ситуацию на рынке иностранного труда, возрастает важность

понимания происходящих в стране процессов и трансформаций в сфере занятости трудовых мигрантов.

В данной работе на основе официальной статистики и данных, полученных в ходе социологических опросов, ставятся задачи показать современные тенденции трудовой иммиграции в Россию, проанализировать влияние COVID-19 на изменения ее масштабов и занятость трудовых мигрантов, а также выяснить как может и должна меняться российская миграционная политика в области привлечения и использования иностранной рабочей силы в период постпандемического восстановления экономики.

С целью раскрытия тенденций, проблем адаптации и интеграции иностранных работников в период пандемии коронавируса Институтом социально-экономических проблем народонаселения ФНИСЦ РАН в августе 2020–2021 гг. на территории Калининградской области были проведены социологические опросы трудовых мигрантов. Опросы проводились методом персонального интервью в местах работы трудовых мигрантов. Отбор респондентов осуществлялся на основе квотной выборки. Общий объем выборочной совокупности составил 600 человек в возрасте 18 лет и старше.

Среди опрошенных трудовых мигрантов преобладали мужчины (около 80%) и люди в возрасте 30–40 лет. Молодежь составляла около 30%. Основной приток мигрантов – из Средней Азии с доминированием граждан Узбекистана. 24% опрошенных у себя на родине получили среднее образование. Менее половины мигрантов имели среднее специальное, высшее или незаконченное высшее образование. В то же время 29% респондентов прибыли в страну с начальным и неполным средним образованием, или вообще без образования. Общий уровень квалификации мигрантов невысок. До отъезда в Россию большинство респондентов были заняты в отраслях с неквалифицированным трудом (45%) или выполняли работы, требующие среднего уровня квалификации (47%). Заметно ниже в структуре прибывших оказалось доля работников с высокой квалификацией – около 8%.

В условиях эпидемии коронавируса масштабы трудовой иммиграции в российских регионах резко пошли на убыль. По данным МВД РФ, в 2020 г. в целом по стране было поставлено на миграционный учет 2,4 млн иностранных граждан, прибывших в Россию на работу, что более чем в два раза меньше в сравнении с доковидным 2019 г. Более чем наполовину сократилось количество выданных разрешений на работу иностранным гражданам из стран с визовым въездом. На 57% уменьшился прием из-за рубежа квалифицированных специалистов, на 40% – приток высококвалифицированных работников. Более чем на треть убавилось количество выданных патентов иностранным гражданам и лицам без гражданства. Общее количество разрешений на работу и патентов для трудовых мигрантов сократилось в 1,6 раза.

В период пандемии в экономике произошло резкое сокращение рабочих мест, особенно в тех отраслях, где были заняты мигранты [2, с. 28]. В условиях кризиса и неустойчивой занятости трудовые мигранты оказались перед реальными угрозами потерять работу, остаться без жилья и средств к существованию. Существенно сузились легальные пути для трудоустройства, увеличилась латентная составляющая отечественного рынка труда, возросло включение трудовых мигрантов в теневые схемы найма работников, расширились масштабы их незаконной занятости.

В регионах усилились диспропорции между потребностью в рабочей силе и ее предложением. С одной стороны, в сфере занятости сформировалась избыточная численность «застрававших» сотен тысяч трудовых мигрантов, лишенных средств на покупку продуктов питания, жилье, лекарств, оплату транспортных расходов и другие насущные нужды, что увеличило риски роста преступности, активизации экстремистских религиозных и террористических организаций [3, с. 37]. С другой стороны, в ряде регионов из-за отъезда мигрантов на родину и сокращения их возвратной миграции отдельные отрасли, прежде всего строительство, ЖКХ и сельское хозяйство, стали испытывать нарастающую нехватку рабочих кадров. Многие работодатели после преодоления первой волны кризиса пандемии стали

увеличивать свою активность в поиске иностранных работников, испытывая немалые трудности в закрытии объявленных вакансий для трудовых мигрантов.

Следует согласиться с мнением, что «не имея социальных льгот, медицинского обслуживания, а зачастую – и официального трудоустройства, трудовые мигранты в условиях кризиса оказались одной из наиболее уязвимых групп наличного населения России» [4, с. 416]. Как показали наши опросы, важнейшими проблемами жизнедеятельности гастарбайтеров стали ухудшение их материального положения, снижение доходов, нехватка средств, чтобы отправлять денежные переводы домой. По данным проведенного исследования, у почти 30% опрошенных доход уменьшился на величину от 10% до половины от прежнего уровня, у 13% трудовых мигрантов заработки сократились более чем наполовину.

Период пандемии характеризуется весьма противоречивым характером суждений трудовых мигрантов, связанных с оценкой их положения в России и планами по возвращению домой в страны постоянного проживания. Большинство опрошенных довольно позитивно оценивают работу в России и не планирует уходить с российского рынка труда. Несмотря на многочисленные оценки своего материального положения как неудовлетворительные, а также возросшие в период пандемии риски потерять работу и остаться без средств к существованию довольно велико оказывается число тех, кто не намерен уезжать из страны. Как показывают исследования А. П. Седлова, Е. С. Кубишина и И. В. Соболевой, «главной причиной таких настроений является крайняя бедность населения стран Центральной Азии, которая заставляет значительную часть мигрантов мириться с сокращением заработков, ухудшением условий занятости и даже с периодами безработицы и не покидать Россию» [5, с. 65].

Отвечая на вопрос о планах на будущее, значительная часть мигрантов указало на то, что хотела бы глубже интегрироваться в российское общество. Свыше 40% опрошенных респондентов в своих ориентациях намерены и дальше работать в Российской Федерации. Для большинства трудовых мигрантов, как отмечают М. Б. Денисенко и В. И. Мукомель, «улучшение материального положения так или иначе связано с работой в России» [6, с. 54].

Каждый пятый опрошенный нами мигрант сообщил, что в период начала пандемии пытался вернуться домой, но не получилось в связи с закрытием границ и проблемами приема своих граждан. Большая часть трудовых мигрантов (почти две трети) хотела бы остаться в России в течение долгого времени или навсегда.

Важно отметить, что за год пандемии выросли намерения мигрантов на долгосрочное пребывание и более глубокую интеграцию в России. Так, в 2020 г. около 37% респондентов указали, что они намерены остаться в России навсегда, а в 2021 г. таких было уже 43%. При этом представители разных стран относятся к возможности остаться в России на постоянной основе по-разному. Лидирующие позиции в рейтинге ответов на вопрос «Хотели бы Вы остаться в России навсегда, получить вид на жительство и российское гражданство?» занимают ответы граждан стран, наиболее интегрированных на евразийском пространстве – Казахстана (75,0%) и Кыргызстана (62,5%). Стремление получить российское гражданство и долгосрочно находиться в России характерно также для мигрантов из других стран постсоветского пространства – Таджикистана (44%), Азербайджана (40%) и Узбекистана (37%).

Последствия пандемии в экономической сфере сформировали у мигрантов и некоторый рост ориентаций на быстрое зарабатывание денег и возврат домой. Доля респондентов со стратегией быстро заработать денежные средства и уехать домой выросла с 17% в 2020 г. до 21% в 2021 г.

Можно также констатировать, что большинство мигрантов (почти две третьих от числа опрошенных) намерено после отъезда домой опять вернуться в Россию. Согласно данным опроса, 41% респондентов ответили, что планируют «обязательно» вернуться и еще 24% заявили, что «скорее всего вернуться». В основе ориентаций и установок иностранных работников на дальнейшее пребывание на российской территории более значимыми являются причины, выталкивающие их из стран происхождения, чем факторы и стимулы выезда из Российской Федерации. Работа мигрантов в России в целом воспринимается ими более

благоприятной, чем ситуация с занятостью в местах их постоянного проживания у себя на родине.

В сфере управления потоками трудовых мигрантов важной задачей является поиск путей совершенствования механизмов, регулирующих рынок труда иностранных работников. Возобновление в постпандемийный период приема многочисленных контингентов иностранной рабочей силы повысит необходимость проведения дифференцированной политики регулирования мигрантского сектора рынка труда.

Большое значение при этом приобретает активная разработка и внедрение мероприятий, направленных на стимулирование приезда в Россию востребованных категорий мигрантов. Веские основания в этой связи имеет введение балльной системы оценок отбора трудовых мигрантов для получения ими вида на жительство, позволяющей создавать преференции в привлечении и использовании в национальной экономике иностранных квалифицированных работников и высококвалифицированных специалистов.

Список литературы и источников

1. *Рязанцев С. В., Брагин А. Д., Рязанцев Н. С.* Положение трудовых мигрантов в регионах мира: вызовы пандемии COVID-19 и реакция правительств // Научное обозрение. Серия 1: Экономика и право. 2020. № 3. С. 7–21. DOI: <http://doi.org/10.26653/2076-4650-2020-3-01>.
2. *Воронина Н. А., Суворова В. А., Волох В. А.* Миграционная политика в новой реальности: выход из пандемии // Власть. 2020. Т.28. №4. С. 26–32. DOI: <https://doi.org/10.31171/vlast.v28i4.7422>.
3. *Цапенко И. П.* Межстрановая мобильность населения в период и после эпидемического шока // Социально-трудовые исследования. 2020. № 40(3). С. 31–43. DOI: <https://doi.org/10.34022/2658-3712-2020-40-3-31-43>.
4. *Шустов А. В.* Циркулярные миграции между Россией и странами СНГ в условиях кризиса: масштабы и последствия // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2020. Т. 22. № 3. С. 415–427. DOI: <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2020-22-3-415-427>.
5. *Седлов А. П., Кубишин Е. С., Соболева И. В.* Рынок труда иностранной рабочей силы в России: влияние пандемии // Россия и современный мир. 2021. № 3(112). С. 59–72. DOI: <https://doi.org/10.31249/rsm/2021.03.04>.
6. *Денисенко М. Б., Мукомель В. И.* Коронавирус и трудовая миграция // Аналитический бюллетень НИУ ВШЭ об экономических и социальных последствиях коронавируса в России и в мире. 2020. №7. С. 51–54.

Благодарности и финансирование:

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-010-00582.

ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ И МИГРАЦИОННЫЕ ПОТОКИ В НИЖЕГОРОДСКОЙ ОБЛАСТИ

Куконков П. И., кандидат социологических наук, старший научный сотрудник Приволжского филиала ФНИСЦ РАН, Нижний Новгород, Россия, e-mail: kukonkov_pavel@rambler.ru.

***Аннотация.** Успешное развитие региона предполагает органичное включение миграционных потоков в пространство культуры, традиций, условий жизнедеятельности постоянного населения, выступающего в роли принимающего сообщества. Изменение структуры постоянного населения региона определяет необходимость усиления контроля и регулирования миграционных потоков, не только определяющих успешность такого включения, но и способствующих развитию региона, предупреждению межэтнических напряжений и конфликтов.*

***Ключевые слова:** регион, постоянное население, рождаемость, естественный прирост населения, убыль населения, миграция, миграционные потоки, эмиграция.*

DEMOGRAPHIC SITUATION AND MIGRATION FLOWS IN THE NIZHNY NOVGOROD REGION

Kukonkov P. I., Candidate of Sociological Sciences, Senior Researcher, Volga Branch of the FCTAS RAS, Nizhny Novgorod, Russia, e-mail: kukonkov_pavel@rambler.ru.

***Abstract.** The successful development of the region presupposes the organic inclusion of migration flows into the space of culture, traditions, living conditions of the resident population acting as a host community. The change in the structure of the resident population of the region determines the need to strengthen control and regulation of migration flows, not only determining the success of such inclusion, but also contributing to the development of the region, preventing interethnic tensions and conflicts.*

***Keywords:** region, permanent population, birth rate, natural population growth, population decline, migration, migration flows, emigration.*

Наблюдаемые в России демографические процессы аккумулируют потенциал изменений, который чреват необратимыми последствиями. Слабо контролируемые миграционные потоки в регионах России не только привлекают внимание к процессам адаптации мигрантов, но и настоятельно требуют изменения подходов к проблемам, накапливающимся внутри принимающего сообщества, с присущей ему культурой и традициями.

Нижегородская область входит в состав Приволжского федерального округа (ПФО), занимая на 1 января 2021 г. третье место по численности населения (3 176 552 человек) после Республики Башкортостан (4 013 786 человек) и Республики Татарстан (3 894 120 человек). По численности городского населения область занимает в ПФО второе место (2 534 833 человек) после Татарстана (2 994 450 человек), а по численности сельского населения – четвертое (641 719 человек) после Башкирии (1 502 835 человек), Татарстана (899 670 человек) и Оренбургской области (760 806 человек) [1].

Данные статистики свидетельствуют о неуклонном сокращении в последние годы численности населения области. Причем, заметно быстрее уменьшалось число женщин (на 46,7 тыс. человек), число мужчин уменьшилось на 26,1 тыс. человек, существенно сократилась численность населения в трудоспособном возрасте (на 219,2 тыс. человек). Основные тенденции в сфере демографии Нижегородской области представлены в таблице 1.

Таблица 1.

Население Нижегородской области

	Год							
	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017
Численность населения, тыс. человек	3 307,6	3 296,9	3 289,8	3 281,5	3 270,2	3 260,3	3 247,7	3 234,8
мужчины	1 495,0	1 491,1	1 489,0	1 486,9	1 482,4	1 478,1	1 473,2	1 468,9
женщины	1 812,6	1 805,8	1 800,8	1 794,6	1 787,8	1 782,2	1 774,5	1 765,9
Из общей численности – население в трудоспособном возрасте, тыс. человек	2 000,8	1 975,0	1 946,4	1 915,3	1 880,9	1 844,0	1 810,7	1 781,6
Число родившихся на 1000 человек населения	10,9	11,0	11,8	11,8	11,9	12,3	11,9	10,5
Число умерших на 1000 человек населения	17,9	16,4	16,1	15,9	15,9	15,5	15,4	14,7
Естественный прирост, убыль на 1000 человек населения	-7,0	-5,4	-4,3	-4,1	-4,0	-3,2	-3,5	-4,2

Источник: [2].

В 2020 г. численность постоянного населения¹ в Нижегородской области продолжала сокращаться. Причем, за последний год сократилось, как городское (на 17 727 человек), так и сельское население области (8 667 человек). (таблица 2).

Таблица 2.

Оценка численности постоянного населения Нижегородской области на 1 января 2021 г. и в среднем за 2020 г. (человек)

	Численность населения		Численность населения на 1 января 2020 г.
	на 1 января 2021 г.	в среднем за 2020 год	
Все население	3 176 552	3 189 749	3 202 946
Городское население	2 534 833	2 543 696	2 552 560
Сельское население	641 719	646 053	650 386

Источник: [3]

Расчет предположительной численности населения Нижегородской области на период 2021–2035 гг. подтверждает сохранение указанных тенденций [3]. В соответствии с прогнозом к 2036 году население Нижегородской области сократится на 2%, городское население – на 1,2%, сельское население – на 5,1%, число женщин – на 5,6%.

Расчет ожидаемой продолжительности жизни населения Нижегородской области на период 2020–2035 гг. показывает рост (с 74,07 до 81,22 лет) [3]. При оценке надежности прогноза необходимо учитывать, что на протяжении всей жизни этого поколения повозрастная смертность останется на уровне того года, для которого вычислен показатель. Следует подчеркнуть, что этот процесс подвержен воздействию множества факторов, в том числе, и практически непредсказуемых. Так, за январь-май 2021 г. убыль населения Нижегородской области составила 14 007 человек, а за январь-июнь уже – 17 093 человек [1]. На наш взгляд, эти факты во многом обусловлены пандемией COVID-19, последствия которой до сих пор труднопрогнозируемы.

¹ Постоянное население – категория населения, объединяющая людей, которые имеют обычное (постоянное) место жительства в данном населенном пункте или на данной территории.

Расчет суммарного коэффициента рождаемости населения Нижегородской области в период с 2021 по 2035 гг. показывает рост (с 1,489 до 1,672) [3]. При этом, необходимо учитывать, что этот коэффициент показывает, сколько в среднем детей родила бы одна женщина на протяжении всего репродуктивного периода при сохранении повозрастной рождаемости на уровне того года, для которого вычисляется показатель. Наблюдаемая динамика демографической и социальной ситуации в целом не дают надежных оснований для прогнозирования стабильной повозрастной рождаемости в ближайшей и среднесрочной перспективе.

Отмеченные выше тенденции в сфере демографии Нижегородской области актуализируют комплекс проблем, связанных с миграцией. Новая «Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019–2025 гг.» предусматривает существенное изменение избыточно экономического подхода к определению целей миграционной политики в Концепции государственной миграционной политики РФ, утвержденной в 2012 г. [4] Новая концепция определяет в качестве цели, прежде всего «...создание миграционной ситуации, которая способствует решению задач в сфере социально-экономического, пространственного и демографического развития страны, повышения качества жизни ее населения [5]. Как сказывается это изменение на демографической ситуации в Нижегородской области.

Мы исходим из того, что миграционные потоки в регионе должны быть направлены на решение указанных выше задач, на развитие региона, повышение качества жизни принимающего сообщества, как важного условия для адаптации мигрантов. Именно такая последовательность решения задач определяет лояльность местного населения по отношению к мигрантам.

По данным социологических исследований в настоящее время межконфессиональная и межнациональная ситуация в Нижегородской области благополучна: «...91,8% граждан подтверждают отсутствие в свой адрес дискриминации по признакам национальности, языка, религии, 81% жителей не испытывают чувства враждебности и неприязни по отношению к представителям другой национальности» [6]. На наш взгляд, это обусловлено характером и направленностью миграционных потоков: на протяжении последних лет основную долю составляет миграция населения в пределах самого Нижегородского региона.

В основном население переезжает из малых городов или сельских населенных пунктов в Нижний Новгород и крупные города областного подчинения (рис. 1).

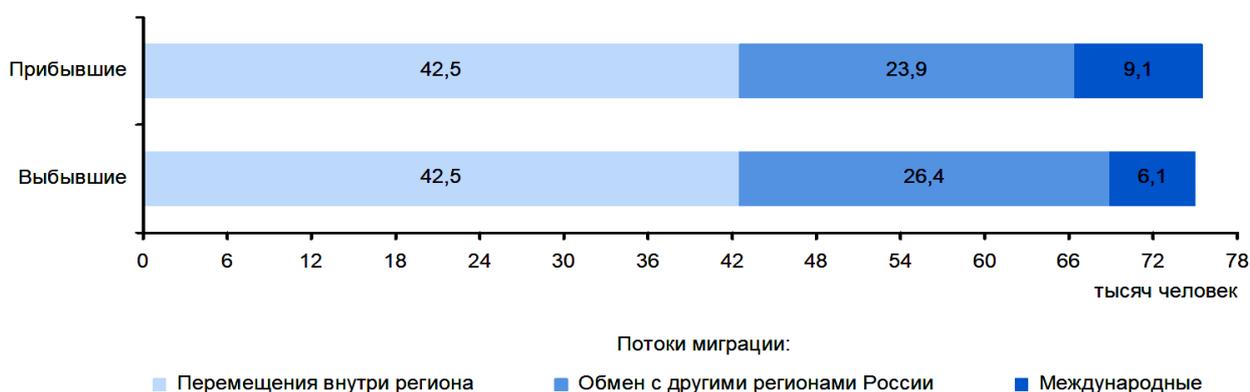

Рис 1. Основные потоки передвижения мигрантов в Нижегородской области
Источник: [2]

Данные, представленные на рисунке 1, свидетельствуют о том, что перемещения внутри региона составляют 43% всех потоков миграции. Внутри межрегионального потока миграции наблюдается превышение числа выбывших (26%) по сравнению с числом

прибывших (24%). Внутри международного потока соотношение несколько иное: 6% выбывших и 9% прибывших.

В 2020 году внутри миграционных потоков наблюдались заметные изменения: прекратился прирост за счет внутрирегиональной миграции, одновременно существенно вырос прирост за счет межрегиональной миграции (89%) и международной миграции (11%). Причем, прирост международной миграции произошел за счет стран СНГ, тогда как международная миграция за счет других зарубежных стран сократилась (табл. 3).

Таблица 3.

Общие итоги миграции населения по Нижегородской области за 2020 г.

Миграция	Число прибывших ²			Число выбывших			Миграционный прирост		
	всего	из городской местности	из сельской местности	всего	в городскую местность	в сельскую местность	всего	за счет городской местности	за счет сельской местности
Всего	70374	-	-	68746	-	-	1628	-	-
в пределах России	60988	40987	20001	59537	42017	17520	1451	-1030	2481
внутрирегиональная	38627	23000	15627	38627	25201	13426	0	-2201	2201
межрегиональная	22361	17987	4374	20910	16816	4094	1451	1171	280
международная	9386	-	-	9209	-	-	177	-	-
со странами СНГ	7611	-	-	7232	-	-	379	-	-
с другими зарубежными странами	1775	-	-	1977	-	-	-202	-	-

Источник: [3]

Расчет естественного и миграционного прироста населения Нижегородской области на период с 2021 по 2035 гг. показывает, что естественная убыль населения будет продолжаться и дальше, а прирост будет происходить преимущественно за счет миграции [3].

Результаты социологических исследований описывают весьма противоречивую картину в сфере эмиграции: эмиграционные настроения распространены, прежде всего, в группах населения, способных решать те проблемы, для решения которых власть поощряет миграционные потоки. По данным ВЦИОМ, каждый третий опрошенный в возрасте от 18 до 24 лет хотел бы уехать из России на постоянное место жительства за рубеж, по меньшей мере, каждый четвертый россиянин (26%) отметил, что у него есть знакомые, близкие, которые за последние пять лет уехали из России [7]. Распространенность эмиграционных настроений подтверждается и данными статистики (табл. 4).

Таблица 4.

Численность членов домохозяйств в возрасте 15 лет и старше, выехавших в течение последних 5 лет на жительство за границу

	В процентах от общей численности членов домохозяйства, выехавших на жительство за границу			
	мужчины	женщины	город	село
РФ	45,4	54,6	84,0	16,0
ПФО	41,0	59,0	93,9	6,1
Нижегородская область	54,1	45,9	87,0	13,0

Источник: [8].

² Понятия «прибывшие» и «выбывшие» характеризуют миграцию с некоторой условностью, так как одно и то же лицо может в течение года менять место постоянного жительства не один раз.

В процентах от общей численности членов домохозяйства, выехавших на жительство за границу в Нижегородской области сравнительно более высока доля мужчин, выше, чем по России и доля людей, эмигрирующих из городов области. Обращает на себя внимание то, что на протяжении ряда лет в регионе сохраняется направленность миграционных потоков: село → город → столица → заграница. Следует отметить, что в настоящее время сельская местность и малые города области в значительной мере исчерпали свой миграционный потенциал.

Таким образом, значительные масштабы слабоконтролируемых миграционных потоков в интересах узких групп населения, связанных с бизнесом, использующим труд мигрантов, игнорирование долгосрочных интересов значительной части постоянного населения негативно сказывается на социально-экономической ситуации в Нижегородской области, которая чревата не только постепенным замещением постоянного населения, но и ростом межэтнических напряжений и конфликтов, наблюдаемых сегодня в других регионах России.

Список литературы и источников

1. Официальная статистика ПФО // Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Нижегородской области (Нижегородстат) [сайт]. URL: <https://nizhstat.gks.ru/folder/38723> (дата обращения: 02.10.2021).
2. Регионы России. Основные характеристики субъектов Российской Федерации // Федеральная служба государственной статистики (Росстат) [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13205> (дата обращения: 02.10.2021).
3. Население // Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Нижегородской области (Нижегородстат) [сайт]. URL: <https://nizhstat.gks.ru/folder/33271> (дата обращения: 02.10.2021).
4. Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 года (утв. Президентом РФ от 13 июня 2012 г.) // Гарант. Справочно-правовая система. URL: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70088244/> (дата обращения: 02.10.2021).
5. Указ «О Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019–2025 годы» // Президент России [сайт]. URL: <http://kremlin.ru/acts/news/58986> (дата обращения: 02.10.2021).
6. Отчет врио Губернатора Нижегородской области о результатах деятельности Правительства области за 2017 год на заседании Законодательного Собрания Нижегородской области // Правительство Нижегородской области [сайт]. URL: <https://government-nnov.ru/?id=214458> (дата обращения: 02.10.2021).
7. Эмиграционные настроения россиян-2018 // Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ) [сайт]. 02.07.2018. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/emigraczionnye-nastroeniya-rossiyan-2018> (дата обращения: 02.10.2021).
8. Итоги выборочного статистического наблюдения за использованием труда мигрантов // Выборочное наблюдение труда мигрантов 2019 / Федеральная служба государственной статистики [сайт]. 02.07.2018. URL: https://gks.ru/free_doc/new_site/imigr18/index.html (дата обращения: 02.10.2021).

СПЕЦИФИКА СОЦИАЛЬНОЙ АДАПТАЦИИ МОЛОДЫХ ТРУДОВЫХ МИГРАНТОВ (НА ПРИМЕРЕ НИЖЕГОРОДСКОЙ ОБЛАСТИ)

Лакомова А. А., аспирант кафедры общей социологии и социальной работы Нижегородского государственного университета имени Н. И. Лобачевского, Нижний Новгород, Россия, e-mail: nastyalakomova@mail.ru.

***Аннотация.** Автор представляет в статье результаты социологического исследования о проблемах социальной адаптации молодых трудовых мигрантов на примере Нижегородской области, региона являющимся привлекательным для иностранной рабочей молодежи. Молодые трудовые мигранты были опрошены с помощью метода глубинного интервью об особенностях социальной адаптации в новой для них стране (N=21).*

***Ключевые слова:** молодые трудовые мигранты, социальная адаптация, интеграция, проблемы, регион, миграционная активность.*

FEATURES OF SOCIAL ADAPTATION OF YOUNG LABOR MIGRANTS (A CASE STUDY OF THE NIZHNY NOVGOROD REGION)

Lakomova A. A., Post-Graduate Student, Department of General Sociology and Social Work, Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russia, e-mail: nastyalakomova@mail.ru.

***Abstract.** The author presents in the article the results of a sociological study on the problems of social adaptation of young labor migrants on the example of the Nizhny Novgorod, a region that is attractive for foreign working youth. Young labor migrants were interviewed using the in-depth interview method about the peculiarities of social adaptation in a new country for them.*

***Keywords:** young labor migrants, social adaptation, integration, problems, region, migration activity.*

Миграция представляет собой актуальный социальный процесс в условиях глобализации экономики и социокультурного развития стран. Молодые трудовые мигранты являются основной социальной группой в структуре миграционных потоков. В России 50% нетто-прироста населения происходит за счет международной миграции в 2011–2017 гг. приезжей молодежи в возрасте 20–39 лет [1, с.401].

В данной работе молодые трудовые мигранты в России – лица в возрасте от 18 до 35 лет, совершившие перемещение в РФ через границы государств с переменной места жительства навсегда или на длительное время с целью работы или иной трудовой деятельности (личный или семейный бизнес), и характеризующиеся активной стратегией социальной адаптации, выражаемой в том, что они остаются жить и работать в России, продолжают изучать русский язык и культуру коренного населения, совмещают работу с получением образования или дополнительным обучением, необходимым для новой работы в принимающей стране, обладают высокой миграционной активностью в рамках региона или принимающей страны.

Нижегородская область характеризуется как привлекательный регион для молодых трудовых мигрантов. Анализ деятельности некоммерческих организаций на основе портала «Каталог НКО» показывает, что на территории Нижнего Новгорода действуют 18 национально-культурных общественных объединений, предоставляющих услуги мигрантам, независимо от их социально-демографического, социально-экономического и социально-правового статуса [2]. Некоммерческие организации, работающие с мигрантами, проводят в основном мероприятия, направленные на проведение досуга в среде своих соотечественников, что не в полной мере позволяет им адаптироваться и интегрироваться в культуру

принимающего населения региона. В дополнении к этому, информационная кампания о мероприятиях и деятельности данных НКО развита недостаточно, отсутствуют сайты или не дополняются актуальными новостями (см. таблицу 1).

Таблица 1

Национально-культурные общественные объединения на территории Нижегородской области (2021 г.)

№ п/п	Название НКО	Наличие сайта
1	Общественная организация «Нижегородская региональная еврейская национально-культурная автономия»	
2	Нижегородская региональная общественная организация «Общество украинской культуры «Джерело»	http://obschest5.nnv.ru/
3	Нижегородская региональная общественная организация украинской культуры «Криница»	
4	Нижегородская региональная общественная организация «Национально-культурный центр народов Узбекистана «Содружество»	
5	Нижегородская региональная общественная организация Белорусское землячество «Сябры»	
6	Областная общественная организация «Нижегородская армянская община»	http://arm-nn.ru/ru
7	Общественная организация «Местная корейская национально-культурная автономия г. Нижнего Новгорода»	https://korea-nn.vsite.biz/
8	Общественная организация «Местная национально-культурная автономия азербайджанцев г. Нижнего Новгорода»	
9	Общественная организация «Региональная национально-культурная автономия азербайджанцев Нижегородской области»	
10	Нижегородская региональная общественная организация азербайджанцев Нижегородской области «Достлуг-Дружба»	
11	Общественная организация «Таджикский культурный центр «Дусти-Дружба» Нижегородской области	
12	Нижегородская региональная общественная организация выходцев из республики Таджикистан «УМЕД» («НАДЕЖДА»)	
13	Общественная организация «Конгресс ираноязычных народов»	
14	Нижегородская региональная общественная организация «Национально-культурный центр народов Узбекистана «Содружество»	
15	Нижегородская областная общественная национально-культурная организация «Езиды»	
16	Общественная организация «Местная национально-культурная автономия езидов г. Нижнего Новгорода»	
17	Автономная некоммерческая организация «Нижегородский центр немецкой и европейской культуры»	http://ncnk.ru/
18	Нижегородская региональная общественная организация «Центр греческой культуры»	

В основном социокультурной адаптацией молодых трудовых мигрантов занимается МБОО «Приволжский миграционный центр», на базе которой действует Молодежный клуб «Дружба молодежи». Специалисты данного центра проводят экскурсии, тематические вечера, конкурсы, игры, семинары и тренинги, направленные на изучение культуры местного населения совместно с представителями молодежи из числа коренных жителей [3].

МБОО «Приволжский миграционный центр» является единственной действующей НКО на территории Нижегородской области, которая занимается многоаспектной социальной адаптацией трудовых мигрантов (экономический, социокультурный, правовой аспекты).

В Нижегородской области в основном реализуются «Государственная программа по оказанию содействия добровольного переселения в РФ соотечественников, проживающих за рубежом», а также программы по социально-правовой помощи трудовым мигрантам на базе государственных учреждений («Единого миграционного центра»), НКО (МБОО «Приволжский миграционный центр»), а также многих коммерческих организаций (компаний «Алетон-Мигрант», «Гарант», «Афамия», «Дружба народов», «Миграционный центр», «Центр сопровождения мигрантов», «Центр помощи мигрантам» и др.).

Проблемы и особенности социальной адаптации молодых трудовых мигрантов, проживающих в Нижегородской области, выявлены, благодаря проведенному исследованию с января по октябрь 2019 г. «Специфика социальной адаптации и интеграции молодых трудовых мигрантов в Нижегородской области». В ходе социологического исследования были взяты глубинные интервью у 21 молодого трудового мигранта в возрасте от 18 до 35 лет, приехавших в Россию, а именно в Нижегородскую область с целью работы. Молодые трудовые мигранты проживают в России в среднем от 1 месяца до 15 лет, часть из них на момент интервью собирали пакет документов на приобретение гражданства РФ. Выборка является квотной по полу, возрасту, цели прибытия и стране происхождения: 17 мужчин и 4 женщины, из 21 мигранта 9 мигрантов прибыли из Узбекистана, 6 – из Таджикистана, 3 – из Армении, 3 – из Азербайджана. Для обработки данных использован метод контент-анализа с привлечением программного пакета ЛЕКТА. Объем базового словаря составляет 16 862 лексемы. Выделено 88 семантических цепочек, отражающих различные аспекты социальной адаптации молодых трудовых мигрантов, получены 16 факторов. Объясняющая способность модели 43%.

За период январь-октябрь 2019 г. миграционный прирост составил 5204 чел. в Нижегородской области. Из них 4143 мигранта приехало из стран СНГ и 1061 – из стран дальнего зарубежья [4]. Выборочная совокупность отражает генеральную совокупность.

Таким образом, на основании результатов проведенного социологического исследования основными проблемами в социальной адаптации молодых трудовых мигрантов, на примере Нижегородской области, были выявлены:

- проблема финансового характера: *«Ну, деньги в основном не хватало»* (м., 35 л., Таджикистан, 8 л. в РФ, рабочий в колхозе, среднее образование);
- проблема поиска работы, соответствующей желаемому уровню зарплаты, опыту работы, специальности: *«Раньше было такое, трудно было найти работу первое время...»* (м., 25 л., Узбекистан, 11 л. в РФ, строитель, среднее образование);
- проблема поиска съемного жилья: *«В основном со съемом квартиры первой в начале, трудно было найти квартиру. По началу зарплаты тоже маленькие были, трудно было»* (м., 35 л., Таджикистан, 15 л. в РФ, курьер, высшее образование);
- проблема оформления документов для легального проживания и работы в России: *«В основном по поводу оформления документов. Денег хватало, язык хорошо знаю»* (м., Армения, 35 л., 15 л. в РФ, водитель, среднее образование);
- проблема налаживания социальных контактов в принимающем обществе: *«Я сюда пришел, максимум месяц сначала пришлось узнать людей, общаться с ними...»* (м., Азербайджан, 20 л., 7 л. в РФ, повар, среднее образование);

- опасение незнания страны и местного населения, проверок сотрудниками полиции: *«Страхи всегда будут, я здесь на чужой родине...Здесь немножко страшно. Просто другая страна, ничего не знаю...Один боюсь выходить на улицу. Просто документы получу, потом ничего не боюсь, потому что у меня уже документы есть. Если полицейские проверили, что-нибудь сказать. Все законно»* (м., 35 лет, Узбекистан, 19 л. в РФ, строитель, среднее спец. образование);
- проблема владения русским языком и его изучение: *«Русский язык учить надо было, не очень хорошо его знал»* (м., 20 л., Азербайджан, 7 л. в РФ, повар, основное (общее) образование).

Таким образом, на основе анализа специфики миграционной политики Нижегородской области и выявленных проблем молодых трудовых мигрантов, необходимо уделять внимание формированию активной позиции мигранта, стремящегося использовать свой социальный, культурный и экономический капиталы для выхода из трудной жизненной ситуации, а не позиции пассивного получателя социальной помощи от государства и НКО.

Список литературы и источников

1. Население России 2017: двадцать пятый ежегодный демографический доклад / отв. ред. С. В. Захаров; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2019. – 480 с. ISBN: 978-5-7598-2124-3.
2. Каталог НКО. База данных НКО. URL:<http://so-nko.ru/> (дата обращения: 29.09.2021).
3. Молодежный клуб // Межрегиональная благотворительная общественная организация «Приволжский миграционный центр» [сайт]. URL: <http://migrant-nnov.ru/youthclub.html> (дата обращения: 29.09.2021).
4. Население // Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Нижегородской области [сайт]. URL: <https://nizhstat.gks.ru/folder/33271> (дата обращения: 29.09.2021).

КАК УЕХАТЬ «НА МАТЕРИК»: МИГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В ГОРОДАХ РОССИЙСКОГО СЕВЕРА НА ПРИМЕРЕ Г. НОРИЛЬСКА

Леденева В. Ю., доктор социологических наук, доцент, главный научный сотрудник, заведующий Отделом этнодемографических и интеграционных процессов Института демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия, e-mail: vy.ledeneva@yandex.ru.

Аннотация. В условиях рыночных преобразований российский Север утратил свою привлекательность, обусловив тем самым отток наиболее квалифицированных и дееспособных людей. В г. Норильске происходят активные миграционные и демографические процессы, на которые оказывает влияние социально-экономическое развитие и исполнение региональными и муниципальными органами власти основных социальных программы.

Ключевые слова: миграция, демографические и миграционные процессы, муниципальные программы, г. Норильск

HOW TO GET “TO THE MAINLAND”: MIGRATION PROCESSES IN THE CITIES OF THE RUSSIAN NORTH – A CASE STUDY OF NORILSK

Ledeneva V. Yu., Doctor of Sociological Sciences, Docent, Chief Researcher, Head Department for Ethno-Demographic and Integration Processes, Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia, e-mail: vy.ledeneva@yandex.ru.

Abstract. In the context of market transformations, the Russian North has lost its attractiveness, thereby causing an outflow of the most qualified and capable people. In the city of Norilsk, active migration and demographic processes are taking place, which are influenced by socio-economic development and the implementation of the main social programs by regional and municipal authorities.

Keywords: migration, demographic and migration processes, municipal programs, Norilsk

26 октября 2020 г. президент России В. В. Путин подписал указ № 645 «О Стратегии развития арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2035 г.» В документе обозначены основные направления реализации Стратегии в отдельных муниципальных образованиях Красноярского края. В частности, развитие Норильска и всего Норильского промышленного района, специализирующегося на добыче и обогащении цветных металлов и металлов платиновой группы [1]. В приоритетах по развитию инфраструктуры обозначено развитие морских портов Дудинка и Диксон, реконструкция и модернизация аэропортовой сети. В перечне основных направлений реализации Стратегии: строительство новых добывающих мощностей шахта «Заполярная» и ее модернизация. Напомним, в арктическую зону Красноярского края входят Норильск, Таймырский, Долгано-Ненецкий и Туруханский район А с июля 2020 г. еще 10 поселков и другие перспективные территории, где расположены месторождения нефти, газа, угля, железных руд, алмазов и драгоценных камней.

Сейчас в Норильске проживает более 180 тыс. человек [2]. Население Норильска – одно из самых молодых в стране. Средний возраст норильчанина – 33 года (в крае – 38 лет, по РФ – 40 лет). Доля работников группы компаний «Норникель» в общем числе работающих составляет 52%. В промышленной отрасли работают 38 703 горожанина, в социальной сфере – 15 014 человек, на транспорте – 9 815, в сфере торговли – 8 315, в строительстве – 7 898, государственным управлением, военной безопасностью и административной деятельностью занимаются 6 642 норильчанина, 11 444 человека заняты в сфере «Прочие виды услуг» [3].

По уровню заработной платы работников крупных и средних организаций, которая составляет 88,3 тыс. руб., Норильск среди городов Арктической зоны на втором месте. В Норильске реализуются основные муниципальные программы. Например, программа «Обеспечение доступным и комфортным жильем жителей Норильска» в 2019 г. была выполнена на 98%, освоив 170 млн руб. При этом финансирование программы по сравнению с 2018 г. выросло на 41%, 205 собственников получили деньги. Продолжилось обеспечение жильем молодых семей, признанных нуждающимися в улучшении жилищных условий. Министерство строительства Красноярского края в 2019 г. утвердило список из 12 норильских семей, которые получили на покупку квартир более 7 млн руб.

Самой востребованной по-прежнему остается программа переселения «на материк». В 2019 г. были вручены свидетельства жилищного фонда 422 семьям (703 человека). Всего же в период с 2011 по 2019 гг. была предоставлена возможность выезда 6 732 семьям норильчан (13 440 человек). В 2019 г. расходы по программе переселения составили 992 млн руб. за счет средств «Норильского никеля» и краевого бюджета. В настоящее время прорабатывается вопрос о включении соответствующих мероприятий в состав государственной программы «Обеспечение доступным и комфортным жильем и коммунальными услугами граждан Российской Федерации». Кроме того, «Норникель» считает целесообразным продолжить реализацию программы переселения путем заключения нового соглашения о сотрудничестве между Министерством по развитию Дальнего Востока и Арктики, министерство строительства Красноярского края и администрации города Норильска.

Однако, на наш взгляд эффективность мер поддержки жителей Норильска недостаточна. В частности, надо отметить, что на большинстве таких территорий наблюдается отток населения. Динамика миграционной ситуации в Норильске представлена в таблице 1.

Таблица 1.

Миграционная ситуация в Норильске

№	Показатель	2010 г.	2015 г.	2019 г.	Всего за период 2010-2019 гг.
1.	Численность населения на начало периода	177 541	176 971	181 656	4 115
	Темпы роста	-	99,8	100,8	100,3
2.	Прибыло	4 348	12 586	12 585	113 302
2.1.	В пределах России	-	11 215	10 885	
2.2.	Международная миграция	-	1 371	1 700	
3.	Выбыло	6 996	13 126	13 024	122 966
3.1.	В пределах России	-	12 622	11 862	
3.2.	Международная миграция	-	504	1162	
4.	Миграционное сальдо	-2 648	-540	-439	-9664
5.	Родилось	2 472	2 793	2 120	
6.	Умерло	1 278	1 060	841	
7.	Естественный прирост	1 194	1 675	1 279	14 619

Источник: [4]

На примере Норильска можно констатировать, что происходит отток в основном трудоспособного населения, в том числе абитуриентов и стабильный рост жителей в возрасте старше трудоспособного, особенно неработающих пенсионеров. Таким образом, растет демографическая нагрузка на трудоспособное население.

Основными причинами таких тенденций является то, что сегодня уровень доходов населения Арктики нивелируется затратами, связанными с проживанием в сложных

природно-климатических условиях, и не стимулирует людей к продолжению работы на Севере.

Необходимо отметить, что в советский и постсоветский периоды величина заработной платы в регионах Крайнего Севера относилась к средней по стране как минимум с коэффициентом 2,6 (к примеру, в 1995 г. средняя зарплата на крупных предприятиях Норильска составляла 1900 руб., что в 4 раза выше средней зарплаты по стране – 472 руб.) В 2019 г. средняя заработная плата по крупным и средним организациям и предприятия в целом по России составила около 54 тыс. руб., в Норильске уровень аналогичного показателя практически достиг значения 100,0 тыс. руб., а средняя заработная плата на градообразующие предприятия составила порядка 131 тыс. руб. Таким образом, средняя зарплата в Норильске с учетом северного коэффициента (2,6) в прошедшем году должна была составить порядка 140 тыс. руб., что на 40% выше, чем фактически сложилась. Зарплаты в малом бизнесе очень низкие. Уровень заработной платы работников малого бизнеса 2019 г. составил порядка 31,0 тыс. руб., что значительно ниже заработной платы, чем на крупных и средних предприятиях города и примерно равен заработной средней заработной плате в организациях малого бизнеса крупных городов «на материке» с гораздо более привлекательными и комфортными условиями жизни, например Красноярск – 25,0 тыс. руб.

Если говорить о возможности ежегодного выезда на «материк» в отпуск или на лечение (оздоровление), то затраты среднестатистической семьи с двумя детьми, где оба родителя работают в бюджетной сфере только на перелет до Москвы и обратно по эконом тарифу составляет более 50% от совокупных отпускных сумм. Работники малого бизнеса, которые обслуживают основное производство и жизнеобеспечение населения в сфере торговли, общепита и пр., вовсе не имеют возможности ежегодно выехать на «материк» всей семьей

Жизнь на севере дороже «материковой». Так, в Норильске с учетом его транспортной изолированности цены на все товары (продукты, стройматериалы, техника, одежда и т. п.) и услуги (транспортные, жилищно-коммунальные и пр.) значительно выше, чем в городах, не входящих в состав Арктической зоны.

Все эти факты свидетельствуют о том, что заработный доход «проедается» и тратится на перелет в отпуск и оздоровления участия населения не остается ресурсов на отложенный спрос и в перспективе нет возможности обеспечить себе достойные условия проживания на «материке» после выхода на пенсию.

Стоит отметить, что кроме достойной оплаты труда у современного человека множество разумных требования к месту проживания. Это и современное жилье, и транспортная доступность, и комфортная городская среда и предложение услуг около столичного уровня во всех сферах деятельности, и многое другое.

Пока еще основными сдерживающими факторами для жителей Норильска являются хороший заработок, компактность города и вытекающие из этого преимущества. Пока не исчерпаны природные запасы, город будет жить и развиваться. При этом автоматизация производства уменьшит потребность в работниках и приведет к сокращению населения.

Основной вывод относительно миграционных и демографических тенденций в Норильске заключается в том, что существует прямая зависимость этих процессов от социально-экономического состояния города. Наличие работы и высоких зарплат у местных жителей компенсирует негативное воздействие климата и экологии и желание покинуть город.

Список литературы и источников

1. Указ Президента Российской Федерации от 26.10.2020 г. № 645 «О Стратегии развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2035 года» // Президент России [сайт]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/45972> (дата обращения: 05.10.2021).
2. Город Норильск // Города России [сайт]. URL: https://города-россия.рф/sity_id.php?id=106#name (дата обращения: 05.10.2021).

3. Регионы России. Основные социально-экономические показатели городов // Федеральная служба государственной статистики [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13206> (дата обращения: 05.10.2021).
4. Население // Управление Федеральной службы государственной статистики по Красноярскому краю, Республике Хакасия и Республике Тыва (Краснояркстат) [сайт]. URL: http://krasstat.old.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/krasstat/ru/statistics/krsnStat/population/ (дата обращения: 05.10.2021).

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ГЛОБАЛЬНОГО ИЗМЕНЕНИЯ КЛИМАТА ДЛЯ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА РОССИИ

Лукьянец А. С., кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник, заместитель директора по инновационному проектированию Института демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия, e-mail: artem_ispr@mail.ru.

Гарибова Ф. М., младший научный сотрудник Института демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия, e-mail: farzona.garibova@mail.ru.

***Аннотация.** Дальний Восток – один из самых уязвимых к негативным последствиям изменения климата регионов России. Ученые предсказывают рост числа штормов, наводнений, приносящих с собой серьезные опасности для населенных пунктов и объектов инфраструктуры, прежде всего прибрежных. В данной статье проведен анализ социально-экономических последствий глобального изменения климата для прибрежных территорий Дальнего Востока.*

***Ключевые слова:** климат, глобальное изменение климата, социально – экономические последствия, Дальний Восток.*

SOCIO-ECONOMIC AND DEMOGRAPHIC CONSEQUENCES OF GLOBAL CLIMATE CHANGE FOR THE RUSSIAN FAR EAST

Lukyanets A. S. Candidate of Economic Sciences, Leading Researcher, Deputy Director for Innovative Design, Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia, e-mail: artem_ispr@mail.ru.

Garibova F. M., Junior Researcher, Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia, e-mail: farzona.garibova@mail.ru.

***Abstract.** The Far East is one of the most vulnerable regions of Russia to the negative consequences of climate change. Scientists predict an increase in the number of storms, floods, bringing with them serious threats to settlements and infrastructure facilities, primarily coastal ones. This article analyzes the socio – economic consequences of global climate change for the coastal territories of the Far East.*

***Keywords:** climate, global climate change, socio – economic consequences, the Far East.*

Современная научная теория глобального изменения климата развивается уже несколько десятилетий. К настоящему времени установлено, что увеличение средней температуры поверхности Земли (рост на 0,8°C с середины XX в.) сопровождается таянием ледников, повышением уровня мирового океана, окислением и нагреванием морской воды. За последние полторы тысячи лет человечество еще не знало такого повышения температуры поверхности Земли, какое наблюдается в наши дни. Установленная и причина этих процессов – усиление парникового эффекта из-за роста концентрации CO₂ в атмосфере вследствие деятельности человека (прежде всего, использования ископаемых топлив в энергетическом секторе). Эта причинно-следственная связь – предмет консенсуса ученых-климатологов по всему миру, включая Россию. Глобальное изменение климата уже сегодня приводит к разнообразным физическим, социально-экономическим и гуманитарным последствиям. Страховые компании фиксируют устойчивый рост количества природных катастроф и опасных явлений: наводнений, ураганов, тепловых волн, града, засух, природных пожаров. Общий нанесенный ими ущерб с 1980-х гг. в сумме превышает 5 трлн долл. США. Последствия потепления на 5°C к концу XXI века оцениваются как катастрофические и для здоровья и жизни населения планеты, и для мировой экономики.

Эти глобальные тренды в полной мере затрагивают и Российскую Федерацию. Глобальная климатическая угроза для России даже более актуальна, чем для многих других стран: на территории страны в последние 40 лет потепление климата происходило в 2,5 раза быстрее, чем в среднем по планете (а в российской части Арктики – в 4,5 раза быстрее). Изменение климата в России создает угрозу здоровью и жизни людей, провоцирует вынужденную миграцию, угрожает продовольственной безопасности и вызывает разрушения объектов инфраструктуры. В то же время в России проблема изменения климата не относится к числу приоритетов государственной политики как на федеральном, так и на региональном уровнях. Со стороны корпораций интерес к уменьшению углеродного следа постепенно растет – но, в первую очередь, под воздействием европейских акционеров и инвесторов [1].

В России изменение климата наиболее сильно влияет как раз на регионы Дальнего Востока и Арктики. Именно там заметны рост опасных метеорологических явлений, в том числе, наводнений и штормов, учащение лесных пожаров, разрушение берегов и таяние вечной мерзлоты в северных областях. В докладе о человеческом развитии в России, опубликованном Аналитическим центром при Правительстве РФ [2], также говорится, что уже в ближайшие десятилетия потепление в Уральском федеральном округе наряду с Северо-Западным и Дальневосточным федеральным округом будет происходить быстрее, чем в остальных регионах страны. Таяние вечной мерзлоты и рост частоты и интенсивности природных катастроф (особенно наводнений и лесных пожаров) – главные угрозы от изменения климата для Дальневосточного федерального округа.

В состав Дальневосточного Федерального округа входят: Приморский и Хабаровский края (с Еврейской автономной областью), Республика Саха (Якутия), Амурская область, Камчатский край (с Корякским автономным округом), Магадан (с Чукотским автономным округом) и Сахалинская область, Республика Бурятия и Забайкальский край.

Дальний Восток омывается морями Тихоокеанского бассейна: Беринговым, Охотским, Японским, образуя крупный морской бассейн России. Все эти моря глубокие. Моря отделены от Тихого океана цепью островов: Алеутский, Курильский, Японский.

Специфика природных условий Дальневосточного региона определяется его географическим положением на стыке двух крупнейших структур земного шара – Тихого океана и Евразийского континента.

В связи с суровостью климата и удаленностью территории Республика Саха и Магаданская область очень мало заселены. Освоение этих территорий носит очаговый характер. Более густо заселены Хабаровский и Приморский край и Амурская область.

Численность постоянного населения Дальневосточного федерального округа (ДФО) на 1 января 2020 г. составила 8 167,4 тыс. человек. За 2019 г. население уменьшилась на 21,3 тыс. человек. Городское население составляет 76%. Дальний Восток – самый малонаселенный регион Российской Федерации. Средняя плотность населения – 1,2 человека на 1 кв. км. Население региона распределено крайне неравномерно – отчасти из-за разницы климата на севере и юге региона. Самая высокая плотность, более 12 человек на 1 кв. км, – в Приморском крае. В последнее время снижение уровня жизни населения, общая нестабильность существенно повлияли на демографическую ситуацию.

Также важно отметить, что несовершенная инфраструктура населенных пунктов требует улучшения ее приспособляемости к местным условиям окружающей среды с экологической точки зрения.

Изменение климата будет приводить (и с высокой вероятностью уже приводит) к росту частоты и интенсивности природных бедствий на юге Дальнего Востока [3], где плотность населения намного выше, чем средняя по округу (например, в Приморском крае – 12,5 человек на кв. км, а в среднем в ДФО – 1 человек на кв. км). С учетом потенциального (и экономически оправданного) увеличения концентрации населения (его стягивания с севера на юг) и амбициозных планов по развитию региона с опорой на частные инвестиции и развитие экспортоориентированных производств, со временем чувствительность Дальневосточного федерального округа к изменению климата существенно возрастет. Иллюстрацией возможных

ущербов стало наводнение на реке Амур летом 2013 г., что отмечено в докладе о человеческом развитии в России. По данным Росгидромета, потепление климата и увеличение осадков в регионе увеличит повторяемость и повышение максимальных уровней наводнений, в том числе вызванных муссонными дождями и тайфунами, возрастание масштабов и частоты паводков.

Негативные последствия изменения климата разрушают и традиционные виды деятельности коренных народов Севера и Дальнего Востока. В основном страдают оленеводы. Распространение лесов на север – туда, где раньше была тундра, сокращает доступные пастбища и изменяет пути миграции диких оленей. Снижается и популяция самих оленей: им становится сложнее добывать корм из-под обледеневшего снега, образующегося из-за частых оттепелей зимой [4].

На протяжении многих лет жители Якутии замечают уменьшение объема выпадающего снега, нетипичные осадки, такие как зимние дожди, более частые наводнения и паводки, разрушение берегов рек и озер. Также, стоит отметить, опасности, возникающие из-за таяния вечной мерзлоты, например «размораживание» и размыв старых кладбищ, где были похоронены люди, умершие от оспы и чумы, а также животные, погибшие от сибирской язвы.

Многие последствия изменения климата, происходящие на Дальнем Востоке, свойственны и другим северным регионам мира, в частности Аляске, северным штатам Канады и США. Среди основных процессов, происходящих на Аляске: таяние морских прибрежных льдов, вечной мерзлоты и ледников, повышение температуры океана и морей, снижение популяции одних животных или, наоборот, появление новых видов. В США было принято уже несколько планов и программ по адаптации к изменениям климата: например, федеральный план, ряд отраслевых (для транспортного сектора) и региональных (программа оценки климатических рисков и путей к адаптации для северо-западных штатов США, и для Аляски).

Ключевая особенность американских программ адаптации – системный подход, учитывающий различные аспекты и взаимосвязи возникающих проблем, а также комплексное планирование, в том числе интересы и мнения групп местных жителей (в первую очередь, коренных народов). Так, программы адаптации в северо-западных штатах США, кроме программ укрепления берегов и прибрежных территорий (включая здания и объекты инфраструктуры), включают и предложения по модернизации жилого сектора, систем водоснабжения, транспортной инфраструктуры. Кроме того, предлагаемые планы адаптации, как правило, включают в себя рекомендации по изменению существующих норм и правил, применяемых, например, в строительстве. Типичный пример – изменение нормативов по строительству на территориях, расположенных на вечной мерзлоте. Второй пример – новые подходы к городскому строительству и развитию, которые включают в себя и прогнозы по повышению уровня прибрежных вод, уровня грунтовых вод, размывания берегов, оползней, и т. д. Аналогичные программы адаптации существуют и в Канаде. В стране особое внимание уделяется адаптации лесного сектора к изменениям климата, в том числе борьбе с лесными пожарами и восстановлению лесов.

В краткосрочных пределах изменчивость погоды и климата может вызывать тепловые волны, заморозки, наводнения, засухи, лавины и сильные ураганы. Такие экстремальные явления представляют собой значительные отклонения от среднего состояния климатической системы. Экстремальные явления, которые побивают все рекорды, периодически происходят в каждом регионе мира. Стихийные бедствия оказывают большое воздействие на благополучие человека. В некоторых частях света эти бедствия происходят настолько часто, что их уже воспринимают как обыденные явления. Ущерб от стихийных бедствий возрастает по мере увеличения количества людей, вынужденных жить в незащищенных районах. Не стоит забывать, что за сухими цифрами статистических данных об ущербе от климатических бедствий стоят судьбы людей, разрушенные дома и то небольшое, чем дорожили люди.

Изменение климата уже сейчас оказывает существенное воздействие на экономику России. Сегодня ежегодный ущерб от воздействия опасных гидрометеорологических явлений

(засухи, наводнения, снежные лавины и сели, ураганы, и др.) составляет, по разным оценкам, 1–2 млрд дол. США.

Потепление приведет к увеличению периода благоприятных условий для вегетации растений, уменьшению количества суровых зим, и расширению ареала выращивания сельскохозяйственных культур. Однако негативные последствия изменения климата, такие как большая изменчивость погодных условий, а также распространение заболеваний и вредителей сельскохозяйственных культур в новые районы приведут к снижению урожайности.

Многие из уникальных черноземных областей юга европейской части России: Белгородская, Воронежская, Курская, Липецкая, Орловская и Тамбовская будут испытывать нехватку воды. Для поддержания сельского хозяйства здесь потребуются расширение, а в некоторых случаях и создание новых ирригационных сооружений. В долгосрочной перспективе, Россия столкнется с необходимостью перевода ряда своих сельскохозяйственных предприятий на север, что может повлечь за собой изменения социально-экономической системы регионов.

Миграция, вызванная изменением климата, приведет к появлению экологических беженцев. Нехватка воды и более частые засухи, особенно в Центральной Азии, Монголии и Северо-восточном Китае, могут вынудить большое число людей мигрировать в Россию, что в свою очередь может послужить источником нестабильности.

Для Дальнего Востока России существует реальная опасность стать демографически китайским, так как наблюдается большой отток русских из этого региона и приток китайцев. Устойчивые климатические изменения приведут к опустыниванию части территории в Северо-восточном Китае, что усилит приток мигрантов в долину реки Амур, Приморский край, и в другие малонаселенные районы Сибири.

Однако реализация преимуществ потребует значительных усилий. В целях повышения уровня защищенности и уменьшения потенциала возможного ущерба необходимо осуществить адаптацию к климатическим изменениям, что влечет за собой создание механизмов снижения рисков природных и техногенных катастроф, связанных с факторами изменяющегося климата. Эти действия приведут к определенным сдвигам в экономике и потребуют дополнительных финансовых и иных ресурсов для обеспечения капитальных и эксплуатационных затрат на заблаговременное повышение защищенности. Затратность адаптационных мер потребует разработки соответствующих правовых регуляторов в различных секторах экономики. Принятие своевременных мер существенно смягчит негативные социальные и экономические последствия для России [5].

Климатические изменения затрагивают все регионы и страны мира. К сожалению, их негативные последствия значительны и постоянно возрастают. Ущерб для мировой экономики уже оценивается в сотни миллиардов долларов США в год, а в перспективе до 2100 г. он может достигнуть 20% глобального валового продукта.

Подводя итоги, можно сделать следующие выводы. Для большинства государств изменения климата усугубляют существующие трудности, такие как неразвитая экономика, инфраструктурные недостатки, меж общинные конфликты, слабое управление и недостаточная политическая легитимность. Государства, с развитой экономикой могут лучше подготовиться и адаптироваться к изменениям, но даже у них могут произойти перемены, которые будут иметь негативные последствия.

Список литературы и источников

1. *Бондаренко Л. В., Маслова О. В., Белкина А. В., Сухарева К. В.* Глобальное изменение климата и его последствия // Вестник Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова. 2018. № 2. С. 84–93. DOI: <https://doi.org/10.21686/2413-2829-2018-2-84-93>.

2. Доклад о человеческом развитии в Российской Федерации за 2018 год / Под общ. ред.: С. Н. Бобылев, Л. М. Григорьев. – М.: Аналитический центр при Правительстве Российской Федерации, 2018. – 170 с. ISBN: 978-5-9906211-9-0.
3. Григорьева Е. А. Климатическая дискомфортность Дальнего Востока России и заболеваемость населения // Региональные проблемы. 2018. Т. 21. №2. С. 105–112. DOI: <https://doi.org/10.31433/1605-220X-2018-21-2-105-112>.
4. Воздействие климатических изменений на экономику и социальную сферу // Коммерсантъ. Газета. 06.09.2018. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3732913> (дата обращения: 26.09.2021).
5. Экологическое состояние Дальнего Востока // Дальневосточная экологическая комиссия [сайт]. URL: <https://ngofeec.com/the-ecological-state-of-the-far-eastern/> (дата обращения: 26.09.2021).

Благодарности и финансирование:

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ВАОН № 21-510-92008.

МИГРАЦИЯ И ЕЕ РОЛЬ В ДЕМОГРАФИЧЕСКОМ РАЗВИТИИ ДАЛЬНЕВОСТОЧНОГО РЕГИОНА

Мотрич Е. Л., доктор экономических наук, ведущий научный сотрудник Института экономических исследований Дальневосточного отделения РАН, Хабаровск, Россия, e-mail: motrich@ecrin.ru.

***Аннотация.** Статья посвящена анализу миграционной составляющей в современном и перспективном развитии Дальневосточного федерального округа (ДФО). В ней анализируется возможное участие миграционных процессов в формировании населения в период 2021–2035 гг. по субъектам региона. Представленный анализ демографического развития ДФО показал, что миграционная составляющая по всем вариантам прогноза (низкий, средний, высокий) численности населения будет выполнять роль сдерживающего фактора демографического развития во всех субъектах Дальнего Востока. Сформулированы предложения по привлечению и закреплению населения в регионе.*

***Ключевые слова:** Дальневосточный федеральный округ, субъекты региона, население, демографическая ситуация, миграция, прогноз.*

MIGRATION AND ITS ROLE IN DEMOGRAPHIC DEVELOPMENT OF THE RUSSIAN FAR EAST

Motrich E. L., Doctor of Economic Sciences, Leading Researcher, Institute for Economic Research, Far Eastern Branch, RAS, Khabarovsk, Russia, e-mail: motrich@ecrin.ru.

***Abstract.** The article is devoted to the analysis of the migration component in the modern and future development of the Far Eastern Federal District. It analyzes the possible participation of migration processes in the formation of the population in the period 2021–2035 by subjects of the region. The presented analysis of the demographic development of the Far East showed that in all forecasts (low, medium, high), the migration component of the population size will play the role of a constraining factor in demographic development of all subjects of the Far East. Proposals have been formulated to attract and consolidate the population in the region.*

***Keywords:** Far Eastern Federal District, subjects of the region, population, demographic situation, migration, forecast.*

Дальневосточный экономический район, начиная с 1991 г., столкнулся с серьезной проблемой сокращения численности населения, обусловленной миграционным оттоком населения и дополненной с 1993 г. естественной убылью. С начала XXI века (2000–2020 гг.) численность населения сократилась в Дальневосточном Федеральном округе (без учета Республики Бурятия и Забайкальского края, включенных в состав ДФО в конце 2018 г.) на 828 142 чел. – 12,0% (табл.1).

За исследуемый промежуток времени абсолютное число сокращения численности населения (в границах до 2018 г.) достигло 828,2 тыс. человек, что составляет 12%. Это явно стабильно неблагоприятная ситуация, ставшая причиной снижения доли Дальнего Востока в общей численности населения России. Если в 1991 г. его доля составляла 5,4%, то на 01.01.2021 г. – 4,2%.

В 2020 г. в России произошло самое существенное снижение показателя численности населения со времени 2005 г. На 01.01.2021 г. в РФ проживало 146,2 млн чел., а на 01.01.2020 г. было 146,7 млн человек. [1].

Таблица 1

**Динамика численности населения ДФО в 2000–2021 гг.
(на 01 января соответствующего года)¹**

Структура населения	2000 г.	2005 г.	2010 г.	2020 г.	2021 г.
Численность населения, чел. ²	6 913 279 100%	6 537 601 94,6%	6 319 776 91,4%	6 123 566 88,6	6 085 137 88.0%

Источник: [1]

Включение в состав Дальневосточного региона Республики Бурятия и Забайкальского края несколько изменило ситуацию в общей численности населения. На 01.01.2021 г. в федеральном округе, в его новых границах, проживало 8,1 млн человек. Если отвлечься от изменения административных границ, то регион имел число жителей, близкое аналогичному значению на начало 1991 г. Но это по существу никак нельзя соотнести к возврату числа жителей 1991 г. Согласно прогнозу численности населения, подготовленному Федеральной службой государственной статистики, с проблемой сокращения числа жителей субъекты ДФО будут сталкиваться в течение всех предстоящих десятилетий. В 2025 и 2035 гг. численность населения в Дальневосточном федеральном округе в его новых административных границах может составить 7 975,5 и 7 487,4 тыс. человек соответственно, по низкому варианту прогноза, и 8 053,6 и 7 765,4 – по среднему варианту и 8 167,4 и 8 178,4 по высокому варианту [1].

Исходя из сложившейся ситуации участия отдельных компонентов в изменении численности населения в дальневосточном регионе, определяющим компонентом в его формировании в перспективе сохранится миграционная составляющая. (табл. 2).

Таблица 2.

**Перспективное участие миграции в динамике численности населения в
Дальневосточном федеральном округе, человек**

Территория	Прирост численности населения	2021 г.	2025 г.	2030 г.	2035 г.
РФ	низкий	145 900	120 810	106 267	100 566
	средний	220 052	244 892	270 397	281 559
	высокий	294 239	368 955	434 513	462 513
ДФО	низкий	-23 031	-23 429	-22 418	-21 110
	средний	-19 762	-18 369	-16 369	-15 283
	высокий	-16 595	-13 231	-10 264	-9 414

Источник: [1]

Стоит обратить внимание на тот факт, что в Российской Федерации в целом в перспективном периоде ожидается положительное сальдо миграции. И, напротив, приведенные данные свидетельствуют о том, что по всем вариантам прогноза численности населения до 2035 г. в ДФО предполагается отрицательное значение миграции в динамике формирования демографического потенциала. Однако, если проанализировать эти показатели в разрезе субъектов региона, то при этом стоит отметить формирование положительных значений миграции в отдельных субъектах региона, что, несомненно, повлияет на некоторую

¹ Данные о численности населения Дальневосточного федерального округа представлены без учета населения Республики Бурятия и Забайкальского края, включенных в состав округа в 2018 г.

² В числителе – численность населения, чел., в знаменателе – %, рассчитанный от численности населения по сравнению с 2000 г.

стабилизацию численности населения и даже рост числа жителей в них к 2035 г., но только по высокому варианту прогноза (табл. 3).

Таблица 3.

**Численность и миграция населения в субъектах российского
Дальнего Востока, тыс. человек**

Субъекты Дальнего Востока	Численность населения на 01.01.2021	Численность населения на 01.01.2035 по вариантам прогноза		
		низкий	средний	высокий
Дальневосточный ФО	8 123,9	7 487,4	7765,4	8 178,4
Респ. Бурятия	985,4	941,5	961,5	994,4
Респ. Саха (Якутия)	982,0	959,5	980,9	1 011,8
Забайкальский край	1 053,5	931,1	942,6	971,3
Камчатский край	311,7	295,8	315,2	340,3
Приморский край	1 877,8	1 699,1	1779,6	1 895,6
Хабаровский край	1 301,1	1 213,1	1284,3	1 379,5
Амурская обл.	781,8	710,4	736,1	776,4
Магаданская обл.	139,0	111,0	115,2	121,9
Сахалинская обл.	485,6	461,3	483,9	516,5
Еврейская авт. обл.	156,5	120,3	120,6	124,0
Чукотский авт. округ	49,5	44,3	45,5	46,7

Источник: [1]

Трудно в настоящий момент предполагать при существующем характере воспроизводства населения, с учетом не только миграции, но и естественного движения населения, какой из предполагаемых вариантов демографической динамики в регионе наиболее реальный. Причина – существующее современное социально-экономическое положение региона по уровню и качеству жизни. Более того заметим, что численность населения на 01.01.2021 г. в реальности оказалась в целом по региону ниже расчетных данных даже по низкому варианту прогноза (8 123,9 тыс. человек против предполагаемых 8 138,2 по низкому варианту прогноза; 8 156,6 тыс. человек по среднему варианту прогноза и 8 181,1 тыс. человек – по высокому варианту прогноза) [1].

Возможно ли изменить создавшуюся ситуацию в демографическом развитии региона, решая намеченные проблемы ускоренного социально-экономического развития региона? Можно практически с уверенностью предполагать, что на российском Дальнем Востоке численность населения, при сохранении, прежде всего, характера миграционной ситуации продолжит свой путь по наклонной, уменьшаясь количественно. Демографическая ситуация такого плана пагубна не только для Дальневосточного региона, но и для России в целом [2]. Объективными факторами миграции продолжают оставаться социально-экономические, географические, транспортные, климатические и другие факторы [3]. На их основе формируются стереотипы поведения населения, включающие миграционную мотивацию [4], а решить проблемы роста численности населения в регионе невозможно без использования миграционных ресурсов и, прежде всего за счет межрегиональной миграции и миграционных взаимосвязей со странами СНГ.

Обеспечение стабильного прироста населения в таком перспективном для нашей страны регионе, как Дальневосточный федеральный округ – одна из важнейших задач в стратегии развития Российской Федерации. Не случайно Президент России Владимир Путин объявил XXI век эрой Дальнего Востока. На V Восточном экономическом форуме (сентябрь 2019 г.) Президент озвучил новый этап развития Дальнего Востока, который ориентирован на стабилизацию, а затем и прирост численности населения в регионе.

Способствовать закреплению, стабилизации с последующим ростом численности населения на Дальнем Востоке возможно, если реализовать ряд первоочередных мер экономического и социального характера. Таковыми мерами могут быть [5]:

- стимулирующие надбавки к зарплате за выслугу лет работы в субъектах Дальнего Востока;
- восстановление закона о ветеранах и социальную поддержку пожилого населения;
- формирование в регионе комфортных условий проживания;
- обеспечение круглогодичной транспортной доступности дальневосточников с центральными регионами России авиа и железнодорожным транспортом.
- не распространять закон о работающих пенсионерах (индексация пенсий) в субъектах Дальнего Востока;
- внести в закон РФ о повышении пенсионного возраста в России поправку, сохранив для дальневосточников, имеющих необходимый рабочий стаж, прежний возраст выхода на пенсию в силу более короткой продолжительности жизни в сравнении с общероссийскими показателями.

Список литературы и источников

1. Демография // Федеральная служба государственной статистики [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/12781> (дата обращения: 24.09.2021).
2. Рыбаковский Л. Л. Демографический потенциал Дальнего Востока, его динамика и качество: доклад на Пятом Дальневосточном международном форуме. 4-5 октября 2011 г., г. Хабаровск / Рыбаковский Л. Л. [сайт]. URL: <http://rybakovsky.ru/naseleniereg1.html> (дата обращения: 18.02.2017).
3. Мотрич Е. Л., Найден С. Н. Миграционные процессы в социально-экономическом развитии Дальнего Востока // Проблемы прогнозирования. 2015. № 5 (152). С. 108–118.
4. Мотрич Е. Л. Демографическое развитие Хабаровского края: проблемы и перспективы // Народонаселение. 2019. Т. 22. № 3. С. 30–46. DOI: <https://doi.org/10.24411/1561-7785-2019-00025>.
5. Мотрич Е. Л. Демографический барометр Дальнего Востока России // Национальные демографические приоритеты: подходы и меры реализации. Сер. «Демография. Социология. Экономика». Т. 5. № 4 / Под ред. Рязанцева С. В., Ростовской Т. К. – М.: Изд-во «Экон-Информ», 2019. – 558 с. – С. 459 – 463.

КЫРГЫЗСКАЯ МОЛОДЕЖЬ В МОСКОВСКОЙ АГЛОМЕРАЦИИ: АДАПТАЦИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ

Осадчая Г. И., доктор социологических наук, профессор, заведующий Отделом исследования социально-демографических процессов в ЕАЭС Института демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия, e-mail: osadchaya11@gmail.com.

***Аннотация.** Значительное количество мигрантов из Кыргызстана в Москве, сложности в адаптации к новым условиям, фиксируемые нашими исследованиями, актуализируют изучение адаптационного потенциала молодых кыргызстанцев. Отсутствие научного знания о потенциальных возможностях приспособления различных групп кыргызской молодежи не способствует созданию оптимальных условий для усвоения ими норм, ценностей, правил поведения, создает конфликтность в московском социуме, снижает комфортность жизни мигранта, осложняет интеграционные процессы в ЕАЭС. Целью предпринятого исследования является характеристика адаптационного потенциала молодежи, прибывшей из Кыргызстана в Москву, обеспечивающего освоение социального пространства, позволяющего преодолеть дискомфорт, вызванный противоречивостью социального контекста, непривычными условиями жизни, влияющего на успешность мигранта и интеграционные настроения.*

***Ключевые слова:** адаптация, адаптационный потенциал, молодые мигранты, Кыргызстан.*

KYRGYZ YOUTH IN MOSCOW AGLOMERATION: ADAPTIVE POTENTIAL

Osadchaya G. I., Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head Department for the Study of Social and Demographic Processes in the EAEU, Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia, e-mail: osadchaya11@gmail.com.

***Abstract.** A significant number of migrants from Kyrgyzstan in Moscow, difficulties in adapting to new conditions, recorded by our research, actualize the study of the adaptive potential of young Kyrgyzstanis. The lack of scientific knowledge about the potential adaptability of various groups of Kyrgyz youth does not contribute to the creation of optimal conditions for their assimilation of norms, values, rules of behavior, creates conflict in Moscow society, reduces the comfort of a migrant's life, complicates integration processes in the EAEU. The aim of this study is to characterize the adaptive potential of young people who arrived from Kyrgyzstan to Moscow, ensuring the development of social space, allowing them to overcome the discomfort caused by the inconsistency of the social context, unusual living conditions, affecting the success of the migrant and integration moods.*

***Keywords:** adaptation, adaptive potential, young migrants, Kyrgyzstan.*

***Введение.** Внимание к проблеме адаптационного потенциала молодых мигрантов из Кыргызстана обусловлено относительно большим по сравнению с другими странами-членами ЕАЭС миграционными потоками и более часто возникающими проблемами приспособления к новым условиям, фиксируемыми нашими исследованиями.*

Социальная адаптация мигрантов из Кыргызстана в последние годы анализировалась в ряде статей. Однако все они были посвящены частным проблемам: адаптации в конкретных регионах России, «условиям приживаемости» мигрантов [1], изменению социальных установок и ценностных ориентаций, факторам этнокультурной идентификации [2]. Статьи посвященные адаптации мигрантов в Москве также анализируют ее отдельные аспекты:

«карьерные траектории», модели проживания мигрантов [3]; инфраструктуру трудовых мигрантов [4] и диаспоры [5], влияние пандемии COVID-19 на рынок труда и положение мигрантов как в целом из стран СНГ [6] так и отдельно мигрантов из Центральной Азии [7].

В последние годы из-за нарастающей феминизации миграционных потоков в научный дискурс включаются гендерные аспекты миграционной проблематики. В ряде научных работ рассмотрены особенности адаптации женщин-мигранток [8; 9; 10], рассмотрены тенденции и социально-демографическая структура трудовых потоков мигрантов в России и посылающих странах, выделены ключевые проблемы положения женщин-мигранток в России [11]. Таким образом, системно потенциал социальной адаптации молодых мигрантов, приехавших из Кыргызстана в Москву, не изучался.

Цель и методы исследования. Цель предпринятого исследования состоит в характеристике адаптационного потенциала молодежи, прибывшей из Кыргызстана в Москву, обеспечивающего освоение новой социальной реальности, усвоение норм, ценностей, правил поведения, позволяющего преодолеть дискомфорт, вызванный противоречивостью социального контекста, непривычными условиями жизни, влияющего на успешность мигранта в московском социуме и интеграционные настроения.

Методическая стратегия включает структурированные интервью мигрантов из Кыргызстана в Москве в рамках проекта «Мониторинг интеграционных процессов в ЕАЭС (руководитель проекта Г. И. Осадчая). Опрошено в 2020 г 823 человека – граждан Кыргызстана, приехавших в Москву после 2015 г. и прожившие в Москве больше одного месяца, в возрасте 17–30 лет. Выборка – метод снежного кома по признакам. Выбор эмпирического объекта обусловлен социально-демографическими характеристиками мигрантов из Кыргызстана, количество опрошенных потребностью в ходе анализа выделить статистически значимые группы молодых мигрантов из Кыргызстана по уровню социальной адаптации.

Характеристика адаптационного потенциала. Адаптационный потенциал молодых мигрантов из Кыргызстана в Москве характеризуется высокой степенью открытости большинства респондентов к многонациональному принимающему московскому социуму. 7 из 10 опрошенных с удовольствием общаются с представителями других национальностей. Для трети опрошенных друзьями преимущественно являются представители титульной национальности (русские), а для каждого второго – соотечественники из Кыргызстана. Каждый второй респондент рассматривает возможность вступления в межнациональный брак, может представить ситуацию, что назовет своего ребенка русским именем. Подавляющее большинство (9 из 10) респондентов демонстрирует высокую степень комплементарности в отношениях между кыргызами и людьми другой национальности, за исключением отношений между кыргызами и кавказцами, кыргызами и закавказцами. Чаще всего опрошенные идентифицируют себя со страной исхода (около трети). Каждый шестой – с представителями своей национальности, с членами своей семьи, каждый восьмой считает себя Гражданином своей страны и Гражданином Евразийского Союза, а каждый 10 – гражданином мира или жителем города, в котором живет

Стратегические предпочтения мигрантов в отношении социализации культурных норм и ценностей других народов, выявленные в ходе исследования позволяют установить предполагаемый мигрантами баланс между принятием доминирующей культуры и сохранением старой, выделив три типа установок, формирующих адаптационные стратегии, определяющих в итоге адаптационный потенциал молодых кыргызстанцев: маргинализации (около 19%), взаимодополняемости (около 43%), усвоения доминирующих норм (38%). Оценивая адаптационный потенциал Москвы и москвичей, респонденты чаще оценивали доброжелательный характер отношения населения (около половины), нежели власти (треть). У большинства молодых приезжих из Кыргызстана сложилось положительное впечатление о москвичах. У половины опрошенных Россия ассоциируется в первую очередь с возможностью хорошего заработка (50,2%), с возможностью комфортной жизни для меня и членов своей семьи (22,1%). 7 из 10 позитивно оценивают интеграционные процессы в ЕАЭС.

Результаты. Анализ полученных результатов показал, что направленность действий и оценок социальной реальности молодыми мигрантами из Кыргызстана в Московском мегаполисе обусловлены представлениями о необходимом характере взаимодействия москвичей и россиян с мигрантами из Кыргызстана: ассимиляция, адаптация в логике бикультурализма, сепарация, которые можно рассматривать как потребность и готовность опрошенных к определенной активности или действию в конкретной социальной реальности, а также как меру успешности интеграции в столичный социум. При этом степень позитивности всех характеристик личного адаптационного потенциала и адаптационного потенциала среды, интеграционных процессов тем позитивнее обусловлена глубиной ориентации на интеграцию. Проведенное исследование позволяет сделать вывод о необходимости принятия мер для улучшения взаимодействия мигрантов и принимающего общества, совершенствования политики адаптации. Задача такой политики — формирование у мигрантов качеств и компетенций, позволяющих им участвовать в экономической, социальной, политической и духовной сферах общества страны-реципиента, а также обеспечить гражданское единство и согласие.

Результаты исследования расширяют объяснительный потенциал особенностей социальной адаптации молодых граждан Кыргызстана, вносят вклад в развитие теории социальной адаптации мигрантов, методологию эмпирических исследований проблем социальной адаптации мигрантов из государств — членов ЕАЭС в России. А оценка потенциала адаптации мигрантов и характеристика этих групп позволит социальным институтам Кыргызстана, России, Евразийской экономической комиссии обеспечить дифференцированный подход в создании продуктивных условий, разработке адекватных инструментов и механизмов социальной адаптации.

Список литературы и источников

1. *Джамангулов К. Э.* Проблема адаптации кыргызских трудовых мигрантов // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2006. Т. 5. № 3-S1. С. 93–97.
2. *Ягафова Е. А., Голованов В. В.* Самарские киргизы: особенности этнической идентификации и социокультурной адаптации в полиэтническом городском пространстве // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2018. Т. 20. № 3-2 (83). С. 553–556.
3. *Рочева А. Л.* Исследование позиций «карьеры квартиросъемщика» и моделей проживания в Москве мигрантов из Киргизии и Узбекистана // Социологический журнал. 2015. Т. 21. № 2. С. 31–50.
4. *Пешкова В. М.* Инфраструктура трудовых мигрантов в городах современной России (на примере мигрантов из Узбекистана и Киргизии в Москве) // Россия и мусульманский мир. 2016. № 5 (287). С. 24–49.
5. *Шутилов А. В.* Киргизская диаспора в России: новый этап межкультурного взаимодействия // Вестник Костромского государственного университета. 2017. Т. 23. № 1. С. 75–77.
6. *Рязанцев С. В., Молодикова И. Н., Брагин А. Д.* Влияние пандемии COVID-19 на положение мигрантов на рынках труда стран СНГ // Балтийский регион. 2020. Т. 12. № 4. С. 10–38. DOI: <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2020-4-2>.
7. *Рязанцев С. В., Вазиров З. К., Храмова М. Н., Смирнов А. В.* Влияние пандемии COVID-19 на положение трудовых мигрантов из Центральной Азии в России // Центральная Азия и Кавказ. 2020. Т. 23. № 3. С. 64–76. DOI: <https://doi.org/10.37178/ca-c.20.3.06>.
8. *Тарханова Е. С.* Специфика женской трудовой миграции в России // Гражданское общество в России: состояние, тенденции, перспективы. 2015. № 1 (4). С. 187–193.
9. *Полетаев Д. В.* Феминизация сообществ трудовых мигрантов из Средней Азии: новые социальные роли таджичек и киргизок // Транснациональные миграции и современные государства в условиях экономической турбулентности: сб. науч. статей / под ред. В.

- С. Малахова, М. Е. Симона. – М.: Дело, 2016. – 336 с. ISBN: 978-5-7749-1194-3. – С. 263–283.
10. *Микиденко Н. Л., Сторожева С. П.* Женская трудовая миграция: информационные аспекты адаптации // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки. 2016. № 2. С. 35–42.
11. *Рязанцев С. В., Ростовская Т. К., Перемышлин С. Н.* Гендерные аспекты трудовой миграции в России: тренды, последствия, регулирование // Женщина в российском обществе. 2019. № 4. С. 53–65. DOI: <https://doi.org/10.21064/WinRS.2019.4.5>.

МИГРАЦИОННЫЙ ОБМЕН МЕЖДУ АРМЕНИЕЙ И РОССИЕЙ: СТРУКТУРА И НАПРАВЛЕННОСТЬ МИГРАЦИОННЫХ ПОТОКОВ

Ракачев В. Н., доктор исторических наук, профессор кафедры социологии Кубанского государственного университета, Краснодар, Россия, e-mail: midav.sf@mail.ru.

Ракачева Я. В., кандидат исторических наук, доцент кафедры социологии Кубанского государственного университета, Краснодар, Россия, e-mail: soccenter.kubsu@gmail.com.

***Аннотация:** В статье представлены результаты анализа миграционного обмена между Арменией и Россией в период 2015–2020 гг., рассмотрены масштабы и направления миграционных потоков, их структура и особенности распределения мигрантов по регионам Российской Федерации. На основе данных Росстата и Миграционной службы РФ показана динамика этих перемещений, изменения, наметившиеся в них в последние годы.*

***Ключевые слова:** миграция, мигранты, транснациональные миграции, демографические процессы, Россия, Армения.*

MIGRATION EXCHANGE BETWEEN ARMENIA AND RUSSIA: STRUCTURE AND DIRECTIONS OF MIGRATION FLOWS

Rakachev V. N., Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of Sociology, Kuban State University, Krasnodar, Russia, e-mail: midav.sf@mail.ru.

Rakacheva Ya. V., Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Department of Sociology, Kuban State University, Krasnodar, Russia, e-mail: soccenter.kubsu@gmail.com.

***Abstract:** The article presents the results of the analysis of migration exchange between Armenia and Russia in the period 2015-2020, the scope and directions of migration flows, their structure and features of the distribution of migrants in the regions of the Russian Federation. Based on data from Rosstat and the Migration Service of the Russian Federation, the dynamics of these movements, the changes that have emerged in them in recent years, are shown.*

***Keywords:** migration, migrants, transnational migrations, demographic processes, Russia, Armenia.*

Россия сегодня включена в активные межгосударственные миграции, причем основной поток мигрантов, направляющихся в РФ на протяжении последних десятилетий, дают страны ближнего зарубежья. В числе лидеров – Украина, Казахстан, Таджикистан и Армения [1]. Для Армении проблема миграций имеет особую актуальность, поскольку в последние десятилетия эмиграция приобрела здесь внушительные размеры. По данным ООН сальдо миграции за 2015–2020 гг. в стране составило -25 тыс. человек [2] и в соответствии с прогнозами ООН, численность населения Армении в результате депопуляции и миграционного оттока сократится к 2050 г. до 2,8 млн человек [2]. В этой ситуации Армения заинтересована в сокращении миграционного оттока, стимулировании возвратных миграций, реализации программ по репатриации, которые невозможно осуществить без соответствующих координационных процедур с Россией при наличии научно обоснованной базы.

Цель данной статьи проанализировать масштабы, направления и структуру миграционных потоков между Республикой Арменией и РФ на основе данных Росстата и Миграционной службы РФ, определить их структуру и направленность.

В общем потоке прибывших в РФ из стран СНГ число мигрантов из Армении весьма незначительно. В 2015 г. доля этого миграционного потока среди всех прибывших составила 8,5%. Она оставалась относительно стабильной на протяжении 2016–2018 гг. (8,6% в 2016 г., 8,9% в 2017 г., 9,1% в 2018 г.). В 2019 г. она увеличилась до 11,6%, но в 2020 г. вновь снизилась

(до 10,5%). В 2019 г. выросла и абсолютная численность армянских мигрантов, прибывших из Армении в РФ: по отношению к 2018 г., их число увеличилось на 55%. В 2020 г. в условиях пандемии и ограничения межстрановых перемещений этот показатель снизился на 13,3% по сравнению с 2019 г. [Рассчитано по: 1] (см. рис. 1).

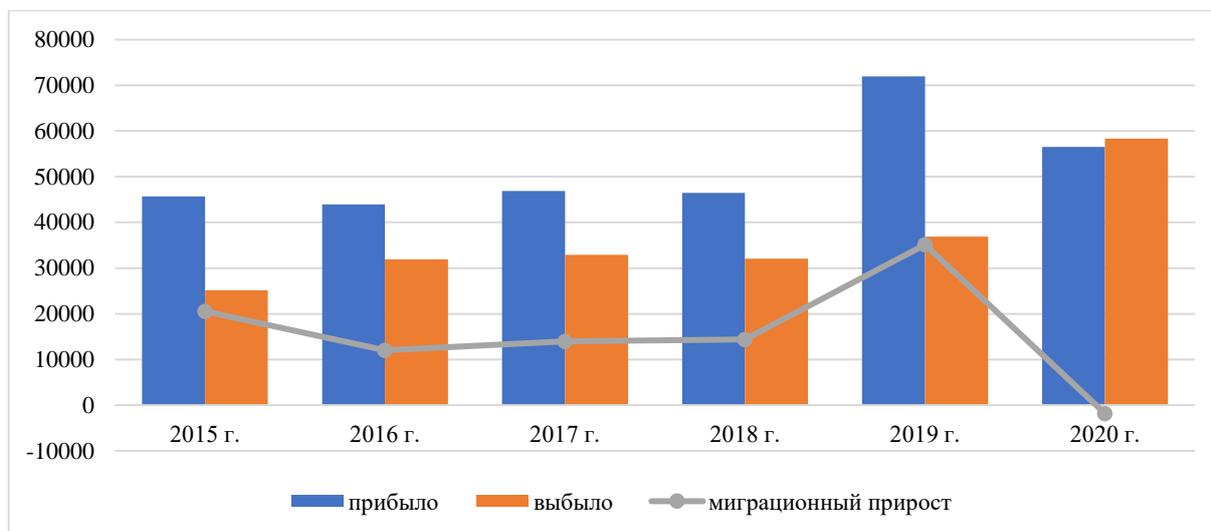

Рис. 1. Миграция из Армении в РФ 2015-2020 гг., чел.

Поток выбывающих из России в направлении Армении на протяжении 5 лет (2015–2019 гг.) фактически не менялся и оставался в пределах 25–35 тыс. человек. Исключение составил 2020 г., когда число убывших в Армению на 58% превысило аналогичный показатель в 2019 г. В данном случае, вероятно факторами оттока стал выезд части трудовых мигрантов из РФ в связи с карантинными ограничениями, а также конфликтные действия в Нагорном Карабахе. В итоге сальдо миграции с Арменией, которое на протяжении 2015–2019 гг. оставалось устойчиво положительным, в 2020 г. оказалось отрицательным (-1,8 тыс. человек). При этом валовая миграция имеет демонстрирует устойчивый тренд на повышение, объемы миграционного оборота с каждым годом растут (рис. 2). В целом за рассмотренный период в Россию из Армении прибыло свыше 311 тыс. человек, выбыло – 217,3 тыс., осталось 94,1 тыс. человек. Таким образом, более 2/3 мигрантов (69,8%) вернулись в Армению, но при этом около трети (30,2%) остались в России [1].

Рис. 2. Брутто и нетто-миграция из Армении в РФ 2015–2020 гг., чел.

Структура миграционных потоков из Армении в Россию по целям поездок отличается большей долей прибывших в рамках частных визитов, что связано с наличием в стране многочисленной армянской диаспоры, многие мигранты приезжают в гости к родственникам и знакомым. Второй по величине группой мигрантов являются те, кто приезжает в РФ по служебным (рабочим) делам (с 2019 г. в бланках миграционного учета, рабочая миграция была выделена в отдельную цель визита так же, как и учеба). Можно заметить на рисунке 3, что доля этой группы в общем потоке прибывших из РА достаточно стабильна и составляет около 40%.

В динамике можно отметить, особенно в 2020 г. в условиях пандемии сокращение доли частных визитов и рост доли такой группы как обслуживающий персонал транспортных средств (водители, пилоты и проч.). Пандемия также существенно повлияла на потоки учебной и транзитной миграции. Стабильно низкими остаются доли туристов и лиц, прибывающих на ПМЖ [1]. Таким образом, анализ структуры миграционных перемещений позволяет говорить о значительной доле временных трудовых мигрантов, о трансграничном характере большинства миграций.

По территории России мигранты из Армении распределены не равномерно. На протяжении рассмотренного периода более половины всех мигрантов из Армении притягивали Центральный и Южный федеральные округа (58,3% в 2020 г.) [1].

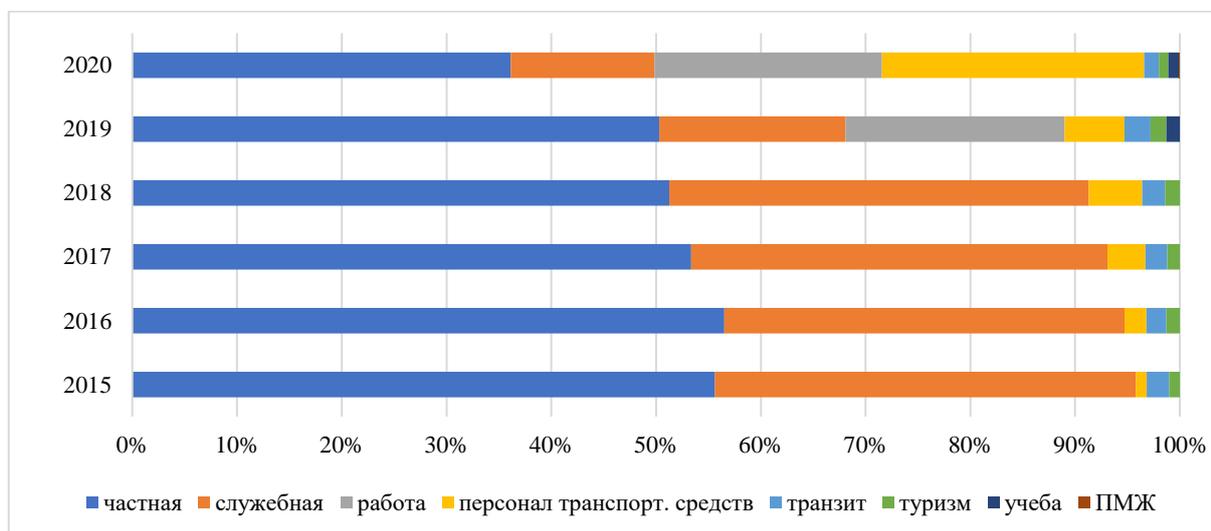

Рис. 2. Мигранты из Армении в РФ по целям поездок 2015–2020 гг., %

Пятерку лидеров среди российских регионов по числу прибывающих мигрантов из Армении в 2020 г. составляют Краснодарский край (12,2%), Московская область (11,9%), Ростовская область (7,4%), Ставропольский край (5,9%), и Волгоградская область (4,5%). Наибольшее число мигрантов, выезжающих в Армению, наблюдалось в 2020 г. в Московской области (14,0% всех выехавших в этом направлении), Краснодарском (11,0%) и Ставропольском (6,7%) краях, Ростовской (5,4%) и Калужской (5,0%) областях.

При этом наибольшее положительное сальдо миграции в обмене с Арменией в этом году имели такие регионы как Волгоградская, Ростовская, Курская области, Республика Саха (Якутия) и Краснодарский край. А наибольшее отрицательное сальдо наблюдалось в Московской и Самарской областях [6]. Ставропольском крае, г. Москве и Республике Адыгее. В целом можно отметить, что наиболее привлекательными для мигрантов из Армении регионами являются территории, где исторически сложилась многочисленная армянская диаспора, а также регионы с высоким уровнем экономического развития.

Проведенный анализ показывает, что в ситуации, когда Россия и прежде всего ряд регионов с исторически сложившимися армянскими диаспорами выступают основными территориями-реципиентами для мигрантов из Армении, необходимой становится задача

координации на государственном и региональном уровне решений в области регулирования миграционных потоков.

Список литературы и источников

1. Демография // Федеральная служба государственной статистики [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/12781> (дата обращения: 08.07.2021).
2. Population Dynamics // United Nations Department of Economic and Social Affairs [site]. URL: <https://population.un.org/wpp/Download/Standard/Population/> (дата обращения: 08.07.2021).
3. *Рязанцев С. В.* Современная миграционная политика России: проблемы и подходы к совершенствованию // Социологические исследования. 2019. № 9. С. 117–126. DOI: <https://doi.org/10.31857/S013216250006666-5>.
4. *Ракачев В. Н., Ракачева Я. В., Халафян А. А.* Армяне на Кубани: особенности формирования и развития этнической общности, демографический прогноз // Армяне Поволжья и Юга России: история и современность: Материалы II Всероссийской научной конференции (Саратов, 15–16 апреля 2016 г.) /отв. ред. В.А. Чолахян. – Саратов: ООО Издательский Центр «Наука», 2016. – С. 107–114.
5. *Арутюнян Л. А., Заславская М. И.* Миграционные процессы на территории бывшего СССР: исчерпание постимперских тенденций // Ежегодник 2012. Экономика. Ереван, 2012.

Благодарности и финансирование:

Исследование выполнено при финансовой поддержке фонда РФФИ проект № 20-511-05019.

СТРАТЕГИЯ ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ И ЕЕ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКАЯ ОБУСЛОВЛЕННОСТЬ

Рыбаковский Л. Л., доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник Института демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия, e-mail: rybakovsky@post.ru.

Кожевникова Н. И., кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Института демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия, e-mail: dema1@mail.ru.

***Аннотация.** В статье дается авторское понимание «Стратегии демографического развития», раскрывается ее специфика для современной России, показано какие внутренние и внешние факторы определяют ее целевые установки, приводится краткий перечень тех исторических событий, которые обусловили необходимость устойчивого увеличения демографического потенциала России, а также подробно анализируется зависимость обеспечения восходящей демографической динамики современной России от современной геополитической ситуации в мире.*

***Ключевые слова:** стратегия, концепция, демографическое развитие, депопуляция, восходящая демографическая динамика, людские потери, демографический потенциал.*

DEMOGRAPHIC DEVELOPMENT STRATEGY OF CONTEMPORARY RUSSIA AND ITS FOREIGN POLITICAL CONDITIONS

Rybakovsky L. L., Doctor of Economic Sciences, Professor, Chief Researcher, Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia, e-mail: rybakovsky@post.ru.

Kozhevnikova N. I., Candidate of Economic Sciences, Leading Researcher, Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia, e-mail: dema1@mail.ru.

***Abstract.** The article gives the author's understanding of the "Strategy of demographic development", reveals its specificity for modern Russia, shows what internal and external factors determine its target settings, provides a short list of those historical events that led to the need for a steady increase in the demographic potential of Russia, and also from the current geopolitical situation in the world. analyzes in detail the dependence ensuring the upward demographic dynamics of modern Russia.*

***Keywords:** strategy, concept, demographic development, depopulation, upward demographic dynamics, human losses, demographic potential.*

Стратегия демографического развития – это тот замысел, которым руководствуется государство в демографической сфере. Она представляет, прежде всего, однонаправленный вектор, ориентированный на достижение определенной демографической динамики, соответствующей национальным интересам государства. В зависимости от особенностей страны стратегия может включать приоритеты в размещении населения, в сохранении и изменении его структурных частей и т. д. Достижение и сохранение этих целей рассчитано на длительный исторический период, обусловленный не сиюминутными соображениями или временно возникающими трудностями, а долговременными интересами страны, проживающего в ней населения. Для России эти интересы обусловлены как внутренними, так и внешними для нее факторами.

К внутренним факторам относится прежде всего обладание Россией самой большой территорией в мире. Она занимает 17,1 млн кв. км, или 11,5% сухопутной части Земли. Но Россия обладает не только громадной территорией, но и колоссальными природными

ресурсами. Прежде всего, страна владеет огромными запасами пресной воды (ее только в Байкале 23 тыс. куб. км, или примерно одна пятая часть мировых запасов). Другим богатством являются огромные сельскохозяйственные угодья, в числе которых – лучшие в мире черноземы. В России баланс продовольствия всецело обеспечен собственным сельскохозяйственным производством. Другое богатство – лесные ресурсы, обеспечивающие нужды страны деловой древесиной, сырьем для производства целлюлозы, бумаги и т. д. Россия обеспечена сама и имеет возможность экспортировать природный газ, нефть, уголь, металл и т. д. Наличие громадной территории, расположенной на двух материках, примыкающей к морям и океанам как на западе, так и на востоке страны – это еще одно важнейшее геополитическое преимущество России, создающее для нее условия для развития военного, торгового и рыбодобывающего флотов, добычи нефти и других ресурсов прибрежных шельфов.

Огромная территория, наделенная природными ресурсами необходимыми для всестороннего экономического развития и поддержания нормальных условий жизни населения, как и выгодное географическое положение страны, всегда вызывали у других стран, мнивших себя непобедимыми, враждебные планы относительно этих преимуществ России. В течение примерно пяти веков Россия испытывалась на прочность теми или иными завоевателями. Сразу же с началом продвижения России на восток, стала возникать у европейских стран зависть к ее «жизненному пространству». С XVII века вплоть до середины XX столетия России приходилось регулярно давать отпор претендующим на ее земли захватчикам. К ним относятся польско-литовские войска, вторгшиеся в Россию и удерживавшие Москву в течение 1610–1612 гг. Вторжение закончилось их бегством из России под натиском народного ополчения, возглавляемого Кузьмой Мининым и Дмитрием Пожарским. Через столетие за расчленение России взялся шведский король Карл XII. В июне 1709 г. в Полтавской битве шведская армия была разбита. Еще через столетие наступило время Наполеона. Французская армия вторглась в Россию. Его армия превышала 600 тыс. человек. Это были французы, австрийцы, пруссаки, литовцы и т. д. Все закончилось крахом Наполеона. Осенью 1812 г. остатки его армии отступали до границ России, а в апреле 1814 г. он отрекся от французского трона. В XX столетии дважды военным путем пытались покончить с Россией, представлявшей советское государство. Ненависть к большевизму подогрела желание уничтожить советский строй и отобрать у России ее жизненные пространства. Этим занялись бывшие союзники России по Антанте в 1918–1922 гг. Вместе с ними в интервенции участвовало 14 стран. Все они грабили ресурсы и без того разоренной и нищей страны. Больше всех «погрели руки» от интервенции Польша и Румыния, которые отторгли от советской страны часть территории, возвращенную спустя почти 20 лет.

Кульминацией всех поползновений на российские территории с целью расширения за ее счет «жизненного пространства» явилось вероломное нападение на Советский Союз фашистской Германии. Согласно директиве Гитлера, предусматривалось уничтожить в течение нескольких лет 46–51 млн русских и других славянских народов [1, с. 241]. В этой войне против Советского Союза участвовали кроме Германии, также Венгрия, Италия, Румыния, Финляндия, Словакия, Хорватия, в меньшей мере Испания. Болгария была союзницей Германии. На стороне Германии также было еще свыше 1,8 млн человек из числа граждан других государств (Швеции, Дании, Франции, Бельгии, Голландии, ряда славянских стран и т. д.). Кроме того, заодно с фашистами была Русская освободительная армия и другие формирования из лиц разных национальностей, предавших свою Родину, а также примерно один миллион военнопленных. Война, продолжавшаяся почти четыре года, закончилась Великой победой Советского Союза и его союзников над нацистской Германией.

Со времени завершения Великой отечественной войны прошло свыше 75 лет. В это время хотя и не была развязана новая война против СССР (позже – России), но интерес мировых держав, и победителей и побежденных, объединившихся после войны в НАТО к нашему «жизненному пространству» не иссяк. Этот интерес сохранился до сих пор. Об этом свидетельствуют хотя бы откровенные высказывания западных политиков. К примеру, вот,

что говорил на этот счет недруг нашей страны, бывший американский политик Зб. Бжезинский. «Россия должна превратиться в общеевропейское достояние, используемое на многосторонней основе. Для европейцев это была бы увлекательная перспектива покорения «новых рубежей» [2, с. 139–40]. Похожие заявления прозвучали и от бывшего в 1990-е гг. премьер-министром Великобритании Дж. Мейджора и от госсекретаря США времен Клинтона М. Олбрайт и ряда других деятелей. Надо иметь в виду, что подобные заявления делаются в эпоху атомного оружия, когда с его применением война может печально закончиться не только для страны, подвергшейся нападению, но и для нападающей стороны, да и для человечества в целом. Этим во многом и объясняется произошедший перевод вооруженного противоборства на рельсы «мирного противостояния». Изначально это «мирное противостояние» было направленное на развал Советского Союза. План развала СССР был сформулирован сразу после завершения войны А. Даллесом (будущим руководителем ЦРУ). Он сводился к созданию в СССР хаоса, вдалбливая в сознание советских людей культ секса, насилия, садизма и предательства, подборки для этого помощников внутри самого Советского Союза, насаждения национализма, вражды и ненависти к русскому народу. В период, когда в США президентом был Д. Рейган, снова руководителем ЦРУ, теперь уже У. Кейси был разработан план по развалу Советского Союза. Кейси считал, что развалить СССР можно только экономически. Этого, как он полагал, можно добиться оказанием помощи афганским моджахедам, поддержанием оппозиции в СССР, ограничением его доступа к западным технологиям, проведением информационно-пропагандистской войны, втягиванием СССР в гонку вооружений с целью истощения его ресурсов при одновременном сокращении поступления твердой валюты, используя для этого снижение мировых цен на нефть и т. д. [3]. Осуществление этого плана явилось одним из факторов развала СССР.

Возникновение независимой России, сохранившей от Советского Союза статус Великой державы и главное – обладание атомным оружием, привело к перенесению «мирного противостояния» на нее со стороны НАТО и ряда недружественных стран. Политика этого блока, а в нем безраздельно главенствуют США, в конечном счете скорее всего направлена на развал России. Этому должно способствовать, к примеру, превращение в недругов России бывших республик СССР. Вначале их было три, затем к ним добавились Украина и Грузия, после проведенных в этих странах «цветных революций», «руководящей и направляющей силой» которых явились США активно поддержанные другими членами НАТО. Другим примером является обрушившийся на Россию со стороны западных стран шквал санкций по разным выдуманым поводам. Их цель – подорвать экономику, что отразится на жизнедеятельности населения и его отношении к российской власти.

Сразу заметим, что для России, выстоявшей вместе с другими народами СССР самую беспощадную войну, развязанную фашистской Германией, вводимые США и их союзниками по НАТО различные санкции – то не более, чем укусы комара. Действительная опасность для России состоит в другом. Может показаться преувеличением, но эта опасность в характере ее демографического развития. Прежде всего, восходящая демографическая динамика во все советские годы в России была существенно хуже, чем во многих развитых странах, особенно чем в главном антиподе современной России – США. Так, численность населения России с 88 млн в 1920 г. ко времени развала Советского Союза, т. е. началу 1990-х годов возросла примерно до 149 млн человек, тогда как население США за этот период увеличилось со 106 млн до 255 млн. Такая динамика населения, тем не менее, России, бывшей частью СССР, ничем не угрожала. Другое дело, когда Россия стала самостоятельной страной. Прошло 30 лет и в 2020 г. численность населения США уже превосходила российское население на 185 млн (в 2,2 раза, тогда как в 1992 г. – 1,7 раза). Согласно последнему прогнозу ООН в 2030 г. численность населения США будет больше, чем в России на 207 млн (в 2,4 раза), в 2015 г. – на 243 млн (в 2,8 раза) и в 2100 г. – на 308 млн (в 3,4 раза) [4].

Такая демографическая динамика России на фоне быстро растущего населения США обусловлена и теми потерями, которые выпали на долю нашей страны в годы Великой отечественной войны (на Россию приходится примерно 13 млн человек), и теми потерями,

которые связаны с эмиграцией населения, в т. ч. и в США, и особенно тем, что со времени распада СССР и образования независимой Российской Федерации она перманентно живет в режиме депопуляции. За прошедшие три десятка лет численность населения (без Крыма) сократилась примерно на 5 млн человек (с Крымом – на 2,7–2,8 млн). Лишь однажды, в середине десятых годов XXI столетия в результате введенных в 2006–2007 гг. новых мер демографической политики на короткое время депопуляция была преодолена. К началу двадцатых годов результативность этих мер существенно сократилась, возникли новые трудности, одна из них структурная, влияющая на величину рождений, а вторая, пришедшая из вне (коронавирус) и приведшая к увеличению числа ежегодно умирающих до тех масштабов, которые были преодолены еще в 2006 г. С того времени началось и продолжалось 14 лет сокращение чисел умерших, достигшее в 2019 г. отметки в 1,8 млн, т. е. уровня 1992 г. Но уже в 2020 г. это число превысило 2,1 млн.

Очевидно, что сохраняющаяся вокруг России геополитическая ситуация, порой напоминающая предвоенную, настоятельно требует скорейшего преодоления существующей уже почти три десятка лет депопуляции и выхода страны на вектор восходящей демографической динамики. Решение этой задачи навряд ли возможно без разработки общенационального проекта, объединяющего в едином комплексе все компоненты демографической динамики. Обязательной к тому же исходной частью этого проекта должна стать «Стратегия демографического развития России в XXI столетии», два ее тактических дополнения, рассчитанные на ближайшее десятилетие (концепции демографической и особенно миграционной политики), а также соответствующие программы по увеличению рождаемости, сокращению смертности и более полному использованию миграционного потенциала стран нового зарубежья.

Список литературы и источников

1. *Рыбаковский Л. Л.* Великая Отечественная. Особенности. Людские потери. Факторы победы. – М.: Изд-во «Экон-Информ», 2020. – 251 с. ISBN: 978-5-907233-69-0.
2. *Бжезинский Зб.* Мировое господство или глобальное лидерство; [пер. с англ.: Е. А. Нарочницкая, Ю. Н. Кобяков]. – М.: Международные отношения, 2010. – 262 с. ISBN: 978-5-7133-1377-7.
3. *Мунчаев Ш. М., Устинов В. М.* История России: учебник [для вузов]. – 6-е изд., перераб. и доп. – М.: Норма, 2015. – 607 с. ISBN: 978-5-91768-566-3.
4. World Population Prospects 2019 // United Nations Department of Economic and Social Affairs [saite]. URL: <https://population.un.org/wpp/> (accessed on 24.09.2021).

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ОЦЕНКЕ МИГРАЦИОННОЙ ПРИВЛЕКАТЕЛЬНОСТИ РЕГИОНОВ РФ В ПОСПАНДЕМИЙНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Рыбина Ю. В., кандидат экономических наук, доцент кафедры налогов и таможенного дела Северо-Кавказского федерального университета, Ставрополь, Россия, e-mail: julia-nna@inbox.ru.

***Аннотация.** Решение современных проблем перераспределения трудовых ресурсов во многом зависит от качества проводимой государством миграционной политики. Целью исследования является рассмотрение миграционной привлекательности регионов в постпандемийном пространстве Российской Федерации. Практическая значимость работы заключена в возможности использования методических положений предложенной типологии регионов в распределении трудовых ресурсов и расчете миграционного потенциала конкретного региона.*

***Ключевые слова:** миграционная политика, внутренняя миграция, региональный потенциал, коэффициент миграционной привлекательности, миграционная типология регионов РФ.*

METHODOLOGICAL APPROACHES TO ASSESSMENT OF MIGRATION ATTRACTIVENESS OF RUSSIAN REGIONS IN THE POSTPANDEMIC SPACE

Rybina Yu. V., Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Department for Taxes and Customs, North Caucasus Federal University, Stavropol, Russia, e-mail: julia-nna@inbox.ru.

***Abstract.** The solution to modern problems of labor resources redistribution largely depends on the quality of migration policy pursued by the state. The aim of the research is to consider the migration attractiveness of regions in the post-pandemic space of the Russian Federation. The practical significance of work lies in the possibility of using the methodological provisions proposed typology of regions, in the distribution of labor resources and the calculation of the migration potential of a particular region.*

***Keywords:** migration policy, internal migration, regional potential, migration attractiveness coefficient, migration typology of Russian regions.*

Существующие тенденции перераспределения трудовых ресурсов по территории Российской Федерации выступают базовым условием для сбалансированной социально-экономической политики в XXI веке. Можно предположить, что действенным инструментом такого перераспределения может быть внутренняя миграция населения, ориентированная на послабление обострившихся региональных различий и более четкое задействование регионального потенциала страны. Однако отсутствие сформировавшихся общестрановых рынков труда и жилья, административные барьеры, ухудшение экономической конъюнктуры финансового рынка на фоне пандемии новой коронавирусной инфекции приводят к потере эффективности рыночных механизмов регулирования и контроля внутренних миграционных потоков. Сложившиеся условия внешней среды определяют необходимое участие государства, направленное на повышение миграционной активности внутри страны. Очевидно, что для проработки эффективных мер миграционной политики требуется наличие данных о детерминантах процесса внутренней миграции, таких как рост миграционной мобильности, коэффициент нетто миграции, анализ миграционного движения, коэффициент брутто миграции, эффективность миграции

Справедливо заметить, что Федеральной службой государственной статистики России (Росстат) готовятся и публикуются статистические данные об источниках миграции, но они в должной степени не отвечают на вопросы о значении тех или иных факторов в происходящих передвижениях внутри регионов Российской Федерации. О степени напряженности проблемы роста внутренней мобильности населения в стране можно судить по обострившейся за время пандемии ситуации с несоответствием в уровнях доходов населения и индикаторов напряженности на местных рынках труда [2].

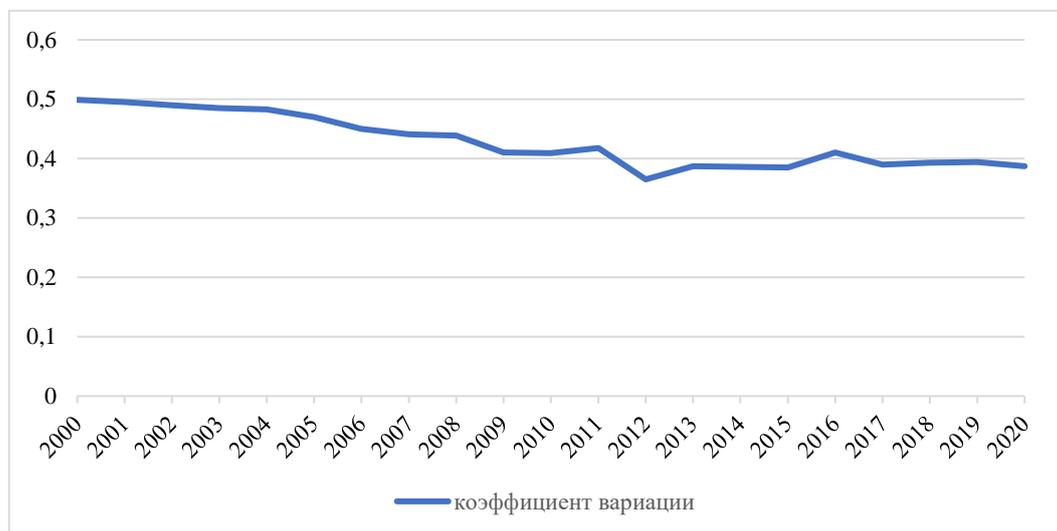

Рис. 1. Динамика коэффициента вариации субъектов РФ по уровню среднемесячной номинальной начисленной заработной платы работников предприятий в 2000–2020 гг.

Вариация по величине номинальных заработных плат в 2020 г. среди федеральных округов (без учета самых обеспеченных регионов – Москвы и Ямало-Ненецкого автономного округа) составила 2 раза (63 и 32 тыс. руб. в ДФО и СКФО соответственно), по уровню безработицы во втором квартале 2020 г. – почти 4 раза (3,9 и 14,2% в ЦФО и СКФО) [3].

На наш взгляд, сложившиеся условия диктуют необходимость разработки миграционной типологии регионов РФ на основе обоснования качественных взаимосвязей между группами регионов с близкими показателями, характеризующими частоту участия субъекта в миграционных процессах внутри страны. Группировка субъектов РФ возможна на основе кластерного подхода с выделением таких показателей как рост миграционной мобильности, анализ миграционного движения [3]. Безусловно, охват вышеуказанных критериев не дает полной картины о существующих миграционных различиях регионов, но как показывают данные кластерного анализа, применение именно этого набора индикаторов позволяет детерминировать гомогенные группы регионов РФ. Данные статистических исследований международных и отечественных источников по миграции населения субъектов РФ позволяют вычислить и обосновать построение динамических рядов коэффициентов миграционной привлекательности для всех субъектов РФ.

При оценке миграционной привлекательности региона нами использовался иерархический подход для группировки регионов по схожим критериям. При этом изначально задавалось количественное измерение кластеров, затем выбирались их центры, вокруг которых сформированы группы точек. Для подсчета расстояния между ближайшими центрами притяжения применялся метод Варда, в силу удобства его использования на большом массиве данных. Картирование матрицы указанных показателей может быть весьма полезным инструментом при принятии решений о смене места жительства, т. к. дает представление о миграционной привлекательности региона.

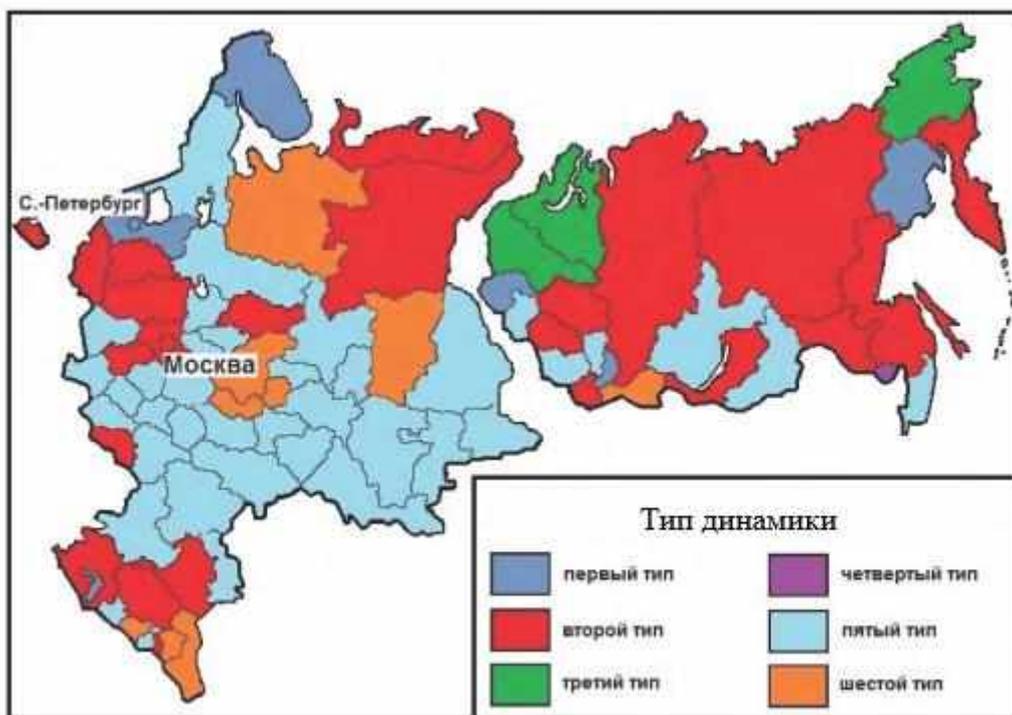

Рис. 2. Типы динамики внутрироссийской миграционной привлекательности регионов страны

Как видно из данных рисунка 2, практически в каждой из шести представленных групп субъектов можно найти «эталонных» представителей своего класса, но также прослеживается тенденция «размытого» статуса региона, когда очень сложно четко детерминировать его тип. С точки зрения внутрироссийской миграционной привлекательности регионы РФ можно условно подразделить на шесть групп.

Первую группу составляют субъекты РФ, для которых характерна высокая миграционная привлекательность (ориентировочно более 1,4). Прежде всего к ним можно отнести Ленинградскую, Магаданскую, Мурманскую, Тюменскую области.

Многочисленных представителей второй группы объединяет стабильная ситуация с показателем миграционной привлекательности, который колеблется в пределах единицы.

В третью группу субъектов РФ в основном входят регионы Крайнего Севера, имеющие значимые запасы полезных ископаемых. Данная группа имеет видимую тенденцию к росту миграционной привлекательности в условиях нестабильной внешней среды.

Четвертую группу регионов составляет один субъект – Еврейская автономная область, динамика показателя миграционной привлекательности для которого плавно снижается.

Пятая группа регионов включает Владимирскую, Волгоградскую, Курскую, Ивановскую, Иркутскую, Кемеровскую, Липецкую, Орловскую, Пензенскую, Свердловскую, Тамбовскую, Ульяновскую области, а также республики Карачаево-Черкессию, Карелию, Марий Эл, Северную Осетию, Чувашию. Для этих субъектов характерна динамика показателя по убывающей в пределах 0,7 [5].

Шестую группу составляют регионы «аутсайдеры», где показатели миграционной привлекательности за период наблюдения не превышали 0,8. Это, прежде всего, Кабардино-Балкария, Тыва, Удмуртия, Дагестан.

Проведенный анализ показывает ключевую закономерность миграционной типологии в условиях протяженности территории РФ, характеризующуюся наличием «переходных» групп регионов между относительно развитыми субъектами и территориями с низкой миграционной привлекательностью. На настоящий момент положение с трудовой миграцией значимо осложняют введенные ограничения в связи с непростой эпидемиологической ситуацией на территории регионов РФ [4]. При этом из всей совокупности факторов наиболее

значимое воздействие на внутрирегиональную миграцию оказывают индикаторы экономического благосостояния, прежде всего, положение на региональном рынке труда. При этом существенным притягательным фактором выступает «столичный» статус субъекта.

Помимо анализа, базирующегося на многолетнем мониторинге изменения индикаторов миграционной привлекательности, возможно более простое разделение всех регионов на привлекательные (коэффициент к более единицы) и непривлекательные (коэффициент к менее единицы) (рис. 3).

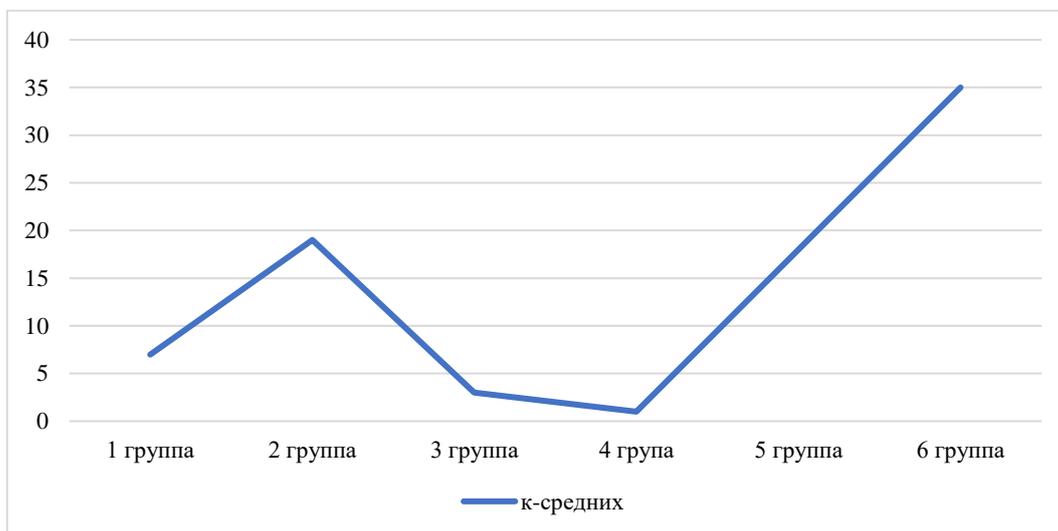

Рис. 3. Измерение показателей внутрироссийской миграционной привлекательности с помощью неиерархической кластеризации

Инструментарий определения миграционной привлекательности региона может быть использован для качественной оценки динамики передвижений населения на любой территории, при этом каждая группа регионов характеризуется наличием «притягивающих» и «отталкивающих» критериев миграции [3].

Однако на современном этапе, в условиях крайней ограниченности ресурсов в экономике страны, следует отметить, что проблема приоритетности выбора субъекта для трудовой миграции приобретает чрезвычайное значение. Так, нивелирование экономических барьеров миграции, обеспечение финансовой возможности переезда жителей, а, соответственно, обустройства и занятости мигрантов на новом месте требуют пересмотра мер финансовой поддержки отдельным категориям мигрантов на осуществление переезда, покрытие транспортных затрат и обустройства на новом месте.

При этом инструментарий внутренней трудовой миграции в нашей стране весьма ограничен, поскольку его применение связано с рядом необходимых условий, а именно: наличием эффективного рынка жилья и межрегионального рынка труда, функционированием сети региональных информационно-правовых консультационных центров, интерактивного портала службы занятости населения.

Необходимо подчеркнуть, что государственная миграционная политика должна находиться в тесной взаимосвязи со сферой занятости населения и программами регионального развития. Необходимым условием для запуска подобной программы является размещение и доведение информации до широкого круга лиц о программках социально-экономического и демографического развития отдельных субъектов РФ.

Список литературы и источников

1. Федеральный закон от 27.06.2018 г. № 163-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “О миграционном учете иностранных граждан и лиц без гражданства в

- Российской Федерации» // Президент России [сайт]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/43244> (дата обращения: 21.09.2021).
2. *Липатова Л. Н., Градусова В. Н.* Развитие человеческого потенциала России: основные достижения и угрозы // Регионоведение. 2019. Т. 27. № 2 (107). С. 310–329. DOI: <https://doi.org/10.15507/2413-1407.106.027.201902.310-329>.
 3. *Топилин А. В., Максимова А. С.* Роль миграции в формировании региональных рынков труда в условиях второй волны депопуляции в современной России // Вопросы статистики. 2020. Т. 27. № 6. С. 26–36. DOI: <https://doi.org/10.34023/2313-6383-2020-27-6-26-36>.
 4. Федеральная служба государственной статистики [сайт]. URL: <http://www.gks.ru> (дата обращения 26.08.2021).
 5. Федеральная служба по труду и занятости [сайт]. URL: <https://rostrud.gov.ru/> (дата обращения 28.09.2021).

МОЖЕТ ЛИ МИГРАЦИЯ ИЗ УЗБЕКИСТАНА СТАТЬ РЕСУРСОМ ПОПОЛНЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ И РАБОЧЕЙ СИЛЫ В РОССИИ?

Садовская Е. Ю., кандидат философских наук, Международный консультант по миграции и миграционной политике в Казахстане и Центральной Азии, Алма-Ата, Казахстан, e-mail: esa2004@mail.ru.

***Аннотация.** В статье определяется потенциальная роль миграции из Узбекистана в качестве ресурса пополнения населения и рабочей силы в России в кратко- и среднесрочной перспективе до 2030 г. Исследование основано на демографических, экономических (положение на рынке труда) прогнозах и анализе политико-правовых факторов, влияющих на миграцию в стране исхода и достижения.*

***Ключевые слова:** международная миграция, ресурс пополнения населения и рабочей силы, трудовая миграция, безвозвратная миграция, образовательная миграция, Узбекистан, Россия.*

CAN MIGRATION FROM UZBEKISTAN FILL IN THE POPULATION AND LABOUR FORCE GAPS IN RUSSIA?

Sadovskaya E. Yu., Candidate of Philosophical Sciences, International Consultant on Migration and Migration Policy in Kazakhstan and Central Asia, Alma-Ata, Kazakhstan, e-mail: esa2004@mail.ru.

***Abstract.** The article overviews a potential role of migration from Uzbekistan as a resource for making up for the population and labor force gaps in Russia in the near- to mid- term until 2030. The study explores the current demographic and economic (labor market) trends and prognosis, and analyses a number of other political and legal factors affecting migration in the country of origin and destination.*

***Keywords:** international migration, population and labour force replenishment, irrevocable migration, labour migration, educational migration, Uzbekistan, Russia.*

***Введение.** Республика Узбекистан (РУз) является демографическим лидером Центральной Азии (ЦА)¹ и в 2020-е гг. сохраняет высокий уровень рождаемости, избыточное аграрное население и высокий уровень безработицы. [1; 2] На протяжении последних 30–35 лет безвозвратная эмиграция из РУз переживала периоды подъема и спада, но сохранила определенный потенциал, в том числе в направлении Российской Федерации (РФ).*

Трудовая эмиграция в Россию увеличивалась с середины 2000-х гг. и развивалась волнообразно, с периодами роста и снижения в годы экономических и финансовых кризисов 2008–2009 и 2014–2015 гг. Пандемия 2020–2021 гг. привела к резкому сокращению эмиграции в РФ и создала много проблем для сотен тысяч мигрантов – оставшихся в РУз и «застрявших» в России, Казахстане, других странах. Все это усугубило существующие в стране социально-

¹ Население Узбекистана на 1 января 2021 г. составляло 34,559 млн человек. [1] Естественное движение населения играет основную роль в приросте народонаселения: в 2020 г. показатели естественного прироста составили: коэффициенты рождаемости – 24,6 промилле на 1000 человек, смертности – 10,8 промилле, естественного прироста – 13,8 промилле. Соотношение городского и сельского населения составляет 50,6% / 49,4%, соответственно; однако, доля городского населения завышена в результате территориально-административных реформ 2009 г. и приданию статуса городских поселений бывшим сельским. В результате общий показатель урбанизации вырос за год с 35,8% до 51,7% [2] Это затрудняет демографические прогнозы и разработку демографической и миграционной политики в Узбекистане.

экономические проблемы, включая рост бедности и безработицы, особенно среди молодежи. [3].

Демографические реалии России, прогнозы ООН [4], научных центров и государственных органов [5–7] на ближайшую, средне- и долгосрочную перспективу уже много лет свидетельствуют о депопуляции и сокращении трудовых ресурсов, что создает угрозы демографической и экономической безопасности страны. Эксперты более двух десятилетий указывают на миграцию как наиболее реалистичный источник пополнения народонаселения РФ² [8; 9]. Страны ЦА, в частности, Узбекистан, рассматриваются как одни из основных потенциальных доноров населения для России.

Является ли таковым Узбекистан в настоящее время, или может стать донором населения и рабочей силы для РФ в будущем? Каковы официальные демографические и экономические (рынок труда) прогнозы РУз, какова позиция государственных органов по поводу эмиграции из страны? О чем свидетельствуют социологические опросы по поводу эмиграционных настроений и трудовой эмиграции? Привлекательна ли Россия для узбекских мигрантов?

Цель данной статьи: определить перспективы миграции из Узбекистана в Россию в ближайшей и среднесрочной перспективе с точки зрения ресурса пополнения населения и рабочей силы в РФ. Для этого изучаются виды миграции, которые могут этому способствовать: безвозвратная, трудовая и образовательная миграция в РФ, а также определяются политико-правовые и другие факторы, влияющие на миграцию в стране исхода и достижения.

Используемые методы и источники. Исследование базируется на междисциплинарном подходе, в первую очередь социологическом и социально-демографическом, политологическом и экономическом. В работе используется общенаучная методология, включающая такие методы и процедуры, как сравнение, факторность, аналогия, экстраполяция и др. Источники информации: данные переписи 1989 г. (это последняя перепись населения в Узбекистане) и текущего учета Государственного комитета РУз по статистике (ГКС) и Федеральной статистической службы РФ (ФСС); ведомственная статистика Министерства занятости и трудовых отношений РУз и Министерства труда и социальной защиты РФ, МВД и других ведомств РУз и РФ; отчеты международных организаций; данные социологических опросов и вторичных исследований.

Результаты. Среди сложного комплекса факторов (экономический, социальный, политический демографический, этнокультурный и др.), определяющих современное социально-экономическое развитие РУз, и одновременно – потенциал миграции, первостепенным является демографический.

Согласно международному прогнозному исследованию демографического развития Узбекистана на период 2018–2050 гг., население страны будет быстро расти и к 2030 г. достигнет 37,8 млн человек, а к 2050 г. – почти 45 млн³ [10, с. 40, 58]. Этот процесс будет сопровождаться значительным изменением возрастной структуры населения, старением, средний возраст населения достигнет около 37 лет. Население продуктивного возраста, представляющее собой потенциальную рабочую силу (мужчины 18–59 лет и женщины 18–54 года)⁴ увеличится с 18,6 до 23,4 млн человек, т. е., на 26%. Согласно среднесрочному прогнозу, указанные возрастные группы составят к 2030 г. 20,981 млн человек [10, с. 41-43]. Такой значительный рост числа лиц трудоспособного возраста потребует создания большого числа новых рабочих мест, поэтому экономические реформы в целом, решение проблем занятости и

² В прогнозном периоде до 2035 г. эксперты прогнозируют сокращение численности рабочей силы в России в наиболее продуктивном возрасте 25–39 лет на 10,5 млн человек, и уровня занятости – с 65,5% до 63,5%. По расчетам, чтобы компенсировать потери, необходимо увеличить в 2–2,5 раза миграционный прирост, который содержится в среднем варианте прогноза Росстата [9].

³ Это в целом совпадает с прогнозом ООН от 2019 г.: население Узбекистана достигнет к 2030 г. – 37,418 млн, а к 2050 г. – 42,942 млн человек по среднему варианту прогноза [4].

⁴ Возраст выхода на пенсию в РУз в настоящее время для мужчин – 60 лет, для женщин – 55 лет.

социального развития будут самыми насущными в повестке дня руководства РУз в ближайшие десятилетия.

С избранием нового президента Ш. Мирзиёева в 2016 г. в стране начались всеобъемлющие реформы: политико-правовые, экономические, социальные, в том числе либерализация миграционной политики. Это, с одной стороны, сократило выезд на постоянное место жительства в другие страны, а с другой стороны, увеличило временную эмиграцию: трудовую и образовательную. Каковы их объемы, характеристики, потенциал превращения временной в постоянную миграцию?

Безвозвратная миграция. Самая крупная эмиграционная волна из Узбекистана наблюдалась во второй половине 1980-х и первой половине 1990-х гг., в первую очередь в Россию [11]. По данным Федеральной службы статистики РФ, начиная с 2010-х гг., иммиграция в РФ росла, равно как и эмиграция из РФ, достигнув пика в 2013–2014 гг. [12]. В эти годы прибыло 118,1 и 131,3 тыс. человек, соответственно, а выбыло максимально в 2014–2015 гг.: 94,2 и 94,9 тыс. человек, соответственно. С тех пор, как положительное сальдо миграции в РФ в обмене с Узбекистаном достигло максимума в 2013 г., оно постепенно снижалось за счет сокращения прибытий в Россию и стабилизации выбытий. В 2015 г. даже сложилось отрицательное сальдо миграции на фоне экономического кризиса и массового выезда из РФ. В 2020 г. из-за пандемии иммиграция в Россию снизилась до 50,2 тыс. человек, эмиграция увеличилась до 45,3 тыс., положительное сальдо миграции составило около 5 тыс. человек, что никак не восполняло депопуляционные потери России [12].

Государственная программа по переселению соотечественников в РФ не внесла большого вклада в компенсацию людских потерь. Она реализуется с 2006 г., и предполагала возвращение до 500 тыс. человек ежегодно. По данным МВД РФ, на 1 июня 2021 г. в страну вернулся 1008,5 тыс. человек. [13]. По данным мониторинга МВД, в 2020 г. по Госпрограмме в РФ прибыло около 61,9 тыс. соотечественников и только 4,4 тыс. человек (7,1%) – из Узбекистана [14]. За два квартала 2021 г. прибыло 34,9 тыс. переселенцев, из них из РУз – 2,5 тыс. человек (7,2%) [15]. Мониторинг выполнения указывает, что доля лиц пенсионного возраста очень мала, т. к. программа ориентируется, прежде всего, на лиц трудоспособного возраста, и, по мнению экспертов, из политики репатриации превратилась в оргнабор рабочей силы.

Социологические исследования по поводу миграционного потенциала в Россию в Узбекистане не проводились. Отдельно следует изучать миграционные настроения среди различных этнических групп, и мы опускаем этот вопрос из-за лимита объема статьи. Имеющиеся прогнозы миграционных потоков из Узбекистана также следует уточнять⁵ [10, с. 49–50].

Рынок труда и трудовая миграция из Узбекистана. Стартовая ситуация на рынке труда в начале реформ в 2017 г. и в предпандемийном году была следующая. По данным Министерства занятости и трудовых отношений РУз, численность рабочей силы в конце 2019 г. составила 19,0 млн человек [16]. Количество занятых в отраслях экономики – 13,54 млн человека. Число занятых в официальном секторе экономики составляло 5,7 млн человек, а занятых в неформальном секторе (без учета трудовых мигрантов) – 5,37 млн человек, или 39,7% от всего числа занятых. Уровень безработицы составил 9,0% (1,33 млн человек нуждались в трудоустройстве), при этом среди женщин он составил 12,8%, а среди молодежи (16–30 лет) – 15%. [16].

Наличие значительной доли безработных, неформально занятых и находящихся в трудовой миграции за рубежом, свидетельствуют о системных проблемах на рынке труда страны. Пока темпы создания новых рабочих мест не успевают за темпами демографического

⁵ Демографы прогнозируют (по среднему варианту) увеличение миграционной убыли населения с – 20,6 тыс. человек в 2020 г. до – 35 тыс. в 2025 г. с ее последующей стабилизацией на уровне – 40 тыс. человек с начала 2030-х гг. и до 2050 г. [10, с. 49–50].

роста и увеличением численности трудоспособного населения⁶. Начатые президентом реформы были прерваны глобальной пандемией: по официальным данным, в июне 2020 г. число безработных в стране выросло с 1,35 млн до почти 2 млн человек [17].

Эти оценки подтвердил президент РУз Ш. Мирзиёев в августе 2020 г. на совещании по поддержке трудовых мигрантов за рубежом: «ежегодно на рынок труда Узбекистана выходят 600-700 тыс. человек. В год создается до 500 тыс. рабочих мест. Следовательно, занятость почти 200 тыс. человек приходится обеспечивать за счет внешней трудовой миграции. Это естественный процесс, через который проходят все развивающиеся страны» [18].

Таким образом, в результате сложного переплетения экономических, демографических и других причин и факторов, миллионы узбекских граждан вынуждены отправляться на заработки за рубеж⁷ [19–21]. Только по официальной оценке Минтруда РУз, их было свыше 2,6 млн в 2019 г. [22].

Не вся трудовая миграция из Узбекистана направлена в Россию, не менее значительный поток направлен в соседний Казахстан, и в последние годы (до пандемии) сотни тысяч узбекистанцев также выезжали на заработки в страны вне СНГ: Турцию, Южную Корею, Объединенные Арабские Эмираты, Китай, другие страны Европы, Азии, Америки [23].

Это подтверждают данные социологических исследований. В опросе, проведенном в РУз в 2018 г., в ответ на вопрос о предпочтительной стране для трудовой миграции, первые три места заняли: Россия – 40,8%, Южная Корея – 30,5% и США – 17,6%. [24]. Выявились значительные региональные различия в предпочтениях: так, мигранты из Ташкента (57,7%) и Самарканда (33,6%) предпочли бы поехать в США [24]. В этих крупнейших городах Узбекистана население имеет более высокий уровень образования и квалификацию, и готовы на издержки, чтобы максимизировать выгоды от поездки.

При этом мигранты из Ташкента хотели бы также поехать работать в Турцию (17,4%), ОАЭ (16,1%), другие развитые страны (24,2%); Россия (14,1%) – на пятом месте. Лидеры среди предпочтений миграции в Россию – Бухарская, Самаркандская, Сурхандарьинская, Ферганская, Хорезмская области, куда хотели бы поехать от 50 до 62% респондентов [24]. Результаты этого и других социологических исследований привлекают внимание к качественным характеристикам рабочей силы, которая едет, или планирует поехать на заработки в Россию: профессионалы предпочли бы поехать на заработки в развитые страны, а менее квалифицированные – в Россию и Казахстан. В действительности, в РФ, РК и другие страны СНГ направляются мигранты всех квалификационных категорий.

Образовательная миграция. Иммиграционный поток в Россию вряд ли будет равномерным и непрерывным процессом, о чем свидетельствует динамика образовательной миграции из Узбекистана и в целом из стран Центральной Азии. Студенческая миграция из РУз возростала в 2010-е гг., достигла максимума в 2019 г. (50,1 тыс. человек), а затем резко сократилась из-за пандемии: до 18,4 тыс. человек в 2020 г. [19; 20]. Число обучающихся сократилось в 2,7 раза, но в 2021 г. (за 6 мес.) вновь возросло почти в два раза (36,0 тыс. человек), составив 71,9% к уровню 2019 г. [21].

В целом из пяти стран ЦА в 2019 г. на всех формах обучения в России обучалось более 241 тыс. человек, из них из Казахстана – 91 тыс. [20]. Но в 2020 г. в Казахстан из зарубежных вузов (большинство – из России, а также из США, Великобритании, Китая, Турции и т. д.) в местные вузы перевелось 15 тыс. человек, а в 2021 г. – более 11 тыс. [25].

⁶ Органами по трудоустройству в 2019 г. было трудоустроено 356,9 тыс. человек, 263,2 тыс. привлечены к общественным работам, 36,7 тыс. человек направлены на профессиональную подготовку. Пособие по безработице получили 57,8 тыс. граждан [16].

⁷ Трудовая миграция из РУз в РФ проходит волнообразно, и ее рост наблюдался во второй половине 2010-х гг. По данным МВД РФ, число узбекских граждан, первично поставленных на миграционный учет с целью работы, увеличилось с 1,434 млн в 2016 г. до 2,107 млн в 2019 г. [19; 20]. Въезд в РФ, в том числе на работу, почти в два раза сократился в 2020 г. из-за пандемии: лишь 1,011 млн узбекистанцев встало на учет. Но их число вновь стало увеличиваться в 2021 г., и за 6 мес. достигло 1,685 млн человек [21].

Правительство РУз в феврале-марте 2020 г. тоже предприняло инициативу по возвращению студентов домой. Министерство высшего и среднего специального образования приняло постановление, согласно которому узбекские студенты, обучавшиеся в других странах ЦА, имели право перевестись в национальные вузы без дополнительных экзаменов. По неофициальным оценкам, в 2020 г. более 36,4 тыс. студентов из различных стран вернулись и были зачислены в 80 узбекских вузов [26]. В таких обстоятельствах остается открытым вопрос: сколько еще узбекских студентов вернется в университеты РФ и сколько останется в Узбекистане? И достаточно ли гибка политика натурализации в России, чтобы «закрепить» молодых выпускников в стране, предоставив возможности трудоустройства, льготные кредиты на жилье, упростить процедуры получения гражданства и т. д.

Политико-правовой и институциональный факторы миграций. Важнейший фактор в миграциях – политико-правовой. Миграционная политика в стране исхода и достижения должна благоприятствовать организованной законной трудовой миграции, создавать адекватные правовые и социальные условия для производительного и эффективного труда, реформировать законодательство с тем, чтобы временные мигранты имели право остаться в стране на постоянное место жительства и стать ее гражданами.

В Узбекистане за короткий срок в 2017–2020 гг. проведен ряд правовых и институциональных реформ в области регулирования миграции, направленных на организацию легальной трудовой миграции и защите прав узбекских мигрантов за рубежом. РУз и РФ подписали в апреле 2017 г. межправительственное соглашение об организованном наборе и привлечении граждан Узбекистана для временной трудовой деятельности в России, но соглашение пока работает слабо.

Главное управление по вопросам миграции (ГУВМ) является структурным подразделением центрального аппарата МВД России, которое обеспечивает выработку и реализацию государственной политики, а также нормативно-правовое регулирование в сфере миграции. ГУВМ МВД РФ не обладает компетенциями в экономических процессах, в частности, проблемах рынка труда, в демографических, в социально-психологических, касающихся адаптации мигрантов, в связи с чем необходимо учреждение нового компетентного гражданского органа (министерства миграции и натурализации).

В период глобальной пандемии, начиная с 18 апреля 2020 г., в РФ стали оперативно приниматься нормативно-правовые акты, которые способствовали легализации мигрантов. Успешным опытом стали так называемые «амнистии» – периодическое продление сроков законного пребывания трудовых мигрантов и других иностранных граждан, в период локдаунов.

Однако, предшествующая рестрикционная миграционная политика РФ в области трудовой иммиграции, медленная реализация российской стороной соглашения об оргнаборе рабочей силы из РУз, привели к тому, что узбекское правительство начало интенсивную политику диверсификации каналов экспорта узбекской рабочей силы и уже подписало документы о сотрудничестве в этой сфере с Турцией, Южной Кореей, Польшей, ОАЭ.

Политико-правовые факторы могут сыграть существенную роль в привлечении мигрантов не только для работы, но и на постоянное место жительства в России. Для этого необходимо принимать законы, упрощающие получение гражданства и совершенствовать правоприменительную практику, дебюрократизировать ее. С этой целью весной 2021 г. доработан и обновлен проект закона «О репатриации», который планируется включить в программу обсуждения проектов в Государственной Думе РФ [28]. Институциональная реформа (учреждение гражданского министерства) может стать важным шагом в повышении эффективности управления миграцией, налаживании стабильного иммиграционного потока, пополняющего убыль населения и рабочей силы в России.

Выводы. В настоящее время миграция на постоянное место жительства в Россию из Узбекистана является малочисленным потоком, положительное сальдо миграции в последние годы снижается. Доля соотечественников из РУз, переехавших по Госпрограмме переселения

в РФ, ежегодно составляет около 7% от общего числа переселенцев из СНГ и не является значительной по объему.

Трудовая иммиграция – самый крупный по численности ежегодный поток мигрантов в РФ. По официальным узбекским оценкам, он достиг в 2,6 млн человек в 2019 г., и способствует пополнению рабочей силы в таких отраслях экономики РФ как строительство, услуги, торговля, транспорт и др.

Миграционный потенциал из Узбекистана для пополнения населения и рабочей силы РФ сохраняется сейчас и на среднесрочную перспективу, через безвозвратную, трудовую и образовательную миграцию (с последующей натурализацией).

На динамике миграций сказывается совокупность внутренних и внешних факторов в обеих странах: демографические тренды, положение на рынке труда, успешность социально-экономических реформ в Узбекистане, характер миграционной политики, международные факторы, как например, ситуация в Афганистане и ЦА регионе и т. д. Развитие законодательства, институтов, дву- и многостороннего сотрудничества существенно влияют на динамику миграции – постоянной и временной.

Необходимо провести серию прикладных социологических исследований в РУз и странах СНГ на предмет их репатриационного, и шире – миграционного потенциала в Россию именно с точки зрения пополнения ее депопуляционных потерь. Такое исследование позволит уточнить этот потенциал, его объемы, этническую и половозрастную структуру.

Для дальнейшего анализа и прогноза необходимо использовать результаты переписи населения в России в 2021 и Узбекистане в 2023 гг.

Список литературы и источников

1. Демография // государственный комитет Республики Узбекистан по статистике [сайт]. URL: <https://stat.uz/ru/ofitsialnaya-statistika/demography> (дата обращения: 26.02.2021).
2. Салиев А. С., Курбанов Ш. Б. Демографическое развитие сельской местности Республики Узбекистан // Социально-экономическая география. Вестник Ассоциации российских географов-обществоведов. 2015. № 1 (4). С. 151–152.
3. Социально-экономические последствия COVID-19 в Узбекистане: перспективы представителей махалли // UNDP Узбекистан [сайт]. URL: <https://www.uz.undp.org/content/uzbekistan/ru/home/library/poverty/socioeconomic-impacts-of-covid-19-in-uzbekistan--perspectives-of.html> (Дата обращения: 8.01.2021).
4. World Population Prospects 2019 // United Nations Department of Economic and Social Affairs [сайт]. URL: <https://population.un.org/wpp/Download/Standard/Population/> (дата обращения: 22.09.2021).
5. Вишневецкий А. Г. Сбережение народа или депопуляция России?: докл. к XI Междунар. науч. конф. Государственного университета – Высшей школы экономики по проблемам развития экономики и общества, Москва, 6–8 апреля 2010 г. / А. Г. Вишневецкий; Гос. ун-т – Высшая школа экономики. – М.: Изд. дом Государственного университета – Высшей школы экономики, 2010. 82 с. ISBN: 978-5-7598-0774-2.
6. Рыбаковский Л. Л. 20 лет депопуляции в России. – М.: Экон-информ, 2014. – 231 с. ISBN: 978-5-9506-1114-8.
7. Демографическая ситуация в России: новые вызовы и пути оптимизации: национальный демографический доклад / Под ред. чл.-корр. РАН, д.э.н. С.В. Рязанцева – М.: Изд-во «Экон-Информ», 2019. – 79 с. DOI: <https://doi.org/10.25629/НС.2020.13.01>. ISBN: 978-5-907057-98-2.
8. Зайончковская Ж. А., Мкртчян Н. В., Трейвиш А. И., Тишков В. А. Перспективы миграции и этнического развития России и их учет при разработке стратегических направлений развития страны на длительную перспективу. – М.: ИЭПП, 2004. – С. 101. ISBN: 5-93255-137-2.

9. *Топилин А. В., Воробьева О. Д., Максимова А. С.* Воспроизводство трудового потенциала в период депопуляции 2019–2035 гг. и компенсирующая роль миграционного фактора // *Статистика и Экономика*. 2019. Т. 16. № 5. С. 70–84. DOI: <https://doi.org/10.21686/2500-3925-2019-5-70-84>.
10. Перспективы демографического развития Республики Узбекистан на период 2018–2050 гг. Основные принципы, предпосылки и результаты прогноза / Авторский коллектив под руководством Д. Ахмедова. – Прага; Ташкент: Фонд ООН в области народонаселения в Узбекистане, 2019. – 62 с. ISBN: 978-9943-5575-6-7.
11. *Population migration in Uzbekistan 1989–1996* / A. Aman; UNHCR. – Tashkent: UN High Commissioner for Refugees, 2000. – 103 p.
12. Демография // Федеральная служба государственной статистики [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/12781> (дата обращения: 30.09.2021).
13. Добро пожаловать домой // МВД Медиа. Информационный интернет-портал. [сайт]. URL: <https://mvdmedia.ru/publications/shield-and-sword/aktualno/dobro-pozhalovat-domoy/> (дата обращения: 28.06.2021).
14. Мониторинг Государственной программы 2020 // Министерство внутренних дел Российской Федерации [сайт]. URL: https://мвд.рф/мвд/structure1/Glavnie_upravlenija/guvm/compatriots/monitoring/2020 (дата обращения: 27.09.2021).
15. Мониторинг Государственной программы 2021 // Министерство внутренних дел Российской Федерации [сайт]. URL: https://мвд.рф/мвд/structure1/Glavnie_upravlenija/guvm/compatriots/monitoring/2021 (дата обращения: 27.09.2021).
16. Уровень безработицы по итогам 2019 года составил 9% // Газета.Uz. Информационный сайт. 06.02.2020. URL: https://мвд.рф/мвд/structure1/Glavnie_upravlenija/guvm/compatriots/monitoring/2021 (дата обращения: 27.09.2021).
17. В Узбекистане из-за пандемии число безработных выросло почти до 2 миллионов // Sputnik Узбекистан. Информационное агентство. 09.06.2020. URL: <https://uz.sputniknews.ru/20200609/V-Uzbekistane-iz-za-pandemii-chislo-bezrobotnykh-vyroslo-rochti-do-2-millionov-14311959.html> (дата обращения: 13.08.2021).
18. Обсуждены вопросы поддержки граждан, трудящихся за рубежом // Президент Республики Узбекистан [сайт]. URL: <https://president.uz/ru/lists/view/3780> (дата обращения: 22.09.2021).
19. Сводка основных показателей деятельности по миграционной ситуации в Российской Федерации за январь – декабрь 2020 года // Министерство внутренних дел Российской Федерации [сайт]. URL: <https://мвд.рф/dejatelnost/statistics/migracionnaya/item/22689548/> (дата обращения: 22.09.2021).
20. Отдельные показатели миграционной ситуации в Российской Федерации за январь – декабрь 2019 года с распределением по и регионам // Министерство внутренних дел Российской Федерации [сайт]. URL: <https://мвд.рф/dejatelnost/statistics/migracionnaya/item/19365693/> (дата обращения: 22.09.2021).
21. Сводка основных показателей деятельности по миграционной ситуации в Российской Федерации за январь – июль 2021 года // Министерство внутренних дел Российской Федерации [сайт]. URL: <https://мвд.рф/dejatelnost/statistics/migracionnaya/item/25487770/> (дата обращения: 22.09.2021).
22. Information on the labour market situation (for 2 quarter of 2020) // Open Data Portal of the Republic of Uzbekistan. URL: <https://data.gov.uz/en/datasets/8912> (дата обращения: 07.07.2020).

23. Лица, въехавшие и выехавшие из Республики Узбекистан в 2019 году // государственный комитет Республики Узбекистан по статистике [сайт]. URL: https://stat.uz/uploads/docs/turizm_dekabr_ru.pdf (дата обращения: 30.09.2021).
24. Результаты социологического обследования по изучению вопросов трудовой миграции, проведенного в декабре 2018 года в регионах Республики Узбекистан // Министерство занятости и трудовых отношений Республики Узбекистан [сайт]. URL: <https://mehnat.uz/ru/article/rezultaty-sociologicheskogo-obsledovaniya-po-izucheniyu-voprosov-trudovoy-migracii-provedennogo-v-dekabre-2018-goda-v-regionah-respubliki-uzbekistan> (дата обращения: 30.09.2021).
25. Более 11 тысяч казахстанцев перевелись из зарубежных вузов в местные // Капитал. Портал деловой информации. 24.09.2021. URL: <https://kapital.kz/gosudarstvo/98974/boleye-11-tysyach-kazakhstantsev-perevelis-iz-zarubezhnykh-vuzov-v-mestnyye.html> (дата обращения: 24.09.2021).
26. Студенты на распутье. Проблемы узбекских студентов, переведенных из вузов соседних стран, остаются нерешенными // Радио Озодлик. 06.02.2021. URL: <https://rus.ozodlik.org/a/31088489.html> (дата обращения: 30.09.2021).
27. Репатриация в Россию соотечественников: предложения к проекту закона // Портал для соотечественников. 18.03.2021. URL: <https://rudiaspora.ru/novosti-v-slaydere/18-03-2021-g-kruglyu-stol-repatriaciya-v-rossi/> (дата обращения: 22.09.2021).

МЕЖДУНАРОДНАЯ МИГРАЦИЯ ИЗ СТРАН СНГ КАК ФАКТОР СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Ходячих С. С., магистр Высшей школы современных социальных наук МГУ им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия, e-mail: seeregey@mail.ru

***Аннотация.** В статье рассматривается влияние международной миграции из стран СНГ на демографическое развитие в условиях демографического кризиса. Международную миграцию из стран СНГ следует рассматривать как важный демографический фактор, способный в краткосрочной перспективе компенсировать демографические проблемы, с которыми Россия сталкивается в настоящее время.*

***Ключевые слова:** международная миграция, демографический фактор, миграционные процессы, демографический кризис, страны СНГ, ЕАЭС, социально-демографическое развитие*

INTERNATIONAL MIGRATION FROM CIS COUNTRIES AS A FACTOR OF SOCIO-DEMOGRAPHIC DEVELOPMENT IN CONTEMPORARY RUSSIA

Khodiachikh S. S., Master, High School of Modern Social Sciences, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia, e-mail: seeregey@mail.ru.

***Abstract.** The article focuses on the impact of international migration from CIS countries on demographic development in the context of the demographic crisis. International migration from the CIS countries should be seen as an important demographic factor, a potential to compensate in the short term for the demographic problems that Russia has at the moment.*

***Keywords:** international migration, migration processes, demographic crisis CIS countries, EE, socio-demographic development, migration policy.*

Значимость международной миграции в современном мире, и в современной России, в частности, чрезвычайно высока, что обусловлено объективными причинами. На миграционных процессах отражаются стремительные изменения, происходящие в современном мире. К таким изменениям можно отнести, например, стремительный рост социальной мобильности людей между странами, о чем свидетельствуют данные ООН, так за 2020 г. количество международных мигрантов составило 280 млн человек, в то время как в 2015 г. их было 247 млн человек, а в 2000 г. – 173 млн человек [1]. Среди других причин – ухудшение демографической ситуации в России. Современная демографическая ситуация в России характеризуется демографами, как демографический кризис, который проявляется в количественных и качественных изменениях в населении.

К качественным изменениям относят изменение репродуктивных установок в сторону «одна семья – один ребенок», а также «семья без детей» и т. д. Как результат, за последние 10 лет динамика суммарного коэффициента рождаемости (СКР) не претерпела значительных изменений. Об этом свидетельствуют данные Росстата, так в 2010 г. СКР составлял 1,567, а в 2020 г. составляет 1,505. За указанный период максимальное значение составило 1,777 в 2015 г. [2]. Важно отметить, что все эти показатели далеки до уровня простого воспроизводства (2,1). За последние четыре года уровень естественной убыли населения вырос на 517% (с 135,8 в 2017 г. до 702,1 в 2020 г.) В текущем году за три месяца уровень естественной убыли увеличился на 202,8% (с 121,7 до 246,8) по сравнению с таким периодом прошлого года [2]. Ситуация такова, что в краткосрочной перспективе, с учетом пандемии COVID–19, улучшить демографическую ситуацию за счет рождаемости не представляется возможным. В связи с этим, ряд российских ученых, таких как В. А. Ионцев, Л. Л. Рыбаковский и др., считают, что

только международная миграция способна повлиять на демографическое развитие России в обозримом будущем.

В связи с этим международная миграция становится чрезвычайно важным демографическим фактором. Благодаря правильному представлению о современной миграционной ситуации, о структуре миграционных потоков, а также осознанию потенциала, которым они обладают для развития страны, мы можем разрешить демографические последствия, с которыми столкнулись.

С учетом вышесказанного, для современной России анализ миграционной ситуации и современных тенденций трудовой миграции из стран СНГ представляется чрезвычайно важным. Именно из стран СНГ в течение трех последних десятилетий происходят интенсивные миграционные потоки в Россию.

Соответственно, подавляющее большинство иностранных граждан, приезжающих в Россию, – из стран СНГ. Количество мигрантов из стран СНГ в 2019 г. составило 21 235 тыс. человек, что составляет 14,5% от численности населения России этого же периода, в 2020 г. – 7 330 тыс. человек. Стоит отметить, что пандемия оказала свое влияние на количество мигрантов, однако структура миграции осталась неизменной. Из них доля по цели въезда «частная» в 2019 г. составляет 67,4%, по цели въезда «работа» составляет 17,9%, доля по цели въезда «деловая» составляет 3,6% [6].

Особенно интенсивно миграционные процессы идут в наиболее бедных экономиках СНГ: Узбекистан, Таджикистан, Киргизстан, Молдова. А также из стран, имеющих сложную политическую ситуацию, таких Украина и, на данный момент, Беларусь.

Лидерство в 2019 г. принадлежит Украине, из этой страны прибыло 8 646,3 тыс. человек, что составляет 20,6% от общего населения. На втором месте Казахстан, из этой страны прибыло 4 324,9 тыс. человек (23,5% от общего населения). На третьем месте Узбекистан, из этой страны прибыло 2 589 тыс. (8,4% от общего населения). Далее Таджикистан – 1 577,1 тыс. человек (16,9% от общего населения). Однако стоит отметить, что иммигранты из Украины и Казахстана приезжают преимущественно с частной целью (7 461,8 тыс. и 3 202,0 соответственно), в то время как из Узбекистана и Таджикистана с целью трудовой деятельности (1 474,2 тыс. и 875,1 тыс. соответственно). Помимо этого, в таких странах, как Казахстан, Узбекистан и Таджикистан, наблюдается непрерывный рост населения, что позволяет предполагать, что миграционные потоки из этих стран будут расти в будущем [6].

Растет уровень безвозвратной миграции, так, например, в 2017 г. на постоянное место жительства из Республики Узбекистан выбыло 52%, в 2018 г. – 47% от общего количества выбывших за рубеж [7]. В 2018 г. гражданство России получили 35,7 тысяч граждан Таджикистана, а в 2019 г. – 44,7 тысяч [8].

Для граждан Армении, Киргизстана, Казахстана, как членов Евразийского экономического союза, в России действуют неплохие преференции, что, безусловно, стимулирует развитие миграции из этих стран, и это наглядно подтверждают данные миграционной статистики. Так, на протяжении последних десятилетий основной страной назначения эмиграции из Армении была Россия, при этом доля России в общем потоке эмиграции постоянно росла – от двух третей в начале 2000-х гг. до 85% в настоящее время.

Пока нет трудовой миграции из Туркменистана в Россию, аналогичной миграции из других стран СНГ, причиной тому является отсутствие безвизового режима. Но, по оценкам экспертов, новым направлением трудовой миграции туркмен может стать Россия. По данным ФСБ России, с 2013 по 2021 гг. Российскую Федерацию посетило 460 тыс. граждан Туркменистана, в том числе с частным визитом – 169,6 тыс. человек. Тем более, что растет доля безвозвратной миграции из Туркменистана. За три года (2017–2019 гг.) численность граждан Туркменистана, получивших гражданство России, выросла на 192% [6].

В связи с этим, международную миграцию из стран СНГ следует рассматривать, как важный демографический фактор, потенциал, способный решить в краткосрочной перспективе те демографические проблемы, которые мы имеем. Тем более, что, например, в

2019 г. общее количество въехавших в Россию, составило 9,7 млн человек, причем больше 60% иностранных граждан въехало в нашу страну по цели въезда частная. Далее приведем данные, характеризующие миграционную ситуацию в России в 2020 г.: наибольшее количество граждан въехало из Украины (3 649 тыс.), Казахстана (1 425,7 тыс.), Узбекистан (720 тыс.) [6].

Становится очевидным тот факт, что, как минимум, в краткосрочной перспективе роль международной миграции из стран СНГ имеет фундаментальный характер. В связи со сложившейся демографической обстановкой в стране, если мы хотим сохранить целостность нашего народа, то необходимо, в первую очередь, привлекать международных мигрантов, имеющих родственную нам культуру. Использовать комплексный подход: активно проводить идею «евразийского пути демографического развития», о которой говорит известный российский демограф В. А. Ионцев, совершенствовать политику привлечения соотечественников как из стран СНГ, так и со всего мира, стимулировать безвозвратную иммиграцию из стран СНГ [1, с. 459–464].

Однако в России существует ряд проблем, связанных с международной миграцией из стран СНГ, которые являются весьма актуальными и требуют решения. Одна из таких проблем – это отсутствие эффективной миграционной политики с учетом регионального аспекта. Как показывает статистика, в 2018 г. почти половина миграционного прироста приходится на Москву (70,4 тыс. человек) и Подмоскowie (63,4 тыс. человек). В то время как в 64 субъектах РФ (75%) наблюдался отрицательный миграционный прирост. Наибольшее количество разрешений на работу оформлено в городе Москва (8 942), Приморском крае (2 210), Республике Татарстан (1 899). Наибольшее количество разрешений, выданных ВКС, приходится на Москву (420), Нижегородскую область (205), Санкт-Петербург (198), Мурманск (192). Наименьшее количество представлено в 25 субъектах РФ, включая такие области ЦФО, как Белгородская, Курская, Тамбовская и т. д. [6]

Причиной тому является тот факт, что миграционная политика в России недостаточно эффективна: не учитывается региональный аспект и нет осознания того потенциала, которым может обладать грамотное управление миграционными процессами для улучшения демографической ситуации в нашей стране. А ведь именно в регионах наблюдается дефицит квалифицированных трудовых ресурсов, и грамотная миграционная политика способна их восполнить.

Существуют бюрократические барьеры для отдельных категорий мигрантов: высококвалифицированных специалистов (ВКС) и представителей редких профессий, менеджеров высокого уровня, аспирантов, ученых, квалифицированные трудовые мигранты. Устранение данных барьеров чрезвычайно важно в условиях современной экономики.

Анализ данных МВД за 2019, 2020, 2021 гг. показывает, что в период действия пандемии COVID-19 количество лиц, работающих не по патентам, выросло. В 2021 г. не восполненная потребность работодателей в работниках из стран СНГ (без разрешительных документов) достигла 281 тыс. человек, не восполненная потребность работодателей в патентниках из стран СНГ достигли 239 тыс. человек (данные МВД России о заключенных договорах) [6].

На наш взгляд, одной из причин теневого рынка труда является отсутствие прозрачного и понятного законодательства, о чем говорит сам президент России [4]. Этим летом специалистами широко обсуждался законопроект «Об условиях въезда (выезда) и пребывания (проживания) в Российской Федерации иностранных граждан и лиц без гражданства» [5], идея которого, бесспорно, нужная, однако на момент августа 2021 г. законопроект нуждается в доработке. В процессе экспертизы нового законопроекта была предпринята попытка создать «клиентский путь иностранного работника» и «работодателя, привлекающего иностранного работника», однако получить полную картину клиентского пути не представилось возможным. В процессе работы возникали значительные трудности при составления клиентских путей как иностранного гражданина, так и работодателя. Не ясно, например, как работодатель привлекает иностранных работников и как он их находит. В итоге иностранный

гражданин, въезжающий в РФ с целью трудоустройства, не в полной мере понимает, что ему конкретно нужно сделать. Стоит также отметить, что в проекте отсутствует статья о ВКС, тогда как современная миграционная политика должна содействовать привлечению данной категории иностранных граждан в приоритетном порядке, чтобы способствовать развитию инновационной экономики России.

Таким образом, международная миграция из стран СНГ является важным фактором не только социально-демографического, но экономического развития Российской Федерации. В современных демографических условиях, с которыми столкнулась Россия в XXI веке, чрезвычайно важно уделять особое внимание миграционным процессам из стран СНГ, содействовать их всестороннему развитию, а также создавать условия для интеграции мигрантов в российское общество.

В связи с этим, особое внимание стоит уделить такой категории миграции как «безвозвратная иммиграция», которая применительно к современной демографической ситуации России является, во-первых, действительно важным демографическим процессом, а во-вторых, фундаментом, способным восполнить демографические потери в населении коренных народов России. Однако стоит подчеркнуть, что решение демографических проблем за счет безвозвратной иммиграции носит исключительно краткосрочный характер вследствие того, что на процессы рождаемости невозможно существенно повлиять в ближайшей перспективе.

Список литературы и источников

1. *Ионцев В. А.* Международная миграция и демографическое развитие. Возможен ли «евразийский демографический переход»? // Миграционные мосты в Евразии: сборник материалов VI Международной научно-практической конференции / редкол.: А. Т. Дантас, С. В. Рязанцев. – Москва, 2014. – С. 459–464. ISBN 978-5-9905959-1-0.
2. Демография // Федеральная служба государственной статистики [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/12781> (дата обращения: 07.09.2021).
3. International Migrant Stock // United Nations Population Division [site]. URL: <https://www.un.org/development/desa/pd/content/international-migrant-stock> (дата обращения: 05.09.2021).
4. «Существующие правила недостаточно ясны»: Путин поручил провести реформу миграционных режимов // Russia Today. Телеканал. 07.03.2020. URL: <https://www.un.org/development/desa/pd/content/international-migrant-stock> (дата обращения: 05.09.2021).
5. Проект федерального закона «Об условиях въезда (выезда) и пребывания (проживания) в Российской Федерации иностранных граждан и лиц без гражданства» // Федеральный портал проектов нормативных правовых актов. URL: <https://regulation.gov.ru/Files/GetFile?fileid=ec025bc8-de2e-4fc7-87a4-27b0eb12611f> (дата обращения 01.09.2021).
6. Единая межведомственная информационно-статистическая система. URL: <https://www.fedstat.ru> (дата обращения 01.09.2021).
7. Государственный комитет Республики Узбекистан по статистике. URL: <https://www.stat.uz/ru/> (дата обращения 01.09.2021).
8. Министерство внутренних дел Российской Федерации. URL: <https://мвд.рф> (дата обращения 01.09.2021).

THE POLICY OF THE RUSSIAN FEDERATION TO ATTRACT MIGRANT CHILDREN TO EDUCATION AS A CONTRIBUTION TO THE FUTURE OF RUSSIA

Rakhmonov A. Kh., Candidate of Economic Sciences, Senior Researcher, Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia, e-mail: abubak.93@mail.ru.

***Abstract.** Education plays a crucial role in supporting third-country migrants to adapt to their new country and culture, as well as in building social relationships in their host communities. Education is the main resource for participation in economic, social, political, and cultural life in the modern society of education and knowledge.*

***Keywords:** migration, education, children, Russia, integration, CIS, school, Russian language.*

ПОЛИТИКА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ПО ПРИВЛЕЧЕНИЮ ДЕТЕЙ-МИГРАНТОВ К ОБРАЗОВАНИЮ КАК ВКЛАД В БУДУЩЕЕ РОССИИ

Рахмонов А. Х., кандидат экономических наук, старший научный сотрудник Института демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия, e-mail: abubak.93@mail.ru.

***Аннотация.** Образование играет решающую роль в поддержке мигрантов из третьих стран в адаптации к новой стране и культуре, а также в построении социальных отношений в их принимающих сообществах. Образование является основным ресурсом для участия в экономической, социальной, политической и культурной жизни в современном обществе образования и знаний.*

***Ключевые слова:** миграция, образование, дети, Россия, интеграция, СНГ, школа, русский язык.*

Around the world, there are impressive, exciting stories related to migration and displacement. They tell about people's aspirations, hopes, fears, expectations, ingenuity, sacrifice, courage, perseverance, success, and spiritual turmoil. These stories remind us that "migration is an expression of the search for human dignity, security, and a better future. This is an element of the social structure, our image as a human family." However, migration and displacement also serve "as a source of new borders within and between States and societies."

Education systems around the world are united by a commitment to "ensure inclusive and equitable quality education and promote lifelong learning opportunities for all" so that "no one is left behind". For all students to have the opportunity to realize their potential, these systems must meet their needs, regardless of the environment they represent. They must also meet the societal need for flexibility and adaptability to migration – a challenge facing countries with both large and small migrant populations.

Due to the education of migrant children, Russia will receive: highly qualified specialists; a decrease in the crime rate in Russia, an increase in demography, etc. Let's look at some of the main contributions of migrant children to the future of Russia through education.

Highly qualified specialists. Highly qualified migrants are becoming an important resource for innovative development, for which developed countries are currently fighting among themselves. At the same time, the need to compete in the conditions of the constant strengthening of the "global race for talent" is a challenge for states.

The economic situation in Russia is such that it needs an inflow of migrants, but not so much workers as skilled ones.

According to the experts of the Hays Global Skills Index, there is a growing shortage of highly qualified personnel in Russia. According to their opinion: "It is expected that the increase in the retirement age will reduce the shortage of specialists to some extent and in the short term will ease the pressure on the labor market. However, to solve this problem in the long term, educational institutions and employers will have to significantly revise training and motivation programs aimed at developing qualified specialists" [1].

The shortage of specialists in Russia may reach 2.8 million people by 2030 [2]. The losses of the Russian economy in this regard are estimated at about 300 billion US dollars [2].

Accordingly, due to the education of migrant children, Russia will receive new highly qualified specialists and can cover this deficit in its labor market. And it's over, it will also make a great contribution to the Russian economy.

Reducing the crime rate in Russia. Due to the education of migrant children, it is possible to reduce the level of illegal migrants and the level of crime on the part of migrants in Russia.

In 2019, 15.7 million foreign citizens came to Russia, and the number of crimes of visitors amounted to 38,563 [3]. In 2018, about 16.3 million citizens of other countries arrived in the country, the number of crimes for that year was 42,676 [3]. According to the Ministry of Internal Affairs of Russia, the number of crimes committed by migrants in Russia in January 2021 increased by 6.1% compared to the same period last year [4].

A comparison of these data with the indicators of previous years suggests that in recent years, crime among migrants has increased.

Demographic crisis

The current difficult demographic situation is such that Russia needs migrants. But the main flows of migrants in Russia come from the CIS countries, and unfortunately the visa-free regime allows them to migrate most often seasonally, that is, without the intention to stay in Russia for a long-term period.

After the collapse of the USSR and the independence of Russia [5], according to the World Bank, the population of Russia in 1991 amounted to 148.4 million people [6]. In 2008, the population of Russia decreased to 142.7 million people, compared to 1991, it decreased by 5.7 million people (up to 4%). In 2020, the population of Russia was 144.1 million people, 4.3 million people less than in 1991 [6]. Every year, in Russia, the birth rate decreases, and the death rate increases. And one of the ways out of this crisis is migrants. As we have noted, migrants from the CIS countries in Russia are most often of a short-term nature, but due to the education of migrant children, it is possible to increase the demography of Russia. As practice shows, after receiving an education in Russia, most often migrant-children do not go to the country of origin, but find a job, and stay in the Russian Federation. Accordingly, due to these children, the demography of Russia will also increase.

Accordingly, based on our research, we can confidently say that the education of migrant-children plays a big role in the Russian economy, demography, politics, culture, etc.

References and sources

1. V Rossii rastet defitsit vysokokvalifitsirovannykh spetsialistov [The shortage of highly qualified specialists is growing in Russia] // Eurasianet. News site. URL: <https://russian.eurasianet.org/в-россии-растет-дефицит-высококвалифицированных-специалистов> (accessed on 15.03.2021). (In Russ.)
2. Defitsit spetsialistov v Rossii dostignet 2,8 mln chelovek k 2030 godu [The shortage of specialists in Russia will reach 2.8 million people by 2030] // RBC. Newspaper. URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/5af06b549a79472ff921935e>(accessed on 20.04.2021). (In Russ.)
3. V MVD raskryli uroven' prestupnosti sredi migrantov [The Ministry of Internal Affairs revealed the crime rate among migrants] // Parlamentskaya gazeta [Parliamentary newspaper]. Newspaper. URL: <https://www.pnp.ru/social/v-mvd-raskryli-uroven-prestupnosti-sredi-migrantov.html> (accessed on 17.05.2021). (In Russ.)

4. Kratkaya kharakteristika sostoyaniya prestupnosti v Rossiyskoy Federatsii za yanvar' 2021 goda [Brief description of the state of crime in the Russian Federation as of January 2021] // Ministerstvo vnutrennikh del Rossiyskoy Federatsii [Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation]. URL: <https://мвд.рф/reports/item/23163626/> (accessed on 20.06.2021). (In Russ.)
5. Raspad SSSR [The collapse of the USSR] // Entsiklopediya «Vsemirnaya Istoriya» [Encyclopedia "World History"] [site]. URL: <https://w.histrf.ru/about> (accessed on 17.04.2021). (In Russ.)
6. World Development Indicators // World Bank Data [site]. URL: <https://databank.worldbank.org/source/world-development-indicators> (accessed on 20.05.2021).

Научное издание

**III ВСЕРОССИЙСКИЙ ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ ФОРУМ
С МЕЖДУНАРОДНЫМ УЧАСТИЕМ**

Материалы форума
(Москва, 3–4 декабря 2020 г.)

ISBN 978-5-89697-373-7

Издатель: Федеральный научно-исследовательский социологический центр
Российской академии наук
Тел.: +7(499)-125-00-79
117218, Москва, ул. Кржижановского, 24/35, корп. 5
E-mail: fnisc@fnisc.ru
URL: <https://www.fnisc.ru/publ.html?id=10027>